

Archeology
культура семантика
историографии

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация
межкультурная коммуникация

Psychology
образовательное пространство
концепт
Linguoculturology
Лингвистика
толерантность

дискурс
SibScript
Literature
studies
Archeology

SibScript
motivation
discourse
Linguistic
picture
of the world
билингвизм
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство

Archeology
linguistic
picture
of the world
concept
национальная политика
психоллингвистика

Psychology
tourism
Archeology
History
cognitive
linguistic
History

Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика

2949-2122 (PRINT)
2949-2092 (ONLINE)

СИБ СКРИПТ

VOL 27 No 6
2025

ТОМ 27 № 6
2025

Psychology
tourism
Archeology
History
cognitive
linguistic
History

Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3. Журнал включен в ЕГПНИ (Белый список) – 4 уровень.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-84812. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission. The Journal is included in "White List" (Russia) – the fourth level.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт
филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р филол. наук, проф., БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера
(Экстер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского Университета
(Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки
и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Ilia V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые авторы и читатели!

В итоговый номер журнала «СибСкрипт» за 2025 год вошли статьи по проблемам археологии, отечественной и всеобщей истории, международных отношений, историографии, источниковедению и методам исторических исследований.

В первом разделе в статье Н. М. Зинякова рассматриваются вопросы микроструктур чугуновых изделий X–XIII вв., выявленных на средневековых городищах Семиречья и Южного Казахстана. Методы металлографического анализа позволили установить особенности состава чугуновых изделий, технологии их отливки и места производства.

Второй раздел посвящен **социальной истории России XIX–XX вв.** С. Н. Подлесных выявил, что у судебного корпуса России в дореформенный период были низкие доходы по сравнению с другими категориями чиновников и это влияло на качество правосудия. Проблема осознавалась властью, но принимаемые меры были малоэффективны. К. З. Рагимова на примере Императорского Томского университета изучила конфликты в преподавательской среде и показала, каким образом и в какой степени корпоративная идентичность влияла на их разрешение. А. Н. Кабацков рассмотрел паттерны социального воображения советских молодых людей в период 1945–1953 гг. Дневники школьников демонстрируют нормы, ценности и символические коды послевоенной молодежи и стремление к идеалу урбанизированного социализма.

В третий раздел включены статьи, посвященные **проблемам отечественной истории, историографии и источниковедения.** А. В. Голубевой на основе комплексного анализа источников удалось систематизировать основные факторы, оказывающие влияние на формирование летней инфраструктуры и посещаемость туристами СТК «Шерегеш». В основе статьи Е. А. Филоновой – анализ материалов газеты «Красная Шория» как источника по истории развития туризма в Горной Шории (1999–2010 гг.). М. Ю. Шляхов и Н. В. Старикова показали особенности формирования отечественной исторической науки в первой четверти XVIII в., взяв в качестве примера произведения князя Дмитрия Кантемира.

В четвертом разделе обсуждаются события Второй мировой войны и историческая память о них. В. А. Бармин рассмотрел организацию и содержание помощи народов китайской провинции Синьцзян Советскому Союзу с лета 1941 г. по октябрь 1942 г., причины прекращения помощи до 1944 г. В статье Т. В. Евдокимовой раскрывается биография первого советского коменданта Берлина и начальника Берлинского гарнизона,

генерал-полковника, Героя Советского Союза Николая Эрasto-вича Берзарина. Работа затрагивает вопрос сохранения исторической памяти о Н. Э. Берзарине в германском и советском обществах в 1950-х – начале 1990-х гг. В. В. Миронов проанализировал опыт исследования военной истории 1939–1945 гг. английскими историками Б. Г. Лиддел Гартом и М. Ховардом.

Авторы раздела **Международные отношения в период холодной войны** рассматривают разные аспекты противостояния и соперничества в годы холодной войны между США и СССР. Ю. В. Варфоломеев проследил эволюцию и трансформацию проектов «анти-СССР». Он считает, что секретные планы военных действий, фултонская речь У. Черчилля, доктрина Даллеса и Гарвардский проект представляли собой долгосрочную западную стратегию в противостоянии с СССР. О. Г. Лекаренко охарактеризовала холодную войну как всеобъемлющее соперничество между США и СССР, включая наукоемкий экономический сектор. В условиях противостояния с СССР Соединенные Штаты в контексте американской поддержки европейской интеграции заключили в 1958 г. соглашение о сотрудничестве между США и Евратомом в области мирного атома. Г. А. Майоров изучил проблему влияния ядерного фактора на военные доктрины СССР и США и сделал вывод, что ядерный фактор качественно изменил природу противостояния СССР и США, создав систему стратегической стабильности, основанную на взаимном сдерживании, и стимулировал развитие механизмов контроля над вооружениями.

Заключительный раздел посвящен актуальным вопросам **всеобщей истории.** И. Н. Ерицян охарактеризовала предпосылки создания Объединенного Совета трудовых коллективов заводов и предприятий Приднестровского региона во второй половине 1980-х гг. По ее мнению, дискриминационная политика центра привела к социально-политической мобилизации населения в Приднестровье и рождению Совета трудовых коллективов. В. П. Румянцев и С. К. Ильин провели сравнение опыта проведения США десантных операций в Ливане в 1958 г. и 1982–1984 гг. Обе операции имели как внешне-, так и внутривнутриполитическую подоплеку. Успешность вторжений в Ливан усилила убежденность правящих кругов США в праве вмешательства в дела других стран.

Выражаем большую признательность всем коллегам, откликнувшимся на наше предложение и приславшим свои статьи!

Dear readers and authors!

This issue of SibScript introduces the latest achievements in archeology, history, international relations, historiography, and historical research methods.

We start with the [history of craft and industry](#): N. M. Zinyakov conducted a micro-analysis of 10th-to-13th-century cast-iron artefacts discovered in Jetisu and Southern Kazakhstan.

After that, we move on to the [Social History of Russia in the 19th and 20th centuries](#). According to S. N. Podlesnykh, the Russian Empire failed to provide sufficient financial support to judges in 1801–1864. This material insecurity eventually eroded public trust in the rule of law as judges could not guarantee unbiased justice. K. Z. Ragimova chose the case of Tomsk Imperial University as a typical provincial university to demonstrate how corporate rituals, shared symbols, and alumni networks mediated professorial disputes before the Russian Revolution of 1917. A. N. Kabatskov studied authentic diaries written by Soviet high school students in 1945–1953. As a result, he managed to reveal some common patterns of social imagination and symbolic codes that transmitted the idea of an urbanized ideal socialism.

The section of [Russian History, Historiography and Source Studies](#) opens with A. V. Golubeva's article that describes the main factors of summer tourism at the Sheregesh Resort, Kemerovo Region. She believes that the focus on the winter season and independent tourism, as well as scattered investments and poor summer marketing, may explain the one-dimensional status of this popular sports and recreation site. E. A. Filonova used local newspapers to trace the rise of Sheregesh Resort against the background of the turbulent social transformations in the Kemerovo Region in 1999–2010. M. Yu. Shlyakhov & N. V. Starikova provided a reappraisal of the early Russian historical studies performed by Prince Dimitrie Cantemir in the 18th century. A devoted Cristian and absolutist, Cantemir saw world history as a chain of powerful empires and envisioned Russia as the successive heir to Rome and Byzantium.

We make a long stop at a major knot of [historical memory](#), i.e., [World War II](#). In this part of our journal, V. A. Barmin analyzes the aid provided by Xinjiang to the USSR in 1941–1942. T. V. Evdokimova explores the biography of Colonel General Nikolai E. Berzarin, the first Soviet commandant of Berlin, and outlines German and Russian historical attitudes to this prominent historical figure in 1950s–1990s. Finally, V. V. Mironov revisits the perspectives on World War II and global military history provided by the English historians Basil H. Liddell Hart and Michael Howard.

Then, we move down the timeline to the [Cold War](#). Yu. V. Varfolomeev studied the evolution of anti-Soviet projects forged by the Global West. He believes that secret military attack plans, Winston Churchill's Iron Curtain speech, the Dulles Doctrine, and the Harvard Project constituted a long-term strategy. O. G. Lekarenko ventured into more knowledge-intensive economic spheres of the Cold War, namely the Euratom Project, which was part of US support for European integration and peaceful nuclear energy. G. A. Mayorov also appraised the nuclear factor: it created strategic stability born of mutual deterrence and stimulated the development of weapon control.

In its closing part, *SibScript* takes you across the globe and up and down the timeline. Here, I. N. Yeritsyan explains that the United Work Collective Council in Transnistria was the logical grassroots resistance to centralized discrimination. V. P. Rumyantsev & S. K. Ilin compared the US operations in Lebanon in 1958 and 1982–1984. The US military presence in the Middle East strengthened the influence of the White House on the Congress while fastening the interventionist logic in the ruling minds.

SibScript thanks the authors for their valuable contributions to domestic and international historic studies. We invite readers to explore fresh evidence, new methods, and reinterpretations that stretch across continents and centuries, connecting local experiences to sweeping historical transformations.

Металл в древних и средневековых культурах Евразии

Микроструктурное исследование чугунных изделий средневековых ремесленников городов

Южного Казахстана и Жетысу

Зиняков Н. М.

973

Социальная история России XIX–XX вв.

Воображаемый советский город в дневниках школьников (1945–1953 гг.)

Кабацков А. Н.

983

Материальное положение судебского корпуса Российской империи и причины, влиявшие на его развитие в 1801–1864 гг.

Подлесных С. Н.

999

Влияние корпоративной вузовской идентичности на разрешение конфликтов в преподавательской среде российских императорских университетов (на примере Императорского Томского университета)

Рагимова К. З.

1015

Проблемы отечественной истории, историографии и источниковедения

Формирование всесезонной инфраструктуры и летнего турпродукта в истории развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш»

Голубева А. В.

1025

Газета «Красная Шория» как источник по истории развития туризма в Горной Шории (1999–2010 гг.)

Филонова Е. А.

1042

Особенности формирования отечественной исторической науки в первой четверти XVIII в. (на примере творчества князя Дмитрия Кантемира)

Шляхов М. Ю., Старикова Н. В.

1053

Ключевые точки исторической памяти. Уроки Второй мировой войны

Помощь народов Синьцзяна Советскому Союзу в его борьбе с агрессией нацистской Германии в 1941–1942 гг. и причины ее прекращения

Бармин В. А.

1065

Николай Эрастович Берзарин – первый советский комендант Берлина (к проблеме сохранения исторической памяти)

Евдокимова Т. В.

1075

Два капитана: Б. Г. Лиддел Гард и М. Ховард и изучение Второй мировой войны в исторической науке Великобритании

Миронов В. В.

1085

Международные отношения в период холодной войны

Проекты «анти-СССР» в эпоху холодной войны: стратегия и трансформация

Варфоломеев Ю. В.

1095

Американская поддержка Евратома в контексте технологического противостояния США и СССР в 1950-е гг.

Лекаренко О. Г.

1104

Влияние ядерного фактора на формирование военных доктрин СССР и США в период холодной войны

Майоров Г. А.

1112

Всеобщая история

Объединенный Совет трудовых коллективов Приднестровья: причины и предпосылки возникновения

Ерицян И. Н.

1124

Интервенционализм как инструмент внешней политики США на Ближнем Востоке в период холодной войны (на примерах операций в Ливане в 1958 г. и 1982–1984 гг.)

Румянцев В. П., Ильин С. К.

1142

Указатель статей, изданных в 2025 г. в журнале «СибСкрипт»

1152

Metal in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia

Cast-Iron Items Made by Urban Artisans in Medieval Southern Kazakhstan and Jetisu: Microstructural Study

Zinyakov N. M. 973

Social History of Russia in the 19th and 20th centuries

Imaginary Soviet City in High School Students' Diaries (1945–1953)

Kabatskov A. N. 983

Financial Status of Judges in the Russian Empire: Progress and Factors in 1801–1864

Podlesnykh S. N. 999

Effect of Corporate Academic Identity on Faculty Conflicts: Tomsk Imperial University

Ragimova K. Z. 1015

Russian History, Historiography and Source Studies

Sheregesh Sports and Tourist Complex: Retrospective Analysis of Year-Round and Summer Tourism

Golubeva A. V. 1025

History of Tourism Development in Shoria Mountains (1999–2010): *The Krasnaya Shoria* Newspaper

Filonova E. A. 1042

Russian Historical Science in the First Quarter of the 18th Century: Prince Dimitrie Cantemir

Shlyakhov M. Yu., Starikova N. V. 1053

Milestones of Historical Memory: Lessons of World War II

Xinjiang's Aid to the USSR during World War II in 1941–1942 and Why It Was Terminated

Barmin V. A. 1065

Nikolai E. Berzarin, the First Soviet Commandant of Berlin: Preserving Historical Memory

Evdokimova T. V. 1075

Two Captains of British Historical Science: Basil Henry Liddell Hart and Michael Howard in World War II Studies

Mironov V. V. 1085

International Relations during the Cold War

Anti-USSR Projects during the Cold War: Strategy and Evolution

Varfolomeev Yu. V. 1095

American Support for Euratom in the Context of Technological Confrontation between the USA and the USSR in 1950s

Lekarenko O. G. 1104

Nuclear Factor and Its Impact on Military Doctrines of the USSR and the USA during the Cold War

Mayorov G. A. 1112

General History

United Work Collective Council of Transnistria: Causes and Background

Yeritsyan I. N. 1124

Interventionism as an Instrument of US Foreign Policy in the Middle East during the Cold War:

Operations in Lebanon in 1958 and 1982–1984

Rumyantsev V. P., Ilin S. K. 1142

Index of articles published in 2025 in the journal "SibScript"

1157

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xmrqhm>

Микроструктурное исследование чугунных изделий средневековых ремесленников городов Южного Казахстана и Жетысу

Зиняков Николай Максимович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 8116-8975

<https://orcid.org/0009-0005-8258-8147>

Scopus Author ID: 57212142834

nmzinyakov@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию микроструктур чугунных изделий X–XIII вв., обнаруженных в процессе раскопок средневековых городов Тальхир (городище Талгар), Койлык (городище Антоновское), Отрар и городища Каракемер, расположенных на территории Жетысу и Южного Казахстана. Материалом для изучения послужила большая коллекция чугунных отливок (41 экз.), включающая различного рода котлы, жаровни, лемехи, а также ступку, светильник и чугунную чушку. В процессе изучения изделий использованы методы металлографического анализа, с помощью которых определен фазовый состав чугуна и его свойства, выявлены особенности чугунолитейного производства в данном регионе. Результаты исследования показали, что доминирующим материалом в изготовлении литых изделий выступал низкоуглеродистый доэвтектический белый чугун, из которого отлито 2/3 предметов настоящей коллекции. Реже мастера-литейщики использовали половинчатый чугун и эпизодически – серый, эвтектический и заэвтектический белый чугун. Основой технологии производства изученных изделий являлась отливка чугуна в формы. Этот метод позволял создавать объемную продукцию из чугуна различных размеров и конфигурации. Выплавка чугуна осуществлялась в небольших домницах вблизи железорудных месторождений. Получаемая готовая продукция в виде слитков поступала на городские рынки и в последующем использовалась мастерами-литейщиками.

Ключевые слова: микроструктурное исследование, чугун, металл, средневековый город, Южный Казахстан, Жетысу

Цитирование: Зиняков Н. М. Микроструктурное исследование чугунных изделий средневековых ремесленников городов Южного Казахстана и Жетысу. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 973–982. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-973-982>

Поступила в редакцию 21.09.2025. Принята после рецензирования 26.11.2025. Принята в печать 28.11.2025.

full article

Cast-Iron Items Made by Urban Artisans in Medieval Southern Kazakhstan and Jetisu: Microstructural Study

Nikolay M. Zinyakov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 8116-8975

<https://orcid.org/0009-0005-8258-8147>

Scopus Author ID: 57212142834

nmzinyakov@rambler.ru

Abstract: The article describes the microstructure of cast-iron tools made between the 10th and the 13th centuries in the medieval cities of Talkhir (Talgat), Koylyk (Antonovka), Otrar, and Karakemer in the regions of Jetisu (*Semirechye*) and Southern Kazakhstan. The pool of cast-iron objects consisted of 41 pieces: cauldrons, braziers,

plowshares, etc., as well as a mortar, a lamp, and a cast-iron block. The method of metallographic analysis made it possible to reveal the phase composition and properties of the local cast iron. Two thirds of the items were made of low-carbon pre-eutectic white cast iron, followed by half-cast iron and, occasionally, gray, eutectic, and super-eutectic white iron. The production technology relied on casting iron into molds, which resulted in volumetric iron goods of various sizes and configurations. The iron was smelted in small blast furnaces located near iron ore deposits. The resulting ingots were sold on city markets and subsequently used by founders.

Keywords: microstructural study, cast iron, metall, medieval city, Southern Kazakhstan, Jetisu

Citation: Zinyakov N. M. Cast-Iron Items Made by Urban Artisans in Medieval Southern Kazakhstan and Jetisu: Microstructural Study. *SibScript*, 2025, 27(6): 973–982. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-973-982>

Received 21 Sep 2025. Accepted after peer review 26 Nov 2025. Accepted for publication 28 Nov 2025.

Введение

За время многолетних раскопок средневековых городов на территории Казахстана собрана богатая коллекция изделий из железа, стали и чугуна, датируемая X–XIII вв., состоящая из бытовых предметов, орудий труда, вооружения, сырьевых материалов. Коллекция изделий из железа и железоуглеродистых сплавов уникальна с точки зрения ее количественного и качественного состава. Данное обстоятельство делает ее выдающейся и для археологии Казахстана, и для всего региона Центральной Азии. Особое место в коллекции занимают чугунные изделия, изучению которых посвящена настоящая статья.

Чугунами принято называть железоуглеродистые сплавы с содержанием углерода свыше 2,14 %. Чугун отличается от стали не только высокой концентрацией углерода, но и специфическими технологическими свойствами: более низкой температурой плавления, хорошими литейными качествами, малой способностью к пластической деформации (не поддается ковке). Указанные свойства чугуна обусловили его основное использование – он стал важнейшим литейным материалом в эпоху Раннего и Зрелого Средневековья в металлообрабатывающем производстве городских обществ Среднего и Дальнего Востока, включая территории Южного Казахстана и Жетысу.

С точки зрения истории техники чугунолитейного производства чрезвычайно важен тот факт, что изделия из чугуна в виде котлов встречаются уже в раннем железном веке, а в эпоху Средневековья существенно расширяется их номенклатура и чугунные отливки становятся массовым явлением. И с этого времени чугунолитейное дело выступает одним из важнейших секторов городской экономики. Вместе с тем есть основания полагать, что высоко-развитое чугунолитейное производство было одной

из важнейших предпосылок появления и развития на Среднем Востоке, включая территории Южного Казахстана и Жетысу, технологии знаменитой булатной стали, производимой до XVIII в. исключительно мастерами Востока.

До настоящего времени чугунолитейное производство древнего населения Казахстана остается малоизученным. Известны лишь несколько микроструктурных и химических анализов чугунных отливок саков Жетысу эпохи раннего железного века [Зиняков 1989], аналитические данные представительной коллекции чугунных котлов из Центральной Азии эпохи Шейбанидов [Зиняков 2023], ряда средневековых изделий археологических памятников северо-восточного Жетысу [Савельева и др. 1998], а также небольшая серия анализов химического состава и микроструктуры чугуна из коллекции городища Талгар, опубликованная корейским ученым Дж. С. Парком и соавторами [Park, Savelieva 2021; Park, Voyakin 2007].

В археологии сопредельных территорий известны публикации, посвященные частным проблемам развития чугунолитейной отрасли производства. Так, в статье Л. А. Солнцева и соавторов излагаются результаты технологических исследований нескольких фрагментов котлов, найденных в ходе раскопок греко-варварского поселения в Северном Причерноморье [Солнцев и др. 1969]. Аналитические данные чугунных котлов из раскопок Болгара опубликованы Е. М. Ефимовой [Ефимова 1958]. Итоги полевых исследований металлургических комплексов Болгарского городища и их научная интерпретация произведены Ю. А. Семыкиным [Семыкин 1996]. Отдельные сюжеты технологии чугунолитейного производства монголов на основании материалов Каракорума рассматриваются в работе

Н. Н. Тереховой [Терехова 1974]. Деятельность дальневосточного металлургического центра исследовалась В. Д. Ленковым [Леньков 1974; 2022]. Материалы городов Золотой Орды представлены в научных трудах С. В. Рязанова [Рязанов 1997; 2009]. Аналитические данные чугунных котлов Поволжья и Прикамья VIII–XIV вв. опубликованы в монографии К. А. Руденко [Руденко 2000]. Результаты анализа чугунных находок, обнаруженных на ряде археологических памятников степной Евразии (на территории Республики Молдова, Донецкого региона, Пензенской области, Монголии), представлены в публикациях [Винничек, Винничек 2024; Кравченко 2022; Постикэ, Бакуменко-Пырнэу 2020; Park et al. 2020a].

Наконец, чугун являлся исходным компонентом шихты, используемой при плавке легендарной тигельной булатной стали [Зиняков 2024]. Связанные с этим сложным металлургическим процессом проблемы нашли отражение в статье [Park et al. 2020b].

Выяснение истории и механизмов перехода от сыродутного металлургического процесса к доменному производству, установление специфики их на изучаемой территории требует достаточного количества аналитических данных. Определенным вкладом в создание такого банка данных служат материалы данной статьи.

Методы и материалы

В настоящей работе металлографическому исследованию подвергнуто 41 изделие из чугуна X–XIII вв., происходящее из средневековых городов Тальхир (городище Талгар), Койлык (городище Антоновское), Отрар и городища Каракермен: котлы (33 предмета), жаровни (3 экз.), ступка (1 экз.), лемехи – наконечники пахотных орудий (3 экз.), один светильник и одна чугунная чушка (форма чугунного слитка, используемая как исходное сырье для переплавки при производстве различных изделий из чугуна).

В процессе исследования использованы методы металлографического структурного анализа образцов металла, взятых из представленных находок. Методы металлографии успешно используются в отечественной науке с середины XX в. [Колчин 1953]. Суть их состоит в изучении образцов под микроскопом, выявлении структуры металла и на этой основе – химического состава, физических и механических свойств изделий. Совокупность полученных данных позволяет в конечном счете определить исходный материал и технологию литейного производства.

Металлографический анализ включает три важнейших метода: макро- и микроструктурное исследование и измерение микротвердости металла. Для визуальной фиксации производилось фотографирование макро- и микроструктур при увеличении в 25, 100, 200 и 400 раз. Описание структур осуществляется с использованием принятой в металлографии терминологии. Металлографический анализ выполнен автором в лаборатории металлографии кафедры археологии Кемеровского государственного университета с использованием металлографического микроскопа Neophot 21 и микротвердомера ПМТ-3.

Результаты

Результаты металлографических исследований рассмотрены отдельно по каждой категории изделий.

Котлы. Для микроструктурного анализа отобрано 33 экземпляра. Большая часть изделий сохранилась фрагментарно (рис. 1, 1–6). Среди фрагментов представлены обломки стенок, ножек, придонные части, венчики. Изученные находки – полусферической формы, на некоторых из них фиксируется по две ручки на плечиках. Верхний диаметр сосудов колеблется от 30 до 52 см. Толщина стенок составляет 3–4 или 4–6 мм. Стенки сосудов у венчика утолщены. На внешней поверхности прослеживаются вертикальные литейные швы, свидетельствующие об использовании составных литейных форм. Судя по сохранившимся следам, литниковый канал располагался у дна. Некоторые из сосудов украшены рельефным растительным и геометрическим орнаментом.

В рассматриваемой коллекции особо выделяется импортный котел китайского производства, обнаруженный на городище Талгар (рис. 1, 2). Котел – плоскодонный, с прямыми невысокими стенками и слегка отогнутым венчиком. Сосуд снабжен двумя вертикальными прямоугольными ручками.

Металлографический анализ образцов металла котлов показал, что по микроструктуре они относятся к четырем видам.

Большая часть материала (26 экз., или 78,7 %) составляет группу белых доэвтектических (низкоуглеродистых) чугунов (рис. 2, 1). Весь углерод в сплавах находится в химическом соединении с железом (Fe_3C). Белый чугун характеризуется значительной хрупкостью. Жидкий металл плохо заполняет литейные формы. Отливаемые изделия дают значительную усадку, а при остывании часто

образуются трещины. При анализе травленных шлифов выявлен характерный тип микроструктуры, состоящей из пластинчатого или тонкодисперсного перлита и цементита (17 экз.), реже – из пластинчатого или тонкодисперсного перлита и небольших участков ледеburита (9 экз.). К этому же виду чугуна относится и железоуглеродистый сплав импортного китайского сосуда (рис. 2, 2), хотя по химическому составу он выделяется наименьшей концентрацией углерода (около 2 %). Металл небольшого количества котлов (4 экз.) содержит включения сульфидов. Известно, что сера является вредной примесью, ухудшающей механические и литейные качества чугуна [Лахтин, Леонтьева 1980: 150]. В одном случае в структуре металла зафиксировано наличие незначительного количества фосфидной эвтектики. Принято считать, что фосфор относится к полезным примесям, улучшающим литейные качества чугуна [Там же].

Среди изученных котлов один, с городища Кара-Кемир, отлит из заэвтектического (высокоуглеродистого) белого чугуна. Концентрация углерода в нем составляет более 4,3 %. Структурные составляющие сплава: первичный цементит и ледеburит.

Третья группа – находки (5 экз.), состоящие из половинчатого, частично графитизированного чугуна. Структура половинчатого чугуна содержит и связанный углерод в виде цементита, и углерод в эвтектической смеси аустенита и цементита (в ледеburите), и свободный углерод в виде графита (рис. 2, 5). Микроструктуры металла этих находок представляют несколько вариантов. Вариант первый – микроструктура образцов металла состоит из перлита, ледеburита, цементита, пластинчатого, гнездообразного или розеточного графита. Другой вариант микроструктуры – перлит, цементит, пластинчатый и гнездообразный графит. Третий вариант – перлит, ледеburит и розеточный графит. В микроструктуре двух образцов зафиксировано наличие фосфидной эвтектики, что свидетельствует о повышенной концентрации фосфора в металле.

Наконец, четвертый вид – серый чугун, зафиксирован у одного котла из Койлыка. Металл имеет характерный серый излом, т.к. почти весь углерод в нем находится в форме свободного графита. Структурные составляющие железоуглеродистого сплава: феррит, графит, незначительное количество цементита и включения фосфидной эвтектики. Форма графитных включений – пластинчатая и гнездообразная (рис. 2, 6).

Жаровни. Микроструктурному анализу подвергнуто три больших фрагмента. Один из них представляет собой крупный фрагмент придонной части жаровни (рис. 1, 8). Дно жаровни – вогнутое, стенки – прямые, слегка отогнуты наружу. На поверхности стенки и на днище фиксируется литейный шов. Диаметр днища составляет 34 см. Толщина стенок – 3 мм. Другой фрагмент жаровни состоит из короткого, отогнутого наружу венчика, невысокого тулова и части дна. На внешней поверхности фиксируется вертикальный литейный шов. Срез венчика скошен внутрь. Диаметр жаровни – 28 см. Толщина стенок – 6 мм. Третий фрагмент – верхняя часть жаровни, состоящая из короткого венчика, уступом переходящего в тулово. Венчик имеет небольшой козырек с внутренней стороны. Срез венчика – прямой. Диаметр жаровни – 38 см. Толщина стенок – 3–4 мм. Микроструктурное исследование образцов металла выявило однородную структуру доэвтектического белого чугуна, состоящую из пластинчатого перлита и цементита.

Ступка. Изделие имеет форму небольшой чаши с толстыми стенами и приплюснутым дном (рис. 1, 7). Внутренность дна – вогнутая. Венчик срезан горизонтально. Диаметр венчика – 12,5 см. Высота – 3,7 см. Микроструктура шлифа состоит из пластинчатого перлита и цементита.

Лемехи. Изучено три экземпляра. Отлитые из чугуна лемехи являлись наконечниками пахотных орудий (рис. 1, 11, 12). Их крепление производилось на конце деревянного полоза. Каждый лемех представляет собой мощную конусовидную втулку, занимающую почти всю длину изделия, и окаймляющее ее рабочее лезвие. Поперечное сечение втулок близко к овалу. Стенки основания втулок довольно массивные. Во втулках имеются отверстия для крепления. Конструкция изделия предполагала использование рала с наклонным поломом. Расширяющаяся коническая втулка удерживала рабочее лезвие по отношению к почве под углом 25–30°, что обеспечивало необходимое рыхление почвы. Металлографический анализ показал, что два изделия отлиты из белого эвтектического и заэвтектического чугуна. Микроструктура одного из них (рис. 2, 3) состоит из ледеburита, другого (рис. 2, 4) – из ледеburита и первичного цементита. Третий лемех (анализ 1726) изготовлен из половинчатого чугуна. В структуре шлифа, наряду с перлитом, цементитом и ледеburитом, фиксируются отдельные зоны графита.

Рис. 1. Чугунные изделия: 1 – котел, Талгар, анализ 1402; 2 – китайский котел, Талгар, анализ 1721; 3–6 – фрагменты котлов, Талгар, анализ 2256, 1401, 1722, 1760; 7 – ступка, Талгар, анализ 2255; 8 – фрагмент жаровни, Талгар, анализ 1761; 9 – светильник, Отрар, анализ 1970; 10 – слиток, Талгар, анализ 2327; 11, 12 – лемехи, Талгар, анализ 1726, 1396

Fig. 1. Cast iron products: 1 – a cauldron, Talgar, analysis 1402; 2 – a Chinese cauldron, Talgar, analysis 1721; 3–6 – cauldron fragments, Talgar, analyses 2256, 1401, 1722, 1760; 7 – a mortar, Talgar, analysis 2255; 8 – a brazier (fragment), Talgar, analysis 1761; 9 – a lamp, Otrar, analysis 1970; 10 – an ingot, Talgar, analysis 2327; 11, 12 – ploughshares, Talgar, analyses 1726, 1396

Светильник. В археологических коллекциях городов Южного Казахстана и Жетысу преобладают керамические светильники. Из числа металлических известен один чугунный светильник из слоя X–XII вв. города Отрар (рис. 1, 9). Он состоит из конусовидной емкости для жира и сообщающегося с ней невысокого желоба. В желобе размещался фитиль для горения. Аналитические данные свидетельствуют, что отлит светильник из белого доэвтектического чугуна. Структурные составляющие сплава: перлит, цементит и участки ледебурита.

Чугунная чушка – слиток металла, предназначенный для дальнейшей переработки. Обнаружена на городище Талгар (рис. 1, 10). Чугунный слиток – массивный, сложной формы. Внешняя поверхность – плоская, подчетыреугольная, слегка пузырчатая, с многочисленными раковинами. Нижняя поверхность состоит из двух блоков с округлыми краями, соединенных толстой перемычкой. Слиток отлит в специальной изложнице. Форма слитка рассчитана так, чтобы при необходимости он мог быть разделен пополам посредством простого удара посередине.

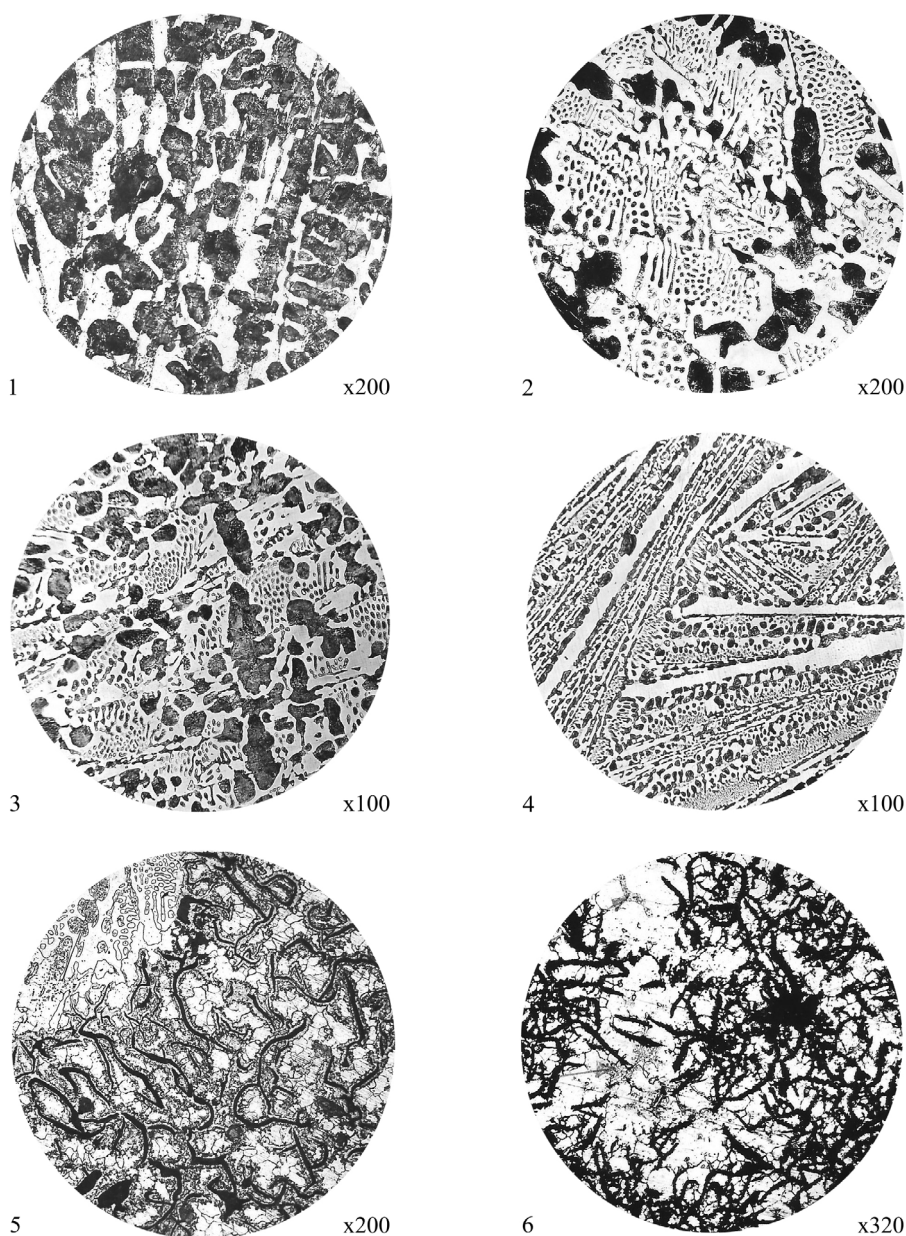

Рис. 2. Микроструктуры:
1 – фрагмент котла, Талгар, анализ 1722; 2 – китайский котел, Талгар, анализ 1721; 3 – лемех, Талгар, анализ 1395; 4 – лемех, Талгар, анализ 1396; 5 – фрагмент котла, Койлык, анализ 1849; 6 – фрагмент котла, Койлык, анализ 1959

Fig. 2. Microstructures: 1 – a cauldron (fragment), Talgar, analysis 1722; 2 – a Chinese cauldron, Talgar, analysis 1721; 3 – a ploughshare, Talgar, analysis 1395; 4 – a ploughshare, Talgar, analysis 1396; 5 – a cauldron (fragment), Koylyk, analysis 1849; 6 – a cauldron (fragment), Koylyk, analysis 1959

Длина внешней поверхности – 24 см, ширина – 20 см, высота – 6 см. Микроструктурный анализ выявил, что материалом слитка является половинчатый чугун, структура которого состоит из сорбитообразного перлита (около 50 %), пластинчатого графита, колоний ледебурита и цементита. По данным химического анализа, концентрация углерода в металле составляет 4,33 %.

Для характеристики химического состава чугунов шесть образцов были подвергнуты стилоскопическому анализу. Результаты анализа свидетельствуют, что по химическому составу изученные образцы относятся к нелегированным чугунам. Содержание таких легирующих элементов, как марганец, хром, никель, фиксируется лишь в виде следов. В двух образцах отмечена повышенная концентрация кремния – около 1 %. В прочих образцах содержание кремния представлено также в виде следов.

Обсуждение

Изучение микроструктур чугунных изделий городов Казахстана X–XIII вв. показало, что их основная масса (75,6 %) изготовлена из белого доэвтектического (низкоуглеродистого) чугуна. Эти данные хорошо согласуются с исследованиями Дж. С. Парка, химический анализ 5 образцов которого показал концентрацию углерода в чугунах в пределах от 2,87 до 4 % [Park, Voyakin 2007: tab. 1]. Интересно отметить, что аналогичную структуру имеет и импортный котел китайского производства. Незначительную группу (17 %) составляют находки, отлитые из половинчатого чугуна. Встречающиеся в коллекции иные модификации структур металла, отличные от основных типов, единичны, их появление, скорее всего, носит случайный характер, связанный со сбоями в технологии производства.

Проведенные металлографические исследования железоуглеродистых сплавов, а также данные других археологических источников позволяют реконструировать процесс получения чугуна и отливки изделий. Известно несколько способов получения чугуна: 1) прямое получение сплавов в ходе восстановления железа из руд в металлургическом горне; 2) в результате двухстадийного процесса (на первой – восстановление железа, на второй – науглероживание и плавка в специальных тиглях); 3) переплавка чугунного лома.

Есть основания полагать, что на изучаемой территории первый способ имел доминирующее значение. Прямое получение чугуна непосредственно

в ходе восстановительного металлургического процесса, по имеющимся данным, технологически было близко обычному сыродутному способу получения железа. В пользу этого свидетельствуют не только логика развития металлургической техники и технологии, но и известные этнографические материалы Якутии [Струминский 1948] и Индии [Перси 1869].

Согласно теории прямого получения железа из руд, металлургическая доменная печь, служившая для выплавки чугуна, явилась конечным этапом эволюции сыродутного горна [Байков 1948: 340]. Сущность указанной эволюции состояла в следующем. Сыродутный процесс получения железа протекал в невысоких (до 1 м) печах. Небольшой объем рабочей камеры обуславливал на всем рабочем пространстве температуру около 1000 °С. Под влиянием этих условий в восстановительной атмосфере составные части железной руды (окислы железа и пустая порода) претерпевали химические превращения: значительная часть окислов железа восстанавливалась до металлического железа, другая же часть соединялась с пустой породой, превращаясь в легкоплавкий железистый шлак [Там же]. В техническом отношении сыродутный способ получения железа очень несовершенен. Одним из главных его недостатков был малый масштаб производства металла. Это предопределяло дефицит железа и его дороговизну. Стремления мастеров изменить неблагоприятные обстоятельства привели к увеличению размеров сыродутных печей, главным образом высоты. Это с неизбежностью повлекло за собой трансформацию физико-химических процессов, происходивших в рабочей камере. При увеличении высоты печи температурные режимы верхних и нижних ее частей стали значительно различаться. При достаточной высоте в верхней части печи температура падала (на значительном протяжении) ниже 1000 °С. Так как механизм восстановления окислов железа происходит при нагреве более 700 °С, а процедура шлакования может совершаться только при температуре выше 1100–1200 °С, то с увеличением шахтных печей произошло разделение процессов восстановления железа и шлакования: они стали протекать на различных горизонтах печи и в разные периоды времени: сначала в верхних частях рабочей камеры происходили процессы восстановления, с течением времени в нижних горизонтах активизировались процессы шлакования. Восстановленное

металлическое железо, находясь длительное время в соприкосновении с углем, успевало значительно науглеродиться, превращаясь в сравнительно легкоплавкий чугун с содержанием углерода более 2 %, находившийся в расплавленно-жидком состоянии [Там же: 341–343]. Таков был механизм преобразования сыродутного процесса в доменный процесс, использование которого привело к открытию и последующему употреблению чугуна, т.е. железоуглеродистого сплава, содержащего более 2,14 % углерода и имеющего специфические физические свойства. Первоначально домницы были не очень высокими: металлурги получали доэвтектический (низкоуглеродистый) белый чугун, а при определенных (исключительных) условиях (избыток угля, медленное дутье) – и другие виды чугуна.

Несмотря на то что открытие чугуна в Средней Азии относится к эпохе раннего железного века [Массон 1947: 23], однако обыденным материалом, наравне с железом и сталью, он стал только в развитии Средневековья, когда нашел широкое применение в изготовлении лемехов для пахотных орудий, котлов, ступ, жаровень, светильников, а также литой булатной стали.

Достаточно распространенным способом получения чугуна ввиду его простоты и дешевизны являлась переплавка чугунного лома, и средневековые ремесленники при наличии необходимого сырья им не пренебрегали.

Процесс производства изделия начинался с изготовления литейной формы. Она представляла собой полость, повторяющую форму планируемого изделия, в которую заливали расплавленный чугун, чтобы он затвердел и приобрел необходимую конфигурацию. Этнографические материалы Средней Азии свидетельствуют, что формы делались из глины и песка разного состава [Джаббаров 1971: 79]. Готовая форма, как правило, состояла из двух полуформ – верхней и нижней. При изготовлении изделий сложной конфигурации, таких как котлы, светильники и т.п., использовали составную верхнюю полуформу. Количество створок литейной формы определяется по так называемым литейным швам и обычно колеблется от двух до четырех.

Чугунное литье предполагало серийное производство изделий, поэтому ремесленники уделяли достаточно много внимания изготовлению необходимых партий рабочих форм и последующему длительному процессу их сушки. После подготовки форм мастера приступали к отливке

продукции. Температура расплава (по диаграмме состояния сплавов *железо – углерод*) при литье котлов превышала 1300–1400 °С, а лемехов – 1130–1300 °С [Гуляев 1963: 115]. Жидкий чугун подводился со стороны днища сосудов и со стороны втулки лемехов, где обычно располагался литник, служивший для подачи расплавленного металла.

Заключение

Металлографический анализ чугунных изделий средневековых городов Жетысу и Южного Казахстана позволяет прийти к следующим выводам. В чугунолитейном городском производстве мастера использовали преимущественно доэвтектический белый чугун с содержанием углерода от 2,14 до 4,3 %. Находки, отлитые из этого вида чугуна, составляют 75,6 % всей коллекции. В число отливок этой категории входят 26 котлов (23 талгарских, один китайский, по одному котлу из Койлыка и городища Каракемер), ступка из городища Талгар и светильник из Отрара. Небольшую группу (17 %) составляют изделия, изготовленные из половинчатого чугуна. К ним относятся 3 котла и лемех из Талгара, 2 котла из Койлыка и чугунная чушка из Талгара. Редкие (в одном экземпляре), вероятно, случайные находки отлиты из серого чугуна (котел из Койлыка), эвтектического белого чугуна (лемех из городища Талгар) и заэвтектического белого чугуна (котел из городища Каракемер).

Выплавка чугуна осуществлялась в небольших металлургических печах (домницах). В ходе одностадийного процесса плавки железной руды металлурги (чугунщики) сразу получали чугун, минуя стадию переплавки кричного железа. Температура плавления металла зависела от содержания углерода и достигала рабочего уровня в диапазоне 1130–1400 °С. Производство осуществлялось вблизи железорудных месторождений. Готовая продукция в виде чугунных чушек поставлялась на городские рынки. В процессе производства чугуна металлурги использовали определенные апробированные эмпирические знания, позволявшие получать запланированные железоуглеродистые сплавы. Отклонения от проектируемого качества получаемого чугуна могли происходить от непредвиденных изменений ключевых параметров доменной плавки: количества и качества подаваемой в печь шихты, интенсивности дутья, температуры нагрева печи, химического состава продуктов плавки, состояния металлургической печи.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Байков А. А. Прямое получение железа из руд. In: Байков А. А. *Собрание трудов*. Л.: АН СССР, 1948. Т. 2. С. 339–355. [Baykov A. A. Direct extraction of iron from ores. In: Baykov A. A. *Collected works*. Leningrad: AS USSR, 1948, vol. 2, 339–355. (In Russ.)]
- Винничек В. А., Винничек К. М. Изучение чугунных котлов и шлаков с Саловского I селища. *Поволжская археология*. 2024. № 2. С. 61–67. [Vinnichek V. A., Vinnichek K. M. Study of cast iron pots and slags from Salovska I settlement. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2024, (2): 61–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.61.67>
- Гуляев А. П. *Металловедение*. 4-е изд., перераб. М.: Оборонгиз, 1963. 464 с. [Gulyaev A. P. *Metallurgy*. 4th ed. Moscow: Oborongiz, 1963, 464. (In Russ.)]
- Джаббаров И. М. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX – начале XX века. (Историко-этнографический очерк). *Занятия и быт народов Средней Азии*. Л.: Наука, 1971. Вып. 3. С. 72–146. [Dzhabbarov I. M. The craft of the Uzbeks of southern Khorezm at the end of the 19th – early 20th century. (Historical and ethnographic essay). *Occupations and life of the peoples of Central Asia*. Leningrad: Nauka, 1971, iss. 3, 72–146. (In Russ.)]
- Ефимова Е. М. Черная металлургия города Болгара. *МИА*. 1958. № 61. С. 292–335. [Efimova E. M. Ferrous metallurgy of the city of Bolgar. *MIA*, 1958, (61): 292–335. (In Russ.)]
- Зиняков Н. М. Чугунолитейное производство саков Семиречья. *Маргулановские чтения*, отв. ред. К. М. Байпаков. Алма-Ата, 1989. С. 129–131. [Zinyakov N. M. The foundry production of the Sakas in Jetisu. *Margulan Readings*, ed. Baypakov K. M. Alma-Ata, 1989, 129–131. (In Russ.)]
- Зиняков Н. М. Чугун Искера – столицы Сибирского Ханства как источник по истории ремесла и торговли Центральной Азии эпохи Шейбанидов. *Маргулановские чтения – 2023: науч.-практ. конф.* (Алматы, 30–31 марта 2023 г.) Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2023. Т. 1. 294–305. [Zinyakov N. M. The cast iron of Isker – the capital of the Siberian Khanate as a source on the history of crafts and trade in Central Asia of the Shaybanid era. *Margulan Readings – 2023: Proc. Sci.-Prac. Conf.*, Almaty, 30–31 Mar 2023. Almaty: IA Margulan, 2023, vol. 1, 294–305. (In Russ.)]
- Зиняков Н. М. Глава «О железе» минералогического трактата ал-Бируни как источник для интерпретации микроструктур тигельных (булатных) сталей эпохи Средневековья. *Археология Казахстана*. 2024. № 4. С. 343–358. [Zinyakov N. M. Chapter "On Iron" of al-Biruni's mineralogical treatise as a source for interpretation of microstructures of crucible (bulat) steels of the medieval epoch. *Kazakhstan Archeology*, 2024, (4): 343–358. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52967/akz2024.4.26.343.358>
- Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: АН СССР, 1953. 260 с. [Kolchin B. A. *Ferrous metallurgy and metalworking in Ancient Russia (pre-Mongol period)*. Moscow: AS USSR, 1953, 260. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxzzgd>
- Кравченко Э. Е. Новые сведения о находках чугуна на золотоордынских памятниках Донецкого региона. *Археология евразийских степей*. 2022. № 4. С. 198–205. [Kravchenko E. E. New findings of cast iron in the Golden Horde monuments of the Donetsk region. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei*, 2022, (4): 198–205. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.4.198.205>
- Лахтин Ю. М., Леонтьева В. П. *Материаловедение*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Машиностроение, 1980. 493 с. [Lakhtin Yu. M., Leontyeva V. P. *Materials Science*. 2nd ed. Moscow: Mashinostroenie, 1980, 493. (In Russ.)]
- Леньков В. Д. Металлургия и металлообработка чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука, 1974. 170 с. [Lenkov V. D. *Metallurgy and metalworking of the Jurchens in the XII century: Shaiginskiy settlement*. Novosibirsk: Nauka, 1974, 170. (In Russ.)]
- Леньков В. Д. Черная металлургия Бохая. К вопросу организации и технологии производства. *Россия и АТР*. 2022. № 1. С. 55–67. [Lenkov V. D. Bohai iron and steel industry. On the organization and technology of production. *Russia and the Pacific*, 2022, (1): 55–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2022-1-55-67>

- Массон М. Е. К истории металлургии Узбекистана. Ташкент: Госиздат УзССР, 1947. 65 с. [Masson M. E. *On the history of metallurgy in Uzbekistan*. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1947, 65. (In Russ.)]
- Перси Д. Руководство к металлургии. Т. 2. История железного дела. Физические и химические свойства железа. Его сплавы. Железные руды. Плавка руд прямо на железо. СПб.: Тип. А. И. Траншея, 1869. 554 с. [Percy J. *Metallurgy. Vol. 2. History of ironmaking. Physical and chemical properties of iron, alloys, and iron ores. Smelting ores directly into iron*. St. Petersburg: Tip. A. I. Transhelia, 1869, 554. (In Russ.)]
- Постикэ Г. И., Бакуменко-Пырнэу Л. В. Чугунные котлы Шехр Ал-Джедида (Орхейул Векь – Старый Орхей, Республика Молдова). *Поволжская археология*. 2020. № 2. С. 181–199. [Postică G. I., Bacumenco-Pîrnău L. V. Cast iron cauldrons uncovered in Shehr Al-Djedid (Orheiul Vechi / Old Orhei, Republic of Moldova). *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2020, (2): 181–199. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.181.199>
- Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 157 с. [Rudenko K. A. *Metal tableware of the Volga region and the Kama region in the 13th–14th centuries*. Kazan: Reper, 2000, 157. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzgmrk>
- Рязанов С. В. Производство железа и чугуна на Юном Урале в XIV–XVI вв. *Золотоордынское наследие: Междунар. науч. конф.* (Казань, 17 марта 2009 г.) Казань: Фэн, 2009. Вып. 1. С. 479–487. [Ryazanov S. V. Production of iron and pig iron in the Young Urals in the 14th–16th centuries. *The Golden Horde heritage: Proc. Sci. Conf.*, Kazan, 17 Mar 2009. Kazan: Fen, 2009, iss. 1, 479–487. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tcyfln>
- Рязанов С. В. Чугунолитейное производство в городах Золотой Орды (итоги предварительного исследования). Уфа: УНЦ РАН, 1997, 68 с. [Ryazanov S. V. *Iron foundry in the cities of the Golden Horde: A preliminary study*. Ufa: UNC RAS, 1997, 68. (In Russ.)]
- Савельева Т. В., Зиняков Н. М., Воякин Д. А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. Алматы: Гылым, 1998. 228 с. [Savelyeva T. V., Zinyakov N. M., Voyakin D. A. *Blacksmithing in the Northeastern Jetisu region*. Almaty: Gylym, 1998, 228. (In Russ.)]
- Семькин Ю. А. Черная металлургия и металлообработка на болгарском городище. *Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов литейщиков*, отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. С. 88–146. [Semykin Yu. A. Ferrous metallurgy and metalworking at the Bolgar Settlement. *The city of Bolgar: The craft of metallurgists, blacksmiths, and foundry workers*, ed. Fedorov-Davydov G. A. Kazan: G. Ibragimov Institute of History, Language, and Literature, 1996, 88–146. (In Russ.)]
- Солнцев Л. А., Степанская Р. Б., Фомин Л. Д., Шрамко Б. А. О появлении изделий из чугуна в Восточной Европе. *Советская археология*. 1969. № 1. С. 69–78. [Solntsev L. A., Stepanskaya R. B., Fomin L. D., Shramko B. A. First cast iron items in Eastern Europe. *Sovetskaia arkheologiya*, 1969, (1): 69–78. (In Russ.)]
- Струминский М. Я. Кустарный способ добычи руды и выплавки из нее железа якутами. *Сборник материалов по этнографии якутов*. Якутск: Якут. гос. изд-во, 1948. С. 49–59. [Struminsky M. Ya. Artisanal method of mining ore and smelting iron from it by the Yakuts. *Studies on the ethnography of the Yakuts*. Yakutsk: Yakut. gos. izd-vo, 1948, 49–59. (In Russ.)]
- Терехова Н. Н. Технология чугунолитейного производства у древних монголов. *Советская археология*. 1974. № 1. С. 69–78. [Terekhova N. N. The technology of iron foundry production among the ancient Mongols. *Sovetskaia arkheologiya*, 1974, (1): 69–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yswiqx>
- Park J.-S., Honeychurch W., Chunag A. Technologies and complexities as reflected in small cast iron fragments recovered from medieval sites in eastern Mongolia. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2020a, 12. <https://doi.org/10.1007/s12520-020-01030-4>
- Park J.-S., Rajan K., Ramesh R. High-carbon steel and ancient sword-making as observed in a double-edged sword from an Iron Age megalithic burial in Tamil Nadu, India. *Archaeometry*, 2020b, 62(1): 68–80. <https://doi.org/10.1111/arcm.12503>
- Park J.-S., Savlieva T. The implication of technology and chronology reflected in a group of iron objects from the archeological site at Talgar in southeast Kazakhstan. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2021, 13(8). <https://doi.org/10.1007/s12520-021-01414-0>
- Park J.-S., Voyakin D. Cast iron technology at Medieval Talgar in Kazakhstan. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social Sciences*, 2007, (1): 223–230.

© 2025. Кабацков А. Н.

Воображаемый советский город

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/yvzrep>

Воображаемый советский город в дневниках школьников (1945–1953 гг.)

Кабацков Андрей Николаевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

eLibrary Author SPIN: 6686-3537

<https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>

Scopus Author ID: 57200106463

afsnik@gmail.com

Аннотация: Целью исследования является выявление паттернов социального воображения советских подростков, находящихся на пороге самостоятельной взрослой жизни, в послевоенный период. Изучение их представлений о собственной роли в коллективном проекте будущего позволит определить и более точно описать место социализма в жизненном мире советской молодежи. Хронологические рамки исследования охватывают период 1945–1953 гг. Материалом послужили дневники советских школьников. Сельский подросток, горожанин и новосибирская школьница по-разному писали о собственной жизни. Институционально их объединили принадлежность к советской школе и принятие ценностей модернизирующегося общества: культ образованности, естественная вертикальная мобильность и дифференцированность социальной среды. Клара Гайнутдинова объединила принцип рационализма с идеализированными представлениями о справедливости и равноправии, заимствованными из этического кодекса коммунистической утопии. Николай Козаков создал утопичный нарратив о наукограде, частью которого он видел себя в качестве крупного исследователя природы и фауны. Арнольд Ожегов мечтал о замене политических догм на драматический текст, одним из авторов которого хотел видеть себя. Он был бы не против отредактировать социальную структуру социалистического общества, поставить литераторов и интеллектуалов (властителей разума) на места, занятые партийными начальниками. Фундаментом работы социального воображения представителей послевоенной молодежи стали нормы, ценности и символические коды урбанизированной версии советской культуры. Их коллективный социализм мог быть только городским.

Ключевые слова: советское общество, послевоенный социализм, социальное воображение, советский город, социализация школьника, эго-документы, личные дневники

Цитирование: Кабацков А. Н. Воображаемый советский город в дневниках школьников (1945–1953 гг.). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 983–998. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-983-998>

Поступила в редакцию 19.03.2025. Принята после рецензирования 23.06.2025. Принята в печать 23.06.2025.

full article

Imaginary Soviet City in High School Students' Diaries (1945–1953)

Andrey N. Kabatskov

Perm State National Research University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 6686-3537

<https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>

Scopus Author ID: 57200106463

afsnik@gmail.com

Abstract: The article outlines the patterns of social imagination in diaries of Soviet high school students in 1945–1953. Their descriptions of a collective future revealed the role of socialism in the life world of a young Soviet citizen. Although the general self-attitude seemed to depend on the rural or urban environment, the subjects were united by the same Soviet school and shared the values of a progressive society, i.e., education, natural

vertical mobility, differentiated social environment, etc. Diarist 1 combined the principle of rationalism with some idealized concepts of justice and equality borrowed from the ethical code of the communist utopia. Diarist 2 created a utopian narrative about a science city, where he would be a prominent researcher of flora and fauna. Diarist 3 dreamed of replacing political dogmas with a dramatic text of his own authorship, and party bosses with writers and intellectuals. The post-war youth based their future projections on the norms, values, and symbolic codes of urbanized Soviet culture: their collective socialism was of entirely urban nature.

Keywords: soviet society, post WWII socialism, social imagination, Soviet city, socialization of schoolchildren, ego documents, personal diaries

Citation: Kabatskov A. N. Imaginary Soviet City in High School Students' Diaries (1945–1953). *SibScript*, 2025, 27(6): 983–998. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-983-998>

Received 19 Mar 2025. Accepted after peer review 23 Jun 2025. Accepted for publication 23 Jun 2025.

Введение

Модернизация превращала советские города в большие индустриальные центры. Урбанизация, насаждаемая большевиками, должна была полностью вытеснить и заменить дореволюционные формы городской жизни с их мещанской культурой, социальным расслоением общности, смешением разных укладов хозяйствования. Теоретик советской урбанизации Н. А. Милютин заявлял: «принципы анархо-капиталистической системы строительства городов должны быть решительно нами отвергнуты, как ни в какой мере не соответствующие задачам переустройства нашего хозяйства и быта на социалистических началах. Мы должны решительно отказаться от "исторического наследства", как от чего-то не подлежащего критике» [Милютин 1930: 9]. Советский город задумывался как передовое, образцовое пространство для жизнедеятельности рабочих коллективов.

На деревню большевики смотрели немного иначе. Негативным фактором считался индивидуализм крестьян, ориентированных на ведение единоличного хозяйства. Колхозы должны были коренным образом изменить жизненный мир крестьян: «Не стоит у нас вопрос, выгодны ли колхозы или невыгодны. Не стоит и не будет стоять. Не стоит и не будет стоять вопрос, целесообразно ли для отдельных колхозников быть в колхозе или нецелесообразно, потому что этот вопрос тоже решен»¹. Естественный коллективизм рабочих противопоставлялся стремлению крестьян к автономии, самостоятельному ведению собственного хозяйства. И хотя в идеологической проекции коммунистического общества статусы

рабочих и крестьян уравнивались, в реальной практике хозяйствования городские рабочие занимали более высокий статус в иерархии трудящихся.

Индустриализация и политические кампании 1930-х гг. повлияли прежде всего на городскую среду. Даже известная массовая операция 1937–1938 гг. по приказу № 00447 в отдельных регионах принимала ярко выраженный социальный перекося: «Особенностью операции [в Прикамье] стала ее антирабочая направленность» [Лейбович и др. 2009: 137]. Город становился эпицентром социалистических преобразований по различным основаниям.

С. Коткин обратил внимание, что интенсивные преобразования большевиков приобретают черты социальной игры, моделируя взаимодействие власти и рабочих. Ключевым элементом для интеграции рабочих в политическую реальность большевиков стал особый язык. Обязательства по освоению «большевистского языка», как их представил исследователь, далеки от представлений о «двоемыслии» поздней советской эпохи. Единство слов и практик, активной деятельности по реализации пафосного смысла политической риторики большевиков было ядром преобразований социальной среды заводских поселков. «Заводской цивилизацией» метафорично обозначил «советскую версию индустриального города» американский историк [Коткин 2001: 282]. В таком подходе замечен отзвук известной теории урбанизма как «образа жизни» [Wirth 1938; по: Николаева 1997: 188]. Некоторые из последователей С. Коткина постарались отделить его идеи от урбанистической традиции, сделав радикальный

¹ Сталин И. В. Речь 2 июля 1934 г. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 4. 1934–1936*. М.: РОССПЭН, 2002. С. 186–192. URL: <https://istmat.org/node/39964> (дата обращения: 03.03.2025).

акцент на политическом давлении власти, принуждавшей людей изменить собственное мышление – «революционизировать сознание» [Хелльбек 2017]. Впрочем, такие радикальные подходы не получили массовой поддержки в среде отечественных историков.

В то же время его идея «большевизации языка», ориентирующая на социальные преобразования, была позитивно принята научным сообществом. Она органично дополнила работы по изучению сталинского общества, которые в то время вели отечественные исследователи.

Н. А. Купина обратила внимание на формирование особого «тоталитарного языка», который связывал идеологические установки с репрессивной политикой сталинизма [Купина 1995]. По мнению О. Л. Лейбовича, фактор языка следует учитывать не только в идеологическом контексте. В сталинском обществе язык стал инструментом социального управления, связующим звеном между проективным образом социализма и реальными практиками людей, его деятельность основа закреплена в мифологической картине мира: «В новой мифологической картине мира образы вербализованы. В ней господствует слово. Вождь говорит. Вождь пишет. Вождь читает. Тем самым он создает модель для подражания. Те, кто умеют связно произносить и записывать слова, занимают вершину социальной иерархии. <...> Слово – главный поступок. В пределах советской культуры жить означает вписывать новые строчки. Умереть – значит быть стертым из текста. Управлять – редактировать текст. Слово самоценно и самодостаточно. Это не знак вещи, события, или действия. Напротив, вещи, события, действия есть лишь несовершенные воплощения слов» [Лейбович 1998: 91–92]. В современных работах идеи С. Коткина по-прежнему востребованы.

Другой вектор обсуждения советского градостроительства задали работы Е. Добренко о культурной топографии соцреализма. Метафора города-сада, предложенная им в 1998 г., позволяла соотнести советский опыт градостроительства с дореволюционной риторикой о перспективах развития городов. Тем самым советский город рассматривался как этап реализации модернистского проекта со своими специфическими особенностями, характеризующими общий характер сталинской модернизации в качестве властной и репрессивной политики преобразования общества [Добренко 1998].

Концепция культурной оболочки, в терминах Е. Добренко – политэкономии соцреализма, введенная им в качестве первоосновы социальных изменений, подчеркивала значимость ценностей, норм и символическую аранжировку сталинской политики. Методологически это сближает исследования Е. Добренко с работами М. Вебера по истории протестантских ценностей, ставших ядром предпринимательской культуры [Вебер 1990].

За тридцать лет дискуссии о социалистическом городе прошли заметный путь. Современные исследователи стремятся учитывать теоретико-методологические основания исходной полемики, дополняя их конкретной исторической интерпретацией. На примере обзора уральских промышленных центров А. А. Фокин подчеркивает потенциал возможностей, который создавала политика большевиков по преобразованию природной среды, городского типа культуры и социальной идентичности в единый социалистический миф – составную часть коммунистической утопии [Фокин 2017: 15–73; 2022: 95]. В предложенном им очерке отчетливо прослеживается идея синтеза методологических подходов С. Коткина и идей о соцреализме как культурном феномене, развивавшаяся Е. Добренко.

Интересный ракурс дискуссий о социалистическом городе предлагает И. Н. Стась. Он отмечает, что позитивистски настроенные исследователи буквально восприняли тождество идей большевиков и практику преобразований городов. Идеальный город большевиков был утопическим проектом, но помимо этого он был прежде всего ценностным ориентиром: «В сталинском индустриальном социуме мечты о городе представляли собой советский вариант известного понятия "право на город", разработанного А. Лефевром и Д. Харви как ответ капиталистическому урбанизму» [Стась 2022: 87].

Исторические исследования, обращающиеся к архивным материалам, иллюстрирующим процесс становления и развития советского города в его реальном социальном воплощении, подтверждают разрыв между проектами городского социализма и реальными условиями повседневной жизни горожан. В исследованиях А. В. Мордвинцевой на примере Тюмени показано, что усилия местных властей, возобновивших курс на возведение социалистического города в послевоенные годы, так и не были полностью реализованы: «Была разработана схема генерального плана застройки города, формируется его идеологический центр – на территории

бывшего базара, создается центральная площадь, на которой должны были расположиться главные советские и партийные учреждения. Но в течение всех послевоенных лет Тюмень так и не приобрела набор обязательных для крупных городов признаков, таких как высокий уровень развития системы магистралей и городского массового транспорта, преобладание застройки в 4–5 этажей и выше, большая площадь зеленых насаждений» [Мордвинцева 2010: 17]. Схожие замечания можно привести и для уральского индустриального центра: «Молотов 1930–50-х годов едва ли являлся городом в подлинном смысле этого слова. Замкнутые "заводоцентрические" мирки рабочих поселков образовывали суммативное, а не системное целое, единое социальное пространство не сложилось» [Кабацков, Казанков 2010: 135].

Возвращение к методологии междисциплинарных исследований, предлагаемое современными исследователями советской урбанизации, смотрится наиболее плодотворным подходом для изучения сложной реальности советского прошлого. Интерпретация декларируемых в сталинском политическом тексте идей как догматической программы социальных преобразований выглядит наивно. На юбилейной конференции по Истории сталинизма О. Л. Лейбович, делая доклад, вспоминал дискуссию Н. Бухарина и И. Сталина в конце 1920-х гг. о теоретическом и практическом подходе к формированию ориентиров хозяйственной политики. Он подчеркивал сложный характер взаимоотношений между доктринальной и прагматической составляющей сталинских идей [Лейбович 2023].

Политический текст большевиков воздействовал прежде всего на коллективное воображение, ориентируя его согласно политическим трактатам. По мнению Д. Бранденбергера, большевики создавали нацию по лекалам модернистской культуры. В отличие от европейской традиции объединяющим культурным кодом стала не общность истории, а воображаемая солидарность на базе коллективизма, через которую и пролегал путь в коммунистическое будущее [Бранденбергер 2009: 57–80]. Таким образом, важнейшим фактором социальной деятельности в советском государстве становился разрыв с прошлым, с его социальным и культурным наследием. К. Мангейм считал, что конфликт с настоящим ради воображаемого будущего характерен для утопического типа мышления: «будем считать

утопичной лишь ту "трансцендентную по отношению к действительности" ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей» [Мангейм 1994: 164].

Настоящее исследование опирается на понимание советской урбанизации как культурного и политического проекта, нацеленного на преобразование социальной реальности. Следует различать область идей и социальной активности, но одновременно понимать, что для сталинского прошлого политический текст не должен анализироваться отчужденно от практической деятельности. Автор отдает себе отчет, что единство слов и мысли не является естественным, что накладывает ограничения на круг исторических источников, которые могут быть использованы для продуктивных исследований в указанном методологическом ключе. Источникам и техникам работы с ними уделено пристальное внимание ниже.

Цель исследования – выявить паттерны социального воображения советских подростков, находящихся на пороге самостоятельной взрослой жизни, в послевоенный период. В дихотомии будущего и прошлого, новаций и традиций они чувствительнее других групп ориентировались на перспективы грядущего. Изучение их представлений о собственном месте в коллективном проекте будущего позволит определить и более точно описать место социализма (и коммунизма) в жизненном мире советской молодежи.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1945–1953 гг. Последствия войны серьезно отразились на послевоенной жизни. Победа над фашизмом породила надежды и завышенные, по мнению властей, ожидания от социализма. В 1952 г. И. В. Сталин вынужден был одернуть нетерпеливых сторонников ускоренной модернизации: «к нам, как руководящему ядру, каждый год подходят тысячи новых молодых кадров, они горят желанием помочь нам, горят желанием показать себя, но не имеют достаточного марксистского воспитания, не знают многих, нам хорошо известных, истин и вынуждены блуждать в потемках. Они ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи советского строя, и они начинают воображать, что Советская власть "все может", что ей "все нипочем", что она может уничтожить законы науки,

сформировать новые законы»². Стоит отметить, что ожидания порождала властная пропаганда, усиленно воспевавшая успехи послевоенного восстановления городов, промышленности и народного хозяйства в целом.

Для исследования социального воображения требуются особые исторические источники. Они должны сохранить голоса людей, показать их мечты и образы грядущего. Такой материал содержат эго-документы, прежде всего дневники. Н. В. Суржикова подчеркивала уникальные возможности источников личностного происхождения: «характеризующиеся неперенным присутствием "Я" и не столько запечатлевающие исторические события, сколько создающие их ощущения» [Суржикова 2014: 6]. В них можно найти и образы воображаемого, и оценки с рефлексией, и откровенные суждения автора эго-текста о собственной жизни.

Дневниковое повествование вряд ли следует упрощать до частных заметок о жизни отдельного индивида. «Документ репрезентирует нас (наше знание, опыт, память или личность как таковую) в социальном мире постольку, поскольку *удостоверяет*» [Каспэ 2013: 8]. Дневник, содержащий прямую речь автора, гораздо ближе напоминает голос человека, чем иные исторические источники. Рассказ о себе, принимающий форму дневника, уже нечто большее, чем набор реплик в жанре самоописания. По мнению Ю. П. Зарецкого, автобиографические рассказы следует рассматривать в качестве особого рода социальных действий [Зарецкий 2021: 24]. Они представляют собой не просто текст, а коммуникативный код, позволяющий автору выстраивать общественные отношения с Другим. Интерпретация такого кода историком позволяет увидеть социального субъекта в его связи с социальным временем, культурой, общественными отношениями и поступками, которые определяют ритмы существования реальных групп и сообществ. Специфику работы с эго-документами наилучшим образом воплощают методологические ориентиры микроистории, когда частное и локальное, проявляющееся в жизни отдельных людей, рассматривается исследователем в качестве признака более масштабных тенденций, общественных настроений или коллективных установок.

М. М. Бахтин отмечал применительно к литературным текстам неразрывную связь авторского

замысла или речевой воли говорящего с объективным миром, предметно-смысловой стороной действительности [Бахтин 1986: 447]. В дневниках можно наблюдать, как регулярные заметки создают автобиографический нарратив о социальном герое. В чередующихся изо дня в день записях автор формирует набор сюжетов и ролей для диалогического рассказа о собственной субъектности, активно проявляя свое социальное Я. Повествование избирательно согласуется с ценностями и нормами большого общества. Герой повествования превращается в свидетеля и соучастника событий коллективной истории.

Следует отметить, что в привлекаемых дневниках поэтический текст, через который И. Л. Савкина анализировала в свое время автодокументальные тексты в русской литературе, выражен слабо [Савкина 2007: 90–100]. Впрочем, идеологический нарратив также не воспроизводится буквально. Эту особенность дневников отмечала И. М. Савельева, обратившая внимание на то, что даже в условиях войны советские люди «оставили не похожие на официальные ни в плане выражения, ни в плане содержания свидетельства личного экстремального опыта» [Савельева 2021: 29–30]. Отход от клишированного текста подчеркивает ценность такого рода источников. Как показала С. Бойм, советская субъектность не предполагает слепого воспроизводства догматических формул [Бойм 2002: 290–292]. Напротив, отход автора дневника от клише, жанровое и стилевое разнообразие, накладываясь на сюжеты повседневной жизни, позволяют историку воссоздать социальную реальность прошлого в ее социальной глубине: «Эпоха в дневнике Т. Д. Рожковой проявлялась прежде всего в тех риторических моделях и шаблонных образах, которые были актуальны в свое время и явно или неявно служили образцами для дайаристики. Именно поэтому фрагменты дневника Т. Д. Рожковой и напоминают то страницы любовного романа, то репортажные зарисовки, то дорожные записи, то поэтические тетради, то пейзажные этюды и т. д., и т. п.» [Лебедеко, Суржикова 2021: 178].

Дневники представителей разных сообществ и групп могут обладать собственными особенностями. Михаил Мельниченко, известный популяризатор дневников в качестве исторических свидетельств, отмечал во время круглого стола «Как работать

² Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. In: Сталин И. В. *Сочинения*. М.: Писатель, 1997. Т. 16. С. 159.

с дневниками?»: «у подростков Оттепели был такой особый кураж, когда они как будто хотели выше головы прыгнуть на письме дневников. <...> И он начинает "врубать" или большого писателя, или великого мыслителя. Но мы можем доверять этому документу, если мы поймем, кому автор хочет понравиться» [Сивков 2024: 33–34]. Дневник зависит и от социальной позиции автора, и от условий, которые дали импульс к его производству как текста. Дневники блокадного Ленинграда, как отмечала И. М. Савельева, обладают высокой согласованностью содержания записей по темам, опыту и эмоциям [Савельева 2021]. Единство коммуникативного текста особенно ярко проявляется в изданной по инициативе М. Мельниченко и сайта «Прожито» подборке дневников «Я знаю, что так писать нельзя...: Феномен блокадного дневника»³. Указанные факторы учитывались в процессе работы с дневниками подростков.

Для анализа утопического мышления при помощи дневников требуется, чтобы их авторы были знакомы с политическими текстами своей эпохи, активно читали и свободно ориентировались в языке, используя его для описания различных ситуаций, передавая на страницах дневника с его помощью собственные оценки ситуаций и эмоциональную реакцию. Благодаря избирательности автора эго-текста, отделяющего значимое от незначимого, автобиографический рассказ превращается в повествование о социальном времени, т.е. его смысл выходит за рамки индивидуальной судьбы.

Результаты

Привлеченные дневники объединяет ряд характеристик. Их авторы, молодые люди, обучались в старших классах советской школы, любили читать, по собственной инициативе активно знакомились с новинками советской литературы и кино. Они не сомневались в превосходстве советского государства. В анализируемых текстах есть рассказ о себе как представителе подростковой группы. Тематически можно было бы рассмотреть дневники как часть подросткового дискурса об окончании детства: «репрезентирующего историю и культуру детства в категориях и смыслах самих детей. Подобного рода тексты встраиваются в общую палитру текстов о детстве и дополняют живыми

переживаниями дискуссионную "картину детства" определенной эпохи» [Ляшок 2013: 149]. Выбран был иной ракурс. Катриона Келли отмечала: «советская школа уделяла не меньше внимания воспитанию, чем образованию и обучению» [Келли 2004: 110], но в центре ее исследования размещена школьная повседневность как самодостаточная социальная реальность. В данном исследовании воспитание в школе помещается в идеологический контекст. Процесс идеологического освоения окружающего мира в советской школе даже в поздний сталинский период не был беспроблемным [Чашухин 2015: 236]. По текстам дневников заметно, как наши герои ориентировались на социальные образцы, располагавшиеся за пределами школьных миров.

По мнению И. Кукулина и коллег, изучавших процесс диверсификации советского образования в 1940–1980-х гг., школьное обучение подталкивает мышление субъекта к проектированию будущего по канонам социальной утопии: «Поскольку образование всегда направлено к будущему, оно неотделимо от создания образа желаемого будущего и поэтому всегда связано с утопией. С другой стороны, будучи деятельностью конкретных личностей в конкретной материальной среде, образование осуществляется через претворение утопических целей в технологию, то есть проектирование определенных способов достижения этого будущего. Утопия и проект являются неустраняемыми измерениями любой образовательной деятельности» [Кукулин и др. 2015: 12–13].

Авторы привлекаемых дневников учились в типичных советских школах, где школьная администрация не увлекалась экспериментами. Школа не могла удовлетворить их запрос на социальные изменения, поэтому их социальное воображение охватывает не только школьные миры, но и социальные порядки большого общества. Вглядываясь в грядущее, они стремились обрести новую субъектность, в разной степени, но отдаленную от школьной среды, приспособленную под иные практики социальных взаимодействий.

Для советских детей школа была пространством образования, воспитания и подготовки к жизни в коллективе. Иерархия образовательного пространства переносилась в тексты дневников, задавала ориентир оценок и суждений. Критикуя учительницу,

³ Я знаю, что так писать нельзя...: Феномен блокадного дневника, сост. А. Ю. Павловская, науч. ред. Н. А. Ломагин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 462 с.

Клара Гайнутдинова противопоставляла авторитету классной руководительницы собственное признание среди одноклассников, демонстрируя к тому же высокий уровень личностной самооценки. Перехитрив военкома, Николай Козаков ощущал свой исключительный статус сына школьной учительницы. Критически и одновременно пафосно оценивая себя, Арнольд Ожегов подвергал сомнению критику нигилизма, услышанную им из уст учительницы литературы: *Чорт! Ну, почему мне хочется стать выдающимся и среди окружающих? Ведь у меня дурной характер. Силы воли нет. Да и что именно хорошего во мне? С чего я взял, что должен быть лучше всех. Но я вот пишу это, а в душу не входит*⁴.

Привлекает внимание то, что в рассмотренных дневниках идеологический текст, догматическая версия советского языка встречались редко. Перед нами авторская версия описания школы, сделанная с позиций ученика, его желаний, мечтаний и ценностных установок. В дневнике Клары Гайнутдиновой⁵, 16-летней школьницы из Новосибирска, явственно прослеживается стремление автора навести порядок, устранить нарушения, которые она распознала в школьной среде. Обостренное чувство социальной справедливости побуждало Клару наедине с собой резко высказываться, смешивая бытовые и социальные проблемы в единый клубок противоречий: *Почему же она прекрасно одета, а я нет, почему она бросает белые булки с маслом собакам на улице, а у нас часто дома даже чёрного хлеба нет? Почему это так? Ну, хорошо, отец заслужил, а она-то здесь при чём? Ну, со мной сравнивать ещё что! Я одета вполне прилично, гораздо лучше многих других. Но другие-то дети?! Разве я не вижу. Ходят в заплятанных платьях и чулках, полуголодные, редко ходят в кино, в театр. И ничего удивительного нет в том, что они иногда плохо учатся. А и к ним, и к таким, как Светка, предъявляют одинаковые требования, да ей ещё нередко завышают отметки*⁶. Истинным виновником нарушения принципа справедливости она считала школьную администрацию, которая покровительствовала девочке из номенклатурной семьи.

Клара убеждена в естественном праве критически проверять решения вышестоящих, если они затрагивали ее школьную жизнь: *Вчера у нас была линейка, а потом классный час. На линейке М.П.⁷ «иносказательно» упомянула обо мне «девочка в 8«г» из комсомольского актива позволяет себе обсуждать приказ министра». Подумаешь! Приказы на то и издаются, чтобы их обсуждать*⁸. В дневнике Клара много внимания уделяла школьным конфликтам, обсуждала социальные и статусные различия. В старших классах она стала смотреть на школьную жизнь как на лабораторию жизни, где можно проверить поведение взрослых, учителей и школьной администрации на соблюдение норм социалистической культуры.

Конфликтный характер собственных социальных взаимодействий с классной наставницей она интерпретировала как нарушение школьных норм со стороны взрослых. Права советского школьника в ее глазах – высшая ценность. Администрация или учитель не должны их нарушать. Ее версия школьных историй, изложенная в серии заметок о себе, подругах и школьной жизни, основана на противопоставлении интересов коллектива подростков и взрослых. Учителям и представителям школьной администрации она отказала в праве на социальную солидарность, рассматривая их в качестве индивидов, размещенных на различных ступенях властной иерархии.

Из школьных эпизодов она создала развернутую историю, повествование о способах и путях взросления городского подростка. На страницах дневника она смогла осознать ролевую иерархичность школы, оценить неоднородность социального устройства ключевого института социализации детей в качестве граждан советского общества. Текст дневника позволил ей осознать субъектность, выделить собственное Я и соотнести его с поведением подруг, реакциями классного коллектива и действиями взрослых.

Отталкиваясь от навыков рассказа про школьную жизнь, она пробовала расширить границы повествования, передать собственные ощущения

⁴ Дневник А. Ожегова. Запись от 28.02.1945. Сохранена орфография оригинального текста (Электронная копия). *Личный архив автора*.

⁵ Клара Гайнутдинова начала вести дневник в 1952 г., когда училась в старших классах женской школы г. Новосибирска. Записи достаточно подробные, временами обширные, но не совсем регулярные. Иногда перерыв между записями был более месяца.

⁶ Дневник К. Гайнутдиновой. Запись от 11.12.1952. (Электронная копия). *Прожито. Электронный корпус дневников и воспоминаний*. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/2584> (дата обращения: 03.03.2025). Сохранена орфография оригинального текста.

⁷ Марина Павловна Михайлова, директор школы, в которой училась Клара Гайнутдинова.

⁸ Дневник К. Гайнутдиновой. Запись от 01.04.1952. Сохранена орфография оригинального текста.

от города. Этот опыт оказался менее вдохновляющим. К спонтанности происходящего на улицах оказалось сложно подобрать жанровый подход, чтобы остаться главной героиней рассказа. Драматизм городских происшествий заставил ощутить опасность большого мира: *Я сегодня чуть-чуть не попала под машину. Сзади машина, остановиться я не могу, скользко, впереди тоже машина. Самое большее, она затормозила за полметра от меня. Я даже как-то почувствовала ее. Я на какое-то мгновение так и решила: все, сейчас мне отрежет ноги или голову. Остановиться не могу никак. Хорошо, шофер резко затормозил. Я оглянулась, он покраснел весь, глаза блестели, качает мне головой. Только через минуту, примерно, я опомнилась. У меня даже ноги задрожали, я прислонилась к стене, идти не могу. Потом пошла, но долго еще не могла успокоиться. Одна секунда – и от меня остался бы лишь кровавый кусок мяса⁹*. Образ беспомощной жертвы ей не понравился.

Клара попробовала писать о себе в стилистике романтического рассказа, ориентируясь на классическую литературу. Заметки о первой любви насыщены фразами, которые должны передать душевные терзания, переживания и даже возвышенные мечты. Роль показалась Кларе малопривлекательной. Постепенно повествование о мальчиках исчезает со страниц дневника. Трагедия и романтизм не подошли ей для рассказа о себе. Она видела себя деятельной, яркой, решительной.

Только для школьной жизни она нашла интеллектуальную традицию, позволившую ей разглядеть за рутинной повседневности напряжение социальных отношений. В жанре автобиографического текста она попробовала рассказать о конфликте ценностей подростков и школьной администрации. Оценила происходящее с позиций эталонных ценностей социализма – принципа справедливости и социального равенства – и обнаружила обособленность привилегированных групп в советском обществе, давление на собственную индивидуальность со стороны школьной администрации. Осознала, что ее возможности ограничены. Попробовала иные жанры, сюжетные линии для развития нарратива о себе, но они показались ей недостаточно привлекательными. И Клара прервала свои записи.

Несколько иная версия социального повествования об историческом времени, идеалах и ценностях представлена в дневниках сельского школьника Николая Козакова. В начале войны он вместе с матерью был эвакуирован. Поселились они в сельской глубинке Горьковской области. Дневник Н. Козаков начал вести в 1945 г. За два года он освоил новый для себя опыт, его рассказы о себе стали подробными и пространными. Стоит заметить, что о довоенном детстве в Ленинграде на страницах дневника он никогда не вспоминал. Его очерки посвящены повседневности, часть их репрезентирует авторские представления о перспективном будущем. С позиций исследователя следует отметить, что ленинградское прошлое незримо присутствовало в его повествовании. Оно проявилось в суждениях и оценках, оправдывало критическое отношение к школе, к сельской жизни. Ему многое не нравилось в жизни, подчинявшейся условностям деревенского быта. В мечтах он видел себя советским ученым, знаменитым биологом-натуралистом.

В глазах Н. Козакова сельская жизнь заполнена рутинной. О ней не стоит зачастую даже писать. Он стремился сконцентрироваться на том, что, по его мнению, разрушало деревенский пасторальный быт. Так, поездка в районный центр превращается в особенное событие: *Первым делом, когда приехали в город, пошли в ресторан. Там выпил чаю с конфетами и пирогом с яблоками. Оттуда пошли в РОНО. Когда уходили оттуда, мама стала закуривать на крыльце. Вдруг позади нас послышался страшный грохот и крики. Я обернулся – оказалось, что рухнул пол в сенях вместе со стоящими на нем девушками-студентками. Особенно ничего не было, все были смертельно напуганы, и только одна сильно ушибла и ободрала себе ногу. Оттуда мы пошли вниз – мама в сберкассу, а я в парикмахерскую и затем по магазинам¹⁰*. Впрочем, местный райцентр – ненастоящий город. Сгнившие домики, готовые обрушиться, делают его малопривлекательным, несмотря на возможность встретить там студенток из Горького.

Город его мечты населяли ученые. Одному из них он писал письма, стремился поделиться собственными наблюдениями за лесными птицами: *Утром сегодня сдал на почту письмо проф[ессору]*

⁹ Дневник К. Гайнутдиновой. Запись от 23.02.1953. Сохранена орфография оригинального текста.

¹⁰ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 6. Запись от 30.04.1947. (Электронная копия). *Прожито. Электронный корпус дневников и воспоминаний*. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 03.03.2025). Сохранена орфография оригинального текста.

Пузанову¹¹. Он считал, что имеет на это право благодаря собственной начитанности и опыту натуралиста, исследователя окружающей природы. На страницах дневника он подчеркивал свою любовь к чтению книг: *После уроков я пришел домой, попил чаю и опять пошел к Ванюшке. Он мне дал книгу «Повесть о сыне» Е. Н. Кошевой. Я её прочитал вечером – замечательная книга*¹². Ощущения собственной образованности – фундамент его представлений об идентичности городского жителя. Играя словами на страницах дневника, он внезапно замещал слово *похмелье* на немецкий термин: *Вечером я делал уроки и записывал в дневник за время Katzenjammer'a*¹³. Подмена помогала выделить собственное Я, символически закрепить через заимствование слов из немецкого языка отличия себя от менее грамотных одноклассников.

О поездке в Москву он рассказывал в жанре приключений, фокусируясь на происшествиях: *Приехав в Москву, мы наняли такси «Победа» и поехали к тете Лиле. Езда в машине замечательная, но шофер был жулик и обдул нас на 12 р[ублей], т. е. вдвое*¹⁴. Но серия записей выглядит скорее как критический рассказ об экзамене на горожанина. Подчеркивалась необходимость быть постоянно настороже: *Потом с Андрейкой (двою[родный] брат) пошли в планетарий. Дорогие цены в Москве! Пока мы ехали в трамвае, у нас свистнули 300 р[ублей] с лишком. В планетарии мы все равно были. Мне там очень понравилось. Из планетария мы поехали домой*¹⁵. Московский быт подвергается критике. Николай Козаков считал себя вправе осудить москвичей за жадность, дороговизну и стремление к наживе. В сельской местности он невольно привык к натуральному хозяйству и обмену. Его критический настрой о высоких ценах и множестве опасных незнакомцев стали тревожной весточкой, что реальная городская жизнь расходится с его эталонными ожиданиями, с его воображаемым городом, где он собирался учиться, работать и совершать научные открытия.

Его культурные предпочтения носили смешанный характер. Литература, кино и советские газеты поддерживали его в стремлениях добиться успеха, найти собственное место в социалистическом обществе.

Он целенаправленно стал готовиться к новому этапу в своей жизни, который должен был начаться после поступления в Горьковский университет на отделение биологии. Старался хорошо учиться, не без уловок и хитростей, но успешно сдавал экзамены, заработал серебряную медаль. Стал заботиться о внешнем виде, пробовал писать стихи, подражая литературным героям, стремился в поэтической форме отразить метания души. Чаще стал делать записи, подчеркивающие его отличия относительно сельских парней. Резко критиковал одноклассников за невежество, грубость и склонность к спиртному.

В своем воображении он конструировал идеальный город, смешивая детские эмоции, семейные рассказы о жизни в Ленинграде с идеологическими текстами о послевоенном восстановлении народного хозяйства страны. Его город будущего строила советская молодежь с опорой на последние достижения науки. Участником научного прорыва он видел себя. В своем воображении он давно вышел за границы деревенской околицы.

Отличия города-утопии Н. Козакова от нарративов социалистического проекта – в деталях. Он игнорировал идеологический паттерн советского коллективизма, предписывавший говорить, писать и мыслить в терминах единства социальной базы деревни и города. Реальность сельской жизни его тяготила. В односельчанах он видел скучных, грубых и неинтересных людей. Повседневный опыт существования в сельской местности, даже когда он с матерью сменили совсем уж отдаленную деревеньку на жизнь в крупном деревенском поселении на берегу Волги, где имелась собственная пристань, никак не напоминала то, о чем он читал в книгах или видел в кино.

Одной из ранних форм его бегства от деревенских забот было увлечение охотой. Владение ружьем позволило ощутить себя старше и одновременно дало материал для создания в дневнике собственной версии «охотничьих рассказов». Описывая опыт походов в роли натуралиста-охотника, он заявлял о своем отличии от сверстников, которые либо были заняты в домашнем хозяйстве, либо праздно проводили время на улицах.

¹¹ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 19. Запись от 27.01.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

¹² Там же. Сохранена орфография оригинального текста.

¹³ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 19. Запись от 24.01.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

¹⁴ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 19. Запись от 10.02.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

¹⁵ Там же. Сохранена орфография оригинального текста.

Его стремление обособиться, возможно, связано с заиканием, о котором он подробно рассказал лишь когда, повзрослев, поехал исправлять особенности речи в Москву. Тем не менее его опыт автобиографического повествования о себе увлек воображение и на страницах дневника позволил создать особое социальное пространство, приспособив его под собственные мечты.

Он игнорировал групповые формы солидарности как в рассказах об охоте, так и в школьных историях. Привлекала его только интеграция в сообщество ученых. С ними, воображаемыми властителями сокровенных знаний о природе, он стремился связать собственную судьбу. В 1950 г. Николай Козаков поступил в Горьковский университет на биологический факультет, как о том и мечтал. Он не смог учиться в желанном университете. Профессора, в коих он ожидал увидеть дружески расположенных наставников, оказались не особо открыты для общения. Учебные занятия требовали ежедневных посещений, выполнения формальных заданий, подчинения жизненного уклада строгому расписанию. В советском городе и университете не увидели индивидуальности сельского натуралиста-любителя, не распознали его высоких устремлений, не отметили какой-либо ценности в его частных инициативах. Социалистический город и советская биология не нуждались в индивидуале Николае Козакове. И тот вынужден был отчислиться и уехать обратно в деревню. Ему удалось получить высшее образование с третьей попытки, заочно в Москве и совсем не по той специальности, которая была в его воображении, когда он мечтал об университете и собственном будущем. Столкновение с реальной версией социалистического города разрушило утопию сельского подростка, мечтавшего о наукограде социализма.

Обратимся к представлениям о собственном будущем, на которые ориентировался уральский подросток Арнольд Ожегов¹⁶. Его семейная жизнь и личная судьба оказались вплетены в историю становления советской номенклатуры. Отец занимал должность секретаря по строительству и материалам в Молотовском обкоме ВКП(б). Мать была врачом в местной больнице. В детстве и раннем

подростковом возрасте он приобщился к хорошей жизни, о которой большинство окружающих могло лишь мечтать. Смерть отца в 1942 г. от туберкулеза лишила семью доступа к благам. Статус матери, работавшей на должности главного врача местной больницы, некоторое время сохранявшийся круг знакомств и родственных связей очень слабо смягчали утрату престижных позиций. Пришлось съехать со служебной квартиры. Исчез привычный комфорт и беззаботность повседневного существования, которые обеспечивали номенклатурные блага и социальные связи.

Дневник Арнольда Ожегова повествует о его стремлениях использовать культурный капитал, обретенный в семье, для личностного роста и карьеры. Он был серьезно начитан, засиживался с книгами до утра: *Очень много читал. Мало – часа по 3–4 в сутки – спал. Был доволен на 90 %. Последнее время книг много; записался в биб[лиоте]ку, привез из Молотова шт 15, но уже не так тянет к ним, хоть и по-прежнему читаю много*¹⁷. Впрочем, его повествование в дневнике о себе совсем не похоже на литературную жизнь героев прочитанных книг. Не хотелось ему подражать и ближайшему окружению. В их адрес редко можно прочесть в дневнике что-то хорошее.

Героев для подражания он нашел в персонажах, которые во время демонстраций стояли на главных партийных трибунах страны, о ком писали газеты, в тех, кто в СССР были вершителями судеб. Его ориентиром стали истории успеха советских писателей, литераторов, которые получали государственные награды и премии. Известность, доступ к дефицитным благам, сопровождавший их жизнь, престиж и почет со стороны публики особенно привлекали уральского старшеклассника. Он сильно завидовал знакомому, который оказался на какой-то миг в ситуации потенциального карьерного взлета: *Туркин вернулся из Москвы. Еще не видел. Со слов Баранова: он писал Жданову, его приняли в СЕП с распростертыми объятиями. Обещают все, кроме денег, от творческой командировки до консультаций у любого поэта (пишет он поэму о Сталине). Тема скользкая, трудная. И сейчас ему уже не вернуться назад. Широко размахнулся. При малейшем*

¹⁶ Арнольд Ожегов (1929–1982) – журналист, корреспондент пермских газет «Звезда» и «Молодая гвардия», сотрудник редакции Пермского книжного издательства. Член Союза журналистов СССР. Вел дневник в 1945–1951 годах. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/6731/1> (дата обращения: 03.03.2025).

¹⁷ Дневник А. Ожегова. Запись от 21.12.1945. Сохранена орфография оригинального текста.

намеке на удачу, освобождают от работы и сажают на оклад, только пиши¹⁸.

Литература и театр для нашего героя только инструменты на пути к цели. Его настоящий идеал – люди власти. Смерть одного из идеологов послевоенного сталинского государства помогает прояснить статусные черты героя его мечтаний: Умер еще один умнейший человек, один из лучших людей века. У гроба в почетном карауле сменяются Герои Советского Союза, социалистического труда, Лауреаты сталинских премий, стахановцы московских предприятий. <...> каждый из нас будет стремиться раз[нрзб]ся в Жданове. Андрей Александрович Жданов был настоящий человек. Каждый должен быть таким. Литератор особенно. Тогда и настанет тот расцвет литературы, искусства, о котором, я думаю, так мечтал Жданов. Отбросив шелуху банальщины с этой фразы, я говорю: мир праху твоему, товарищ Жданов! Я буду стараться быть хоть немного достойным его¹⁹.

Арнольд Ожегов стремился вернуться в круг избранных, номенклатурную среду высшего ранга, частью которой была его семья, когда жив был отец. Он не смог этого забыть: Чорт возьми! Лежу и по радио слышу: Гусаров – член Президиума Верховного Совета СССР. Гусаров, с которым 3 года жил я под одной крышей; Гусаров, которого я так часто видел; Гусаров, сына которого лупил мы снежками; Гусаров, жена которого преподавала нам историю; Гусаров, с которым я имел честь кататься на лыжах, Гусаров, который в 42 г. в соседнем со мной подъезде принимал у себя Ворошилова; Этот Гусаров член Президиума Верховного Совета СССР !!! Член Президиума. Эх, папка, папка! Жить бы тебе!²⁰

Жизненные ситуации, общение с людьми, имевшими доступ к особым материальным благам, постоянно напоминали ему об утраченном счастье: Регину встретил. И сразу почувствовалось что-то не то. Она была в том же: в русских сапогах, ладно сидящем пальто с каракулем, моим комс.[омольским] значком на нем, только вместо шали, модная шапочка, подтянутая шарфом и с муфтой. <...> А я ...В плохо сшитой кепке, в демисезонном пальто (со всеми пуговицами

на месте) с шолковой подкладкой, которой никто не видел, в сапогах, с которых мне очень жаль было счищать кавказскую грязь, но пришлось, с кожаной, потрепанной, выдавшей вида, полевой сумкой Лебедева²¹.

Он пробовал писать пьесы, решил заявить о себе текстом о С. А. Есенине: Опять сели с Федькой за Есенина. Теперь работа над ним приобретает систематический характер. Это после того, как достали библиографию Владиславлева (1917–1927гг). Тетрадь за тетрадью заполняются фактами, воспоминаниями, стихами. Жаль, что стихов самого Есенина не прибывает. Вот сегодня взял 2 издания "Радуницы" – 7 вещей новых. И это всё, за долгое время. У нас очень мало книг Есенина. Надежда на гастроли, – др[угие] города, др[угие] биб[лиоте]ки²². Но попытка закончилась ничем. Ему была чужда и непривычна напряженная, монотонная повседневная работа. Он увлекался, загорался проектами и бросал множество из них, не доведя до конца.

Пропуски уроков, несданные экзамены не позволили поступить в университет. С трудом, пересдавая экзамены, пробился в техникум. Но так и не смог уговорить себя, что он типичный представитель городской молодежи. Он постоянно ощущал себя чужаком среди сверстников. В окружающих, в одноклассниках или горожанам он видел все тех же скучных и непритязательных обывателей, которых клеймил еще в школьные годы на страницах дневника: Я не доволен. Ни социальным своим, и общественным положением, но этого, допустим, я могу достичь сам. Но мне не дают писать. Дело никак ни в моей бесталанности. Талант, я знаю, дело наживное. Но мне подсовывают «высокоидейную» шваль. «[нрзб.: Целеустремленность]» а куда? К [нрзб.: чорту?] или к коммунизму? Разве так стремятся к коммунизму. Ведь теперь тот же литературный упадок, обнищание мысли, кроме разве науки, я в ней не петрю. Высокая [нрзб.:...рельность?] И держится только газетными спорами ИНДЮКОВ!!! Эх, будет вам памфлет, который вы назовете бессильной злостью вражески [нрзб:]. Злость! Злость!!! Паршивцы²³.

¹⁸ Дневник А. Ожегова. Запись от 13.04.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

¹⁹ Дневник А. Ожегова. Запись от 01.09.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

²⁰ Дневник А. Ожегова. Запись от 21.03.1946. Сохранена орфография оригинального текста.

²¹ Дневник А. Ожегова. Запись от 30.01.1947. Сохранена орфография оригинального текста.

²² Дневник А. Ожегова. Запись от 19.02.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

²³ Дневник А. Ожегова. Запись от 22.11.1946. Сохранена орфография оригинального текста.

Постепенно отчуждение трансформировалось в грубые строчки о друзьях, уничижительные оценки девушек, за которыми ухаживал, с которыми жил и даже строил планы на семейную жизнь.

При всем этом А. Ожегов не был маргиналом. Для школьника старших классов, а потом начинающего самостоятельную карьеру молодого литератора и публициста он успешен. Возглавил районный клуб, ездил с театром на гастроли, публиковал рецензии и статьи в местной прессе, получал неплохие гонорары. Несмотря на смерть отца, материальное положение в его семье было лучше, чем у большинства окружающих. В 15 лет у него присутствовали свободные деньги, он без колебаний тратил их на импульсивные покупки и развлечения. По стилю жизни, моделям поведения, местам и ситуациям, которые он описывал в дневнике, его можно считать представителем золотой городской молодежи. Беззаботность существования, которая отразилась в записях о досуге, демонстрировала, что утрата отцовского положения не была синонимом бедности и утраты престижа.

Для школьных товарищей, девушек, с которыми он встречался, А. Ожегов был привлекательным, веселым парнем, умевшим развеселить, рассказать интересную историю. Для окружающих он сохранял связь с партийной элитой, со статусными группами местного городского сообщества. В техникуме ему доверили провести несколько занятий по литературе и истории, заменить отсутствующего учителя. Руководство техникума видело в А. Ожегове сына бывшего секретаря обкома, начинающего карьеру активиста, к тому же начитанного и образованного, с опытом работы в творческой среде.

Жизненные осложнения ждали А. Ожегова в тех случаях, когда он оказывался в обезличенной роли. Его притязания, подпитываемые социальным воображением, оказывались несовместимы с коллективной реальностью людей, не знакомых с его прошлым или игнорирующих то, что он считал уникальным в себе. Воспоминания, к которым он регулярно обращается на страницах дневника, оказали чрезмерное влияние на оценки настоящего и ожидания от будущего. Воображение рисовало ему личные перспективы в образах яркого и блестящего

пути к признанию в качестве советского литератора, театрального критика, властителя умов и судеб окружающих. Реальность оказалась заметно иной. Воображаемое будущее рассыпалось на осколки по мере удаления от школьного прошлого. Его ждала карьера рядового журналиста, провинциального представителя социальной группы, обслуживающей нужды партийной и советской номенклатуры.

Дневниковые тексты показали, что сыну секретаря обкома Арнольду Ожегову оказались тесны рамки социализма, который обращался к массам, говорил на языке их ожиданий и чаяний. Вряд ли наш герой был знаком с трудами по теории элит В. Парето. Но его воображение воссоздало перед ним эталонные модели советского общества так, как если бы общественная система советского государства не только напоминала пирамиду, но и подчинялась закону о циркуляции элит и правилу распределения Парето²⁴.

Он видел в себе-литераторе естественного претендента на общественно-политическое признание и возвращение в группу избранных. Но в отличие от отца, продвигавшегося во власть по партийно-производственной карьерной траектории, собственное место в элите он обосновывал творческими и моральными способностями. Неравенство общественных групп, их различия и проистекающее из них право на власть, о котором говорил итальянский социолог, критикуя европейские демократии XIX в., для А. Ожегова ощущались оправданным психологическим барьером, подчеркивающим отличия его индивидуализированного Я от школьных сверстников и городской молодежи.

На протяжении войны он наблюдал, как усиливалась социальная дифференциация, как усложнялась жизнь у окружающих, но не ощутил масштабного влияния голода и дефицита на собственный быт. Образованность, навыки критического разбора литературных произведений и театральных постановок позволили ему заметить зазоры в идеологических текстах, соотнести образ коммунизма с окружающими его людьми, отношениями, институциональными порядками. Отказавшись от карьеры партийца и производственника, он попробовал в личных заметках наметить собственный путь

²⁴ Закон Парето, или эмпирическое правило парето-распределения, гласит, что 20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % усилий – лишь 20 % результата. Применительно к проблемам власти это означает, что между элитарным меньшинством, контролирующим большую часть политических, экономических и социальных институтов, и большинством в любой социальной системе неизбежны различия, которые будут проявляться в интеллектуальных или физических способностях. Подобный дисбаланс будет приводить к естественному неравенству и его проявлениям через власть, богатство и социальные статусы.

в номенклатуру. В дневнике, излагая спонтанные мысли и суждения, подчеркивая индивидуализированный характер личных притязаний, сын покойного секретаря молотовского обкома ВКП(б) отредактировал социалистический проект под собственное Я.

Уральский подросток добавил социализму динамики, наделил его политическое устройство конкуренцией и сменой элит, приравнял политического чиновника к литераторам и тем самым серьезно усложнил иерархическое средо социалистического общества, лишил его структурные элементы классовой гомогенности. Но важнее всего, что, определяя собственное место в этом социальном проекте, он связал будущее социализма и советского общества с перспективами вхождения во власть и возможностями, которые это открывает представителям творческих сообществ, новых интеллектуалов, чей статус он рассматривал как естественный закон жизни. Сконструированный образ образованного карьериста он и примерил на себя. Люди, создающие литературные тексты, в его утопии стали автономной элитарной группой. Арнольд Ожегов хотел бы заменить политические догмы драматическим текстом. Его социальное воображение эгоистично переработало жизненный опыт подростка военной и послевоенной эпохи, когда различия материального благосостояния и достатка, явная социальная дифференциация городского сообщества стали вызовом социализму партийно-хозяйственной номенклатуры.

Заключение

Послевоенные дневники подростков по-разному рассказывают об их индивидуальной судьбе. Жизненный мир школы был для старшеклассников образцовым примером института социализма. На личном опыте они постарались соотнести догмы идеологии с собственным опытом. Их объединило стремление подкорректировать социализм под собственные нужды, наделить его индивидуальностью, адаптировать под себя. Стремление изменить существующий порядок, привести его в соответствие с трансцендентными представлениями об идеале, социальных грезах, опирающихся на коллективные образы гармонии коммунистического общества, превращало их дневниковые записи в утопический текст.

Авторы дневников игнорировали догматический язык, которым говорили с трибун, который

использовали советские журналисты и редакторы. Символически на страницах приватного текста они подстраивали общественные отношения под собственный жизненный мир. Их коммунизм должен был уместиться в границах подросткового воображения. Тем самым они создали текст о жизни советской молодежи, которая мечтала о счастливом будущем, но видела его преимущественно прагматично и утилитарно.

В своем желании перекроить социализм они не были одиночками. Как отмечал О. Л. Лейбович, импульс к пересмотру догматического социального порядка, основанного на ценностях аскезы и обличавшего комфорт городской повседневности в качестве мелкобуржуазного пережитка, шел сверху, от властных групп номенклатуры. Получив в годы войны право на относительную хозяйственную автономию, советские властные сообщества, стремились в послевоенный период сохранить и защитить обретенные блага: «В конфликтах сороковых годов обнаруживается проблема, в полной мере раскрывшаяся в иную, более позднюю эпоху. Я имею в виду проблему социальной дифференциации между командными группировками общества и трудовым населением: рабочими, колхозниками, мелкими служащими» [Лейбович 2008: 8–9].

Реальный конфликт утилитарной и догматической версии социализма еще впереди. Но основания для этого конфликта, определившего политическую реальность после смерти И. В. Сталина, зародились в послевоенное пятилетие. Они происходили в том числе и из умонастроений советской молодежи, стремившейся найти в мирном коммунистическом завтра место для себя, для собственных частных устремлений и тем самым воображавшей идеальный социализм в качестве новой утопии. Молодые люди критиковали реальный послевоенный социализм с позиций горожанина, заинтересованного в личном успехе, отдающего приоритет принципам рациональности и научности при познаваемости мира, уверенные в том, что большой мир социализма создавался для них. Книжная культура, вертикальная мобильность, готовность к трансформациям и социальная неоднородность – таким представал перед их воображением послевоенный социализм. Набор ценностей урбанистической культуры, с которым они сравнивали реальность повседневной жизни, вполне уместно рассматривать в качестве ядра молодежной версии коммунистической утопии.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. 543 с. [Bakhtin M. M. *Literary-critical articles*. Moscow: Khud. lit., 1986, 543. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqmugt>
- Бойм С. Как сделана «советская субъективность». *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 285–297. [Boym S. How is the Soviet subjectivity made? *Ab Imperio*, 2002, (3): 285–297. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pczpgb>
- Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб.: Акад. проект; ДНК, 2009. 416 с. [Brandenberger D. *National bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956*. St. Petersburg: Akad. proekt; DNK, 2009, 416. (In Russ.)]
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с. [Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990, 808. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sguyor>
- Добренко Е. Сады соцреализма: к культурной топографии сталинской эпохи. *Revue des Études Slaves*. 1998. № 70-4. С. 889–908. [Dobrenko E. Gardens of Socialist Realism: Towards a cultural topography of the Stalin era. *Revue des Études Slaves*, 1998, 70(4): 889–908. (In Russ.)] <https://doi.org/10.3406/slave.1998.6560>
- Зарецкий Ю. П. Вступительное слово. In: Веселкова Н. В., Годунов К. В., Голубинов Я. А., Граматчикова Н. Б., Давыденко М. Г., Зарецкий Ю. П. и др. *Эго-документы: Россия в первой половине XX века в межисточниковых диалогах*. М.-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 6–28. [Zaretskiy Yu. P. Introductory remarks. In: Veselkova N. V., Godunov K. V., Golubinov Ya. A., Gramatchikova N. B., Davydenko M. G., Zaretskiy Yu. P., et al. *Ego-documents: Russia in the first half of the 20th century in intersource dialogues*. Moscow-Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021, 6–28. (In Russ.)]
- Кабацков А. Н., Казанков А. И. Новая жизнь советского города. *Мир России. Социология. Этнология*. 2010. Т. 19. № 2. С. 131–147. [Kabatskov A. N., Kazankov A. I. New life for a Soviet city. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2010, 19(2): 131–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndswan>
- Каспэ И. М. От редактора. *Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство?*, ред. И. М. Каспэ. М.: НЛО, 2013. С. 5–18. [Kaspe I. M. Editor's note. *Document status: Final document or alienated certificate?* ed. Kaspe I. M. Moscow: NLO, 2013, 5–18. (In Russ.)]
- Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в постсталинское время. *Антропологический форум*. 2004. № 1. С. 104–155. [Kelly C. "The school waltz": The everyday life of the post-Stalinist Soviet classroom. *Forum for Anthropology and Culture*, 2004, (1): 104–155. (In Russ.)]
- Коткин С. Говорить по-большевистски. *Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период*, сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: СамГУ, 2001. С. 250–328. [Kotkin S. Kotkin S. Speaking Bolshevik. *American Russian studies: Milestones in recent historiography. The Soviet period*, comp. David-Fox M. Samara: SamSU, 2001, 250–328. (In Russ.)]
- Кукулин И., Майофис М., Сафронов П. Намывная острова: позднесоветская образовательная политика в социальных контекстах. In: Кукулин И., Майофис М., Сафронов П., Гальмарини М. К., Бачевич Я., Дмитриев А., Димке Д., Ковай М., Нойманн Э., Козлов Д., Ландаль И., Казаков Е., Беляева Г., Михайлин В., Ямбург Е. А. *Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)*. М.: НЛО, 2015. С. 5–32. [Kukulin I., Maiofis M., Safronov P. Washing islands: Late Soviet educational policy in social contexts. In: Kukulin I., Maiofis M., Safronov P., Galmarini M. K., Bachevich Y., Dmitriev A., Dimke D., Kovay M., Neumann E., Kozlov D., Landal I., Kazakov E., Belyaeva G., Mikhailin V., Yamburg E. A. *Islands of Utopia. Pedagogical and social design of the post-war school (1940–1980s)*. Moscow: NLO, 2015, 5–32. (In Russ.)]
- Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь: УрГУ, 1995. 144 с. [Kupina N. A. *Totalitarian language: Vocabulary and speech reactions*. Ekaterinburg-Perm: UrSU, 1995, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/siqgfb>

- Лебеденко Е. Ю., Суржикова Н. В. Дневник (не)обыкновенной женщины: диалоги со временем и поиски себя. *Вестник Пермского университета. История*. 2021. № 1. С. 168–180. [Lebedenko E. Yu., Surzhikova N. V. Diary of a (non)ordinary woman: Dialogues with time and search for yourself. *Perm University Herald – History*, 2021, (1): 168–180. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2021-1-168-180>
- Лейбович О. Л. «На полке забытых книг...»: сталинская риторика 1950-х гг. и формирование новой хозяйственной политики. 1953-й. *Подведение итогов и выбор пути*: XV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г.) М.: РОССПЭН, 2023. С. 69–77. [Leybovich O. L. On the shelf of forgotten books...: Stalin's rhetoric of the 1950s and the formation of a new economic policy. 1953. *Summing up and choosing a path*: Proc. XV Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 21–24 Jun 2023. Moscow: ROSSPEN, 2023, 69–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/punbdi>
- Лейбович О. Л. В городе М.: очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. 2-е изд., испр. М. РОССПЭН; Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 295 с. [Leybovich O. L. *In the city of M.: Essays on everyday social life in the Soviet provinces in the 1940s–1950s*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN; Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin, 2008, 295. (In Russ.)]
- Лейбович О. Л. Магия слов в советской культуре. *Русский язык в контексте современной культуры*: Междунар. конф. (Екатеринбург, 29–31 октября 1998 г.) Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 91–92. [Leybovich O. L. The magic of words in Soviet culture. *Russian language in the context of contemporary culture*: Proc. Intern. Conf., Ekaterinburg, 29–31 Oct 1998. Ekaterinburg: UrGU, 1998, 91–92. (In Russ.)]
- Лейбович О. Л., Колдушко А. А., Казанков А. И., Станковская Г. Ф., Чашухин А. В., Кабацков А. Н., Шабалин В. В., Кимерлинг А. С., Шевырин С. А. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. 2-е изд., перераб. М.: РОССПЭН; Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 318 с. [Leybovich O. L., Koldushko A. A., Kazankov A. I., Stankovskaya G. F., Chashchukhin A. V., Kabatskov A. N., Shabalin V. V., Kimerling A. S., Shevyrin S. A. “Included in the operation”. *Mass terror in the Kama region in 1937–1938*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN; Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin, 2009, 318. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suipf>
- Ляшок А. С. «Дети перестройки»: жизненные миры школьников 1980-х – 1990-х годов. *Вестник Пермского университета. История*. 2013. № 2. С. 148–155. [Lyashok A. S. “Children of Perestroika”: Life-worlds of schoolchildren in the 1980–1990s. *Perm University Herald – History*, 2013, (2): 148–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rckojr>
- Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с. [Mannheim K. *Diagnosis of our time*. Moscow: Iurist, 1994, 700. (In Russ.)]
- Милютин Н. А. Проблема строительства социалистических городов. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 83 с. [Milyutin N. A. *The problem of building socialist cities*. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo, 1930, 83. (In Russ.)]
- Мордвинцева А. В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 25 с. [Mordvintseva A. V. *Post-war urban everyday life: Tyumen and Tyumen residents in 1945–1953*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tyumen, 2010, 25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zodiaj>
- Николаева В. Г. 97.03.024. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. 1997. № 3. С. 169–196. [Nikolaeva V. G. 97.03.024. Wirth L. Urbanism as a way of life. *Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, 1997, (3): 169–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hkuwbj>
- Савельева И. М. Личная история vs Великий нарратив в дневниках военного времени. In: Веселкова Н. В., Годунов К. В., Голубинов Я. А., Граматчикова Н. Б., Давыденко М. Г., Зарецкий Ю. П. и др. *Эго-документы: Россия в первой половине XX века в межисточниковых диалогах*. М.-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 29–60. [Savelieva I. M. Personal history vs. grand narrative in wartime diaries. In: Veselkova N. V., Godunov K. V., Golubinov Ya. A., Gramatchikova N. B., Davydenko M. G., Zaretskiy Yu. P., et al. *Ego-documents: Russia in the first half of the 20th century in intersource dialogues*. Moscow-Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021, 6–28. (In Russ.)]
- Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: НЛО, 2007. 416 с. [Savkina I. L. *Conversations with a mirror and a looking glass: Auto-documentary women's texts in Russian literature of the 19th century*. Moscow: NLO, 2007, 416. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsylvh>
- Сивков Д. Ю. Как работать с дневниками? *Пути России*. 2024. Т. 2. № 2. С. 31–35. [Sivkov D. Yu. How to work with diaries? *Puti Rossii*, 2024, 2(2): 31–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/emmdao>

- Стась И. Н. Урбанизация в умах: сталинское «право на город», советская субъективность и практики гражданства в Ханты-Мансийске. *Антропологический форум*. 2022. № 52. С. 84–132. [Stas I. N. Urbanization in people's minds: Stalin's "right to the city", Soviet subjectivity, and citizenship practices in Khanty-Mansiysk. *Forum for Anthropology and Culture*, 2022, (52): 84–132. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-52-85-132>
- Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (вместо предисловия). *История в эго-документах: Исследования и источники*, науч. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 6–13. [Surzhikova N. V. Ego-documents: Intellectual fashion or conscious necessity? (In lieu of a preface). *History in ego-documents: Research and sources*, ed. Surzhikova N. V. Ekaterinburg: AsPUr, 2014, 6–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztjmib>
- Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛО, 2017. 424 с. [Hellbek J. *Revolution in the first person: Diaries of the Stalin era*. Moscow: NLO, 2017, 424. (In Russ.)]
- Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 225 с. [Fokin A. A. "Communism is just around the corner". *Visions of the future among the Soviet authorities and population at the turn of the 1950s and 1960s*. Moscow: ROSSPEN, 2017, 225. (In Russ.)]
- Фокин А. А. Форпосты социализма: культурный ландшафт уральских городов. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 78. С. 92–96. [Fokin A. A. Outposts of socialism: The cultural landscape of Ural towns. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2022, (78): 92–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/78/12>
- Чашухин А. В. «Отсутствие целей урока ведет к безыдейности в преподавании истории». Габитус и дискурс работников отделов народного образования начала 1950-х годов. *Вопросы образования*. 2015. № 1. С. 234–251. [Chashchukhin A. V. "The lack of lesson objectives leads to the lack of progressive ideas in teaching history". *Habitus and discourse of people employed in local education authorities of the early 1950s. Educational studies*, 2015, (1): 234–251. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-234-251>
- Wirth L. Urbanism as a way of life. *American Journal of Sociology*, 1938, 44(1): 1–24.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vktvvt>

Материальное положение судейского корпуса Российской империи и причины, влиявшие на его развитие в 1801–1864 гг.

Подлесных Сергей Николаевич

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова, Россия, Воронеж

eLibrary Author SPIN: 4123-7337

<https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>

Scopus Author ID: 59511514500

agera3@yandex.ru

Аннотация: Современники событий, описываемых в настоящей статье, указывали на большое количество недостатков и проблем, с которыми сталкивался дореформенный суд. Один из вопросов, нашедших свое отражение в воспоминаниях современников и архивных документах, был уровень материального положения судей Российской империи. Вопрос материального положения судейского корпуса России дореформенного времени в настоящей статье рассматривается исключительно с позиции государственного финансового обеспечения, безотносительно оценок личного имущества чиновников судебного ведомства. Цель – рассмотреть материальное положение судейского корпуса Российской империи, источником которого выступало государственное финансирование, и выявить причины, влиявшие на его развитие в 1801–1864 гг. Актуальность темы статьи, во-первых, заключается в отсутствии самостоятельных исследований, имеющих своим предметом материальное положение российского судейского корпуса в дореформенное время, во-вторых, в важности самой темы – материального положения судей, которое обеспечивает их независимость и беспристрастность. Новизна заключается в комплексе архивного материала, который впервые вводится в научный оборот, а также в актуальности темы материального обеспечения судей для современного этапа развития судейского корпуса России. Хронологические рамки исследования составляют 1801–1864 гг. В настоящей статье причины, влиявшие на материальное положение отечественного судейского корпуса дореформенного времени, рассматриваются в комплексе, материальное обеспечение судей анализируется системно, а не для отдельно взятого региона или конкретного уровня правосудия (что не исключает своих особенностей в зависимости от конкретно рассматриваемой территории). В исследовании показано, что материальное положение судей являлось одной из основных системных проблем дореформенного российского правосудия, на что указывали в самом министерстве юстиции. Уровень материального обеспечения судейского корпуса России влиял на организацию эффективного правосудия. Проблему материального положения судейского корпуса Российской империи рассматриваемого периода государство пыталось разрешить. Однако в силу ряда причин, которые анализируются в настоящей статье, попытки государства повысить материальное положение отечественного судейского корпуса дореформенного времени имели частичный эффект.

Ключевые слова: судебная система, судейский корпус, дореформенный суд, судебная реформа 1775 г., судебная реформа 1864 г., материальное положение, жалование, Российская империя

Цитирование: Подлесных С. Н. Материальное положение судейского корпуса Российской империи и причины, влиявшие на его развитие в 1801–1864 гг. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 999–1014. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-999-1014>

Поступила в редакцию 29.03.2025. Принята после рецензирования 24.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

full article

Financial Status of Judges in the Russian Empire: Progress and Factors in 1801–1864

Sergey N. Podlesnykh

Voronezh State University of Forestry and Technologies, Russia, Voronezh

eLibrary Author SPIN: 4123-7337

<https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>

Scopus Author ID: 59511514500

agera3@yandex.ru

Abstract: Financial status of judges ensures their independence and impartiality. In this respect, the Russian court of the first half of the 19th century had to face a wide range of problems. Most memoirs and archival documents describe the low financial status of judges of the Russian Empire. This article focuses on the state support to court officials, without regard to their personal financial status, in 1801–1864. The previously undescribed archival materials help to understand the current material support for judges in the Russian Federation. The complex research provided a systemic analysis of the state support for judges across the Russian Empire at all levels of justice. The poor financial status of judges was a systemic problem of the pre-reform Russian justice, admitted by the Ministry of Justice itself. The state tried to resolve the situation that prevented the justice system from fulfilling its main functions, but with little effect.

Keywords: judicial system, judges, pre-reform Russian court, judicial reform of 1775, judicial reform of 1864, material situation, salary, Russian Empire

Citation: Podlesnykh S. N. Financial Status of Judges in the Russian Empire: Progress and Factors in 1801–1864. *SibScript*, 2025, 27(6): 999–1014. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-999-1014>

Received 29 Mar 2025. Accepted after peer review 24 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

В настоящей работе анализируется материальное положение судей губернского и уездного уровней правосудия, которые входили в систему министерства юстиции, а для целей сравнения – равных им по классу чиновников иных ведомств этих же уровней. Материальное обеспечение специальных судов (например, коммерческих, военных и т.д.), административно-судебных органов (например, земских судов) не рассматривалось. Хронологическими рамками исследования послужило время правления Александра I, Николая I, первые годы правления Александра II до судебной реформы 1864 г.

Организация судебной системы напрямую влияет на материальное положение судейского корпуса. Чем более эффективна судебная система, тем уровень материального положения судей в государстве выше. Материальное положение судей – один из критериев эффективности всей судебной системы. Изучение причин, влияющих на развитие материального положения судейского корпуса,

позволяет более детально проанализировать государственную политику в целом в сфере управления бюрократическим аппаратом в целом и судебными органами в частности. Вместе с тем в настоящей статье не рассматривается состояние личного имущества чиновников судебного ведомства, а только исключительно государственное финансовое обеспечение.

Проблемы в организации дореформенных отечественных судов, о которых так много писали современники (например, очень ярко о дореформенном суде высказывался известный адвокат Д. В. Стасов [Легкий 2011: 103–104]), имели как объективные, так и субъективные причины и были порождены в том числе самой сословной системой государственного управления, оформившейся еще в последней четверти XVIII в. С каждым годом нерешенные проблемы судебной системы России только усугубляли положение судейского корпуса. Одной из существенных проблем отечественной бюрократической системы дореформенного

времени исследователи называют низкий уровень материального положения чиновников, в первую очередь низшего звена. Доход более чем половины чиновников в губерниях не соответствовал реальному уровню [Вакилев 2014]. Данное обстоятельство являлось одной из причин коррупции в государственных структурах [Малкова 2011: 118], что напрямую влияло на качество правосудия. Так, в отчете III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии за 1836 г. указывалось: «Зло сие существует как и прежде и продолжает ограждать себя формами закона, за которыми преследование оно едва ли возможно... дела большею частью оканчиваются в пользу того, кто более может заплатить за успех»¹. Аналитики III отделения называли одной из главных причин коррупции «скудное содержание губернских чиновников»².

До 1917 г. в отечественной историографии практически не встречалось самостоятельных работ, посвященных материальному положению судей дореформенной эпохи. После реформы 1864 г. в отечественных газетах³ и журналах [Барымов 1881; Городынский 1896] буквально за тридцать лет появились десятки публикаций с обсуждением низкого материального содержания российских судей. Однако в этих публикациях речь шла о финансировании новых судебных учреждений.

В советское время отдельных работ, посвященных материальному обеспечению дореформенных судов, не выходило. Однако в работах, посвященных государственному аппарату и бюрократии имперской России, ряд авторов останавливались на вопросе материального положения служащих. К примеру, П. А. Зайончковский делал вывод, что «в XIX и начале XX в. условия материальной жизни основной массы чиновничества, за исключением высшей его группы, были крайне тяжелыми» [Зайончковский 1978: 72]. Хотя другой видный советский историк Н. П. Ерошкин отмечал, что «служба чиновников первой половины XIX в. оплачивалась весьма щедро» [Ерошкин 1981: 77].

В постсоветское время появляется большое количество работ, анализирующих государственное управление и бюрократию Российской империи. Историк Б. Н. Миронов пишет: «Однако материальное положение чиновников до сих пор остается в тени, вследствие чего ясных ответов на вопросы о том, когда и насколько оно ухудшилось или улучшилось в отдельные периоды у различных категорий, до сих пор не получено» [Миронов 2023b: 208].

В настоящее время вопросы материального обеспечения судей первой половины XIX в. анализируются авторами в том числе в общих работах, посвященных чиновничеству Российской империи [Абазов 2024; Воропанов 2022; Иванов 2012; Львов 2023; Мельникова 2010; Писарькова 2004]. Необходимо отметить узкоспециальную работу С. А. Торопкина, в которой проанализировано пенсионное содержание судей Российской империи [Торопкин 2021].

Таким образом, актуальность заявленной темы заключается в отсутствии самостоятельных исследований, имеющих своим предметом материальное положение российского судейского корпуса в дореформенное время, а также в важности самой темы – материального положения судей, которое обеспечивает их независимость и беспристрастность.

Цель – рассмотреть материальное положение судейского корпуса Российской империи, источником которого выступало государственное финансирование, и выявить причины, влиявшие на его развитие в 1801–1864 гг.

Методы и материалы

Основными источниками исследования послужили следующие материалы:

1) делопроизводственная документация, представленная архивными делами из следующих фондов, подавляющая часть которых впервые вводится в научный оборот: Российский государственный исторический архив – фонд 1149 (Департамент законов Государственного совета), фонд 1151 (Департамент

¹ Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869: сб. док-тов, сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры; Российский архив, 2006. С. 152.

² Там же. С. 93.

³ Провинциальные письма (связь необеспеченности членов суда с неправосудием). *Судебная газета*. 1883. № 9. С. 7–8; К вопросу о недостаточности получаемого чинами судебного ведомства содержания. *Русские ведомости*. 1881. № 102. С. 1; Обделенное ведомство (по поводу низких окладов чинов судебного ведомства). *Новости*. 1883. № 168. С. 1; К вопросу о материальном обеспечении чинов судебного ведомства. *Судебная газета*. 1894. № 4. С. 1; Казначеев П. К вопросу об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства. *Юридическая газета*. 1894. № 83. С. 2; Былинский В. Малочисленность судов и судей и недостаточная материальная обеспеченность последних. *Судебная газета*. 1900. № 4. С. 4–5.

гражданских и духовных дел Государственного совета), фонд 1152 (Департамент государственной экономики Государственного совета), фонд 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД);

2) опубликованные архивные материалы: документы из Сборника русского исторического общества; Сборник документов «Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869»;

3) нормативно-правовые акты: документы из Полного собрания законов Российской империи;

4) статистические и справочные издания: Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. Т. 1; Печерин Я. И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно; Министерство финансов. 1802–1904 гг. Ч. 1; Статистический временник Российской империи;

5) источники личного происхождения: воспоминания А. А. Бартенева, воспоминания Н. М. Колмакова, воспоминания Д. В. Стасова, дневник А. А. Половцова, записки П. Г. фон Дервиза, письма С. Р. Воронцова.

Методологической основой работы явились как общие, так и частные методы научного познания: метод структурного анализа, который позволил оценить финансово-экономическое положение в Российской империи в первой половине XIX в.; историко-сравнительный метод, с помощью которого в статье проведен сравнительный анализ бюджетных показателей России по ведомствам, по должностям, а также распределение государственных расходов в судебном ведомстве; историко-системный метод, который позволил рассмотреть низкий уровень материального положения судейского корпуса как проблему судебной системы России дореформенного времени; формально-логический метод, с помощью которого проведен анализ имперского законодательства в части материального обеспечения отечественного судейского корпуса; в статье также использовались иные методы научного познания.

Результаты

Одним из главных документов первой половины XIX в. в области материального обеспечения российского чиновничества был именной указ императора Александра I «О Высочайше утвержденных штатах 37 губерний» от 1 января 1802 г.⁴ В губерниях империи штаты по этому закону «состоялись», т. е. были применены, в период с 1802 г. по 1808 г. К примеру, в Казанской губернии штаты «состоялись» 1 января 1802 г., в Воронежской губернии – 24 мая 1803 г., в Белостокской области – 18 июля 1808 г.⁵ В соответствии с упомянутыми штатами все губернии были разделены на два разряда. Большинство губерний относились к I разряду. К губерниям II разряда относились, например, Санкт-Петербургская, Московская, Новгородская, Тобольская, Томская, Иркутская, Гродненская, Литовская, Виленская губернии и Белостокская область [Бикташева, Гасимова 2009: 21]. В губерниях II разряда жалованье чиновников было выше, чем в губерниях I разряда. За основу для анализа развития материального положения судейского корпуса нами взяты должности по губерниям I разряда.

В таблице⁶ на основе трех хронологических срезов (1802 г., 1845 г., 1859 г.) представлено жалованье по должностям губернского и уездного уровней государственного управления России. Для сравнения приведено жалованье по должностям, не относящимся к судебному ведомству. Суммы жалованья приводятся без учета вычетов, но с учетом земских сборов (где по закону они начислялись) и столовых денег.

Необходимо пояснить, что хотя в представленной таблице за 1859 г. не указаны жалованья по должностям прочих ведомств, для чинов, к примеру губернского правления, они оставались на уровне 1845 г. вплоть до 1865 г. [Миронов 2023b: 212–213], когда их жалованье было повышено «Временными штатами губернских правлений»⁷. Также надо отметить, что после финансово-денежной реформы

⁴ Именной, данный Сенату «О Высочайше утвержденных штатах 37 губерний» от 1 января 1802 г. *Полное собрание законов Российской империи* (ПСЗРИ). Собрание I. Т. XXVII. № 20.099. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 3–4.

⁵ Таблица V. Общее обозрение губерний. *ПСЗРИ*. Собрание I. Т. XLIV. Ч. II. Книга штатов. Царствование государя императора Александра I. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 228–231.

⁶ Сост. по: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113. Л. 187–340, 669; Таблица V. Общее обозрение губерний...; Высочайше утвержденные штаты губернских правлений к № 18580 от 2 января 1845 г. *ПСЗРИ*. Собрание II. Т. XX. Отд. II. Штаты и табели. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1846. С. 4–5; Высочайше утвержденное расписание старых и вновь увеличенных окладов от 4 июня 1859 г. *ПСЗРИ*. Собрание II. Т. XXXIV. Отд. 2. Штаты и табели. К № 34563. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1861. С. 218–235.

⁷ Высочайше утвержденные, 8 июня 1865 г., Временные штаты Губернских правлений. *ПСЗРИ*. Собрание II. Т. XL. Отд. II. Штаты и табели. К № 42180. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867. С. 157–158.

Табл. Жалование некоторых губернских и уездных чиновников России в 1802–1859 гг.

Tab. Salaries of some provincial and district officials in Russia, 1802–1859

Должность, класс	Жалование, руб. в год				
	1802	1845		1859	
	Ассигн. руб.	Ассигн. руб.	Сер. руб.	Ассигн. руб.	Сер. руб.
Должности по судебному ведомству министерства юстиции					
Председатель судебной палаты, V	810	4002,08	1143,45	6195	1770
Товарищ председателя судебной палаты, VI	–	2501,80	714,80	3849,27	1099,79
Советник в судебной палате, VI	600	1711,08	488,88	3079,41	879,83
Судья совестного суда, VI	600	600	171,59	0,00	0,00 ⁸
Уездный судья, VIII	300	1200,85	343,10	1837,50	525
Должности по прочим ведомствам					
Вице-губернатор, V	1200	7000 (+ 1995 квартирных по назначению министра)	2000 (+ 570 квартирных по назначению министра)	–	–
Председатель казенной палаты, V	–	8862	2532	–	–
Управляющий палатой государственных имуществ, V	–	8008	2288	–	–
Старший советник губернского правления, VI	–	3500	1000	–	–
Советник в казенной палате, VI	600	2950,50	843	–	–
Губернский казначей, VI	600	2950,50	843	–	–
Городничий, VIII	300	–	–	–	–
Ассессор казенной палаты, VIII	–	1767,50	505	–	–
Ассессор палаты государственных имуществ, VIII	–	1505	430	–	–

1839–1843 гг. изъятие из оборота ассигнационного рубля продолжалось до 1851 г. [Муравьева 2011: 76]. Однако чтобы сравнить повышение жалования чиновникам в 1859 г. по отношению к 1802 г., серебряные рубли за 1859 г. нами были переведены по курсу 1843 г. (1 сер. руб. = 3,5 ассигн. руб.) в ассигнационные рубли.

Из приведенной таблицы видно, что в начале XIX в. особой разницы в размерах жалования судей

с чиновниками иных ведомств не было. Только по должностям V класса (председатели судебных палат) судейский корпус уступал в жалованье служащим по должности вице-губернаторов – на 32,5 %. По всем остальным судейским должностям жалование было таким же, как в других ведомствах по должностям равного класса.

Однако ситуация серьезно меняется к 1840-м гг. К этому времени в сравнении с чиновниками иных

⁸ В 1848 г. жалование совестным судьям было отменено. См.: Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета «О временных штатах совестных судов» от 3 мая 1848 г. *ПСЗРИ*. Собрание II. Т. XXIII. Отд. I. № 22232. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1849. С. 284–285.

ведомств равного класса судьи существенно стали уступать им в плане материального положения. На 1845 г. судейский корпус в сравнении с должностями иных ведомств:

- V класс: по должности председателя судебной палаты – 50–55,5 %;
- VI класс: по должности товарища председателя судебной палаты – 15,2–28,5 %; по должности советника в судебной палате – 42–51,1 %; по должности судьи совестного суда – 79,6–82,8 %;
- VIII класс: по должности уездного судьи – 20,21–32,06 %.

В 1859 г. император Александр II своим указом⁹ резко сократил отставание размера жалования судей и чинов в других ведомствах. По некоторым должностям наметилось даже превышение размера жалования в сравнении с равными чинами иных ведомств. Так, в 1859 г. по отношению к размеру жалования чинов иных ведомств 1845 г. большее жалование было у товарища председателя судебной палаты (превышение на 10–30,5 %). У советника в судебной палате с учетом повышения жалования в 1859 г. его размер был все же или меньше, или немного превышал равные ему чины в иных ведомствах (например, превышение было по отношению к жалованию советника казенной палаты и губернского казначея). По должностям V класса отставание в размере жалования сократилось до 22,6–31,13 %. Уездный судья в силу указа 1859 г. также поправил свое материальное положение, его жалование стало примерно таким же, как жалование у чинов равного класса других ведомств.

В губернском судейском корпусе большее жалование было у председателей судебных палат. Именно по этой должности за 57 лет был максимальный прирост жалования. За указанный период жалование по этой должности было увеличено более чем в 7 раз. У судей классным чином ниже оклады были гораздо скромнее, чем у председателей судебных палат. Совестные судьи были финансово обеспечены менее всех иных чиновников судебного ведомства, что среди прочего было связано со спецификой их деятельности [Подлесных 2024]. Военный губернатор в Архангельске, сообщая в министерство юстиции

о положении дел в местном совестном суде, в марте 1846 г. отмечал: «содержание для служащих в суде, быв определено Высочайше утвержденным штатом еще 29 января 1780 года столь скудно, что недостаточно даже на дневное пропитание, и так несоразмерно в сравнении с другими присутственными местами, что в оных получают жалованья старшие писцы более, нежели в Совестном суде член, состоящий по должности в VII классе»¹⁰.

В приведенную таблицу нами не были включены высшие судьи – сенаторы, но для целей сравнения укажем размеры жалования некоторых из них. Для каждого из сенаторов сумма жалования рассчитывалась индивидуально, исходя из различных обстоятельств (стаж службы, награды, чин и т. д.). Самое большое жалование в судейском корпусе Российской империи в рассматриваемый период получали именно сенаторы. К примеру, генерал-лейтенанту, Грузино-Имеритинскому и Подольскому губернатору В. С. Сотникову, который стал сенатором 22 ноября 1849 г., было назначено годовое жалование в сумме 3920 руб. сер. (13720 руб. ассигн.). Генерал-лейтенант, барон П. К. Притвиц, который был назначен сенатором 13 октября 1849 г., имел жалование 3529,54 руб. сер. (12353,39 руб. ассигн.) в год¹¹.

В 1856 г. отечественным экономистом Ю. А. Гагемейстером было проведено сравнительное исследование расходов по ведомствам внутренних дел и юстиции России, Австрии, Франции и Пруссии. Оказалось, что в России с учетом огромной территории и численности населения расходы по министерству юстиции были в несколько раз меньше, чем в европейских государствах. В России на одного чиновника ведомства юстиции в год в среднем приходилось 155 руб. сер. [Шепелев 1999: 121].

В 1801–1864 гг. судебная система России была построена на положениях «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. В статьях данного документа суд рассматривался как составная часть государственного механизма [Сулейманов 2023: 394]. Соответственно основные принципы организации материального обеспечения судейского корпуса были заложены в 1775 г. Это, однако, не исключало корректировки и дополнения законодательной базы,

⁹ Об усилении штатного содержания губернских и уездных мест и лиц ведомства Министерства юстиции от 4 июня 1859 г. *ПСЗРИ*. Собрание II. Т. XXXIV. Отд. I. № 34563. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1861. С. 528–530.

¹⁰ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 75. Л. 6 об.–7.

¹¹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113. Л. 30–31.

регулирующей материальное обеспечение российского чиновничества, на протяжении всей первой половины XIX в., которое, как правило, сводилось только к увеличению окладов судьям. Так, 13 марта 1825 г. был подписан именной указ «О прибавке жалованья чиновникам губернских судебных мест»¹², 30 августа 1834 г. вышел закон «Об отпуске суммы для улучшения губернских штатов ведомства Министерств юстиции и Внутренних дел, а также по военному сухопутному ведомству»¹³, 9 января 1835 г. вышел именной указ «Об отпуске добавочной суммы на улучшение губернских штатов по ведомствам: Святейшего Синода, и министерства Финансов, Юстиции и внутренних дел»¹⁴. Отдельно надо сказать об упомянутом выше законе от 4 июня 1859 г. «Об усилении штатного содержания губернских и уездных мест и лиц ведомства Министерства юстиции», которым после финансово-бюджетного кризиса, вызванного в том числе Крымской войной, оклады судей были увеличены более чем на половину¹⁵. Основным нормативным документом, регулирующим пенсионное обеспечение судей, выступал принятый 6 декабря 1827 г. Устав о пенсиях и единовременных пособиях¹⁶.

Ряд авторов в качестве основной причины низкого качественного положения дореформенного суда называют отсутствие целостного правового механизма регулирования отправления правосудия [Грязнова 2023: 73]. Действительно, единого нормативного документа, регулирующего статус судей, в том числе обозначающего их материальное положение, в рассматриваемый период принято не было. На наш взгляд, данное обстоятельство негативно сказывалось на развитии материального положения судей дореформенной эпохи.

Постоянный рост народонаселения, развитие всех отраслей промышленности, умножение различных оборотов, появление новых обязанностей

для присутственных мест, дробление имений и капиталов, новые договоры, тяжбы и споры вследствие их неисполнения, а также введение более точных правил делопроизводства – всё это увеличивало объем работы судебных учреждений на протяжении всей первой половины XIX в. Данные обстоятельства закономерно требовали увеличения финансирования судебного ведомства. Вместе с тем оставление судейского корпуса на прежнем уровне материального положения вело к самым неудовлетворительным последствиям, а иногда и к вредным последствиям. Обстоятельство это не укрывалось от внимания правительства»¹⁷.

К началу XIX в. финансовая система России, доставшаяся Александру I от его предшественников, была в совершенно расстроенном состоянии. Так, к 1809 г. дефицит российского бюджета достиг непомерных для того времени сумм – 157 млн руб. По мнению исследователей, Россия оказалась на грани банкротства [Коршунова 2008: 157], хронический дефицит бюджета и большой государственный долг [Сорокин 2012: 69] были в том числе следствием военных компаний, которые вела Российская империя. Серьезным ударом по финансовой системе дореформенной России стали Отечественная война 1812 г. и Крымская война 1853–1856 гг. Тяжелое состояние финансов также усугублялось массовым казнокрадством чиновников на всех уровнях власти и отсутствием должного контроля за расходованием государственных средств [Муравьева 2010: 76].

Оценивая финансовое состояние Российской империи периода правления Александра I, дореволюционный исследователь И. С. Блюх писал: «Финансовое хозяйство России настоятельно требовало коренных перемен и улучшений»¹⁸. Анализ доходов и расходов России в дореформенное время показывает, что отечественный бюджет постоянно был дефицитным. Так, в 1803 г. разница между расходами

¹² О прибавке жалованья чиновникам губернских судебных мест от 13 марта 1825 г. *ПСЗРИ*. Собрание I. Т. XL. № 30.291. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 161.

¹³ Об отпуске суммы для улучшения губернских штатов ведомства Министерств юстиции и Внутренних дел, а также по военному сухопутному ведомству от 30 августа 1834 г. *ПСЗРИ*. Собрание II. Т. IX. Отд. I. № 7369. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1835. С. 842–843.

¹⁴ Об отпуске добавочной суммы на улучшение губернских штатов по ведомствам: Святейшего Синода, и министерства Финансов, Юстиции и внутренних дел от 9 января 1835 г. *ПСЗРИ*. Собрание II. Т. X. Отд. I. № 7744. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1836. С. 31–32.

¹⁵ Об усилении штатного содержания губернских и уездных мест и лиц ведомства Министерства юстиции от 4 июня 1859 г. ...

¹⁶ Устав о пенсиях и единовременных пособиях от 6 декабря 1827 г. *ПСЗРИ*. Собрание II. Т. II. № 1592. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 1032–1044.

¹⁷ РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113. Л. 692 об. – 693.

¹⁸ Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. 78.

и доходами составляла 10,6 млн руб., в 1805 г. – 19,719 млн руб., в 1810 г. дефицит бюджета составлял уже 105 млн руб.¹⁹ Граф С. Р. Воронцов в своем письме от 7 июня 1814 г. графу Ф. В. Ростопчину отмечал, что после войны 1812 г. «финансы, юстиция, внутреннее благоустройство, представляли мрачный образ беспорядка и злоупотреблений»²⁰.

Всю первую половину XIX в. расходы на военные министерства неуклонно росли. Огромные военные затраты привели к тому, что к 1850-м гг. бюджетная ситуация в Российской империи стала резко ухудшаться. За 1852–1857 гг. дефицит отечественного бюджета составлял 772,5 млн руб., т.е. в 3,5 раза превышал доходы за тот же период [Степанов 2018: 120]. Финансовое положение России серьезно ухудшила начавшаяся в 1853 г. Крымская война. С каждым годом превышение расходов над доходами только росло. В 1852 г. оно составляло 32 млн руб., в 1853 г. – 51,2 млн руб., в 1854 г. – 123,2 млн руб., в 1855 г. – 261,9 млн руб., в 1856 г. – 265,8 млн руб. Однако в 1857 г. разница между расходами и доходами сократилась до 38,5 млн руб., т.е. фактически вернулась к довоенному уровню²¹.

В первой половине XIX в. все более очевидным становилось экономическое отставание России от ведущих стран Запада. Современный историк С. А. Нефедов выделяет субъективную и объективную причины такого отставания. Субъективная причина, по мнению исследователя, заключалась в консерватизме высшей российской бюрократии, объективная причина – «это великодержавная политика Николая I, огромные военные расходы, требовавшие сохранения капиталов вкладчиков государственных банков как постоянно используемого финансового резерва правительства» [Нефедов 2021: 506].

О нездоровых делах в финансово-экономической сфере России в дореформенное время также писал один из самых известных предпринимателей дореволюционной России, меценат П. Г. фон Дервиз. В 1881 г., оценивая экономику Российской империи в предшествующие десятилетия, в одной из последних своих предсмертных записок он указывал, что «в России еще нет здоровой и прочной финансовой системы, и мы сводим концы с концами, лишь делая

долги»²². П. Г. фон Дервиз видел причины расстройства российских финансов не в тратах на войны, а в необдуманных поспешно проведенных экономических преобразованиях и «растрате и безвыходном закабалении казны для целей, с государственной пользой ничего общего не имеющих»²³.

Таким образом, очевидцы описываемых нами событий, дореволюционные экономисты и современные исследователи сходятся в едином мнении, что финансово-бюджетная сфера Российской империи дореформенного времени была в удручающем состоянии. Однако по поводу причин такого положения оценки были разные. В любом случае при таких условиях говорить о повышении содержания чиновников судебного ведомства было затруднительно.

Еще одна причина, которая решительно не позволяла государству в дореформенное время перенаправить необходимые для судебного ведомства бюджетные деньги, была связана с постоянным увеличением численности чиновничьего аппарата. На данное обстоятельство в своих работах указывали как советские, так и современные исследователи [Зубов 2008: 98]. Однако специальная литература по теме бюрократии Российской империи пестрит различными данными относительно конкретной численности отечественных чиновников. Хотя никто из исследователей не оспаривает тот факт, что численность российских чиновников из года в год постоянно росла, разные авторы приводят различную статистику по бюрократическому аппарату России, в том числе потому, что в исторической науке не сложилось единого подхода относительно самих понятий *служащий*, *чиновник* и т.д. Еще в 1910 г. публицист Н. А. Рубакин отмечал, что «прежде чем приступить к подсчету чиновников, необходимо ясно и точно определить, кого же собственно следует понимать под этим именем» [Рубакин 1910: 114]. Также до сих пор нет единой методики подсчета. Государственный аппарат Российской империи был весьма сложным и неоднородным по составу лиц, замещающих государственные должности.

Разумеется, увеличение числа чиновников требовало от государства дополнительных финансовых затрат. Чтобы наглядно на цифрах понять,

¹⁹ Там же. С. 85–86, 93.

²⁰ Цит. по: Блюх И. С. Финансы России XIX столетия... С. 123.

²¹ Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 15. СПб.: Издание центр. стат. комитета МВД, 1886. С. 44.

²² Дервиз фон П. Г. Одна из предсмертных записок. 1881 г. *Русская старина*. 1885. Т. XLVI. Вып. 6. Июнь. С. 593.

²³ Там же. С. 594.

каково было увеличение бюрократического аппарата в России дореформенного времени, сошлемся на свежие комплексные подсчеты историка Б. Н. Миронова, который использовал статистику из исследований как советских, так и современных ученых, а также архивные материалы. В общее количество чиновников Б. Н. Миронов включает и служащих, имеющих классный чин, и канцеляристов. Для рассматриваемого нами периода интересны данные о численности чиновников в России по следующим годам: 1807 г. – 27500; 1847 г. – 96500; 1857 г. – 122300 [Миронов 2023а: 432]. Таким образом, если брать за основу подсчеты Б. Н. Миронова, то с 1807 г. по 1857 г., т. е. за 50 лет, в Российской империи численность чиновников увеличилась более чем в 4 раза. Соответственно более чем в 4 раза было необходимо увеличивать бюджетные ассигнования на содержание государственного аппарата.

Несмотря на планы государства повысить содержание судей в течение всей последней четверти XVIII в.²⁴, на начало XIX в. жалование судейскому корпусу Российской империи системно так и не было повышено. Хотя некоторые губернаторы, например архангельский губернатор И. И. Ферстер, ходатайствовали перед правительством об увеличении жалования чиновникам. Просьба И. И. Ферстера была оставлена без удовлетворения²⁵.

Однако в некоторых губерниях жалование местному чиновничеству в начале XIX в. было повышено. Так, указом от 23 февраля 1804 г. для местных чиновников Олонецкой губернии немного были повышены оклады²⁶. Такое повышение окладов все же не успевало за ростом цен и к 1840-м гг. стало вовсе незаметным. В том числе на этом основании историк Л. Ф. Писарькова делает вывод, что «положение гражданских служащих XVIII века было более благополучным, чем их коллег в первой половине XIX века» [Писарькова 1995: 153].

Материальное обеспечение судейского корпуса России напрямую влияло на кадровый вопрос: «Благодаря недостатку образованных людей вообще, а главным образом вследствие крайней скудости присвоенного судебным чинам содержания, на должности по судебному ведомству в губерниях и уездах поступали по большей части лица совершенно невежественные и далеко не безупречные в нравственном отношении»²⁷. Похожую картину находим в отчетах III отделения за 1832 г.: «Что касается до губернских и уездных судебных мест, то об них должно сказать, что они представляют самую грустную картину. Решительно нет в них правосудия, и корыстолюбие существует в самой сильной степени»²⁸.

Особо трудно приходилось канцелярским служащим судов. Достаточно часто им приходилось расходовать свои собственные деньги на канцелярские нужды, это при том, что некоторые чиновники учреждений Фемиды вообще работали без жалованья, а лишь для того, чтобы набраться опыта. А. А. Бартенев, бывший в начале XIX в. служащим в Воронежском совестном суде, вспоминал: «Служба моя в совестном суде заключалась в натвержении руки в писании, хотя без жалованья, но зато и без расхода на бумагу и чернила»²⁹.

Современный исследователь Л. В. Беловинский отмечает: «Чин давал лишь существенные "невещественные права". Кормил он плохо, особенно людей в малых чинах» [Беловинский 2024: 56].

В структуре государственных расходов министерство юстиции занимало одно из последних мест. К примеру, за 1825 г. по министерству финансов всего было выделено 88369503 руб. 88,75 коп.³⁰, министерству внутренних дел – 15170146 руб. 18,5 коп.³¹ Меньше чем министерству юстиции за указанный год выделялось только министерству народного просвещения – 3608749 руб. 88,75 коп.³² и министерству иностранных дел – 4639503 руб.

²⁴ РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113. Л. 695–695 об.

²⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 38. Л. 5–5 об.

²⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 99. Л. 28–28 об.

²⁷ Министерство юстиции в истории России: к 220-летию со дня образования министерства юстиции (1802–1822), автор-сост. Е. В. Горбачева. М.: Известия, 2022. С. 87.

²⁸ Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869... С. 93.

²⁹ Бартенев А. А. Жизнь и воспоминания одного дворянина. *Воронеж в воспоминаниях и письмах современников. XIX – первая треть XX века*. Воронеж: Центрально-Черноземное книж. издат., 2015. С. 32.

³⁰ Финансовые документы царствования императора Александра I. *Сборник русского исторического общества*. Т. 45. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1885. С. 352.

³¹ Там же. С. 350.

³² Там же. С. 347.

24,5 коп.³³ Максимальное бюджетное финансирование было предусмотрено на военные министерства. Министерству юстиции за 1825 г. было выделено 5537974 руб. 97,25 коп.³⁴

Расходы на министерство юстиции с каждым годом практически только повышались: 1830 г. – 6,678 млн руб., 1835 г. – 8,876 млн руб., 1840 г. – 3,281 млн руб. сер., 1845 г. – 3,671 млн руб. сер., 1850 г. – 3,545 млн руб. сер., 1855 г. – 3,532 млн руб. сер., 1860 г. – 4,452 млн руб. сер., 1864 г. – 6,429 млн руб. сер.³⁵ Однако увеличение финансирования по министерству юстиции далеко не всегда было связано с повышением окладов судьям. Повышение расходов необходимо связывать в том числе с общим повышением цен, которые отражались в первую очередь на содержании архивов, департаментов министерства юстиции, помещений под суды (в том числе аренда), отопление, освещение, канцелярские расходы и т. д.

Несмотря на бюджетные трудности, в дореформенное время состоялось несколько системных повышений окладов судейского корпуса. К примеру, после повышения окладов судьям в 1834 и 1835 г. III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в своем отчете за 1837 г. писало, что «Положение судей значительно улучшено увеличением их окладов; но за всем тем часть судебная представляется в весьма неудовлетворительном положении. Вообще, как оказывается из сведений, полученных высшим наблюдением, класс судей у нас разделяется на два разряда: одни честны, но незнающие своего дела; другие сведущие, так называемые дельцы, но зараженные корыстолюбием»³⁶.

Последнее системное повышение окладов судьям перед реформой 1864 г. было проведено после Крымской войны – в 1859 г. Закон повышал судейские оклады на 57 %³⁷. Это было самое значительное системное повышение окладов судьям за период 1801–1864 гг.

Однако в реальности из-за высоких темпов инфляции функция денег как меры стоимости всю

первую половину XIX в. практически только слабела. «Под влиянием Наполеоновских войн, 1799–1815 гг., курс ассигнаций стал резко понижаться, только за один 1810 г. упал в 1,7 раза, в 1815 г. сравнительно с 1769 г. – в 5 раз» [Миронов 2023b: 211]. К примеру, только за несколько лет 1850-х гг. цена на хлеб возросла на 60 % и выше и более не понижалась. Сравнение цен 1849–1853 гг. с ценами 1860–1861 гг. показывает удорожание товаров на 52 % [Гагемейстер 186-?: 37, 41]. Высокие темпы инфляции были одной из причин, влиявших на развитие материального положения отечественного судейского корпуса в дореформенное время. Особенно тяжело было судьям совестных судов, жалование которых полностью было отменено указом 1848 г.³⁸

Несмотря на очевидные проблемы с финансированием судов, верховная власть долгое время этого не признавала. Так, в документах Комитета 6 декабря 1826 г. «судная власть» признавалась самой несовершенной. Выделялись причины такого несовершенства: «Подчиненность судных мест губернатору, определение судей посредством выборов, недостаток власти»³⁹. Однако среди причин несовершенства «судной власти» реформаторы не рассматривали низкий уровень финансового обеспечения судебного ведомства министерства юстиции.

В царствование Николая I, когда кадровая ситуация в судейском корпусе показала серьезные проблемы, вопрос увеличения финансирования судов стал подниматься и в министерстве юстиции, и в Государственном совете. Прошли некоторые штатные изменения по государственной службе, а жалование было немного повышено. Современник этих событий Н. М. Колмаков писал: «Улучшение штатов... было предметом особых забот министерства юстиции. Оно много лет переписывалось с министерством финансов, вносило записки в государственный совет, и, наконец, достигло того, что штаты его, впрочем, в весьма скромных размерах, были действительно увеличены и введены. Но эта мера, с теми сокращениями, кои придуманы были

³³ Там же. С. 349.

³⁴ Там же. С. 352.

³⁵ Министерство финансов. 1802–1904 гг. Ч. 1. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. С. 628–636.

³⁶ Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869... С. 169.

³⁷ Об усилении штатного содержания губернских и уездных мест и лиц ведомства Министерства юстиции от 4 июня 1859 г...

³⁸ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О временных штатах совестных судов» от 3 мая 1848 г...

³⁹ Бумаги Комитета 6 декабря 1826 года, относящиеся до преобразования губернского управления. *Сборник русского исторического общества*. Т. 90. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1894. С. 222.

князем П. П. Гагариным, не изменила положения вещей, все оставалось по-прежнему»⁴⁰.

Когда министр финансов Е. Ф. Канкрин проанализировал роспись государственных расходов на 1835 г. в разрезе столь неблагоприятного положения бюджетной сферы по части государственных расходов, он указал на следующие к этому постоянные причины:

- «возрастающее положение государства»;
- «учреждение новых заведений, умножение флота и войска»;
- «увеличение штатов без предварительного соображения с денежными способами государства; от чего в росписи следующего года заметно прибавлялись миллионы расходов»⁴¹.

Итак, министр финансов выделял как субъективные, так и объективные причины. Что касается бюрократического аппарата, то расширение штатов государственных учреждений не согласовывалось с министерством финансов. В целом это приводило и к снижению денежного содержания чиновников.

В 1845 г. Высочайше было утверждено учреждение губернских правлений⁴². В губерниях Российской империи вводилось новое штатное расписание. В соответствии с этим документом «жалованье переведено в серебряные рубли, что в целом для всего корпуса чиновников повысило реальное годовое содержание почти в 2 раза, в том числе у высших – в 3 раза, у средних – в 3,4 раза, у низших – в 1,6 раза» [Миронов 2023b: 220].

На протяжении всего дореформенного времени судебное ведомство страдало от бюджетного недофинансирования. Временные пособия, которые назначал министр юстиции особо нуждающимся чиновникам судебного ведомства, не могли окончательно поправить материальное положение в судейском корпусе⁴³. По мнению самого же министерства юстиции, штаты не имели «окончательного устройства». Чиновники министерства называли две причины к этому:

- «по местам 1-й и 2-й инстанций назначены общие суммы на содержание канцелярских служителей и канцелярские расходы без определения числа лиц и количества следующего им жалованья и без соображения с действительной потребностью»⁴⁴;
- штаты министерства юстиции «далеко не соответствуют настоящим потребностям судебных мест»⁴⁵.

Таким образом, чиновники министерства юстиции указывали на неэффективные штаты как на причину низкого материального обеспечения судейского корпуса.

В 1845 г. государь «соизволил, чтобы судебные места получили, когда откроется к тому возможность, некоторое усиление в способах содержания предпочтительно пред другими отраслями гражданского ведомства»⁴⁶. Император не отказывался от увеличения содержания судебного ведомства, однако указывал на отсутствие финансов в государственном бюджете на эти цели.

Так называемые бюджетные «лишние» деньги шли в первую очередь на повышение ассигнований тех ведомств, в которых монархия видела свою защиту. К примеру, по сметам 1846, 1847 г. министерству финансов так и не удалось повысить ассигнования для министерства юстиции из-за чрезвычайного увеличения расходов других ведомств. В 1847 г. император повелел министру юстиции сообщить свои соображения «о тех усилениях, кои необходимы для приведения судебных мест в лучшее положение» министру финансов и после этого внести данный проект в Государственный совет⁴⁷.

В исполнение Высочайшей воли министр юстиции В. Н. Панин представил в Государственный совет «окончательный проект нормальных штатов» по 45 губерниям, по которому предполагалось прибавить 766728 руб. 58,5 коп. При составлении данного проекта во внимание брался не только низкий уровень содержания судебного ведомства,

⁴⁰ Колмаков Н. М. Старый суд. Очерки и воспоминания. *Русская старина*. 1886. Т. LI–LII. Вып. 9–12. С. 518.

⁴¹ Печерин Я. И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1896. С. 167.

⁴² Высочайше утвержденное учреждение Губернских правлений от 2 января 1845 г. *ПСЗРИ*. Собрание II. Т. XX. Отд. I. № 18580. СПб.: Тип. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1846. С. 16–60.

⁴³ РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113. Л. 701.

⁴⁴ Там же. Л. 11 об.–12.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁶ Там же. Л. 15 об.

⁴⁷ Там же. Л. 16 об.

но и «неравенство содержания, производимого в губерниях чиновникам разных министерств». На неравенство содержания чиновников разных ведомств особо обратили внимание в Департаменте экономии Государственного совета, указав, что «все ряды государственной службы в общем составе государственного управления равно нужны и полезны и что всякое в пользу других ведомств изъятие из общего порядка в отношении способов назначаемого правительством содержания не может не противоречить означенному правилу»⁴⁸.

Проводимые в 1847–1849 гг. сенаторские ревизии губернских и уездных судебных мест «еще более обнаружили всю недостаточность представленных им средств». Почти все ревизоры указывали, что лучшее устройство судов требует увеличенного финансирования⁴⁹. В первую очередь низкий уровень материального обеспечения сказывался на делопроизводстве суда. Ревизия Пензенского совестного суда, которая проводилась в 1849 г., показала беспорядки, обусловленные отсутствием должного количества канцелярских работников⁵⁰. Таким образом, ревизии конца 1840-х гг. вскрыли в масштабе всей империи, что вопрос материального положения судебной системы является системной проблемой, напрямую влияющей на качество правосудия.

Интересны воспоминания современников, рисующие картины состояния судебного ведомства в дореформенное время, в том числе по части материального обеспечения судей. Так, к примеру, в дневнике российского государственного деятеля, историка и мемуариста А. А. Половцова за 1865 г. можно найти такие записи о состоянии российского судебного корпуса в те годы, когда министром юстиции был граф В. Н. Панин: «В те годы, да еще почти и донине, судебная служба, противно господствующим в других государствах понятиям, почиталась уделом бездарности и тупости... Содержания были раздаваемы судьям самые скудные, их переводили из одного места в другое против воли и без всякой причины, никто почти не утверждался в должности, чтобы не прибегать к высочайшей власти для увольнения,

все числились исправляющими временно должность по ордеру министра юстиции»⁵¹.

В официальных документах министерства юстиции описание судебной системы дореформенной эпохи перекликается с воспоминаниями современников. Например, в отчете министерства юстиции за 1851 г. указывалось: «в судебных местах служат ныне большей частью малоспособные или неопытные еще чиновники, не приносящие действительной пользы службе; они собственно говоря, только приучаются к делопроизводству, начиная свою службу в судебных местах и при первой возможности переходят в другие ведомства в том же городе или губернии, и там получают без затруднения высшие оклады»⁵². Отмечалось, что заменить этих малоспособных чиновников просто не кем. По заверениям губернских начальников (к примеру, отношение начальника Казанской губернии от 6 марта 1847 г.) в некоторых канцеляриях судебных мест жалование чиновника в месяц составляло иногда 60 коп. сер. Хотя действующее законодательство устанавливало даже содержащимся под стражей чиновникам выдавать «одних кормовых денег, не считая издержек от казны на помещение, одежду и прочее по 7 ½ коп. сер. в сутки на каждое лицо»⁵³. В месяц одним кормовых денег на чиновника-арестанта отпускалось на 2 руб. 25 коп. сер. Выходило до смешного, чиновнику судебного ведомства в финансовом вопросе было намного выгоднее пребывать в качестве арестанта в тюрьме, нежели служить по учреждению судебного ведомства.

Недофинансирование судебной системы также усугублялось тем обстоятельством, что высшее руководство государства на постоянной основе препятствовало обнародованию истинного положения дел о финансах России. К примеру, Николай I считал полным правом самодержавного монарха сокрытие бюджета империи. Дореволюционный ученый-экономист И. С. Блиох приводил такой показательный пример 1850 г. В этот год дефицит российского бюджета составил 38,427 млн руб. Комитет финансов, чтобы не навредить переговорам о значительном

⁴⁸ Там же. Л. 19.

⁴⁹ Там же. Л. 702.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1151 Оп. 3. 1849 г. Отд. гражданское. Д. 22.

⁵¹ Половцов А. А. Дневник. 1859–1882. В 2 т. Т. I: 1859–1877, сост., вступ. статьи, прим. О. Ю. Голечковой, С. В. Куликова, К. А. Соловьева. М.: Фонд «Связь Эпох», 2022. С. 296.

⁵² РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113. Л. 13 об.–14.

⁵³ Там же. Л. 14 об.

заграничном займе (оглашение дефицита могло навредить государственному кредиту), предложил Николаю I представить в Государственный совет фиктивную бюджетную роспись, в которой не было дефицита. Император с таким предложением согласился. В Государственный совет была направлена фиктивная бюджетная роспись, истинная же бюджетная роспись с дефицитом была скрыта⁵⁴. Император утверждал бюджетную роспись в режиме секретности, и государственный бюджет не публиковался до 1862 г. [Муравьева 2001: 42]. Разумеется, такой подход только увеличивал размеры казнокрадства.

В 1851 г. товарищ министра юстиции П. Д. Илличевский указывал на то, что уменьшение расходов по судебному ведомству возможно не за счет уменьшения содержания чиновников, а от сокращения количества чиновников. По его мнению, определить необходимое количество чиновников для каждого судебного места можно только после пересмотра действующих узаконений о судоустройстве и судопроизводстве (в том числе устава делопроизводства). Чиновник считал, что только после издания новых законоположений о суде, которыми будут упрощены и сокращены «форма и обряд суда и делопроизводства», возможно вернуться к вопросу о сокращении расходов по судебному ведомству⁵⁵. Таким образом, в том числе с финансовой точки зрения в министерстве юстиции понимали необходимость будущей судебной реформы.

Такой же точки зрения придерживались и чиновники финансового ведомства. Так, крупный экономист, тайный советник Ю. А. Гагемейстер указывал, что увеличить оклады чиновникам возможно только после их частичного сокращения. Однако исследователь указывал на обязательность первичного проведения реформы государственного аппарата [Погребинский 1956].

Заключение

Анализ архивных и статистических материалов, документов личного происхождения показывает, что в Российской империи в 1801–1864 гг. финансирование судебного ведомства уступало финансированию иных ведомств, хотя в начале XIX в. особой разницы в размерах жалованья судей и чинов иных ведомств не было. Серьезный разрыв в материальном обеспечении судей и чиновников других ведомств

равных им классов наблюдается в период правления Николая I, особенно в 1840-е гг. К 1850-м гг. в министерстве юстиции, как и в министерстве финансов, признавая недостаточным материальное обеспечение судейского корпуса Российской империи, сходились во мнении, что финансовый вопрос судей необходимо решать посредством реформирования самой судебной системы. Было отмечено, что простое механическое сокращение количества судей неспособно разрешить проблему их материального обеспечения.

Если в период правления Александра I принципы организации судебной системы, заложенные в 1775 г., только начинали давать сбои, полностью не вписываясь в новую государственную систему, то в 1830–1850-е гг. судоустройство, построенное Екатериной II, становится уже тормозом всей большой государственной машины. Недофинансирование судебного ведомства являлось одной из основных причин кадрового голода учреждений правосудия.

В отечественном судейском корпусе материальное положение чиновников судебного ведомства было дифференцированным. Наиболее обеспечены в материальном плане были сенаторы. Второе место в вопросе материального обеспечения занимали председатели судебных палат в губерниях империи. Самыми финансово незащищенными в дореформенной России были судьи совестных судов.

На протяжении всего дореформенного периода государством предпринимались меры по повышению уровня материального положения судейского корпуса. С повышением материального обеспечения судьям в 1859 г. отставание размера их жалованья по отношению к жалованью чинов иных ведомств было резко сокращено, по нескольким должностям даже превышено. Полностью сравнять или даже сделать большими жалованья судей по отношению к должностям равного класса в иных ведомствах до 1864 г. у государства не получилось. Этому мешал ряд объективных и субъективных причин, все из которых отрицательно сказывались на развитии материального положения отечественного судейского корпуса. Таким образом, вплоть до 1859 г., т. е. практически весь дореформенный период, жалованье судей было гораздо меньше, чем у их коллег равного класса в иных ведомствах. Так, на 1845 г. отставание по должностям V класса доходило до 55,5 %,

⁵⁴ Блюих И. С. Финансы России XIX столетия. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. 284–285.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. 4. Д. 113. Л. 21–22.

отставание по должностям VI класса – до 82,8 %, отставание по должностям VIII класса – до 32,06 %.

Основные причины, влиявшие на развитие материального положения судейского корпуса Российской империи в 1801–1864 гг.:

- устаревшая, запутанная и многоступенчатая система судостроительства, не адаптированная к меняющейся государственной и общественной жизни;
- отсутствие единого правового документа, регулирующего деятельность судейского корпуса (в том числе устанавливающего их единый правовой статус);
- несоответствие штатов министерства юстиции потребностям судебных учреждений;
- дисбаланс отечественного бюджета в части непомерного увеличения расходов на военные министерства;
- финансирование судебного ведомства по остаточному принципу;
- практика расширения штата чиновников без согласования с ведомством финансов;

- расширение государственного аппарата и численности чиновников;
- высокие темпы инфляции;
- высокий уровень казнокрадства (среди прочего запрет на обнародование государственного бюджета способствовал увеличению масштабов казнокрадства).

Довольно часто в дореформенное время основная задача министерства юстиции в вопросе обеспечения материального положения судейского корпуса заключалась не в повышении окладов чинам судебного ведомства, а в их сохранении на прежнем уровне, что ярко демонстрируют архивные документы 1851 г.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Абазов А. Х. Финансовое обеспечение деятельности Моздокского верхнего пограничного суда в 1793–1822 годах. *Научная мысль Кавказа*. 2024. № 1. С. 39–44. [Abazov A. H. Financial support for the activities of the Mozdok Upper Border Court in 1793–1822. *The Caucasus Scientific Thought*, 2024, (1): 39–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/orecml>
- Барымов А. А. По вопросу о судейском содержании и судейской эмеритуре. *Юридический вестник*. 1881. Т. VIII. № 10. С. 300–314. [Barymov A. A. State provision and old-age pension of judges. *Iuridicheskii vestnik*, 1881, VIII(10): 300–314. (In Russ.)]
- Беловинский Л. В. Жизнь русского обывателя. Т. 3. От дворца до острога. М.: Альма Матер, 2024. 532 с. [Belovinsky L. V. Life of the Russian commoner. Vol. 3. From palace to fortress. Moscow: Alma Mater, 2024, 532. (In Russ.)]
- Бикташева А. Н., Гасимова А. А. Источники материального обеспечения российских губернаторов первой половины XIX века. *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. Т. 151. № 2-2. С. 19–27. [Biktasheva A. N., Gasimova A. A. Material support sources of Russian governors in early 19th century. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2009, 151(2-2): 19–27. (In Russ.)]
- Вакилев Т. Р. Материальное положение провинциального чиновничества I половины XIX века на примере Пензенской губернии. *Наука. Общество. Государство*. 2014. № 3. С. 11–20. [Vakilev T. R. The provincial officialdom's welfare of the XIX century first half by the example of Penza's province. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2014, 3(7): 11–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjxfgr>
- Воропанов В. А. Судьи губернских судов общей подсудности в Западной Сибири в первой половине XIX в.: формально-качественные характеристики. *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 480. С. 99–106. [Voropanov V. A. Judges of provincial general jurisdiction of in Western Siberia in the first half of the 19th century: Formal qualitative characteristics. *Tomsk State University Journal*, 2022, (480): 99–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/480/12>
- Гагемейстер Ю. А. Заметки о хозяйственном положении России. [Б. м.]: [б. и.], [186-?]. 49 с. [Gagemeister Yu. A. Notes on the economic situation in Russia, [186-?], 49. (In Russ.)]

- Городынский Я. К. О необходимости улучшения материальной обстановки чинов судебного ведомства. *Журнал министерства юстиции*. 1896. № 9. С. 48–57. [Gorodyskiy Ya. K. On the need to improve the material situation of judicial officials. *Zhurnal ministerstva iustitsii*, 1896, (9): 48–57. (In Russ.)]
- Грязнова Т. Е. К вопросу о состоянии судебной системы Российской империи середины XIX века. *Байкальские компаративистские чтения: Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 17–18 марта 2023 г.)* Иркутск: БГУ, 2023. С. 72–76. [Gryaznova T. E. On the question of the state of the judicial system of the Russian Empire in the middle of the XIX century. *Baikal Comparativistic Readings: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Irkutsk, 17–18 Mar 2023. Irkutsk: BSU, 2023, 72–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vetdgc>
- Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М.: Мысль, 1981. 252 с. [Eroshkin N. P. *The feudal autocracy and its political institutions*. Moscow: Mysl, 1981, 252. (In Russ.)]
- Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с. [Zayonchkovsky P. A. *The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century*. Moscow: Mysl, 1978, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zttwjp>
- Зубов В. Е. К вопросу о численности аппарата управления в дореволюционной России. *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4-3. С. 98–102. [Zubov V. E. To the issue of public administration manpower in pre-revolutionary Russia. *Izvestiya of Altai State University*, 2008, (4-3): 98–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxmql>
- Иванов В. А. Служебная пригодность или личные симпатии начальника: окладное содержание служащих местных государственных учреждений России в середине XIX в. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2012. № 1. С. 20–31. [Ivanov V. A. Official suitability of chief personal sympathies: Monetary maintenance of serving local official bodies in Russia in mid 19th century. *RUDN Journal of Russian History*, 2012, (1): 20–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/orjsnn>
- Коршунова Н. В. Экономические реформы в России в первые десятилетия XIX в. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2008. № 22. С. 155–163. [Korshunova N. V. Economic reforms in Russia during first decades of the 19th century. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2008, (22): 155–163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/odsfor>
- Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов: судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи: к 150-летию судебной реформы 1864 г. в России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 424 с. [Legkiy D. M. *Dmitry Vasilyevich Stasov: Judicial reform of 1864 and the formation of the sworn bar in the Russian Empire: On the 150th anniversary of the judicial reform of 1864 in Russia*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2011, 424. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pavcqw>
- Львов А. В. Материальное положение чиновников государственной службы Российской империи в XIX веке. *Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (Москва, 20 апреля 2023 г.)* Саратов: Саратовский источник, 2023. С. 37–39. [Lvov A. V. Material situation of civil servants of the Russian Empire in the 19th century. *Problems of the realization of human and civil rights in the conditions of modern social transformations: Proc. XIV All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation*, Moscow, 20 Apr 2023. Saratov: Saratovskii istochnik, 2023, 37–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ksgneo>
- Малкова Н. Г. К вопросу о причинах взяточничества чиновников в России в конце XVIII – первой половине XIX века. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2011. № 3-1. С. 116–120. [Malkova N. G. Reasons officials' bribery in Russia in the end of XVIII – first half of the XIX centuries. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 2011, (3-1): 116–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohvjfx>
- Мельникова И. Г. Провинциальные чиновники в первой четверти XIX в. (на материалах Верхнего Поволжья). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2010. № 4. С. 87–102. [Melnikova I. G. Provincial bureaucrats in the first quarter of the 19th century (based on materials of Upper Volga region). *RUDN Journal of Russian History*, 2010, (4): 87–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvsvckl>
- Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. 3-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2023а. Т. 2. 912 с. [Mironov B. N. *Russian Empire: From tradition to modernity*. 3rd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2023a, vol. 2, 912. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wtsgcc>

- Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. 3-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2023b. Т. 3. 992 с. [Mironov B. N. *Russian Empire: From tradition to modernity*. 3rd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2023b, vol. 3, 992. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jdzbie>
- Муравьева Л. А. Государственный бюджет России в первой половине XIX века. *Финансы и кредит*. 2010. № 38. С. 76–84. [Muravyova L. A. State budget of Russia in the first half of the 19th century. *Finance and Credit*, 2010, (38): 76–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/muvcut>
- Муравьева Л. А. Деньги и денежное обращение в России в первой половине XIX в. *Финансы и кредит*. 2011. № 21. С. 71–80. [Muravyova L. A. Money and money circulation in Russia in the first half of the 19th century. *Finance and Credit*, 2011, (21): 71–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ntzzrf>
- Муравьева Л. А. Экономика и финансы России в первой четверти XIX века. *Финансы и кредит*. 2001. № 10. С. 41–48. [Muravyova L. A. Economy and finances of Russia in the first quarter of the 19th century. *Finance and Credit*, 2001, (10): 41–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hvfixf>
- Нефедов С. А. О формировании феномена экономического отставания России в первой половине XIX века. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2021. Т. 37. № 3. С. 489–509. [Nefedov S. A. On the formation of the phenomenon of the economic lag of Russia in the first half of the 19th century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ekonomika*, 2021, 37(3): 489–509. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.306>
- Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века. *Человек*. 1995. № 4. С. 147–158. [Pisarkova L. F. Russian official in service in the late 18th – first half of the 19th century. *Chelovek*, 1995, (4): 147–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rgomjb>
- Писарькова Л. Ф. Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века. *Отечественные записки*. 2004. № 2. С. 358–370. [Pisarkova L. F. An official in service in the late 17th – mid-19th centuries. *Otechestvennye zapiski*, 2004, (2): 358–370. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pnsewk>
- Подлесных С. Н. Совестьные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству: 1775–1866 годы. *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 10. С. 445–462. [Podlesnykh S. N. Justices of peace in Russian Empire as an alternative to formal judicial proceedings: 1775–1866. *Nauchnyi Dialog*, 2024, 13(10): 445–462. (In Russ.)] <https://10.24224/2227-1295-2024-13-10-445-462>
- Погребинский А. П. Государственные финансы России накануне реформы 1861 г. *Исторический архив*. 1956. № 2. С. 100–125. [Pogrebinskiy A. P. State finances of Russia on the eve of the reform of 1861. *Istoricheskii arkhiv*, 1956, (2): 100–125. (In Russ.)]
- Рубакин Н. А. Много ли в России чиновников (Из «Этюд о чистой публике»). *Вестник Европы*. 1910. № 1. С. 111–134. [Rubakin N. A. Are there many officials in Russia (from The Etudes on Pure Public). *Vestnik Evropy*, 1910, (1): 111–134. (In Russ.)]
- Сорокин А. И. Реформа государственных финансов российской империи в начале XIX века. *Финансы и кредит*. 2012. № 28. С. 68–76. [Sorokin A. I. Reform of public finances of the Russian empire in the early 19th century. *Finance and Credit*, 2012, (28): 68–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pajsmf>
- Степанов В. Л. Крымская война и экономика России. *Вопросы теоретической экономики*. 2018. № 1. С. 117–137. [Stepanov V. L. The Crimean war and the Russian economy. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2018, (1): 117–137. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00008>
- Сулейманов Б. Б. Судебная власть в «Учреждении управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. (технико-юридические аспекты). *Право: история и современность*. 2023. Т. 7. № 4. С. 393–407. [Suleymanov B. B. Judicial power in the "Establishment of governance of the All-Russian Empire provinces" in 1775 (technical and legal aspects). *Law: History and Modernity*, 2023, 7(4): 393–407. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bdwbvp>
- Торопкин С. А. Пенсионное обеспечение судей в Российской империи. *Правосудие*. 2021. Т. 3. № 2. С. 189–204. [Toropkin S. A. Pension provision for judges in the Russian Empire. *Justice*, 2021, 3(2): 189–204. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2021.2.189-204>
- Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 480 с. [Shepelev L. E. *Russian officials in the 18th – early 20th centuries*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb., 1999, 480. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/rhbfwx>

Влияние корпоративной вузовской идентичности на разрешение конфликтов в преподавательской среде российских императорских университетов (на примере Императорского Томского университета)

Рагимова Камила Зейдулаховна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5665-2409

<https://orcid.org/0000-0002-3329-0409>

Ragmila1@yandex.ru

Аннотация: Актуальность работы обусловлена трансформацией социально-экономических структур России рубежа XX–XXI вв., инициировавшей реструктуризацию профессиональных идентичностей, необходимость ревизии исторических прецедентов для управления современными академическими конфликтами. Цель – определить, каким образом и в какой степени корпоративная идентичность влияла на разрешение конфликтов в преподавательской среде провинциального университета Российской империи. Выявлены ключевые признаки и особенности корпоративной идентичности: нормативно-правовые основания, символические практики и ритуалы, социальная структура и коммуникативные связи, региональная специфика, конфликтность. Эффективное управление конфликтами требовало институционализации медиации и учета регионального кода корпоративности. Распад идентичности в 1917 г. подтверждает тезис о невозможности сохранения единства при разрушении баланса между формальными нормами и неформальными связями. Сделаны выводы, что структурные преобразования в обществе детерминировали процессы формирования новых идентичностей и трансформации существующих, что закономерно отразилось и на академической среде, уровень проработки взаимосвязи и влияния социально-правового статуса преподавателя в целом на отождествление себя с вузовской корпорацией был слабым.

Ключевые слова: социально-правовой статус, профессорская корпорация, высшее образование, учебные заведения, корпоративная идентичность, Императорский Томский университет

Цитирование: Рагимова К. З. Влияние корпоративной вузовской идентичности на разрешение конфликтов в преподавательской среде российских императорских университетов (на примере Императорского Томского университета). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1015–1024. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1015-1024>

Поступила в редакцию 09.08.2025. Принята после рецензирования 26.11.2025. Принята в печать 28.11.2025.

full article

Effect of Corporate Academic Identity on Faculty Conflicts: Tomsk Imperial University

Kamila Z. Ragimova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

eLibrary Author SPIN: 5665-2409

<https://orcid.org/0000-0002-3329-0409>

Ragmila1@yandex.ru

Abstract: Alma mater identity was a significant factor in resolving intra-university conflicts among faculty members in the Russian Empire. The research focused on the history of conflicts in the Tomsk Imperial University as a typical provincial university. The socio-economic changes that occurred in Russia at the turn of the 21st century

triggered a total restructure of alma mater identities, and the historical precedents of previous epochs may help the current management of academic conflicts. Before the Russian Revolution of 1917, corporate academic identity was a complex sociocultural phenomenon that combined elements of public service and academic practice. It was characterized by regulatory and legal foundations, symbolic practices, social structure, communication networks, regional specificity, and strife. Alma mater identity developed at the intersection of statutory requirements, academic traditions, and regional context. Effective conflict management required institutionalized mediation and a careful consideration of regional corporate codes. After the Revolution, the balance between formal norms and informal connections was disrupted, and it became impossible to maintain unity. Social transformations developed new identities and changed the existing ones, which naturally affected the academic environment. However, the general effect of socio-legal academic status on corporate identity was rather weak.

Keywords: socio-legal status, faculty, higher education, educational institutions, corporate identity, Tomsk Imperial University

Citation: Ragimova K. Z. Effect of Corporate Academic Identity on Faculty Conflicts: Tomsk Imperial University. *SibScript*, 2025, 27(6): 1015–1024. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1015-1024>

Received 9 Aug 2025. Accepted after peer review 26 Nov 2025. Accepted for publication 28 Nov 2025.

Введение

В научной литературе выделяют две основные концепции корпоративной идентичности. Первая рассматривает ее как «отождествление сотрудниками или отдельными организационными структурами себя как части организации, выражающееся в признании корпоративной философии, в воплощении организационных норм и правил поведения» [Крылов 2004: 35]. Вторая концепция обозначает идентичность как «результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем некоей организации, определенную степень отождествления себя с ней» [Дагаева 2008: 90]. Если первый подход связывает формирование корпоративной идентичности с соблюдением институциональных и регламентных требований, то второй подход акцентирует внимание на субъектно-эмоциональной основе.

Несмотря на относительно недавнее введение понятия *идентичность* в дискурс о современном академическом сообществе, фундаментальные предпосылки для изучения корпоративной идентичности отечественных вузовских преподавателей содержатся в историко-социологических исследованиях профессорско-преподавательского корпуса дореволюционной России. Значительный вклад в понимание его социально-профессиональной специфики внесли работы, посвященные истории высшего образования в России. Ключевыми представляются труды А. Е. Иванова, С. А. Некрылова, М. В. Грибовского, Е. А. Ростовцева, Е. С. Ляховича, А. С. Ревушкина.

А. Е. Иванов в своих работах сформировал портреты профессорско-преподавательского состава

российских университетов и пришел к выводу, что попытки самодержавия создать идеологически однородный корпус ученых-чиновников потерпели неудачу. Причину этой неудачи автор связывает с дуализмом общественного положения преподавателей. С одной стороны, профессура выступала в качестве чиновников, выполняя административно-служебную роль, а с другой – происходя из мелкобуржуазной и буржуазной среды, была генетически связана с капитализмом [Иванов 1973; 1977; 1991]. Это привело к системным противоречиям, исключая идеологическую гомогенность, которые самодержавная власть не смогла преодолеть.

С. А. Некрылов определил социальные, экономические, общественно-политические предпосылки открытия Императорского Томского университета и в полной мере проанализировал социально-правовой статус профессорско-преподавательского корпуса. Автор подробно раскрыл историю формирования профессорско-преподавательского состава, систему его подготовки и ротации, определил сословно-классовый состав профессоров, правовое и материально-бытовое положение преподавателей, их культурно-просветительскую и общественно-политическую деятельность [Некрылов 2010; 2011; Некрылов, Степнов 2021].

Особого внимания заслуживают исследования М. В. Грибовского, в которых профессорско-преподавательский корпус дореволюционных университетов анализируется как социально-профессиональная группа с присущими ей механизмами внутренней

интеграции, академической мобильности и взаимоотношений с властью [Грибовский 2014; 2020а; 2020b; Грибовский, Сорокин 2019]. Работы данного исследователя, основанные на архивных материалах из российских и европейских хранилищ, выявляют структурные факторы формирования корпоративного сознания, включая социально-экономический статус, внутрикорпоративные иерархии и институциональные традиции.

В работе А. О. Степнова и С. А. Некрылова на основе анализа делопроизводственной документации, источников личного происхождения и материалов периодической печати исследовался характер взаимоотношений профессуры Императорского Томского университета и чиновничества Российской империи в конце XIX – начале XX в. Подчеркивалось, что модернизированная бюрократия позднеимперской России обладала характеристиками, сближавшими ее с университетской профессурой. К числу таких характеристик относились прежде всего высокий уровень образовательной подготовки и осознание собственной культурной миссии, направленной на преобразование России с учетом европейского опыта развития. Однако покровительственная риторика и персонифицированный контроль, которые использовались со стороны попечителей учебных округов и чиновников Министерства народного просвещения в отношениях с профессурой, свидетельствовали о сохранении элементов патримониальной традиции в управлении университетами. Автор пришел к следующим выводам: во-первых, профессура Томского университета демонстрировала двойственную идентичность: с одной стороны, стремилась к академической автономии, с другой – использовала бюрократические механизмы для защиты своих интересов. Во-вторых, отношения с чиновничеством носили конфликтно-кооперативный характер: кооперация в вопросах финансирования и расширения университета и конфликты из-за вмешательства в учебный процесс. В-третьих, к 1917 г. усиление политизации общества привело к расколу в профессорско-преподавательской среде, одна часть поддержала Временное правительство, а другая часть сохранила лояльность имперской системе [Степнов, Некрылов 2022]. Методологическую основу исследования составляют компаративный анализ и институциональный подход, позволяющие выявить как общие черты, так и различия в положении и идентичности этих двух групп. Особое внимание уделяется практике

взаимодействия томской профессуры с местной и центральной администрацией, что раскрывает специфику регионального измерения имперской образовательной политики.

Е. А. Ростовцев реконструирует внутреннюю структуру университета, механизмы самоуправления, иерархию (профессора, доценты, приват-доценты) и нормы корпоративной солидарности. Акцент сделан на трансформации академического сообщества в «ученое сословие» с особыми правами, этикой и идентичностью. Показано, как противоречия между автономией корпорации и государственным контролем привели к расколу профессорского сообщества на консерваторов и либералов; к утрате солидарности после репрессий 1880–1890-х гг.; к маргинализации университета в предреволюционный период [Ростовцев 2017]. В своих статьях автор проанализировал поведение университетских корпораций в период системного кризиса Российской империи (конец XIX – начало XX в.), составил коллективный портрет профессорско-преподавательской корпорации с использованием методов просопографии и статистического анализа и определил основные черты карьерного пути и академической мобильности преподавателей столичного (Санкт-Петербургского) и провинциальных (Новороссийского и Томского) университетов. Среди сопоставляемых показателей выделил продолжительность работы, наличие ученой степени, соотношение профессоров и младших преподавателей и т. д. [Ростовцев 2020; Ростовцев, Баринов 2020].

Монография Е. С. Ляховича и А. С. Ревушкина – фундаментальное исследование, посвященное роли и месту университетов в Российской империи с момента их основания в XVIII в. до 1917 г., комплексное изучение российских университетов как важнейших социальных, культурных и идеологических институтов, которые формировали интеллектуальную элиту страны, влияли на государственную политику и были центрами общественной мысли. Центральным звеном, вокруг которого строилась вся жизнь университета, авторы считали университетских преподавателей. Они осветили особенности функционирования профессорской корпорации как сплоченного сообщества с внутренними законами, иерархией, этикой и чувством корпоративной чести, отметили преемственность профессии, проанализировали взаимоотношения профессуры с властью и обществом, их материальное положение и быт, идейные размежевания [Ляхович, Ревушкин 1998].

Ценным источником для составления обобщенного портрета преподавателей университета как социальной группы является биографический словарь «Профессора Томского университета»¹. В словаре собраны, систематизированы и представлены подробные биографические очерки о профессорах, работавших в Императорском Томском университете с момента его основания в 1888 г. до 1917 г. Эта работа – коллективный портрет первого поколения сибирской университетской профессуры, которое заложило интеллектуальный и научный фундамент высшего образования региона.

Л. А. Сазонова и Л. А. Бушуева в своих трудах раскрыли корпоративную идентичность Императорского Казанского университета через призму повседневности, социальных практик и кризисов и пришли к выводу о двойственности преподавательской идентичности: профессор одновременно ощущал себя членом научной корпорации (хранителем знаний) и чиновником на службе государства. Эта двойственность усиливалась в периоды репрессий, например при массовых увольнениях 1911 г. [Бушуева 2011; Сазонова 2008].

Формирование исследовательского интереса к корпоративной идентичности преподавателей высшей школы на рубеже XX–XXI вв. обусловлено структурными изменениями в экономике, системе управления образованием и социальной сфере, которые инициировали процессы пересмотра профессиональных и организационных идентичностей, реструктуризации ценностных ориентиров в академической среде. Данный контекст обусловил востребованность междисциплинарных исследований феномена корпоративной идентичности в университетском пространстве.

Современные исследования активно фокусируются на теме корпоративной идентичности в разных социально-профессиональных группах [Яшина 2006]. Особого внимания для понимания аспектов данного феномена заслуживают работы С. А. Липатова, А. С. Куприянова [Куприянов 2011; 2012; Липатов 2009], рассмотревших структурные компоненты корпоративной идентичности российских бизнес-организаций. Теоретические модели и методические решения, предложенные в этих работах, послужили отправной точкой для конструирования исследовательского инструментария, направленного на выявление структурных компонентов

корпоративной идентичности профессорско-преподавательского состава российских университетов, такими учеными, как Н. В. Богатырь и П. В. Романов [Богатырь 2012; Романов 1999].

Социальная идентичность преподавательского корпуса российских вузов является предметом активного научного осмысления. И. Г. Зотов осуществил комплексную типологизацию идентичностных моделей профессорско-преподавательского состава, выявил ключевые детерминанты структуры и динамики идентичности: профессиональный статус (наличие ученой степени и должности коррелирует с силой связи с академической корпорацией), профессиональный стаж, возраст, гендер (различия в эмоциональной (женщины) и инструментальной (мужчины) составляющих) [Зотов 2011].

Большинство работ, посвященных корпоративной идентичности, фокусируются на современном состоянии проблемы и недостаточно рассматривают ситуацию, сложившуюся в университетах Российской империи. Тем не менее томские ученые подробно рассмотрели несколько конфликтов внутривузовской корпорации Императорского Томского университета. С. Ф. Фоминых и А. О. Степнов проанализировали провинциальный аспект академических конфликтов и пришли к выводу, что он влиял на протекание и разрешение разногласий не меньше, чем личностная составляющая профессуры [Фоминых, Степнов 2019].

А. О. Степнов, С. А. Некрылов и С. Ф. Фоминых на основе архивной документации, периодической печати и источников личного происхождения реконструировали конфликт преподавателей Императорского Томского университета и пришли к выводу, что разногласия на юридическом факультете весной-летом 1917 г. продемонстрировали хрупкость университетской корпоративности при исчезновении внешних (государственных) регуляторов. Распад этических норм и переход к «ресурсной войне» закрепился в коллективной памяти как травматический прецедент, повлиявший на последующие кризисы внутри вуза. Авторы подчеркнули: устойчивость академической среды зависит от синтеза формальных институтов и неформальных связей, а их рассогласование ведет к коллапсу корпоративной культуры [Степнов и др. 2018].

С. Ф. Фоминых и А. О. Степновым был исследован конфликт, возникший в связи с деятельностью

¹ Профессора Томского университета: биографический словарь, отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: ТГУ, 1996. Вып. 1.

профессора М. А. Рейснера. Работа фокусировалась на специфике провинциальных академических конфликтов, где ключевым фактором выступает коммунитарная интеграция университета в городскую среду, обусловленная отсутствием жестких административных границ между академическим и общественным пространством. Авторы пришли к нескольким выводам: во-первых, о возникновении феномена коммунитарного расширения, т.е. трансформации узкоакадемического события в общегородское с вовлечением в него дополнительных акторов (студентов, чиновников, обывателей); во-вторых, вывод о конфликте как индикаторе системных проблем, формировавшихся вследствие слабых медиативных механизмов внутри университета, зависимости академической среды от политических установок центра и локальных элит, невозможности изоляции конфликта в рамках корпорации из-за сетевой структуры провинциального социума [Фоминых, Степнов 2018].

Цель – определить, каким образом и в какой степени корпоративная идентичность влияла на разрешение конфликтов в преподавательской среде провинциального университета Российской империи. Задачи: установить подходы к понятию *корпоративная идентичность*; 2) определить особенности корпоративной идентичности преподавателей периферийных вузов Российской империи; 3) проанализировать влияние корпоративной идентичности на разрешение конфликтов внутри академической корпорации.

Методы и материалы

Исследование корпоративной идентичности и ее влияния на конфликты в преподавательской среде имперских вузов России находится на стыке истории, социологии и психологии. В основу работы положены социальный подход и биографический метод. В рамках социального подхода биография рассматривается как реконструкция личной жизни отдельных исторических индивидов и одновременно как одна из необходимых предпосылок познания включавшего их исторического социума [Репина 1999]. Биографический метод, основанный на систематическом сборе и анализе данных о жизненном пути индивида как личности и субъекта деятельности, позволяет

не только реконструировать индивидуальные траектории, но и служит эффективным инструментом для понимания исторического социума, поскольку учитывает событийный контекст соответствующей эпохи. Просопография, являясь неотъемлемой составляющей современных биографических исследований, выполняет две ключевые функции. Во-первых, она направлена на выявление типичных поведенческих паттернов в изучаемой группе. Во-вторых, проведение сплошного анализа биографий профессорско-преподавательского состава за определенный хронологический период позволяет не только конструировать коллективные (социальные, групповые) портреты данной академической среды, но и реконструировать горизонтальные социальные сети внутри университетского сообщества, включая коммуникативные связи различного характера (дружеские, враждебные, соседские, родственные и пр.).

Результаты

Корпоративная идентичность в университетах Российской империи представляла собой сложный социокультурный феномен, сочетавший государственно-служебные и академические элементы. Ее ключевыми признаками и особенностями выступали: нормативно-правовые основания, символические практики и ритуалы, социальная структура и коммуникативные связи, региональная специфика, конфликтность.

Нормативно-правовые основания базировались на уставной регламентации, что проявлялось в закреплении корпоративного статуса в уставных документах (особенно Университетском уставе 1884 г.²), определявших иерархию чинов, обязанности профессорско-преподавательского состава как государственных служащих и порядок внутреннего самоуправления. Вторым базисом являлась присяга на верность. При вступлении в должность преподаватели приносили присягу, формализуя принадлежность к академическому гражданству и подчеркивая двойную лояльность – государству и научному сообществу. Третья составляющая нормативно-правового основания корпоративной идентичности – корпоративная автономия. Несмотря на контроль Министерства народного просвещения даже в период контрреформ Александра III,

² Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов. № 2404. 23.08.1884. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб.: Гос. тип., 1887. Т. 4. 1884. С. 456–474.

университеты сохраняли элементы самоуправления (выборы деканов факультетов, право на соискание ученой степени и т. д.), создававшие основу для профессиональной солидарности.

Второй признак корпоративной идентичности проявлялся в соблюдении профессорско-преподавательским составом университетов символических практик и ритуалов. Академические церемонии, торжественные акты, посвящения в студенты, юбилеи профессуры формировали эмоциональную связь с вузом. Гербы университетов, мундиры преподавателей, знаки отличия (например, золотые галуны у профессоров) визуализировали статусную иерархию и принадлежность к корпорации и формировали визуальную идентичность.

Третий признак корпоративной идентичности – социальная структура и коммуникация. Система научных чинов (ординарный / экстраординарный профессор, доцент, адъюнкт) определяла не только должность, но и место в корпоративной структуре, формируя жесткую иерархию. Горизонтальные связи: землячества, научные школы, родственные альянсы – играли ключевую роль в разрешении конфликтов и создавали клановое единство. Корпоративная честь диктовала при возникновении внешних конфликтов, публичной критики соблюдения кодекса поведения. От преподавателей требовалась солидарность и выступление единым фронтом, даже если они имели внутренние разногласия.

Четвертым признаком корпоративной идентичности выступала региональная специфика вузов. В столичных вузах (Санкт-Петербург, Москва) над университетской, научной преобладала бюрократическая этика из-за близости к власти. В периферийных университетах (Томск, Казань) происходило усиление академической солидарности как механизма защиты от вмешательства чиновников центра империи. Формирующим фактором региональной специфики корпоративной идентичности выступала изолированность сибирских вузов. В конце XIX в. Томск – это не столица, но и не глухая провинция, а административный и интеллектуальный центр огромного и развивающегося края. Университет был частицей европейской науки среди сибирской тайги. Географическая оторванность способствовала осознанию себя пионерами просвещения, выполняющими миссию не только по обучению студентов, но и несению культуры населению.

Это рождало в преподавателях чувство общей цели и исключительности. Профессорская корпорация Томска была собрана из выпускников разных университетов империи, что, как ни парадоксально, усиливало ее сплоченность. В Томск приезжали ученые из Москвы, Петербурга, Казани, Киева, Дерпта. Не было доминирования одной альма-матер. Это предотвратило возникновение внутренних кланов, т. к. все находились в одинаковом статусе переселенцев. Следует отметить, что в сибирском университете был невысокий процент иностранцев, но они особенно ценились, т. к. привносили международный опыт и помогали избежать провинциализма. Яркий пример – Э. А. Леман, швейцарец, один из основателей медицинского факультета и выдающийся гистолог.

Конфликтность как пятый признак корпоративной идентичности проявился в расколе субличностей: борьбе между бюрократической (лояльность государству) и академической идентичностями. Революционные брожения в Российской империи привели к постепенному распаду системы и кризису идентичности. При исчезновении внешних рамок начали доминировать материальные интересы, а не корпоративные ценности. Произошла эрозия корпоративной чести: профессора отказались от солидарности при внешней критике, перейдя к открытой конфронтации.

Источником противоречий внутри профессорско-преподавательского корпуса Императорского Томского университета были идеологические, материальные, статусные и другие причины, и разрешение конфликтных ситуаций происходило по-разному. Рассмотрим несколько примеров.

В 1902–1903 гг. в Императорском Томском университете возник конфликт в связи с деятельностью профессора М. А. Рейснера, выступившего в 1902 г. с двумя лекциями, обнародованными в местной газете «Сибирская жизнь»³. Предпосылкой конфликта стала мировоззренческая позиция М. А. Рейснера, продвигавшего либеральные реформы, критиковавшего косность провинциальной профессуры и использовавшего прессу для публичной дискуссии. М. А. Рейснер столкнулся с сопротивлением руководства университета и группы консервативных профессоров (во главе с В. В. Сапожниковым), рассмотревших в его действиях опосредованную критику самодержавия

³ Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673.

и угрозу традициям университетской корпорации, т. к. конфликт развернулся за пределами учебного заведения и достиг столицы. Публичные дискуссии М. А. Рейснера с профессурой переросли в институциональные кризисы, локальный спор искусственно масштабировался сначала местной прессой, а затем и столичной, консервативное большинство использовало административные рычаги для изоляции «смутьяна».

Как результат, возникла дезинтеграция академического братства: преподавательский корпус университета раскололся на традиционалистов и прогрессистов, произошло ослабление неформальных связей и трансформация внутрикорпоративных этических норм (допущение публичной критики коллег), обращение к внешним арбитрам (Министерству народного просвещения, прессе).

Данный конфликт отражал модель расширяющегося конфликта, типичную для провинциальных университетов Российской империи. Отсутствие четких границ между академической корпорацией и городским сообществом трансформировало локальный спор в общегородское событие, что подчеркнуло ключевую роль неформальных коммуникативных сетей в эскалации противостояния и невозможность разрешения конфликтов без учета регионального социокультурного контекста. Материалы дела М. А. Рейснера служат доказательством тезиса о провинциальном университете как гибридном пространстве, где академические нормы конкурируют с коммунитарными практиками.

Второй рассматриваемый конфликт имел предысторию. В 1910/1911 учебном году на юридическом факультете Томского университета дважды проходили выборы декана. Обе выбранные кандидатуры (И. А. Малиновский и М. И. Боголепов) не были утверждены Министерством народного просвещения по политическим причинам. Решение центра вызвало смятение в среде университетских преподавателей. На фоне обостренной обстановки в газете «Сибирская жизнь» выходит статья со словами якобы П. М. Богаевского: «Если выборы декана не могут состояться, и дело идет к назначению декана министром народного просвещения, то могу вам сообщить, что назначен деканом буду я»⁴. Таким

образом, причиной конфликта между профессорами Императорского Томского университета послужила публикация, которую П. М. Богаевский счел клеветнической и обвинил Н. Я. Новомбергского в недостойном поведении и разглашении внутренней информации. Но источником противоречий профессоров университета был конфликт профессиональных субличностей внутри корпорации. П. М. Богаевский, ориентирующийся на иерархию и дисциплину, являлся представителем административной субличности. Н. Я. Новомбергский ставил научную независимость и университетскую автономию в приоритет и относился к академической субличности. Разногласия, которые имели перспективы перерасти в политический конфликт между профессурой и властью внутри академической корпорации, постепенно трансформировались в личностный и этический конфликт. Неэффективность институтов медиации и механизмов интеграции противоречий привела к затягиванию конфликта и его эскалации – передаче дела в Министерство народного просвещения. Ситуация усугубилась вмешательством внешних политических сил, эксплуатировавших противоречия⁵.

Противостояние преподавателей Императорского Томского университета весной-летом 1917 г. имело не идейную, а личностно-материальную подоплеку (спору из-за зарплат, должностей, ресурсов), что разрушало традиционные нормы университетской корпорации⁶. Катализатором разрушений выступали революционные волнения, характеризовавшиеся резкой активизацией общественной жизни, политическим подъемом различных социальных групп, среди которых была и академическая корпорация Томска, условно разделенная на профессоров-администраторов (сторонников иерархии) и преподавателей-новаторов, требующих изменений и либерализации академической среды. Исчезновение имперской административной системы ослабило механизмы подавления конфликтов, перенес их в публичное пространство. Конфликт привел к эрозии моральных норм и распаду горизонтальных связей, что проявилось в прерывании неформальных коммуникаций и росте взаимного недоверия.

⁴ Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск: Сибирское товарищество печатного дела, 1911, 24 сентября.

⁵ ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 62; Д. 511; Д. 1061.

⁶ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 731; Д. 1061.

Заключение

Корпоративная идентичность имперских университетов была системообразующим, но хрупким конструктом. Идентичность формировалась на пересечении уставных требований, научных традиций и регионального контекста. Дуализм корпоративной идентичности – служение государству и одновременно верность академической среде – создавал потенциал для конфликтов, которые в столицах нивелировались административными методами, а в провинции трансформировались в коммуни-тарные кризисы под влиянием как внутренних, так и внешних факторов.

Исторический опыт демонстрирует: эффективное управление конфликтами требовало институционализации медиации и учета регионального кода корпоративности. Распад идентичности в 1917 г. подтверждает тезис о невозможности сохранения

единства при разрушении баланса между формальными нормами и неформальными связями. Кризисы возникали при нарушении баланса между формальной лояльностью государству и неформальной солидарностью, академической автономией и внешним контролем, индивидуальными амбициями и корпоративными нормами. Данные выводы актуальны для современных вузов, сталкивающихся с вызовами глобализации и реформ.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Богатырь Н. В. Антропология организаций и сетевых сообществ: история и современность. *Этнографическое обозрение*. 2012. № 3. С. 3–12. [Bogatyr N. V. Anthropology of organizations and network communities: History and the present. *Etnograficeskoe Obozrenie*, 2012, (3): 3–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozzqkt>
- Бушуева Л. А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века). *Диалог со временем*. 2011. № 36. С. 248–266. [Bushueva L. A. The corporation of university professors at Kazan' in the early XXth C.: Interpersonal communications of academics. *Dialog so Vremenen*, 2011, (36): 248–266. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbwzqd>
- Грибовский М. В. Николай Андреевич Гредескул: Профессор эпохи Русской революции. *Новый исторический вестник*. 2020а. № 1. С. 116–127. [Gribovskiy M. V. Nikolay Gredeskul: Professor of the Russian revolutionary epoch. *Novyj Istoriceskij Vestnik*, 2020a, (1): 116–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjklww>
- Грибовский М. В. Трудности университетской карьеры в России в конце XIX – начале XX века. *Социология науки и технологий*. 2020b. Т. 11. № 2. С. 146–159. [Gribovskiy M. V. Difficulties of a university career in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Sociology of Science & Technology*, 2020b, 11(2): 146–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rdrqgv>
- Грибовский М. В. Университетское преподавательское сообщество России конца XIX – начала XX вв.: формы проявления корпоративной идентичности. *Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования*: Междунар. науч. конф. (Томск, 14–15 октября 2014 г.) Томск: ТГУ, 2014. С. 258–259. [Gribovskiy M. V. Academic community in Russia in the late 19th and early 20th centuries: Forms of corporate identity. *Man in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and Modernity: Methodology, Methods, and Research Practices*: Proc. Intern. Sci. Conf., Tomsk, 14–15 Oct 2014. Tomsk: TSU, 2014, 258–259. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uebtff>
- Грибовский М. В., Сорокин А. Н. Нормы корпоративной этики в российской университетской среде конца XIX – начала XX в. *Былые годы*. 2019. Т. 51. № 1. С. 314–324. [Gribovskiy M. V., Sorokin A. N. Standards of corporate ethics in the Russian university environment in the Late XIX – early XX century. *Bylye Gody*, 2019, 51(1): 314–324. (In Russ.)] <https://doi.org/10.13187/bg.2019.1.314>
- Дагаева Е. А. Имидж вуза и корпоративная идентичность. *Высшее образование в России*. 2008. № 11. С. 89–93. [Dagaeva E. A. University image and corporate identity. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*, 2008, (11): 89–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvsyur>

- Зотов И. Г. Основные черты социальной идентичности преподавателей вузов. *Социология образования*. 2011. № 3. С. 73–81. [Zotova I. G. The main features of the social identity of faculty members. *Sotsiologiya obrazovaniia*, 2011, (3): 73–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mryqik>
- Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: АН СССР; ИИ СССР, 1991. 392 с. [Ivanov A. E. *Higher School of Russia in the late XIX – early XX century*. Moscow: AS USSR; IH USSR, 1991, 392. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxnrmj>
- Иванов А. Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. *Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России*, отв. ред. А. В. Ушаков. М., 1977. Вып. 48. С. 102–126. [Ivanov A. E. The First Russian Revolution and the professorship of higher education institutions. *Issues of socio-economic development and the revolutionary movement in Russia*, ed. Ushakov A. V. Moscow, 1977, iss. 48, 102–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvzdzk>
- Иванов А. Е. Российские университеты и русско-японская война. *Проблемы отечественной истории*, отв. ред. А. М. Анфимов. М.: АН СССР; ИИ СССР, 1973. Ч. 1. С. 268–282. [Ivanov A. E. Russian universities and the Russo-Japanese War. *Problems of national history*, ed. Anfimov A. M. Moscow: AS USSR; IH USSR, 1973, pt. 1, 268–282. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zearkd>
- Крылов А. Н. Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. М.: НИБ, 2004. 222 с. [Krylov A. N. *Corporate identity for managers and marketers*. Moscow: NIB, 2004, 222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qocorn>
- Куприянов А. С. Структурные компоненты корпоративной идентичности сотрудников российских бизнес-организаций. *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 1. С. 72–74. [Kupriyanov A. S. Structural components of corporate identity of workers in Russian business organizations. *Theory and practice of social development*, 2012, (1): 72–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oykxtj>
- Куприянов А. С. Типы корпоративной идентичности сотрудников российских бизнес-организаций. *Социально-гуманитарные знания*. 2011. № 11. С. 269–273. [Kupriyanov A. S. Types of Russian business organization workers identity. *Social and humanitarian knowledge*, 2011, (11): 269–273. (In Russ.)]
- Липатов С. А. Социальная идентичность работников в организационных условиях. *Идентичность и организация в меняющемся мире*, отв. ред. Н. М. Лебедева, Н. Л. Иванова, В. А. Штроо. М.: ВШЭ, 2009. С. 191–212. [Lipatov S. A. Social identity of employees in organizational settings. *Identity and organization in a changing world*, eds. Lebedeva N. M., Ivanova N. L., Shtroo V. A. Moscow: HSE, 2008, 191–212. (In Russ.)]
- Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. 2-е изд., испр. и доп. Томск: ТГУ, 1998. 580 с. [Lyakhovich E. S., Revushkin A. S. *Universities in the history and culture of pre-Revolution Russia*. 2nd ed. Tomsk: TSU, 1998, 580. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynzbyq>
- Некрылов С. А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск: ТГУ, 2010. Т. 1. 514 с. [Nekrylov S. A., Fominykh S. F. *Tomsk University is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)*. Tomsk: TSU, 2010, vol. 1, 514. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rutuot>
- Некрылов С. А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск: ТГУ, 2011. Т. 2. 598 с. [Nekrylov S. A. *Tomsk University is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)*. Tomsk: TSU, 2011, vol. 2, 598. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rutupd>
- Некрылов С. А., Степнов А. О. Конфликты в сообществе Императорского Томского университета: к вопросу об основаниях конфликтов в университетах Российской империи конца XIX – начала XX в. *Социология науки и технологий*. 2021. Т. 12. № 3. С. 39–59. [Nekrylov S. A., Stepnov A. O. Conflicts in the community of the Imperial Tomsk University: On the foundations of conflicts in the universities of the Russian Empire during the late XIX – early XX centuries. *Sociology of Science & Technology*, 2021, 12(3): 39–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-3-39-59>
- Репина Л. П. Персональная история: биография как средство исторического познания. *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 1999. Т. 2. С. 7–13. [Repina L. P. Personal history: Biography as a means of historical knowledge. *Casus: Individual and unique in history*, 1999, 2: 7–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlnkmr>
- Романов П. В. Социальная антропология организаций. Саратов: СГТУ, 1999. 134 с. [Romanov P. V. *Social anthropology of organizations*. Saratov: SSTU, 1999, 134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oncfnh>
- Ростовцев Е. А. Российские университеты в условиях краха старого порядка: корпоративные и политические стратегии. *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2020. Т. 13. № 1. С. 113–149. [Rostovtsev E. A. Russian

- universities amid the collapse of the old regime: Corporate and political strategies. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2020, (13): 113–149. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30965/22102388-01301004>
- Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с. [Rostovtsev E. A. *The capital university of the Russian Empire: The academic community, society, and power (second half of the 19th – early 20th centuries)*. Moscow: ROSSPEN, 2017, 903. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yssttv>
- Ростовцев Е. А., Баринев Д. А. Столичная и провинциальная профессура российских университетов: опыт про-сопографического исследования (1884–1917). *Вопросы истории*. 2020. № 11-2. С. 237–249. [Rostovtsev E. A. The metropolitan and provincial professors of Russian universities: The experience of prosopographic research (1884–1917). *Voprosy Istorii*, 2020, (11-2): 237–249. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi50>
- Сазонова Л. А. Частная жизнь профессоров Казанского университета второй половины XIX века. *Вестник Чувашского университета*. 2008. № 4. С. 110–113. [Sazonova L. A. Private lives of professors at Kazan University in the second half of the XIX century. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2008, (4): 110–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jzbedh>
- Степнов А. О., Некрылов С. А. Университетская профессура и чиновничество позднеимперской России: к проблеме отношений (на материалах по истории Императорского Томского университета). *Былые годы*. 2022. Т. 17. № 3. С. 1301–1312. [Stepnov A. O., Nekrylov S. A. The relations between the university professorship and the bureaucracy in late imperial Russia (based on the history of the Imperial Tomsk University). *Bylye Gody*, 2022, 17(3): 1301–1312. (In Russ.)] <https://doi.org/10.13187/bg.2022.3.1301>
- Степнов А. О., Некрылов С. А., Фоминых С. Ф. Этика взаимоотношений в университетской корпорации г. Томска на примере конфликта на юридическом факультете Томского университета весной-летом 1917 г. *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 180–191. [Stepnov A. O., Nekrylov S. A., Fominykh S. F. The ethic of relationships in the university corporation of Tomsk on the example of the conflict at the faculty of law of Tomsk University during the spring and summer of 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (426): 180–191. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/426/22>
- Фоминых С. Ф., Степнов А. О. М. А. Рейснер и провинциальный аспект академических конфликтов в сообществе Императорского Томского университета. *Былые годы*. 2018. Т. 48. № 2. С. 804–816. [Fominykh S. F., Stepnov A. O. M. A. Reisner and the provincial aspect of academic conflicts in the community of the Imperial Tomsk University. *Bylye Gody*, 2018, 48(2): 804–816. (In Russ.)] <https://doi.org/10.13187/bg.2018.2.804>
- Фоминых С. Ф., Степнов А. О. Между Сциллой послушания и Харибдой независимости: конфликт профессоров Императорского Томского университета П. М. Богаевского и Н. Я. Новомбергского осенью-зимой 1911–1912 гг. *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 448. С. 179–186. [Fominykh S. F., Stepnov A. O. Between the Scylla of obedience and the Charybdis of independence: The conflict of professors of the Imperial Tomsk University P. M. Bogaevsky and N. Ya. Novombergsky during the autumn-winter of 1911–1912. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (448): 179–186. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/448/22>
- Яшина А. А. Эмпирическое исследование профессиональной идентичности молодого преподавателя вуза. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика*. 2006. Т. 12. № 4. С. 69–72. [Yashina A. A. An empirical study of the professional identity of a young university professor. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Gumanitarnye nauki: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaia rabota. Akmeologiya. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2006, 12(4): 69–72. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ldrshr>

Формирование всесезонной инфраструктуры и летнего турпродукта в истории развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш»

Голубева Александра Валентиновна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6538-2653

<https://orcid.org/0000-0002-7381-2478>aldravalent@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу истории создания условий для круглогодичного функционирования спортивно-туристского комплекса «Шерегеш» Таштагольского района Кемеровской области – Кузбасса. Комплекс действует с 1981 г. и на сегодняшний день занимает лидирующие позиции на рынке горнолыжного туризма России. Актуальность темы обусловлена сохраняющейся на протяжении многих лет проблемой сезонной диспропорции турпотока, которая сдерживает процесс развития комплекса. Новизна исследования обусловлена отсутствием научных работ, которые предлагали бы комплексное рассмотрение истории летнего туризма в Шерегеше. Цель – выявить роль формирования всесезонной инфраструктуры и летнего турпродукта в историческом процессе развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш». Источниковая база по рассматриваемому вопросу крайне ограничена, однако на основе анализа имеющихся архивных документов, нормативных актов и материалов средств массовой информации удалось систематизировать основные события, оказывающие влияние на формирование летней инфраструктуры комплекса. Выявлено, что создание летнего туристского предложения изначально не являлось приоритетным направлением, долгие годы осуществлялось стихийно и было вторичным по отношению к зимнему сезону. В качестве ключевых факторов, препятствующих снятию проблемы сезонности, были выделены изначальная ориентация комплекса на зимние виды спорта, доминирование самодеятельного туризма, разобщенность инвестиций и отсутствие уникального летнего позиционирования. При этом установлено, что потенциал для полноценной круглогодичной работы курорта формируется за счет уникального сочетания природно-климатических и этнокультурных ресурсов Горной Шории, активной государственной поддержки и развития событийного туризма. Несмотря на серьезный прогресс в создании условий для летнего отдыха, исторически сложившаяся идентичность Шерегеша как дестинации для зимнего отдыха остается главным вызовом для полного преодоления сезонности спроса.

Ключевые слова: история туризма, сезонность туризма, летний отдых, всесезонный туризм, спортивно-туристский комплекс «Шерегеш», Горная Шория

Цитирование: Голубева А. В. Формирование всесезонной инфраструктуры и летнего турпродукта в истории развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш». *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1025–1041. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1025-1041>

Поступила в редакцию 28.08.2025. Принята после рецензирования 05.11.2025. Принята в печать 10.11.2025.

full article

Sheregesh Sports and Tourist Complex: Retrospective Analysis of Year-Round and Summer Tourism

Aleksandra V. Golubeva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6538-2653

<https://orcid.org/0000-0002-7381-2478>

aldravalent@gmail.com

Abstract: The Sheregesh Sports and Tourist Complex is located in Tashtagol, Kemerovo Region. It has a long history of efforts to set up a year-round operation. Opened in 1981, the Complex is an important stakeholder of Russian ski tourism. Summer tourism product was not a priority for many years: it was spontaneous and secondary to winter tourism. The seasonal imbalance in tourist traffic remains a major challenge that hampers its development. No scientific publications have yet provided a comprehensive overview of summer tourism in this part of Siberia. This article identifies the status of year-round infrastructure and summer tourist products in the evolution of the Sheregesh Sports and Tourist Complex. The available information on the subject matter being quite limited, a thorough analysis of archival documents and media sources made it possible to outline the factors that affect the summer facilities. The major limiting factors include the original focus on winter sports, the predominance of amateur tourism, the uncoordinated investments, and the lack of a distinct summer product. However, Mountain Shoria offers a unique combination of natural, climatic, and ethnocultural resources that has a great potential for a full-scale year-round recreation center. State support and event tourism have boosted its progress, but the historical identity of Sheregesh as a winter sports destination remains an obstacle.

Keywords: history of tourism, seasonal nature of tourism, summer vacation, year-round tourism, Sheregesh Sports and Tourist Complex, Mountain Shoria

Citation: Golubeva A. V. Sheregesh Sports and Tourist Complex: Retrospective Analysis of Year-Round and Summer Tourism. *SibScript*, 2025, 27(6): 1025–1041. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1025-1041>

Received 28 Aug 2025. Accepted after peer review 5 Nov 2025. Accepted for publication 11 Nov 2025.

Введение

Один из крупнейших спортивно-туристских комплексов (СТК) России «Шерегеш» в Таштагольском районе Кемеровской области – Кузбасса был создан в 1981 г. как база для проведения соревнований по горнолыжному спорту. За 44 года функционирования комплекс трансформировался в востребованный туристский центр. Этот не имеющий аналогов исторический опыт развития туризма на территории небольшого рудодобывающего сибирского поселка традиционно принято рассматривать именно с позиции формирования «Шерегеша» как дестинации для зимних видов отдыха. Уникальным данным комплекс делают стабильный естественный

снежный покров, интересный рельеф (перепад высот в диапазоне от 120 до 630 метров), более 61 км подготовленных трасс¹, а также развитая инфраструктура, включающая десятки объектов размещения, питания и развлечений *après-ski*. Все это сегодня доступно туристам в рамках горнолыжного сезона на протяжении 6 месяцев – с ноября по апрель². В это время последние 3 года комплекс посещает в среднем около 2 млн туристов из различных регионов России³. В летний период туристов значительно меньше, чем зимой, хотя последние годы статистика тоже показывает положительную динамику. В 2022 г. летний Шерегеш посетили 206 тыс. человек,

¹ О курорте. Дирекция курорта «Шерегеш». URL: <https://dirsheregesh.ru/about> (дата обращения: 28.07.2025).

² Там же.

³ Шерегеш 2023: Дирекция подводит итоги года. Дирекция курорта «Шерегеш». 27.12.2023. URL: <https://dirsheregesh.ru/news/seregesh-2023-direkcia-podvodit-itogi-goda?ysclid=mdfi5km3oa731455797> (дата обращения: 28.07.2025).

в 2023 г. – 252 тыс. человек, а в 2024 – 308 тыс. человек. При этом основную часть турпотока составляют жители Кузбасса⁴. Подобный дисбаланс приводит к возникновению целого ряда негативных эффектов, которые препятствуют дальнейшему росту спортивно-туристского комплекса.

Вопрос использования горнолыжных курортов в летний период на современном этапе развития туристической индустрии является актуальным по всему миру. Глобальное изменение климата приводит к снижению уровня естественного снежного покрова, как следствие, горнолыжный сезон становится более коротким и непредсказуемым. В таких условиях собственники крупных комплексов вынуждены искать пути совершенствования потенциала, чтобы оставаться привлекательными для туристов и сохранять рентабельность. Для западных курортов тенденцией последнего десятилетия стало открытие так называемых горных летних парков (*Alpine Summer Parks*), на базе которых гостям предлагаются такие сезонные развлечения, как аквапарки, велосипедные маршруты и туристические тропы [Harr et al. 2022: 91–92]. Подобный подход показывает положительные результаты. Согласно данным российской консалтинговой компании Strategy Partners, увеличение числа объектов и услуг для летней рекреации позволило курортам Schweitzer Mountain (США), Greek Peak Mountain (США) и Chamonix-Mont Blanc (Франция) нарастить турпоток в межсезонье и получить существенный дополнительный доход⁵.

Развитие всесезонной инфраструктуры служит значимым фактором конкурентоспособности и для горнолыжных комплексов (ГЛК) России. Вследствие пандемии COVID-19 и изменений геополитической ситуации в последние годы наблюдается рост спроса на внутренний туризм, однако всего 3 % россиян, согласно опросам, регулярно катаются на лыжах или сноуборде⁶. В этом контексте для горных

курортов критически важным становится вопрос расширения ассортимента предлагаемых услуг, в том числе вне зимнего сезона. Туристы сегодня готовы выбирать ГЛК в качестве направления для летнего отпуска и каникул, но только при условии наличия соответствующих предложений. Данный тезис подтверждает статистическая оценка сервиса путешествий МТС Travel, согласно которой в 2024 г. число посещений российских горнолыжных комплексов летом возросло на 28 % по сравнению с 2023 г.⁷

Очевидно, что рассматриваемая тема заслуживает внимания и на региональном уровне. Проблема сезонности туристского спроса, возникающая вследствие недостаточной востребованности СТК «Шерегеш» в межсезонье, не позволяет комплексу развиваться в полном соответствии с имеющимся потенциалом. В первую очередь, убытки претерпевают представители бизнес-сообщества, т. к. многие объекты инфраструктуры вынуждены простаивать в летнее время. В сезоне 2022–2023 в летний период для туристов были доступны 48 отелей (зимой было открыто 93), 20 точек питания (из 77 действующих ресторанов, кафе и баров), функционировали всего 3 подъемника из 19⁸.

Помимо этого, неравномерность сезонного спроса оказывает влияние на стабильность занятости и качество сервиса, т. к. большая часть обслуживающего персонала теряет заработок в летнее время. Многие работодатели рассматривают расширение возможностей для летнего отдыха в Шерегеше как ключ к решению кадрового вопроса. К примеру, предприниматель Вадим Кулубеков, владеющий Сектором Е с 2018 г., столкнулся после первого года работы с необходимостью набора около 200–250 сотрудников одновременно. Этот опыт подтолкнул руководство Сектора Е к переходу на всесезонный режим работы, который позволяет теперь удерживать большую часть команды⁹.

⁴ На курорте «Шерегеш» ожидается дальнейший рост летнего турпотока. *Интерфакс*. 27.05.2025. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/na-kurorte-sheregesh-ozhidaetsya-dalneyshiy-rost-letnego-turpotoka> (дата обращения: 28.07.2025).

⁵ Основные тенденции развития горнолыжного туризма в РФ. *Strategy Partners*. 06.12.2023. URL: <https://strategy.ru/research/research/osnovnye-tendentsii-razvitiya-gornolyzhnogo-turizma-v-rf-54/> (дата обращения: 28.07.2025).

⁶ Там же.

⁷ Посещаемость горных курортов России летом выросла на четверть. *Российский Союз Туристической Индустрии*. 13.09.2023. URL: <https://rst.ru/novosti/novosti-turizma/poseshhaemost-gornyh-kurortov-rossii-letom-vyroslo-na-chetvert.html?ysclid=mhbpqvd4n5534286942> (дата обращения: 28.07.2025).

⁸ Курорт «Шерегеш» в летнем сезоне 2023: что будет работать и какие мероприятия пройдут. *Горнолыжный портал Rider Skill*. 02.06.2023. URL: <https://rider-skill.ru/news/kurort-sheregesh-otkryvaet-letnij-sezon-chto-budet-rabotat/> (дата обращения: 28.07.2025).

⁹ Как субсидии и инвестиции способствуют расширению курортов и росту числа туристов в Шерегеше. *HF.RU*. 01.08.2024. URL: <https://hf.ru/blog/interview/raz-sheregesh> (дата обращения: 28.07.2025).

Отдельную значимость представляет проблема сезонности и для самого бренда СТК «Шерегеш»: он традиционно воспринимается большинством потенциальных туристов как зимнее направление. В летний период комплексу тяжело конкурировать с такими курортами, как «Роза Хутор», «Красная Поляна» и «Манжерок», которые изначально позиционировались как направления для круглогодичного отдыха. Серьезной проблемой здесь выступает отсутствие большого естественного или искусственного водоема. С 2023 г. существует проект создания в Шерегеше искусственного озера с пляжем и аквапарком, однако пока все еще ведутся работы по демонтажу старых построек на территории закрытой в 2020 г. Исправительной колонии № 4, которая была выбрана для реализации проекта¹⁰.

Между тем летний туризм начал развиваться в Горной Шории задолго до массового интереса к горным лыжам. Рассмотрение его истории позволяет выявить наиболее эффективные и востребованные виды туристского и экскурсионного продукта, что делает возможным использование исторического опыта для создания на базе СТК «Шерегеш» туркомплекса полноценного круглогодичного функционирования.

На сегодняшний день круг исследований по истории горнолыжных комплексов Кузбасса, в особенности их функционирования в летний сезон, достаточно ограничен. Существуют публикации, предлагающие анализ функционирования различных горнолыжных комплексов региона [Ануфриева, Елескина 2016; Кайзер, Брель 2022; Медведева, Дорохов 2015; Шмидт, Закамская 2020]. Истории СТК «Шерегеш» как одного из элементов туристской отрасли Кемеровской области посвящена статья А. А. Пятовского [Пятовский 2018а]. Авторский взгляд на историю формирования горнолыжных комплексов региона предложен в работе А. И. Копытова [Копытов 2003], экс-руководителя кузбасской Федерации горнолыжного спорта и сноуборда. Ряд авторов дают оценку туристско-рекреационному потенциалу Горной Шории, который формирует базу для всесезонного туристского предложения [Асауляк 2017; Басманова, Гладкая 2016; Воронина 2024; Маташков 2020]. Интерес представляют статьи, посвященные

особенностям развития экологического и событийного туризма на территории Таштагольского района [Мелехина, Селезнев 2022; Скалон и др. 2015; Юматов, Волкова 2020], а также работы, характеризующие перспективы и стратегические приоритеты развития СТК «Шерегеш» [Анисимов, Прудникова 2014; Афонасова 2008; Гойкалов 2024; Прозоров, Юматов 2022; Филонова 2024]. Ряд существующих исследований направлен предметно на изучение развития летнего туризма в Горной Шории [Винокурова и др. 2010; Котова и др. 2019; Тортумашева 2020], однако в этих работах предложен обзор современных условий и отсутствует анализ исторических процессов формирования летних турпродуктов. Существует исследование, направленное на выделение основных этапов в истории развития СТК «Шерегеш» [Айларова и др. 2024], но проблема сезонности остается за пределами внимания авторов. Таким образом, на сегодняшний день научные работы, которые комплексно охватывали бы исторический процесс создания инфраструктуры и услуг для летнего отдыха туристов на базе СТК «Шерегеш», отсутствуют.

Цель исследования – выявить роль формирования всесезонной инфраструктуры и летнего турпродукта в историческом процессе развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш». Задачи:

- оценка факторов, способствующих развитию летнего туризма в рассматриваемой дестинации;
- определение проблемных точек, которые препятствуют стабильной всесезонной работе туркомплекса;
- установление предпосылок и первоначальных форм развития туризма в Горной Шории;
- анализ истории формирования летних турслуг СТК «Шерегеш» с момента его основания и до настоящего времени.

Методы и материалы

В качестве ключевого метода был выбран проблемно-хронологический, т. к. он позволяет детально изучить рассматриваемую проблему и наиболее эффективен для достижения поставленной в работе цели. Активно применяется метод контент-анализа, позволяющий охватывать большой объем материалов из средств массовой информации и нормативных документов,

¹⁰ Колония для эзков в Шерегеше превратится в живописное место отдыха. *VSE42.RU*. 29.04.2025. URL: <https://vse42.ru/news/33613163?ysclid=mdfn7pa1nr242487508> (дата обращения: 28.07.2025).

которые служат ключевыми группами источников по исследуемому вопросу.

Стоит отметить, что комплексное рассмотрение истории строительства и развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш» в целом затруднено из-за ограниченности источниковой базы. Помимо материалов СМИ, в числе которых пресс-релизы Администрации Правительства Кузбасса за последние 20 лет и официальные интернет-ресурсы, освещающие деятельность СТК «Шерегеш», источниковую базу составляют материалы Государственного архива Кузбасса в Кемерово и Новокузнецке, а также Муниципального архива Таштагольского района. Значимой группой источников являются нормативные правовые акты, отражающие роль государственного регулирования в процессе развития массового туризма в Горной Шории.

Результаты

Начало строительства горнолыжного комплекса на горе Зеленой недалеко от поселка Шерегеш относится к концу 1970-х гг., когда было принято решение о проведении соревнований по горнолыжному спорту в рамках VII зимней Спартакиады народов РСФСР 1981 г. в Таштагольском районе¹¹. За 2,5 года на горе Зеленой были вырублены и подготовлены трассы для слалома, слалома-гиганта и скоростного спуска, установлены 2 бугельные канатные дороги ВЛ-1000, построены финишный и судейский дома¹². Созданный здесь горнолыжный комплекс на долгие годы стал местом проведения спортивных состязаний по горным лыжам, тренировочных сборов спортсменов-горнолыжников, а также материально-технической базой для подготовки воспитанников Шерегешской детско-юношеской спортшколы¹³.

В советский период инфраструктура для летнего отдыха на территории, где сейчас располагается СТК «Шерегеш», была сильно ограничена. В основном приходилось говорить о детско-юношеском туризме, который развивался за счет функционирования пионерского лагеря «Медвежонок»¹⁴, с которого позднее началось массовое привлечение туристов

в Шерегеш. В архивных материалах встречаются упоминания об учебно-тренировочных сборах воспитанников ДЮСШ пос. Шерегеш, которые проходили в летний период на сохранившихся снежниках в районе горы Мустаг¹⁵. Наиболее развитым в этот период был самостоятельный туризм, включающий походы различной направленности, организуемые местными жителями самостоятельно или через городские и районные турклубы. Подобные организации начали создаваться в различных городах Кемеровской области еще на рубеже 1950–1960 гг., и уже в этот период Горная Шория пользовалась особой популярностью не только среди местных любителей походов, но и у туристов из других регионов страны. В 1972 г. от Кемеровского вокзала к станции Чугунаш начал регулярно отправляться туристский поезд здоровья «Снежинка» [Горяева, Чуднов 2006: 155–156]. Во время летних отпусков и каникул здесь организовывались многодневные туристские походы и экспедиции, уже в начале 1980-х гг. Горную Шорию, Кузнецкий Алатау и Салаирский кряж в общей сложности посетили более 5000 самостоятельных туристов из разных городов Советского Союза [Пятаковский 2018b: 145]. В 1989 г. в Шерегеше была реализована инициатива по созданию кооператива «Уют туристу» с целью организации «нормальных» условий для отдыха приезжающих в поселок¹⁶. Несмотря на большой интерес турклубов и индивидуальных туристов к Горной Шории, говорить о массовом турпотоке не приходилось – сказывалась индустриально-сырьевая направленность района, основу экономики которого в советский период составляла рудодобывающая промышленность.

Масштабная работа по развитию туризма на территории вокруг г. Зеленой и пос. Шерегеш началась с 1990 г., когда в условиях экономического кризиса и перехода к рыночной модели экономики при содействии исполкома Таштагольского городского Совета народных депутатов, НПО «Сибруда», агрокомбината «Новокузнецкий» и комитета по физкультуре и спорту при Кемеровском облисполкоме было учреждено совместное предприятие-ассоциация «Горная Шория» (в дальнейшем переформировано

¹¹ Муниципальный архив Таштагольского муниципального района (Архив Таштагольского МР). Ф. 30. Оп. 3. Д. 24. Л. 74.

¹² Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 609. Л. 90–92, 95–99.

¹³ ГАК. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 716. Л. 9.

¹⁴ Архив Таштагольского МР. Ф. 30. Оп. 3. Д. 28. Л. 161.

¹⁵ Там же. Л. 155.

¹⁶ Архив Таштагольского МР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 192. Л. 70.

в туристическо-спортивное акционерное общество «Шория-тур»¹⁷. Изначально организация ставила перед собой цель модернизации горнолыжного центра в пос. Шерегеш и развития горнолыжного спорта и фристайла. Содействие туристской деятельности в этом контексте рассматривалось как средство поддержки спортивного направления. Можно утверждать, что фокус внимания ТС АО «Шория-тур» в период 1990-х гг. был по большей части сосредоточен на создании зимних объектов для туристов и спортсменов. В частности, с 1990 по 1996 г. велась активная работа по переоборудованию лагеря «Медвежонок», переданного на баланс нового предприятия под необходимые для организации отдыха туристов условия. Здесь была подготовлена гостиница на 125 мест, объекты питания, оздоровительный комплекс, небольшая горнолыжная трасса и различные развлекательные программы¹⁸. Параллельно совершенствовалась инфраструктура у подножия г. Зеленой (спортивный комплекс был передан «Шории-тур» в 1991 г.). За 5 лет удалось провести необходимые работы для обеспечения водоснабжения, создать комплекс из модульных домиков для туристов на 70 мест, прорубить новую трассу, провести процедуру гомологации по стандартам FIS [Пятавский 2018а: 152–153].

С 1996 г. по железной дороге на турбазу «Медвежонок» начали регулярно приезжать туристы¹⁹. На Зеленой в период с 1996 по 2001 г. было проведено 4 чемпионата России по горнолыжному спорту и 3 Всероссийских фестиваля по сноуборду²⁰. Постепенно курорт рос и популяризировался – начали появляться первые инвесторы, гостиницы, предприятия питания, точки проката оборудования, при этом основное внимание все же было обращено именно в сторону горнолыжной составляющей. Еще в 1992 г. гендиректор ТС АО «Шория-тур» В. Н. Мальцев в интервью для местной газеты подчеркивал, что в летние месяцы планируется принимать

ограниченный контингент туристов, т.к. массовые поездки могут нанести вред уникальной горно-шорской природе. Помимо этого, озвучивались планы по сохранению условий для детско-юношеского летнего отдыха²¹. В действительности турбаза «Медвежонок» и горнолыжный комплекс на г. Зеленой во второй половине 1990-х гг. вне зимнего сезона становились стационарным лагерем для социально незащищенных детей. Летом 1998 г. в «Медвежонке» был организован «Горношорский Артек», который на протяжении 3 смен предоставлял условия для отдыха и оздоровления детей²².

Параллельно создавалась инфраструктурная основа для развития в Горной Шории культурно-познавательного, этнографического и экологического туризма. Перед районными властями и фирмой «Шория-Тур» стояла важная задача – сформировать летнее коммерческое туристское предложение, которое могло бы конкурировать с многолетним опытом самостоятельных турпоходов. Ключевая роль в этом контексте отводится богатому наследию местного коренного населения – шорцев, чьи традиционные обряды, фольклор и язык не имеют аналогов в народной культуре. В 1993 г. шорцы были официально признаны коренным малочисленным народом Севера, в связи с чем Совет национальностей Верховного Совета РФ рекомендовал властям региона разработать программу возрождения и сохранения их культуры²³. Важно отметить, что шорский быт неразрывно связан с местной природой. Она не только является объектом почитания, но и служит центром формирования традиционного уклада жизни. Еще в 1989 г. постановлением Совета Министров РСФСР было утверждено решение «О создании Шорского государственного природного национального парка в Кемеровской области» с целью сохранения местных ландшафтов и развития организованного отдыха трудящихся²⁴. Окончательные границы парка были определены к 1997 г., его площадь составила более

¹⁷ Архив Таштагольского МР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 254. Л. 13.

¹⁸ Архив Таштагольского МР. Ф. 30. Оп. 3. Д. 41. Л. 253.

¹⁹ Там же. Л. 31.

²⁰ Айларова Н. Турбизнес в Шерегеше начался с домиков, оставшихся от строителей. *RATANews*. 03.12.2012. URL: https://ratanews.ru/news/news_3122012_2.stm (дата обращения: 31.07.2025).

²¹ Архив Таштагольского МР. Ф. 30. Оп. 3. Д. 37. Л. 208–209.

²² Архив Таштагольского МР. Ф. 30. Оп. 3. Д. 43. Л. 235.

²³ Об отнесении шорцев, телеутов, кумандинцев к малочисленным народам Севера. Постановление Совета Национальностей ВС РФ № 4538-1 от 24.02.1993. *СПС КонсультантПлюс*.

²⁴ О создании Шорского государственного природного национального парка в Кемеровской области. Постановление Совета Министров РСФСР № 386 от 27.12.1989. *ИПС Гарант*.

4000 км², в состав вошли 5 лесничеств на территории Таштагольского административного района²⁵.

В 1990 г. по инициативе известного этнографа, музееведа, автора десятков работ о специфике шорского этноса Валерия Макаровича Кимеева в шорском поселке Усть-Анзас на территории Шорского национального парка началось создание этнографического музея «Тазгол», где были восстановлены условия быта шорского народа в период VI–XX вв. Экспозиция включает реконструкции домов, усадеб, хозяйстроек, мастерских и религиозных объектов, которые дополнены предметами повседневного обихода и артефактами, найденными в ходе археологических работ²⁶. В мае 1995 г. в г. Таштагол был торжественно открыт Музей этнографии и природы Горной Шории, в экспозиции представлены хозяйственные занятия, орудия труда и одежда шорцев на фоне местной природы, экскурсантов угощают национальными блюдами, регулярно организуют театрализованные представления [Кимеев, Копытов 2018: 138–140].

Таким образом, были сформированы условия для диверсификации туристского предложения. Будучи фактически первым созданным в рассматриваемом районе туроператором по внутреннему туризму, с 1995 г. «Шория-тур» начала предлагать услуги по организации летних маршрутов и туристических походов с активным способом передвижения [Шатилов 1997: 244]. Одним из наиболее востребованных являлся маршрут «Шорское золотое кольцо», который включал сплав по р. Мрассу, восхождение к горным вершинам, посещение музея «Тазгол». В ноябре 1998 г. на круглом столе, где присутствовало более 50 представителей туристских фирм из разных регионов России, представители «Шория-тур» презентовали летний вертолетный тур²⁷. В 1998 г. в Новокузнецке был создан еще один туроператор, специализирующийся на организации работы с туристами Шерегеша, – ООО «Фанспорт» (турагентство «Фан-тур»). У подножия г. Зеленой уже функционировали гостиницы «Мустаг»,

«Губернская», «Вояж» и «Спортотель», открылось кафе «Поднебесное», велись работы по строительству первой за Уралом парно-кресельной канатной дороги, число инвесторов ежегодно росло [Пятаковский 2018а: 154]. Шерегеш постепенно трансформировался в полноценный туристический центр, однако, несмотря на развивающуюся инфраструктуру и создание первых турпродуктов, говорить об их широкой востребованности в летний период не приходилось. Все еще превалировали сложившиеся в советский период тенденции к организации самодеятельных турпоходов.

На рубеже 1990–2000-х гг. начался процесс привлечения в Шерегеш крупных нетуристических инвесторов (ОАО «Сибирская горно-металлургическая компания», ОАО «Кузбасская топливная компания», ООО «Сибшахтострой», АО «Кузбассразрезуголь» и др.), в 2001 г. вложения в инфраструктуру курорта составили уже 100 млн руб. [Там же]. Такие серьезные темпы роста подтолкнули региональную администрацию к подготовке законодательной базы, которая систематизировала бы меры по развитию массового туризма в Горной Шории. В 2001 г. по Распоряжению администрации области был предложен первый проект Концепции развития СТК «Шерегеш»²⁸. Данный документ по большей части был направлен на проектирование условий для комфортной рекреации и проведения соревнований именно в зимний период. Идея создания всесезонного туристского центра не подчеркивалась, но архитектурно-планировочные решения предусматривали проекты строительства открытых спортивных площадок для игры в большой теннис, футбол, волейбол, баскетбол и бадминтон, плавательного бассейна под открытым небом, конюшен с манежем для выездки лошадей и полей для гольфа. В документе также была обозначена необходимость оборудования площадок для пикников на вершинах гор с целью круглогодичного использования подъемников, трассы в летнее время предлагалось использовать для занятий маунтибайком²⁹.

²⁵ История основания. *Национальный парк «Шорский»*. URL: <https://shorskynp.ru/istoriya-osnovaniya/?ysclid=meb4l03tiy904127070> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁶ Этнографический музей «Тазгол». *Портал Visit Kuzbass*. URL: <https://visit-kuzbass.ru/guide/chto-posetit/etnograficheskij-muzej-tazgol?ysclid=meb2y9cc29122811315> (дата обращения: 14.08.2025).

²⁷ Архив Таштагольского МР. Ф. 30. Оп. 3. Д. 43. Л. 290.

²⁸ О мерах по дальнейшему развитию туристско-спортивного комплекса в Горной Шории. Распоряжение Администрации Кемеровской области № 555-р от 11.07.2001. *Архив документов правительства Кемеровской области*.

²⁹ О концепции развития туристско-спортивного комплекса «Шерегеш» Таштагольского района. Постановление Администрации Кемеровской области № 7 от 22.01.2002. *Архив документов правительства Кемеровской области*.

Ни одно из указанных предложений для летнего отдыха в дальнейшем не было реализовано в запланированном Концепцией формате, однако документ впервые официально зафиксировал планы по созданию всесезонной инфраструктуры.

В декабре 2002 г. была принята региональная целевая программа «Развитие туристско-спортивного комплекса "Шерегеш" на 2003–2006 годы». В отличие от предложенной ранее Концепции, данный документ в качестве основной цели определял «развитие региона путем создания современного высокоэффективного многопрофильного туристско-спортивного комплекса круглогодичного функционирования»³⁰. В тексте отмечается ограниченность летнего предложения, но зафиксировано наличие пеших, водных и вертолетных маршрутов. При этом подчеркивается особая значимость уникальных природных ландшафтов Горной Шории, ценность национально-культурного своеобразия. Программные мероприятия предполагали проектирование новых маршрутов эко- и спелеотуризма.

В дальнейшем тема летнего отдыха была отмечена в Задании на разработку проекта генерального плана Сектора А туристско-спортивного комплекса «Шерегеш», которое утвердили в мае 2003 г.³¹ Согласно данному документу, гостиницы Сектора А должны были предоставлять условия для размещения 3800 туристов, при этом стратегии использования корпусов в летнее время определялись застройщиками самостоятельно. Помимо этого, Задание предполагало проектирование функциональной зоны для организации летнего отдыха детей.

В 2005 г. был представлен мастер-план создания спортивно-развлекательного горнолыжного комплекса «Шерегеш», разработанный специалистами ЗАО «РОСИНЖИНИРИНГ»³². План предполагал развитие широкого спектра дополнительных услуг, включающих не только зимние, но и летние, а также всесезонные варианты развлечений для туристов. Для круглогодичного использования предлагалось установить татрабоб протяженностью 370 метров (железная дорога для катания по горным виражам

на двухместных тележках, которые могут развивать скорость до 40 км/ч, всесезонный аналог летнего родельбана), приобрести зорб (прозрачный надувной шар диаметром 3,2 метра, находясь внутри которого человек может скатиться со специально подготовленного пологого склона), батуты с поддержкой, детскую карусель (в зимнее время может использоваться для катания вокруг нее на лыжах, в летнее – на специальных посадочных креслах). Создатели мастер-плана предложили использовать гондольную канатную дорогу для подъема всех желающих на панорамную площадку на вершине г. Зеленой с маршрутом до Поклонного креста на г. Курган и оборудовать стенд для стрельбы из арбалета. В качестве ключевого источника дохода от летних развлечений рассматривался прокат горных велосипедов, оборудованных специализированными захватами для подъема в гору по бугельной канатной дороге. Также было предложено приобрести искусственное покрытие для летнего тюбинга (катание на надувных санках), использовать учебный склон для катания на безмоторных картингах, горных самокатах и летних сноубордах, организовать прокат скутеров и детских квадроциклов, подготовить поле для мини-гольфа.

Таким образом, с начала 2000-х гг. было выдвинуто большое количество инициатив по формированию условий для всесезонного отдыха в Шерегеше, однако далеко не все планы были реализованы на практике. Комплекс все еще прочно ассоциировался с горнолыжным отдыхом, и хотя потребность в создании всесезонного предложения была очевидна для властей, инвесторов и предпринимателей, у массового туриста отсутствовала потребность в организованных поездках в Шерегеш. В декабре 2007 г. состоялось совещание Коллегии администрации Кемеровской области, посвященное мерам по дальнейшему развитию летнего отдыха в Горной Шории. Начальник Департамента молодежной политики и спорта Алексей Анатольевич Зеленин отметил, что летом гостиницы Таштагольского района загружены лишь наполовину. В числе ключевых проблем были обозначены недостаточно активная рекламная

³⁰ Об утверждении региональной целевой программы «Развитие туристско-спортивного комплекса "Шерегеш" города Таштагола – Таштагольского района на 2003–2006 годы». Закон Кемеровской области № 112-ОЗ от 23.12.2002. *Архив документов правительства Кемеровской области.*

³¹ Задание на разработку проекта генерального плана сектора «А» туристско-спортивного комплекса «Шерегеш» Таштагольского района Кемеровской области. 2003 г. *Фонд Департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области.*

³² О строительстве спортивно-развлекательного горнолыжного комплекса «Шерегеш». Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области № 1 от 25.03.2005. *Архив документов правительства Кемеровской области.*

кампания по продвижению летних видов отдыха, отсутствие надлежащей инфраструктуры и квалифицированных кадров, необходимых для организации массового детско-юношеского туризма³³. В качестве решения было предложено создать бренд «Лето в Горной Шории», ключевые приоритеты которого должна была закрепить программа развития летнего туризма в Таштагольском районе на 2008–2010 гг., которую рекомендовано было разработать районной администрации.

Общая стратегия реализации летнего потенциала в тот период так и не была подготовлена, однако уже в мае 2008 г. «Шория-тур» организовала рекламно-информационный тур для представителей прессы и профессионалов турбизнеса с целью демонстрации туристских возможностей Горной Шории. Участникам предложили познакомиться с санаторно-курортной инфраструктурой, посетить экскурсии на кресельной и гондольной канатных дорогах, вертолетную экскурсию, покататься на квадроциклах, заняться верховой ездой, отправиться на сплав по горным рекам, прогуляться по Шорскому национальному парку. К этому моменту фирма «Шория-тур» уже готова была предложить туристам более 10 активных туров от 3 до 15 дней, включая туры выходного дня и многодневные сплавы, а также 15 экскурсий и возможность сформировать уникальный тур по индивидуальным предпочтениям. Помимо этого, с 2008 г. были запущены 2 маршрута, объединяющих посещение Горной Шории и Республики Алтай³⁴. Во многом это стало возможным благодаря строившейся с 2007 г. автодороге Чугунаш – спортивный комплекс «Шерегеш» и реконструкции автодороги Горно-Алтайск – Турочак – Таштагол. Большую роль в привлечении финансирования этих крупных проектов сыграл губернатор Кемеровской области в 1997–2018 гг. Аман Гумирович Тулеев.

С 2006 г. на базе ряда гостиниц Шерегеша действовали детские загородные лагеря, общая координация

работы которых осуществлялась через некоммерческое партнерство собственников гостиниц. В частности, речь идет о лингвистических лагерях «Британика» и «Континенталь», которые принимали по 300–350 детей за летний сезон³⁵. С 2007 г. на турбазе «Медвежонок» регулярно проводятся летние смены детского лагеря «Мир моей мечты», организуемые тренинговым центром «Центр взаимоотношений». В тот же период начинает свою деятельность подразделение ООО «Фанспорт» по организации детских программ – агентство молодежного и детского отдыха FUNKIDS³⁶. Число частных организаций, которые предлагают услуги детских летних лагерей на базе гостиниц, ежегодно возрастало. Этот вид коммерческой деятельности фактически занял одну из ключевых ниш летнего Шерегеша, и подобная тенденция сохраняется до сих пор.

В целом СТК «Шерегеш» в первое десятилетие XXI в. значительно расширился и укрепился в статусе популярной туристской дестинации. К 2010 г. освоена юго-западная часть горы Зеленой (Сектор Е), открыто 42 гостиницы, 49 предприятий питания, 11 объектов сервисного обслуживания, в строительстве принимало участие более 50 инвесторов со всей России, за 2009 г. число посетителей Шерегеша возросло до 300 тыс. туристов. В декабре 2010 г. в Таштагольском районе создается Зона экономического благоприятствования туристско-рекреационного типа «Горная Шория», основными задачами инициативы стало развитие поддерживающей и туристской инфраструктуры курорта, в том числе с целью его дальнейшего функционирования круглый год³⁷.

На фоне серьезных темпов роста очевидной становится потребность в оригинальных маркетинговых решениях, которые позволили бы сделать бренд Горной Шории и СТК «Шерегеш» запоминающимся. С начала 2010-х гг. неотъемлемым символом территории становится йети (снежный человек) – СМИ начали публиковать статьи об обнаружении

³³ Сегодня Коллегия администрации Кемеровской области рассмотрела меры по дальнейшему развитию летнего отдыха в Горной Шории. *Администрация Правительства Кузбасса*. 11.12.2007. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-21870> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁴ 30 мая фирма «Шория-Тур» проводит рекламно-информационный тур для прессы и профессионалов турбизнеса Кузбасса. *Администрация Правительства Кузбасса*. 21.05.2008. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-9319> (дата обращения: 01.08.2025).

³⁵ Детские загородные лагеря заработали по традиции на базе ряда гостиниц, действующих на горнолыжном курорте Шерегеш в Таштагольском районе. *Администрация Правительства Кузбасса*. 01.07.2010. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-14772> (дата обращения: 04.08.2025).

³⁶ Агентство молодежного и детского отдыха FUNKIDS. URL: <https://funkids-travel.ru/company/> (дата обращения: 17.08.2025).

³⁷ О создании зоны экономического благоприятствования на территории муниципального образования «Таштагольский муниципальный район». Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области № 128-р от 02.12.2010. *СПС КонсультантПлюс*.

в Таштагольском районе многочисленных свидетельств существования этого феномена. С 2010 г. открытие горнолыжного сезона в Шерегеше официально стало Днем снежного человека³⁸, в Таштаголе и Шерегеше начали устанавливать большие фигуры йети, в Музее этнографии и природы Горной Шории была открыта экспозиция, посвященная гоминиду, на горе Зеленой появился «Йети-Бар», образ снежного человека стал использоваться для создания сувенирной продукции, проведения флэшмобов и конкурсов. Фактически введение такого яркого персонажа в стратегию позиционирования комплекса только закрепило в общественном восприятии образ Шерегеша как дестинации для зимних видов отдыха. В то же время инициированные региональной администрацией и научным сообществом поиски доказательств существования йети чаще всего организовывались именно в теплое время года в силу специфики погодных условий. В октябре 2011 г. в Горной Шории прошла Международная конференция по изучению снежного человека с участием ученых из России, США, Канады, Швеции и Эстонии³⁹, в июне 2012 г. предполагаемые места обитания гоминида посетили документалисты из Италии⁴⁰, а в июле 2013 г. приезжала съемочная группа из США⁴¹. Воспользовавшись моментом, местные турфирмы начали предлагать летние экскурсии «По следам йети» для всех желающих. По мнению действующего на тот момент главы Таштагольского района Владимира Николаевича Макуты, появление сообщений о возможном обитании в Горной Шории снежного человека стало одной из причин серьезного увеличения туристического

потока (в 2008 г. в летний период Горную Шорию посетило 10 тыс. человек, а в 2009 г. – уже 15 тыс. человек⁴²). Помимо этого, в июле 2012 г. поиски йети в Кемеровской области вошли в топ-7 необычных мест для отдыха в России, по сообщению агентства РБК⁴³.

Несмотря на успешные маркетинговые шаги и расширение ассортимента туристских предложений, до 2014 г. концепция летнего отдыха на базе СТК «Шерегеш» в целом оставалась довольно фрагментарной. И это неудивительно, т.к. функционирование курорта одновременно обеспечивалось десятками собственников, которые самостоятельно принимали решения о сезонности работы объектов, перечне предлагаемых услуг и методах их продвижения. Развитие действующих на тот момент местных туроператоров сдерживалось, т.к. летний турпоток был крайне нестабилен, а загруженность гостиниц составляла лишь 30 % от общего числа номеров⁴⁴. Амбициозные планы укрепления Шерегеша на все-российском и даже международном уровне, а также приема до миллиона туристов в год оказывались практически невыполнимыми в сложившихся условиях. Одним из первых шагов к консолидации усилий по созданию стратегии развития курорта стало проведение в ноябре 2013 г. первого общего открытия горнолыжного сезона, в организации которого приняли участие практически все собственники объектов⁴⁵. В дальнейшем выравнивание сезонного спроса стало одной из ключевых задач инвестиционного проекта «Туристско-рекреационный кластер "Шерегеш"». В июле 2014 г. проект был включен во второй этап федеральной целевой программы

³⁸ Сегодня в Кузбассе впервые отметили День Снежного человека. 11.11.2010. *Администрация Правительства Кузбасса*. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-12481> (дата обращения: 07.08.2025).

³⁹ Ученые доказали, что снежный человек проживает в Кузбассе. *РБК*. 10.10.2011. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/10/2011/5703ed319a79477633d38a80?ysclid=mdsehie4ka673009091> (дата обращения: 07.08.2025).

⁴⁰ Итальянцы в Кузбассе йети не нашли. *АиФ Кузбасс*. 29.06.2012. URL: <https://kuzbass.aif.ru/society/education/469763> (дата обращения: 07.08.2025).

⁴¹ В Кузбассе опять принялись за поиски снежного человека. *АиФ Кузбасс*. 26.07.2013. URL: <https://kuzbass.aif.ru/society/education/473421> (дата обращения: 07.08.2025).

⁴² Йети заманил на Кузбасс 15 тысяч человек. *РИА Новый День*. 23.07.2009. URL: <https://newdaynews.ru/tourism/241953.html?ysclid=mdsgczpb9s179439743> (дата обращения: 07.08.2025).

⁴³ Топ-7 необычных мест для отдыха в России. *РБК*. 12.07.2012. URL: <https://www.rbc.ru/society/12/07/2012/5703fa679a7947ac81a6a00c?ysclid=md> (дата обращения: 07.08.2025).

⁴⁴ Проект «Туристско-рекреационный кластер "Шерегеш"» включен во второй этап федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» на 2015–2018 годы. *Администрация Правительства Кузбасса*. 01.07.2014. URL: <https://ako.ru/news/detail/proekt-turistsko-rekreatsionnyj-klaster-sheregesh-vklyuchen-vo-vtoroj-etap-federalnoj-tselevoy-programmy-razvitie-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma-v-rossijskoj-federatsii-na-2015-2018-gody> (дата обращения: 09.08.2025).

⁴⁵ Власти официально открыли сезон в Шерегеше. *A42.RU*. 15.11.2013. URL: <https://gazeta.a42.ru/lenta/show/vlasti-ofitsialno-otkryili-sezon-v-sheregeshe.html> (дата обращения: 29.07.2025).

«Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» на 2015–2018 гг.⁴⁶

Началась активная работа по диверсификации летнего предложения, уже в 2014 г. для туристов стали доступны новые виды развлечений – квадродром с возможностью выбора различных маршрутов (ООО «Квадропарк»), первый в Шерегеше капитальный бассейн под открытым небом площадью 90 м² (территория отеля AYS Club, новосибирская компания AYS GROUP)⁴⁷. После длительной реконструкции силами инвестора ЗАО «УК КЕМ-ОЙЛ» была вновь открыта база семейного отдыха «Медвежонок», в летний период на ее территории для гостей предложили пейнтбол, пневматический и арбалетный тир. Также с 2014 г. крытый каток, принадлежащий гостиничному комплексу «Ольга» (инвестор ООО ОК «Сибшахтстрой»), ежегодно переоборудуется в многофункциональную крытую спортивную площадку для игры в бадминтон, баскетбол, волейбол, мини-футбол и большой теннис. К 2015 г. была значительно усовершенствована инфраструктура для летнего отдыха на базе отеля Alpen Club, построенного нижегородским ООО «Вертикаль». Гостям стали доступны скалодром, теннисный корт, лазертаг, дартс, дорожка для роликов и велосипедов, открытый бассейн. У гостиницы «Спортотель 1» (проект ООО «Фанспорт») была подготовлена площадка для стрельбы из лука⁴⁸. Таким образом, благодаря активному привлечению инвестиций с середины 2010-х гг. СТК «Шерегеш» постепенно предлагает туристам привлекательные летние объекты. Позитивный эффект таких преобразований подтверждается данными региональной администрации, согласно которым в 2015 г. в Шерегеше отдыхали до тысячи туристов в день⁴⁹. Помимо этого, в 2016 г. Шерегеш вошел в топ-5 популярных

курортов для активного летнего отдыха по версии сайта RoomGuru и журнала Forbes⁵⁰.

Значимым фактором развития и популяризации Шерегеша как летнего направления стали многочисленные событийные мероприятия. По аналогии с продвижением горнолыжного комплекса при помощи крупных горнолыжных соревнований во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. здесь начали организовывать состязания по летним видам спорта. Значимым драйвером развития событийного туризма послужил впечатляющий маркетинговый и экономический эффект, произведенный весенним фестивалем Grelka Fest, который впервые прошел в 2013 г. при поддержке компании AYS GROUP. Массовый спуск участников фестиваля в купальниках официально вошел в Книгу рекордов Гиннеса⁵¹, а событие не только приобрело ежегодный формат, но и стало визитной карточкой СТК «Шерегеш». Важно отметить, что организацией событийных мероприятий в Шерегеше, как правило, занимаются общественные организации, собственники объектов и частные инвесторы в тесном взаимодействии с муниципальными и региональными властями. Такое сотрудничество позволяет привлекать достаточный объем финансирования, обеспечивать продвижение и создавать комфортные условия для участников. Среди спортивных событий стоит выделить ежегодную любительскую хард-эндуро гонку на мотоциклах и квадроциклах «Майский Холм», фестиваль горного бега Gesh Run Fest, велофестиваль «Второе дыхание». Главным летним мероприятием экологической направленности с 2015 г. выступает «Шерегеш Экофест», который объединяет десятки и сотни волонтеров с целью сбора мусора со склонов горы. Особую значимость в последние годы приобретают

⁴⁶ Проект «Туристско-рекреационный кластер "Шерегеш"» включен во второй этап...

⁴⁷ В Шерегеше разработаны турмаршруты на квадроциклах и открыт единственный в Таштагольском районе капитальный бассейн под открытым небом. *Администрация Правительства Кузбасса*. 30.07.2014. URL: <https://ako.ru/news/detail/v-sheregeshe-razrabotany-turmarshruty-na-kvadrotsiklah-i-otkryt-edinstvennyj-v-tashtagolskom-rajone-kapitalnyj-bassejn-pod-otkryтым-nebom> (дата обращения: 09.08.2025).

⁴⁸ Летний отдых в Шерегеше. *GESH.RU*. 14.07.2015. URL: <https://gesh.ru/news/leto-otdykh-sheregesh/?ysclid=meif0hx8du356748679> (дата обращения: 17.08.2025).

⁴⁹ На самом популярном в России горнолыжном курорте Шерегеш летом отдыхает до 1 тыс. туристов в день. *Администрация Правительства Кузбасса*. 22.07.2015. URL: <https://ako.ru/news/detail/na-samom-populyarnom-v-rossii-gornolyzhnom-kurorte-sheregesh-letom-otdyhaet-do-1-tys-turistov-v-den> (дата обращения: 09.08.2025).

⁵⁰ Шерегеш вошел в топ-5 популярных курортов для активного летнего отдыха. *Администрация Правительства Кузбасса*. 21.07.2016. URL: <https://ako.ru/news/detail/sheregesh-voshel-v-top-5-populyarnyh-kurortov-dlya-aktivnogo-letnego-otdyha> (дата обращения: 09.08.2025).

⁵¹ Массовый спуск в купальниках в Шерегеше официально вошел в Книгу рекордов Гиннеса. *Администрация Правительства Кузбасса*. 12.07.2013. URL: <https://ako.ru/news/detail/massovyy-spusk-v-kupalnikah-v-sheregeshe-ofitsialno-voshyol> (дата обращения: 17.08.2025).

многодневные мультиформатные фестивали, например Международный ЭтноКультурный Фестиваль «ВотЭтно!», и ключевое событие лета – фестиваль «ПроГеш». Перечень и уровень организации мероприятий ежегодно растет, а событийный туризм становится важнейшим элементом стратегии продвижения курорта. Согласно данным дирекции СТК «Шерегеш», в летние месяцы на курорте проводится по 3–4 крупных события ежемесячно⁵².

Совершенно новый этап в истории Шерегеша в 2018 г. связан с назначением на пост губернатора Кузбасса Сергея Евгеньевича Цивилева. Тема продвижения комплекса заняла одну из ключевых позиций в Стратегии развития региона, были обозначены задачи выхода на международный уровень и формирования условий для всесезонного отдыха⁵³. Началась активная кампания по привлечению государственных и частных инвестиций, ее основные направления были зафиксированы в Комплексной программе «Развитие спортивно-туристического комплекса "Шерегеш"» на 2020–2025 гг. Документ прогнозировал рост инвестиций в туристскую инфраструктуру к 2026 г. в 7 раз по сравнению с 2019 г.⁵⁴ С 2021 г. СТК «Шерегеш» ежегодно представлен как один из ключевых проектов на стенде делегации Кузбасса в рамках Петербургского международного экономического форума. Это позволяет регулярно заключать соглашения о сотрудничестве с крупными инвесторами федерального уровня: Gleden Invest Group, Cosmos Hotel Group, Инфинити Капитал, Корпорация Туризм.РФ, НОВАПОРТ ХОЛДИНГ. С принятием в 2024 г. закона о налоговых льготах для резидентов особой экономической зоны «Горная Шория» Шерегеш стал еще более привлекательным для бизнес-партнеров⁵⁵.

Результаты такой активной работы по созданию благоприятного инвестиционного климата отразились в конкретных цифрах: в 2022 г. объем вложений составил 1,7 млрд руб., а в 2024 г. – 7,8 млрд руб.⁵⁶ В начале 2024 г. была утверждена Стратегия развития спортивно-туристического комплекса «Шерегеш» до 2035 г., ключевой целью которой стало достижение статуса круглогодичного курорта мирового уровня. В аналитической части документа указано, что с мая по октябрь СТК работает с минимальной загрузкой, и для увеличения турпотока необходимо расширение инфраструктуры, а также проведение большего числа мероприятий⁵⁷. Процесс привлечения инвесторов тем временем продолжается, на сегодняшний день в Шерегеше реализуется 7 крупных инвестпроектов, из них непосредственно направлено на развитие летнего отдыха строительство детского оздоровительного лагеря «Город Героев» на 390 мест при поддержке ООО «Геш Групп», запуск объекта планируется на 2028 г.⁵⁸

Благодаря значительным объемам капиталовложений к настоящему моменту удалось создать на базе СТК «Шерегеш» довольно развитую инфраструктуру, способствующую росту туристического потока. В числе летних развлечений для гостей курорта доступны: 19 бассейнов на территории различных отелей и гостевых домов; 7 СПА-комплексов; 2 детских игровых комнаты с аниматорами; озеро «Сердце Шерегеша», где отдыхающие могут заняться рыбалкой и забронировать летнюю беседку с мангалом; веревочный парк «Белка» площадью 600 м² с 3 трассами различного уровня сложности; «Кавабанга парк», включающий веревочные трассы, 4 зиплайна, лучный тир и батут для детей;

⁵² Календарь событий. Дирекция курорта «Шерегеш». URL: <https://dirsheregesh.ru/events> (дата обращения: 10.08.2025).

⁵³ Другое лето в Шерегеше. Портал города Кемерово и всего Кузбасса. 06.07.2023. URL: <https://o-kemerovo.ru/drugoe-letno-v-sheregeshe/?ysclid=mdyd82wxss220605690#> (дата обращения: 12.08.2025).

⁵⁴ О комплексной программе Кемеровской области – Кузбасса «Развитие спортивно-туристического комплекса "Шерегеш"» на 2020–2025 годы. Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 249 от 22.04.2020. *Электронный бюллетень Правительства Кемеровской области – Кузбасса*.

⁵⁵ О внесении изменений в статью 5-4 Закона Кемеровской области «О налоговых льготах субъектам инвестиционной, инновационной и производственной деятельности, управляющим организациям технопарков, базовым организациям технопарков, резидентам территорий опережающего развития и особым экономическим зонам» и статью 6 Закона Кемеровской области «О транспортном налоге». Закон Кемеровской области – Кузбасса № 29-ОЗ от 23.04.2024. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵⁶ Инвесторы намерены вложить в развитие курорта «Шерегеш» более 209 млрд рублей. ТАСС. 04.10.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22039013?ysclid=meiurmcimy957792217> (дата обращения: 17.08.2025).

⁵⁷ Об утверждении Стратегии развития спортивно-туристического комплекса «Шерегеш» до 2035 года. Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 37 от 31.01.2024. *Электронный бюллетень Правительства Кемеровской области – Кузбасса*.

⁵⁸ Строительство детского оздоровительного лагеря «Город Героев» на горнолыжном курорте Шерегеш. Круглогодичного типа. *SHEREGESH.RU*. URL: <https://sheregesh.ru/investoram/gorodgeroev> (дата обращения: 12.08.2025).

дайв-курорт «Темир» в поселке Темиртау; байк-парк с трассами различного уровня сложности; эко-парк ZooGold в пос. Спасск, где проживают более 100 видов зверей и птиц; оленья ферма «Оленегеш»; пикник-парк «Ферма Альпак»; хаски-парк, предлагающий экскурсии по питомнику и догтрекинг (прогулки по горам в связке с хаски); конный клуб «Сивка-бурка», где обучают верховой езде, проводят фотосессии и конные прогулки; скалодром на территории отеля Alpen club; 5 экотроп; 10 маршрутов для катания на квадроциклах; 10 летних экскурсий от туроператора «Шерегеш-Тревел» и 9 туров от туристической компании «Шория»⁵⁹.

Заключение

История развития летнего туризма на территории СТК «Шерегеш» представляет непростой процесс трансформации комплекса из труднодоступного направления для любительских походов в полноценный туристский центр с конкурентным рыночным предложением. В последние годы летнему приоритету курорта уделяется все больше внимания со стороны властей и инвесторов. Учитывая результаты исторического анализа, можем выделить ряд негативных факторов, препятствующих выравниванию сезонности туристского спроса:

1. Историческое наследие комплекса как спортивного, а не туристического объекта. Первоначальная инфраструктура создавалась в советский период с целью проведения горнолыжных соревнований и не предполагала условий для круглогодичной рекреации. В связи с этим, когда в 1990-е гг. здесь началось развитие туристской составляющей, основное внимание было сосредоточено на обновлении и расширении числа зимних объектов. В первых программных и стратегических документах, регулирующих деятельность комплекса до 2005 г., летний отдых упоминался довольно формально, что демонстрировало инвесторам приоритетность зимнего сезона. Функционирование СТК «Шерегеш» в межсезонье оказалось на начальных этапах вторичным и нецелевым.

2. Самодетельный туризм как противовес коммерческому предложению. Еще до строительства в 1978–1981 гг. спорткомплекса в Шерегеше Горная Шория выступала в качестве популярного летнего направления для пеших походов и сплавов.

Интерес к подобному способу рекреации сохранялся и в 1990-е гг., когда создавались первые коммерческие туристские предложения, и продолжает в определенной мере развиваться сегодня. В результате появился специфический тип потребителя, который не готов платить за организованный летний отдых. Данную категорию туристов невозможно включить в статистику посещений, и их деятельность зачастую препятствует увеличению числа коммерческих туров.

3. Инфраструктурная разобщенность, сформированная десятками различных инвесторов. В силу постоянного увеличения числа собственников и отсутствия единого руководящего оператора вплоть до 2014–2015 гг. концепция развития всесезонного предложения СТК «Шерегеш» оставалась стихийной и фрагментарной. Каждый учредитель реализовывал свои проекты без интеграции в общую летнюю логистику. Сегодня ситуация более стабильна, но объемы вложений в зимние проекты оказываются значительно больше, т.к. в пиковый сезон инвестиции гарантированно окупаются. При этом летняя инфраструктура требует долгосрочного планирования и обладает совершенно неочевидной рентабельностью. Предприятия и объекты Шерегеша летом продолжают работать довольно разрозненно, и турист может сталкиваться с дефицитом комплексного опыта.

4. Отсутствие уникального летнего позиционирования. Начиная с 2010-х гг. бренд СТК «Шерегеш» сознательно подкреплялся символами, популяризирующими горнолыжную направленность комплекса (снежный человек, фестиваль Grelka Fest). На этом фоне летнее предложение остается практически «невидимым», и целевые группы часто не рассматривают Шерегеш как летнюю дестинацию.

Таким образом, одним из ключевых препятствий для развития летнего предложения и выравнивания сезонности спроса фактически выступает его чрезвычайно высокая популярность в зимний период. Это сдерживает процесс формирования альтернативного всесезонного имиджа. При этом перспективы трансформации СТК «Шерегеш» в курорт круглогодичного функционирования значительны и подкрепляются следующими факторами:

1. Уникальное сочетание природно-климатических и этнокультурных ресурсов. Сложный рельеф,

⁵⁹ Развлечения. Дирекция курорта «Шерегеш». URL: <https://dirsheregesh.ru/resort-objects/entertainments?page=1> (дата обращения: 12.08.2025).

густая таежная растительность и сеть рек создают идеальные условия для активного отдыха. Это направление исторически развито в Горной Шории, однако должная инфраструктурная адаптация и маркетинг в перспективе способны стимулировать массовый спрос на организованные туры. Обеспечить эксклюзивность подобных продуктов позволяет этнокультурный аспект местного коренного населения. Культура шорцев на системном уровне интегрирована в действующие туры благодаря действующим музейным комплексам. Ярким примером является многодневный тур «Горная Шория. К детям тайги» от компании «Шория», его ценность подчеркивает включение в 2023 г. в перечень национальных туристских маршрутов⁶⁰.

2. Государственная поддержка, стратегическое планирование и создание благоприятного инвестиционного климата. Внимание властей к вопросам развития туризма в Шерегеше позволило сформировать устойчивую поддерживающую инфраструктуру, которая дает в настоящее время возможность принимать большие потоки туристов в любое время года. Работа администрации области заключается также в привлечении инвестиций: с начала 2000-х гг. это были крупные региональные инвесторы, затем партнеры из других субъектов Российской Федерации, далее комплекс получил доступ к софинансированию из федерального бюджета благодаря включению в федеральную целевую программу, начиная с 2021 г. регулярно подключаются крупные инвесторы федерального масштаба. Привлекаемые средства все чаще направляются именно на подготовку объектов круглогодичного функционирования, и при должном развитии подобной модели государственно-частного партнерства в дальнейшем преодоление проблемы сезонности будет более стремительным.

3. Активное развитие событийного туризма. Регулярное проведение крупных мероприятий различного формата гарантирует посещение комплекса туристами в конкретные летние даты. Так, в 2024 г. СТК «Шерегеш» вошел в топ-10 самых посещаемых летних горных курортов России, согласно исследованию МТС и Минэкономразвития⁶¹. Разнообразные события выступают в качестве ярких инфоповодов, которые активно освещаются в СМИ и социальных сетях. Это формирует восприятие общественностью Шерегеша как дестинации для всесезонного отдыха и постепенно меняет его имидж.

Очевидно, что СТК «Шерегеш» обладает конкретными преимуществами, которые при условии решения инфраструктурных и имиджевых проблем могут способствовать трансформации из узкоспециализированного горнолыжного курорта в диверсифицированный, экономически устойчивый и привлекательный для туристов круглогодичный рекреационный кластер. Тем не менее задача полного преодоления сезонности все еще остается актуальной. Дальнейшие профильные исследования, направленные на изучение истории возникновения и трансформации отдельных видов туризма в Горной Шории, могут способствовать выявлению большего числа сдерживающих факторов и продемонстрировать точки роста, которые до настоящего времени не были задействованы в стратегии развития комплекса.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

Айларова Н. Ю., Васина А. В., Кирьянова Л. Г., Юматов К. В. Этапы развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш». *Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17–23 ноября 2023 г.) М.: РАН, 2024. С. 444–449. [Aylarova N. Yu., Vasina A. V., Kiryanova L. G., Yumatov K. V. Sheregesh sports and tourism complex development stages. *Development*

⁶⁰ Потапова Ю. В Горную Шорию проложили национальный туристический маршрут. *Российская газета*. 21.09.2023. URL: <https://rg.ru/2023/09/14/reg-sibfo/v-gornuiu-shoriiu-prolozhili-nacionalnyj-turisticheskij-marshrut.html> (дата обращения: 12.08.2025).

⁶¹ Шерегеш вошел в топ-10 самых посещаемых летних горных курортов России. *ГАУ «Агентство по туризму Кузбасса»*. 20.09.2024. URL: <https://kuzbass-tourism.ru/news/tpost/ybh16chfo1-sheregesh-voshyol-v-top-10-samih-poseschysclid=mdzm65vvk4166544455> (дата обращения: 12.08.2025).

- of the productive forces of Kuzbass: History, modern experience, and strategy for the future*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 17–23 Nov 2023. Moscow: RAS, 2024, 444–449. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlbbxz>
- Анисимов В. Ю., Прудникова Н. Г. Проект развития туризма в горнолыжном комплексе «Шерегеш». *Наука и туризм: стратегии взаимодействия*. 2014. № 1. С. 32–35. [Anisimov V. Yu., Prudnikova N. G. Tourism development project in "Sheregesh" alpine ski resort. *Nauka i turizm: strategii vzaimodeystviia*, 2014, (1): 32–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvfhrj>
- Ануфриева Е. А., Елескина О. В. Горнолыжные курорты Германии и Кузбасса: опыт сравнительного анализа. *Кузбасс: образование, наука, инновации: инновационный конвент*. (Кемерово, 9 декабря 2016 г.) Кемерово: СибГИУ, 2016. С. 490–494. [Anufrieva E. A., Eleskina O. V. Ski resorts in Germany and Kuzbass: Experience of comparative analysis. *Kuzbass: Education, science, and innovation: Innovation Convention*, Kemerovo, 9 Dec 2016. Kemerovo: SibSIU, 2016, 490–494. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xczsoh>
- Асауляк В. В. Оценка туристско-экскурсионного потенциала в Кемеровской области (на примере «Шерегеша»). *Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности*: VIII Междунар. Стахеевские чтения. (Елабуга, 16–17 ноября 2017 г.) Елабуга: Елабужский институт КФУ, 2017. С. 274–276. [Asaulyak V. V. Evaluation of tourist-excursion potential in Kemerovo region (on the example of "Sheregesh"). *The Russian province as a socio-cultural field for the formation of civil and national identity*: Proc. VIII Intern. Stakheev Readings, Yelabuga, 16–17 Nov 2017. Yelabuga: Yelabuga Institute of KFU, 2017, 274–276. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywdemd>
- Афонасова А. И. Состояние и перспективы развития туристского комплекса Горной Шории. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2008. № 3. С. 103–107. [Afonasova A. I. The state and prospects of the Mountain Shoria tourist complex development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (3): 103–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ltxomp>
- Басманова Л. В., Гладкая Е. В. Рекреационные возможности Кузбасса в развитии внутреннего туризма. *Дни науки-2016*: VII Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 14–18 марта 2016 г.) Новосибирск: СибУПК, 2016. С. 14–18. [Basmanova L. V., Gladkaya E. V. Recreational opportunities of Kuzbass in the development of domestic tourism. *Science Days 2016*: Proc. VII All-Russian Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, 14–18 Mar 2016. Novosibirsk: SUCC, 2016, 14–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zlffds>
- Винокурова М. С., Орлова К. А., Видина О. А. Перспективы развития летнего активного туризма в Кузбассе. *Россия молодая*: II Всерос., 55 науч.-практ. конф. (Кемерово, 12–16 апреля 2010 г.) Кемерово: КузГТУ, 2010. С. 292–295. [Vinukurova M. S., Orlova K. A., Vidina O. A. Prospects for the summer active tourism in Kuzbass development. *Young Russia*: Proc. II All-Russian, 55 Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 12–16 Apr 2010. Kemerovo: KuzSTU, 2010, 292–295. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jojoock>
- Воронина М. А. Туристско-рекреационные ресурсы Горной Шории. *Записки общества изучения Амурского края*, отв. ред. А. М. Буюков. Владивосток: ВВГУ, 2024. Т. 49. С. 228–232. [Voronina M. A. Mountain Shoria tourist and recreational resources. *Proceedings of the Society for the Study of the Amur Region*, ed. Buyakov A. M. Vladivostok: VVSU, 2024, vol. 49, 228–232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rqewek>
- Гойкалов Д. А. Стратегические перспективы развития туроператорской деятельности в Кемеровской области – Кузбассе (горнолыжный комплекс «Шерегеш»). *Теория и практика стратегирования*: VII Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово-Москва, 29–30 марта 2024 г.) Кемерово: КемГУ, 2024. С. 132–142. [Goykalov D. A. Strategic prospects for the development of tour operator activities in Kemerovo region – Kuzbass (Sheregesh ski complex). *Strategizing: Theory and practice*: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo-Moscow, 29–30 Mar 2024. Kemerovo: KemSU, 2024, 132–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbaogi>
- Горяева О. А., Чуднов И. А. Развитие внутреннего самодеятельного туризма в Кемеровской области в 1940–1980-е годы. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2006. № 6-1. С. 155–158. [Goryaeva O. A., Chudnov I. A. The domestic amateur tourism development in Kemerovo oblast in the 1940s–1980s. *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, 2006, (6-1): 155–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tyndfz>
- Кайзер Ф. Ю., Брель О. А. Кластерный подход к организации горнолыжного туризма в Кемеровской области – Кузбассе. *Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования*: Междунар. науч. конф. (Тюмень, 12–17 сентября 2022 г.) Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. С. 680–686. [Kaizer Ph. Yu., Brel O. A. Cluster approach to the organization of ski tourism in the Kemerovo region – Kuzbass. *Trends in spatial*

- development of modern Russia and priorities for its regulation: Proc. Intern. Sci. Conf., Tyumen, 12–17 Sep 2022. Tyumen: TyumSU-Press, 2022, 680–686. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrnqdy>
- Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки. Кемерово: Примула, 2018. 600 с. [Kimeev V. M., Kopytov A. I. *Mountain Shoria: history and modernity. Historical and ethnographical essays*. Kemerovo: Primula, 2018, 600. (In Russ.)]
- Копытов А. И. Гора с горой... Кемерово: Сибирский бизнес, 2003. 103 с. [Kopytov A. I. *A mountain to a mountain...* Kemerovo: Sibirskii Bisnes, 2003, 103. (In Russ.)]
- Котова О. Н., Лысенко Е. А., Завьялова Е. А. Использование инструментов маркетинга территорий для обоснования организации летнего туризма в Горной Шории. *Актуальные проблемы экономики и управления в XXI веке*: Междунар. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 25–27 марта 2019 г.) Новокузнецк: СибГИУ, 2019. Ч. 2. С. 30–34. [Kotova O. N., Lysenko E. A., Zavialova E. A. The use of territory marketing tools to justify the organization of summer tourism in Mountain Shoria. *Current issues of economics and management in the 21st century*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Novokuznetsk, 25–27 Mar 2019. Novokuznetsk: SibSIU, 2019, pt. 2, 30–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kbbjwv>
- Маташков Д. Особенности организации экскурсионных программ в Горной Шории. *Актуальные вопросы истории, социально-политических наук и туризма*: Симпозиум в рамках XV (XLVII) Междунар. науч. конф. (Кемерово, 1–30 апреля 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2020. С. 209–211. [Matashkov D. Features of the excursion programs organization in Mountain Shoria. *Current issues in history, socio-political sciences, and tourism*: Proc. Symposium within the framework of the XV (XLVII) Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 1–30 Apr 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 209–211. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cawsma>
- Медведева Е. А., Дорохов В. Г. Основные горнолыжные комплексы Кемеровской области. *Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей*: X (XLII) Междунар. науч. конф. (Кемерово, 20–24 апреля 2015 г.) Кемерово: КемГУ, 2015. С. 830–834. [Medvedeva E. A., Dorokhov V. G. The main ski resorts in Kemerovo region. *Education, science, and innovation: Contributed by young researchers*: Proc. X (XLII) Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 20–24 Apr 2015. Kemerovo: KemSU, 2015, 830–834. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uolvpd>
- Мелехина Е. Д., Селезнев Р. С. Вопросы и перспективы развития событийного туризма в Шерегеше. *Теория и практика стратегирования*: V Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово – Новокузнецк – Мариинск – Москва, 17–19 октября 2022 г.) Кемерово: КемГУ, 2022. С. 432–437. [Melekhina E. D., Seleznev R. S. Issues and prospects of event tourism development in Sheregesh. *Strategizing: Theory and practice*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo – Novokuznetsk – Mariinsk – Moscow, 17–19 Oct 2022. Kemerovo: KemSU, 2022, 432–437. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/izrnot>
- Прозоров Е. Б., Юматов К. В. Стратегические приоритеты развития спортивно-туристического комплекса «Шерегеш». *Теория и практика стратегирования*: V Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово – Новокузнецк – Мариинск – Москва, 17–19 октября 2022 г.) Кемерово: КемГУ, 2022. С. 378–384. [Prozorov E. B., Yumatov K. V. Strategic priorities for the development of the sports and tourist complex Sheregesh. *Strategizing: Theory and practice*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo – Novokuznetsk – Mariinsk – Moscow, 17–19 Oct 2022. Kemerovo: KemSU, 2022, 378–384. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttexdr>
- Пятовский А. А. История создания горнолыжного курорта Шерегеш в Кемеровской области (1990–2003 гг.). *Вестник Томского государственного университета*. 2018a. № 432. С. 150–158. [Pyatovskiy A. A. History of the Sheregesh ski resort establishment in Kemerovo oblast (1990–2003). *Tomsk State University Journal*, 2018a, (432): 150–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/432/20>
- Пятовский А. А. Развитие системы обеспечения безопасности внутреннего туризма на территории Кузбасса в 1970 – начале 1990-х гг. *Современная научная мысль*. 2018b. № 2. С. 143–148. [Pyatovskiy A. A. Development of the system of safety provision for internal tourism on the Kuzbass territory in the 1970 – early 1990-ies. *Modern Scientific Thought*, 2018b, (2): 143–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywiwcq>
- Скалон Н. В., Суцев Д. В., Быковец К. В., Ефремова Г. В., Колмыкова В. А. Проблемы и перспективы становления регионального экологического образования и просвещения и развитие экологического туризма на примере Таштагольского района Кемеровской области и Шорского национального парка. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 1-4. С. 38–45. [Skalon N. V., Sushchyov D. V., Bykovets K. V., Efremova G. V., Kolmykova V. A. Problems and prospects of formation of regional ecological

- education and enlightenment and tourism development: The example of Tashtagol district of Kemerovo Region and the Shor National Park. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-4): 38–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tolchv>
- Тортумашева Я. В. Развитие летнего туризма в Горной Шории. *Актуальные вопросы истории, социально-политических наук и туризма: Симпозиум в рамках XV (XLVII) Междунар. науч. конф. (Кемерово, 1–30 апреля 2020 г.)* Кемерово: КемГУ, 2020. С. 246–250. [Tortumasheva Ya. V. Development of summer tourism in Mountain Shoria. *Current issues in history, socio-political sciences, and tourism: Proc. Symposium within the framework of the XV (XLVII) Intern. Sci. Conf.*, Kemerovo, 1–30 Apr 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 246–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugwueg>
- Филонова Е. А. Программы стратегического развития территории как источник по истории развития СТК «Шерегеш». *Актуальные вопросы истории, археологии, философии, международных отношений и туризма: Симпозиум XIX (LI) Междунар. науч. конф. (Кемерово, 25 апреля 2024 г.)* Кемерово: КемГУ, 2024. С. 244–248. [Filonova E. A. Strategic development of the territory programs as a source on the Sheregesh Sports and Tourism development history. *Current issues in history, archeology, philosophy, international relations, and tourism: Proc. Symposium at the XIX (LI) Intern. Sci. Conf.*, Kemerovo, 25 Apr 2024. Kemerovo: KemSU, 2024, 244–248. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjhjgp>
- Шатилов Н. И. Туристско-спортивное акционерное общество «Шория-Тур». *Шорский сборник. Вып. II: Этно-экология и туризм Горной Шории*. Кемерово: КемГУ, 1997. С. 243–246. [Shatilov N. I. Tourist and sports joint-stock company Shoria-Tour. *Shor Collection. Iss. II: Ethnoecology and Tourism of Mountain Shoria*. Kemerovo: KemSU, 1997, 243–246. (In Russ.)]
- Шмидт К. Е., Закамская Л. Л. Анализ конкурентоспособности горнолыжных комплексов Кузбасса. *Россия молодая: XII Всерос. науч.-практ. конф. (Кемерово, 21–24 апреля 2020 г.)* Кемерово: КузГТУ, 2020. С. 84638.1–84638.7. [Schmidt K. E., Zakamskaya L. L. Kuzbass ski resorts competitiveness analysis. *Young Russia: Proc. XII All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Kemerovo, 21–24 Apr 2020. Kemerovo: KuzSTU, 2020, 84638.1–84638.7 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dopftr>
- Юматов К. В., Волкова А. В. Экологический туризм в Горной Шории: проблемы и перспективы. *Региональные аспекты географических исследований и образования: XV Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 27–28 ноября 2020 г.)* Пенза: ПГУ, 2020. С. 122–126. [Yumatov K. V., Volkova A. V. Ecological tourism in Mountain Shoria: Problems and prospects. *Regional aspects of geographical research and education: Proc. XV All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Penza, 27–28 Nov 2020. Penza: PSU, 2020, 122–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qubehm>
- Happ E., Seidl M., Zach F. J., Schnitzer M. A look into the crystal ball of ski destination development – The role of Alpine Summer Parks. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, 2022, 53: 91–95. <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2022.08.010>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/kxmhsx>

Газета «Красная Шория» как источник по истории развития туризма в Горной Шории (1999–2010 гг.)

Филонова Екатерина Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6808-1294

<https://orcid.org/0000-0003-3884-1959>filonova.ea@yandex.ru

Аннотация: Растущая популярность туристической индустрии в Кемеровской области – Кузбассе делает необходимым научное осмысление и систематизацию знаний, в том числе на примере локальной периодической печати. Цель – выявить роль и возможности локальной газеты Таштагольского района «Красная Шория» как источника по истории развития туризма в Горной Шории в период 1999–2010 гг. На основе изучения публикаций восстановлены ключевые этапы трансформации Шерегеша из горнодобывающего поселка в федерально значимый туристский центр: от принятия концепции и целевых программ развития до инфраструктурного строительства. Особое внимание уделено противоречиям в развитии горнолыжного комплекса, включая конфликт спортивных и туристических интересов, социальные проблемы: рост цен на жилье, работа в серой зоне местных жителей. Выделяется роль периодического издания не только как источника по хронологии событий, но и как инструмента влияния на местных жителей, инструмента лоялизации населения, формирующего позитивные образы преобразований через акцент на социальных проектах. Публикации газеты содержат уникальные свидетельства современников, статистические данные, официальные заявления, документы и экспертные оценки, которые позволяют составить картину развития СТК «Шерегеш» в 1999–2010 гг. и раскрыть многогранность процесса развития, включая аспекты, не отраженные в официальных документах, что делает газету «Красная Шория» ценным источником для изучения развития горнолыжного комплекса.

Ключевые слова: периодическая печать, исторический источник, туризм, газета «Красная Шория», Горная Шория, Шерегеш, Кемеровская область

Цитирование: Филонова Е. А. Газета «Красная Шория» как источник по истории развития туризма в Горной Шории (1999–2010 гг.). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1042–1052. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1042-1052>

Поступила в редакцию 01.09.2025. Принята после рецензирования 06.11.2025. Принята в печать 10.11.2025.

full article

History of Tourism Development in Shoria Mountains (1999–2010): *The Krasnaya Shoria Newspaper*

Ekaterina A. Filonova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

eLibrary Author SPIN: 6808-1294

<https://orcid.org/0000-0003-3884-1959>filonova.ea@yandex.ru

Abstract: As the Kemerovo Region adds its touristic capacity, the local tourism industry needs scientific approach to its most relevant issues, and local periodicals can provide a lot of useful information in this respect. The Krasnaya Shoria is a newspaper published for the Tashtagol district community. It proved to be a reliable source on the history of tourism in Shoria Mountains in 1999–2010. The publications revealed the key stages that

Sheregesh went through on its way from a mining village to a federal resort, i.e., from the concept and targeted programs to the actual infrastructure development. The analysis also casts light upon the conflict between sports and tourism, as well as such social issues as high housing prices and unofficial employment. The newspaper was a tool for developing positive attitudes to the changes brought about by the tourism-related social projects. Apart from providing the chronology of events, the Krasnaya Shoria contains unique contemporary testimonies, statistical data, official statements, documents, and expert assessments that build up a complete profile of the Sheregesh Sports and Touristic Complex in 1999–2010. This multifaceted picture includes some unique aspects not to be found in official documents.

Keywords: periodicals, historical source, tourism, newspaper Krasnaya Shoria, Gornaya Shoria, Sheregesh, Kemerovo region

Citation: Filonova E. A. History of Tourism Development in Shoria Mountains (1999–2010): *The Krasnaya Shoria Newspaper*. *SibScript*, 2025, 27(6): 1042–1052. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1042-1052>

Received 1 Sep 2025. Accepted after peer review 6 Nov 2025. Accepted for publication 10 Nov 2025.

Введение

Газета «Красная Шория», основанная в 1932 г.¹, в период 1999–2010 гг. переживала важный этап своей трансформации, адаптируясь к новым экономическим и медийным реалиям. Под руководством редактора Виктора Николаевича Тагильцева, возглавляющего издание с 1988 г.², газета сохранила статус основного источника информации для жителей Таштагольского района, оставаясь верной своей главной идее – освещению локальных тем и проблем района. Ее аудитория была сформирована из жителей района: шахтеров, работников транспорта, образования, здравоохранения, сферы услуг, представителей малого бизнеса и коренного шорского населения. Публикации газеты редко выходили за рамки жизни Таштагольского района, на ее страницах практически не размещались мировые или общероссийские новости, а акцент делался на событиях, непосредственно затрагивающих интересы местной аудитории. Важное место занимала рубрика с интервью местных жителей, что укрепляло связь периодического издания с читателями. Ключевым событием этого периода стал переход в 2003 г. на самостоятельную печать тиража с помощью печатной машины «Доминант»³. До этого момента газета печаталась в Новокузнецке, что создавало логистические и экономические трудности: доставка материалов занимала время, снижала оперативность и увеличивала

срок печати номеров газеты. Самостоятельная печать повысила оперативность выхода номеров и укрепила финансовую часть редакции.

Примечательно, что в отличие от большинства периодических изданий, активно осваивавших цифровые платформы в 2000-е гг., «Красная Шория» сознательно оставалась в формате печатной версии. Это решение можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, основными читателями газеты являлись жители Таштагольского района, старшее поколение и жители удаленных поселков, где интернет-покрытие было слабым, а традиция чтения бумажной прессы сохранялась. Во-вторых, специфика газеты «Красная Шория» фокусировалась на локальных новостях, которые были редко интересны широкой аудитории за пределами района. В-третьих, печатный формат издания позволял сохранять доходы от рекламы местного бизнеса и распространения газеты по подписке, в то время как переход в цифровой формат, наоборот, потребовал бы дополнительных вложений. В-четвертых, для многих жителей газета оставалась не только источником информации, но и неким символом, связующим звеном с историей и идентичностью территории.

Выбор хронологических рамок исследования с 1999 по 2010 г. обусловлен научной периодизацией

¹ Газета «Красная Шория». Администрация Таштагольского муниципального округа. URL: <https://atr42.ru/index/pechat/0-61> (дата обращения: 15.08.2025).

² Красная Шория. 24.12.1988.

³ В день 300-летия российской печати редакция Таштагольской городской газеты «Красная Шория» впервые отпечатала весь тираж газеты на собственной печатной машине «Доминант». Администрация Правительства Кузбасса. 15.01.2003. URL: <https://kemobl.ru/news/detail/old-51654> (дата обращения: 15.08.2025).

этапов развития спортивно-туристского комплекса (СТК) «Шерегеш», предложенной Н. Ю. Айларовой, А. В. Васиной, Л. Г. Кирьяновой и К. В. Юматовым. Данный период соответствует третьему этапу – этапу активного строительства туристской инфраструктуры на горе Зеленой [Айларова и др. 2024: 446], который характеризовался качественным преобразованием из локального спортивного объекта в значимый туристский центр федерального значения. Нижняя граница хронологических рамок определяется переходом от точечных проектов к системному развитию курорта. Как отмечают авторы, запуск в 1999 г. первой за Уралом канатной дороги фирмы «Доппельмайер» австрийского производства⁴ стал символическим стартом этапа масштабной инфраструктурной трансформации и продемонстрировал потенциал горнолыжного комплекса (ГЛК) «Шерегеш» для крупных инвесторов и коммерческих структур из других регионов. Верхняя граница хронологических рамок определена завершением к 2010 г. активной фазы формирования первичной инфраструктуры Сектора А и созданием зоны экономического благоприятствования туристско-рекреационного типа «Горная Шория» [Пятовский 2018: 156].

В общероссийском масштабе период 1999–2010 гг. исследователи характеризуют как период трансформации всех сфер жизни российского общества. Это годы, когда государство проходило этап политической стабилизации и трансформации переходной экономики в устойчивую рыночную. В рамках этих процессов периодическая печать также претерпела кардинальные изменения, связанные с цифровизацией [Вартанова 2014; Киршин 2013; Лизунова 2011] и изменением медиапотребления [Загидуллина и др. 2018; Матяж 2020; Минеев, Милосердова 2022; Мисонжникова 2022]. Исследователи отмечают структурные изменения: сокращение числа изданий [Касютин 2011], трансформация жанров СМИ [Дегальцева, Сиротинина 2023]. С. С. Касаткин выделил два основных фактора изменения прессы: экономический и технологический [Касаткин 2014]. Первый фактор привел к коммерциализации контента газет и сокращению их тиражей. Второй фактор повлиял на развитие онлайн-версий печатных СМИ, появление новостных платформ,

которые составили конкуренцию традиционным печатным изданиям.

Туристская пресса данного периода, в отличие от советского, составляла достаточно большой сегмент, представленный как международными, так и российскими изданиями [Ростовская 2012; Ростовская, Виктовская 2015]. Она активно развивалась, отражая растущий спрос на выездной и внутренний туризм. Как отмечает А. А. Ревенко, появление русскоязычной версии журнала "National Geographic" становится событием, которое задает высокие стандарты качества для научно-популярных и географических изданий. В то же время, согласно государственной политике продвижения отечественных курортов, печатаются издания, направленные на внутренний туризм. Например, журнал «Отдых в России» не только выполнял рекламную функцию, но и стремился сформировать позитивный образ внутреннего туризма. Формируется и профессиональный сектор медиаизданий, представленный такими журналами, как «Турбизнес», «Вестник РАТА», которые фокусировались на законодательных изменениях, практических аспектах работы туроператоров, выполняя роль связующего звена между участниками индустрии. Одновременно развивались и онлайн-СМИ: порталы Travel.ru, RATA-news, Турпром, которые сочетали новостную функцию с интерактивными сервисами. Однако, как подчеркивает А. А. Ревенко, несмотря на внешнее разнообразие, многие издания сталкивались с проблемой зависимости от рекламных бюджетов туроператоров [Ревенко 2016: 8]. Тем не менее именно в этот период сформировался устойчивый формат туристской журналистики, который отражал рост интереса к путешествиям и влиял на формирование туристского интереса, рассматривая как мировые тренды, так и особенности внутреннего туризма.

Н. В. Девдариани и Е. В. Рубцова отмечают, что основной вызов, стоявший перед региональной прессой, – баланс между локальной повесткой и коммерческой целесообразностью, что повлияло на содержание публикаций региональных и локальных газет и сильно изменило структуру прессы [Девдариани, Рубцова 2020: 220]. Исследователи, анализируя в работах эволюцию районной печати в России, указывают на сокращение числа районных газет

⁴ Об утверждении региональной целевой программы «Развитие туристско-спортивного комплекса "Шерегеш" города Таштагола – Таштагольского района на 2003–2006 годы». Закон Кемеровской области № 112-ОЗ от 23.12.2002. *Архив документов правительства Кемеровской области.*

в 2000-е гг. из-за финансовых трудностей [Буторин 2020: 56], но также отмечают их постепенную адаптацию к цифровой среде [Видная 2007: 174], которая происходит путем дополнения печатного формата онлайн-версиями и социальными медиа [Выровцева 2015; Тулупов 2024]. Потенциал для диалога с цифровой аудиторией часто ограничивается преобладанием официальной информации и поверхностным новостным потоком, что не дает качественного взаимодействия с аудиторией. Е. В. Олешко отмечает, что региональные издания в новых условиях вынуждены искать новые модели монетизации, такие как онлайн-подписка или таргетированный контент для узкой аудитории [Олешко 2014: 37]. Однако в условиях регионов, где аудитория традиционно ориентирована на печатные форматы, а цифровое пространство насыщено бесплатным контентом, это создает дополнительный вызов [Дементьева 2022; Шувалов 2014].

Региональная туристская пресса Кемеровской области в период 1999–2010 гг. не была представлена специализированными туристскими изданиями. Но тема туризма активно публиковалась в газетах «Кузбасс», «АиФ в Кузбассе», «Комсомольская правда», публикации которых А. А. Пятовский использовал как источник по истории развития туризма в Шерегеше [Пятовский 2018: 156]. Материалы газеты «Красная Шория» начала 2000-х гг. как источник не вошли в его исследование.

Цель – выявить роль и возможности локальной газеты Таштагольского района «Красная Шория» как источника по истории развития туризма в Горной Шории в период 1999–2010 гг. Задачи:

1) показать потенциал локальной периодической печати в исследовании развития туризма в Горной Шории в указанный период;

2) выделить ключевые дискурсы, используемые периодическим изданием для освещения формирования туристской инфраструктуры в СТК «Шерегеш» и конструирования общественного восприятия этого процесса;

3) выявить роль региональных акторов, таких как власть, бизнес, местное население, в развитии и продвижении туризма в Горной Шории на основе материалов газеты «Красная Шория».

Методы и материалы

Источниковую базу исследования составили материалы газеты «Красная Шория» за 1999–2010 гг., публикации газеты «Кузбасс», официальные документы: постановления и программы администрации Таштагольского района; стратегические документы администрации Кемеровской области, свидетельства участников. Методологическую основу работы составляет принцип историзма, на основе которого был проведен анализ газеты «Красная Шория», принципы объективности и системности. Для анализа содержательной стороны газеты был использован контент-анализ и дискурс-анализ, применение которых позволило определить количество публикаций в течение исследуемых нами хронологических рамок на заданные темы и выявить наиболее важные темы, события, персоны в истории развития туризма в Горной Шории. Применение данных методов как к отдельным публикациям и номерам, так и к годовым и полугодовым тиражам позволяет получить комплексный анализ исторического источника.

Результаты

Начало XXI в. стало отправной точкой в развитии туризма в Горной Шории. ГЛК «Шерегеш», расположенный на горе Зеленой у одноименного поселка, представлял собой небольшой туристский комплекс с малоразвитой инфраструктурой, но обладал значительным потенциалом. Именно этот потенциал и начнут развивать в 2000-е гг. СТК «Шерегеш» уже имел свою аудиторию туристов, связанную с проведением чемпионатов России по горнолыжному спорту⁵. По задумке организаторов ГЛК «Шерегеш» должен был стать не только центром проведения спортивных мероприятий, но и крупным туристским центром. Отправной точкой этого преобразования стала разработанная в 2001 г. новая концепция развития туристско-спортивного комплекса «Шерегеш» [Филонова 2024: 245]. А в 2002 г. была утверждена региональная целевая программа «Развитие туристско-спортивного комплекса "Шерегеш" города Таштагола – Таштагольского района на 2003–2006 годы»⁶, в которой говорилось о развитии СТК «Шерегеш» как рекреационного

⁵ Первенство России на горе Зеленой. *Красная Шория*. 06.03.1996; В Шерегеше, на горе Зеленой, стартует чемпионат России по горнолыжному спорту. *Красная Шория*. 22.03.1997; Чемпионат по горнолыжному спорту. *Красная Шория*. 27.03.1998.

⁶ Об утверждении региональной целевой программы «Развитие туристско-спортивного комплекса "Шерегеш" города Таштагола – Таштагольского района на 2003–2006 годы»...

комплекса. Именно к этому документу в интервью корреспондентам газеты обращается глава администрации города Таштагола Владимир Николаевич Макута, отмечая, что «эта программа поможет двигаться нам дальше»⁷. В. Н. Макута и его заместители в традиционной рубрике «Интервью недели» отмечают основные планы и действия, которые проводятся в рамках программы. В первую очередь решаются вопросы транспортной связующей (строительство автомобильной дороги Новокузнецк – Таштагол, начавшееся в 1997 г. [Копытов 2003: 42]), а также проблемы теплоснабжения и энергоснабжения. Идет поступательное развитие инфраструктуры. В 2001 г. планировалось ввести семь новых гостиничных объектов вместимостью 320 мест⁸, что соответствовало плану программы развития. Особого внимания в газете заслуживает факт строительства гостиницы «Губернская», которую в публикациях чаще всего называют «подарком от губернатора»⁹, строительство гостиницы финансировалось из бюджета областной администрации, что демонстрирует государственную поддержку в развитии рекреационной зоны «Шерегеш». Стала развиваться сопутствующая инфраструктура: кафе на 70 мест, два специализированных пункта проката горнолыжного инвентаря.

Важной характеристикой, по мнению представителей администрации, является зарождение местного малого бизнеса. Как отмечается в публикации: «С развитием сферы туризма изменилось мышление и жизненные установки коренных жителей, люди поняли, что зарабатывать можно, а туристы вовсе безобидные люди»¹⁰. Финансовые аспекты развития комплекса нашли подробное отражение на страницах газеты. Вновь обращаясь к интервью с главой Таштагольского района и представителями администрации, можно сопоставить рост объема инвестиций. На 2002 г. общий объем привлеченных частных инвестиций составил 200 млн руб., что свидетельствует о высоком интересе со стороны частного

капитала. В 2006 г. инвестиции в строительство ГЛК возросли до 1,2 млрд руб., а к 2009 г. этот показатель вырос до 2 млрд руб. Стремительное увеличение роста инвестиций подтверждает экономическую привлекательность Шерегеша. Туристическая привлекательность отражена в росте потока туристов: 1999 г. – 7 тыс. туристов; 2003 г. – 72 тыс. туристов¹¹; 2006 г. – 120 тыс. туристов¹²; 2009 г. – 300 тыс. туристов. Это способствовало и увеличению налоговых поступлений в местный бюджет.

Приведем некоторые факты. В 2003 г. налоговые поступления составили 13,3 млн руб.¹³, а за первое полугодие 2004 г. объем составил 16,7 млн руб., прирост – около 25 %¹⁴. На основе анализа материалов газеты можно сделать вывод, что «Красная Шория» является ценным источником статистических данных, позволяющих объективно оценить динамику развития СТК «Шерегеш». Приведенные данные демонстрируют положительную динамику: объем инвестиций почти за десять лет вырос в 10 раз – с 200 млн до 2 млрд руб., а поток туристов увеличился более чем в 40 раз – с 7 до 300 тыс. человек¹⁵. Рост налоговых поступлений подтверждает эффективность развивающегося комплекса. Таким образом, в газете «Красная Шория» не просто зафиксированы отдельные факты, но также она позволяет составить целостную картину успешной трансформации СТК «Шерегеш», где рост инвестиций закономерно привел к росту турпотока и увеличению доходов в бюджет.

Отметим ограниченную информацию о бизнес-сообществах в публикациях газеты «Красная Шория». Материалы за 1999–2010 гг. не позволяют полноценно реконструировать историю бизнес-сообществ, т. к. предприниматели и инвесторы остаются вне информационного пространства издания. Крупные игроки: «Кузбасская топливная компания», «Сибшахтострой», «Евразруда», томский инвестор Malca – упоминаются фрагментарно, в основном в контексте интервью с главой Таштагольского района В. Н. Макутой, где

⁷ Интервью недели: В. Николаевский с В. Н. Макутой. *Красная Шория*. 23.06.2000.

⁸ Интервью недели: В. Николаевский с А. С. Полудовым. *Красная Шория*. 11.05.2001.

⁹ Сухинская Е. Гостиница – лучший подарок. *Красная Шория*. 29.12.2000.

¹⁰ Лучше в Швейцарии, чем просто – в Тайге. *Красная Шория*. 28.09.2001.

¹¹ Интервью недели: В. Николаевский с В. Н. Макутой. *Красная Шория*. 05.03.2003.

¹² Владимир Макута: Мы работаем на экономику района, ее модернизацию и, в конечном счете, на каждого жителя. *Красная Шория*. 15.02.2007.

¹³ Интервью недели: В. Николаевский с В. Н. Макутой. *Красная Шория*. 30.01.2004.

¹⁴ Положительная динамика горы Зеленой. *Красная Шория*. 03.08.2004.

¹⁵ Владимир Макута: бюджет это не догма – это план действий. *Красная Шория*. 11.02.2005.

их проекты подаются как часть официальных успехов администрации. Выделяется проект развития Сектора Е, в публикациях «Красной Шории» достаточно подробно рассматривают участие угольной компании «Кузбассразрезуголь»¹⁶, ставшей основным инвестором в его разработке. Как сообщает издание, в 2005 г. велась работа по разработке новых склонов, строительство дороги до сектора и подготовка к установке подъемников. В 2007 г. в газете «Красная Шория» публикуется материал о том, что Сектор Е начал свою работу в тестовом режиме¹⁷. Отдельные интервью с руководителями предприятий гостиничного бизнеса практически отсутствуют, что создает провал в понимании истории развития бизнеса, а также конкуренции внутри бизнес-среды. Возможные причины этого могут быть связаны с аудиторией газеты. «Красная Шория» ориентирована на круг местных жителей, а не на предпринимательское сообщество. Тематика развития бизнеса в рекреационной зоне Шерегеша может считаться непонятной для основной аудитории. Другой возможной причиной может быть незаинтересованность бизнеса в локальной аудитории. Крупные инвесторы, например представители томской компании Malca, могли считать аудиторию локальной газеты неинтересной для своих PR-целей, предпочитая федеральные или отраслевые медиа. В то же время упоминание в местной газете могло восприниматься как риск: нежелательный интерес конкурентов или претензии со стороны местных жителей.

Единственным заметным представителем турбизнеса, регулярно появляющимся на страницах «Красной Шории», остается ТСАОО «Шория-Тур»¹⁸. Его деятельность освещалась в контексте успешного государственно-частного партнерства.

Публикации дают общее представление о динамике вложений в инфраструктуру ГЛК и статистике.

Рекламные разделы «Красной Шории» являются важным источником, т. к. чаще всего именно там можно найти информацию об открытии гостиниц, например: «Политех»¹⁹, «Скала»²⁰, «АльпенХоф»²¹ и др.

Одной из задач газеты «Красная Шория» была лоялизация местных жителей к преобразованию Горной Шории в туристический центр. Публикации формировали сюжет о том, что развитие туризма принесет пользу не только приезжим гостям, но и местному населению. Это достигалось через акцент на проектах, улучшающих качество жизни в районе. Социальная ориентированность преобразований подчеркивается в открытии пригородного автобусного маршрута от поселка Шерегеш до горы Зеленой²²; профилактория в пос. Шерегеш, который принимает как детей горняков, так и самих жителей района, а в выходные и праздничные дни приезжают гости из других городов²³. Такой же посыл несет и публикация об открытии Губернаторской чайной у подножия горы Зеленой, инициированной администрацией Кемеровской области, в частности губернатором Аманом Гумировичем Тулеевым. Данная чайная представляет собой юрту, подаренную губернатору монгольскими партнерами. В чайной был принцип бесплатного обслуживания детей, что подчеркивало социальную ориентированность проекта не только на местных жителей, но и на жителей всей области²⁴.

Несмотря на положительную динамику, публикации «Красной Шории» отражают не только успешное развитие, но и ряд проблем, связанных с развитием туризма, волнующих в первую очередь местных жителей, которые являются основной аудиторией данной газеты. Одной из наиболее острых проблем становится массовая скупка квартир в поселке Шерегеш туристскими фирмами, которые в последующем переоборудуют их для сдачи в аренду

¹⁶ Володина О. На Зеленой есть все, кроме снега. *Красная Шория*. 16.11.2006.

¹⁷ Трассы ждут. *Красная Шория*. 20.11.2008.

¹⁸ «Шория-Тур»: национализации не будет. *Красная Шория*. 29.06.2001; Интервью недели: В. Николаевский с директором ЗАО «Шория-Тур» А. В. Безушковым. *Красная Шория*. 07.11.2002; Васильев В. Новая звезда «Шории-Тур». *Красная Шория*. 13.01.2005; Шукина О. Выбери свое лето. *Красная Шория*. 07.07.2007.

¹⁹ Лыжи, борд, настроение! *Кузбасс*. 13.11.2007. № 210 (24444).

²⁰ Открылась комфортабельная гостиница «Скала». *Красная Шория*. 19.01.2006.

²¹ Райнеш Е. Вы отели захотели. *Красная Шория*. 12.01.2006.

²² Для гостей и жителей Горной Шории открыт новый пригородный маршрут от поселка Шерегеш до Горы Зеленая. *Пресс-служба Администрации Правительства Кузбасса*. 22.01.2004.

²³ За здоровьем – в Шерегеш. *Красная Шория*. 27.08.2004.

²⁴ В минувшие выходные у подножия горы Зеленой в поселке Шерегеш – Мекки горнолыжного туризма Кемеровской области – открылась Губернаторская чайная. *Администрация Правительства Кузбасса*. 27.01.2004. URL: <https://kemobl.ru/news/detail/old-39309> (дата обращения: 15.08.2025).

туристам²⁵. Это приводит к сокращению доступного для покупки жилья местными жителями и повышению цен на недвижимость. Еще одной значимой проблемой становится нелегальная сдача жилья туристам, в данном случае эта проблема поднимается в интервью с администрацией Таштагольского района²⁶. Многие жители, сдавая квартиры или комнаты туристам, не декларируют доход, а следовательно, и не уплачивают налог. Как отмечается в публикации, причинами этого являются недостаточная осведомленность населения, которую обеспечивают местные власти, финансовая безграмотность или сознательное уклонение.

Особое внимание уделяется проблеме детского туризма. В материале от января 2001 г. заместитель директора СЮТур О. Володина указывает на плохое состояние единственной детской турбазы у подножия горы Зеленой, которая состоит из четырех вагончиков²⁷ и не может принять всех желающих. Она обращается к местным властям с вопросом о строительстве двухэтажной турбазы для увеличения количества мест. Кроме того, на протяжении рассматриваемого нами периода поднимается вопрос о недоступности цен на услуги рекреационной зоны для среднестатистической семьи из Кемеровской области. Высокая стоимость проката инвентаря и подъемников, а также проживание на турбазах «Шории-Тур» делает невозможным отдых для многих жителей с детьми²⁸. Таким образом, можно сделать вывод, что никакой другой источник не отражает сложившийся конфликт между местными жителями и представителями турбизнеса так, как это делает газета «Красная Шория», в целом только из публикаций газеты и из личных воспоминаний участников можно выделить этот конфликт.

Сюжеты о спортивной жизни в Горной Шории, как и в публикациях, начиная с 1970-х гг. продолжали занимать особое место на страницах газеты «Красная Шория». Газета регулярно сообщала о проведении

всероссийских, областных, районных соревнований по горнолыжному спорту, таких как Первенство России по горнолыжному спорту²⁹; Всероссийские фестивали по сноуборду (2001–2005 гг.)³⁰ и Кубок Президента России по горнолыжному спорту. В то же время делилась результатами воспитанников СДЮСШОР по горнолыжному спорту и сноуборду³¹, которые занимали лидирующие места, становились чемпионами и участвовали в Олимпиаде в своих дисциплинах. Также публикации газеты показывают формирование конфликта между туристским и спортивным развитием на горе Зеленой, который в итоге привел к созданию двуединого комплекса в Таштагольском районе. Газета фиксирует, что по мере роста турпотока горнолыжные склоны стали местом конкуренции между туристами и спортсменами. Воспитанники СДЮСШОР, как следует из интервью тренера Владимира Фоминых, сталкиваются с проблемой ограничения тренировок в связи с потоком туристов. Он отмечает, что тренировки на горе Буланже, а позднее на горе Туманной, не дают такой возможности подготовки, как гора Зеленая, т. к. ее склоны более подходят под международный уровень³². Возникают и финансовые барьеры, делающие подготовку спортсменов практически невозможной из-за требований оплаты 2 млн руб. за сезон³³. Публикации показывают, что власти района осознавали сложившуюся ситуацию и понимали необходимость сохранения спортивного статуса территории, заработанного еще в советский период. Постепенно происходит разделение функций, где гора Зеленая становится туристическим центром для массового отдыха, спортивным центром же становится гора Туманная, где создаются условия для тренировок без помех со стороны туристов. «Красная Шория» стала одним из свидетелей формирования этого конфликта и его разрешения, что отражается в публикациях. Таким образом, через публикации продвигалась идея о том, что Таштагольский район

²⁵ Не хотим быть изгоями. *Красная Шория*. 02.02.2000.

²⁶ Васильев В. Счастливый билет для Шерегеша. *Красная Шория*. 23.06.2000.

²⁷ Старкова Е. Вот бы построить детскую турбазу! *Красная Шория*. 12.01.2001.

²⁸ Володина О. Наш «золотой резерв» – четыре вагончика? *Красная Шория*. 17.01.2001.

²⁹ Таштагольцы приветствуют Первенство России по сноуборду. *Красная Шория*. 05.01.2006.

³⁰ Васильев В. И на доске нам нет равных! *Красная Шория*. 01.03.2000; Фестиваль на Зеленой. *Красная Шория*. 28.02.2001.

³¹ Сухинская Е. А горнолыжники взяли весь комплект медалей. *Красная Шория*. 09.02.2000; Фоминых В. 14 медалей из 24 возможных – наши! *Красная Шория*. 05.04.2000; Победа в Австрии. *Красная Шория*. 27.01.2004; Екатерина Тудегешева выиграла Чемпионат мира по сноуборду. *Красная Шория*. 18.01.2007.

³² Фоминых В. Европа присмотрелась и признала нас. *Красная Шория*. 14.01.2000.

³³ Фоминых В. На олимпиаду нельзя выпрыгнуть из-под печки. *Красная Шория*. 04.01.2002.

все же может совмещать две роли и быть прибыльным туристическим центром и оставаться кузницей кадров горнолыжного спорта, тем самым сохраняя свое спортивное звание.

Большое внимание уделялось СТК «Шерегеш» со стороны представителей властей и спортивных федераций. На главной странице газеты нередко можно встретить яркие заголовки, например *Зеленая встречала министра*³⁴, с рабочим визитом в марте 2001 г. прибыл министр спорта Павел Рожков, который ознакомился с возможностями развития горнолыжного спорта в районе. Такие визиты показывали высокую значимость развития туризма в Горной Шории, отражали поддержку федеральных властей. Для развития шерегешского комплекса как международного центра туризма и спорта с визитом приглашали и Союз архитекторов России, представители которого в рамках форума архитекторов вносили свои идеи для развития инфраструктуры Шерегеша. Среди проблем, которые они отмечали: «хаотичная» и непродуманная застройка, отсутствие сервиса на предприятиях питания. Среди предложений: плановая застройка, развитие индустрии гостеприимства, обучение сервису, ряд архитектурных проектов по застройке, необходимость рекламы для широкой российской и зарубежной публики³⁵.

Важным сюжетом в публикациях «Красной Шории» является деятельность губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева по развитию ГЛК. Благодаря публикациям есть возможность проследить деятельность по привлечению федеральных ресурсов для развития инфраструктуры, по распределению в пользу развития туризма областного бюджета³⁶, разработке программ развития ГЛК «Шерегеш»³⁷. Фиксируется в газете и непосредственное участие губернатора

в мероприятиях, проводимых на горе Зеленой³⁸. Ключевая роль губернатора А. Г. Тулеева была в решении проблемы транспортной доступности. Его участие носило не формальный, а практический характер. Регулярное упоминание в прессе системной работы по привлечению целевых федеральных средств³⁹, прямые и результативные договоренности с Министерством транспорта РФ⁴⁰ демонстрировали, что вопрос развития ГЛК «Шерегеш» находился на личном контроле губернатора⁴¹. Он не просто инициировал процесс, но и обеспечивал его непрерывность. Материалы прессы в данном случае фиксируют не просто административные решения, а фигуру губернатора как гаранта реализации стратегически важных для региона проектов.

Публикации содержат и сюжеты, связанные с развитием культурных инициатив и мероприятий, связанных с развитием туризма, среди которых можно выделить Фестиваль тюркских народов⁴², двухдневный семинар по организации экологических туров⁴³, проведение которых создает уникальный культурный код территории. В 2001 г. в честь двухтысячелетия Рождества Христова установлен православный крест «Символ тысячелетий»⁴⁴ на горе Мустаг, это событие нашло отражение на страницах газеты. С одной стороны, появилось новое место на карте Горной Шории, которое расширило туристский потенциал и стало точкой притяжения для организации новых маршрутов, как пешеходных в летний период, так и снегоходных в зимний период. С другой стороны, мы видим публикации с конфликтной составляющей, в которой установление объекта на священной для шорцев горе рассматривалось как акт игнорирования местного населения. Решение об установке, исходя

³⁴ Зеленая встречала министра. *Красная Шория*. 14.03.2001.

³⁵ Шерегешу пророчат будущее. *Красная Шория*. 13.05.2006.

³⁶ Положительная динамика горы Зеленой. *Красная Шория*. 03.08.2004.

³⁷ Новый облик Горной Шории. *Красная Шория*. 01.06.2001; «Шерегеш» может стать центром олимпийской подготовки. *Кузбасс*. 26.03.2005. № 51.

³⁸ Губернатор Тулеев и владыка Софроний – за духовное возрождение Горной Шории. *Красная Шория*. 20.09.2005.

³⁹ Сегодня по соглашению губернатора А. Г. Тулеева и министерства транспорта РФ в Кузбасс поступили более 88 миллионов рублей на строительство автодорог. *Администрация Правительства Кузбасса*. 14.11.2008. URL: <https://kemobl.ru/news/detail/old-24594> (дата обращения: 15.08.2025).

⁴⁰ В Кузбасс по договоренности губернатора А. Г. Тулеева с министром транспорта РФ И. Е. Левитиным (Игорь Евгеньевич) поступило более 100 миллионов рублей. *Администрация Правительства Кузбасса*. 16.12.2008. URL: <https://ako.ru/news/detail/old-25104> (дата обращения: 15.08.2025).

⁴¹ Шипилова Т. Чугунаш: на взлете. *Кузбасс*. 01.04.2009. № 56.

⁴² Болот мечтает о фестивале у подножия горы Мустага. *Красная Шория*. 27.02.2003.

⁴³ Экотуризм приходит к нам. *Красная Шория*. 10.10.2001.

⁴⁴ Крест над Мустагом. *Красная Шория*. 03.08.2001.

из материала, было принято без должного учета чувств коренных жителей, что говорит о слабой вовлеченности местного сообщества в процессы преобразования их территории и игнорировании традиционного значения горы.

Заключение

Газета «Красная Шория» представляет собой уникальный источник для изучения истории развития туризма в Горной Шории. Ее ценность заключается в многогранном и детальном отражении многих аспектов развития, что не было бы полноценно задокументировано без материалов издания.

Анализ позволил выделить ключевые темы в туристской повестке газеты «Красная Шория»: разработка концепций и целевых программ развития; строительство гостиниц, кафе, подъемников, дорог; развитие малого и среднего предпринимательства; финансовые успехи (рост инвестиций и налоговых поступлений в местный бюджет). Публикации не только предоставляют «сухие» цифры, но и раскрывают причины принятия таких решений через интервью с главой района В. Н. Макутой.

«Красная Шория» является, пожалуй, единственным источником, который фиксировал изнанку успешного развития туристского комплекса. Газета фиксировала социальные противоречия и конфликты, среди которых выделяются проблемы местных жителей с рынком жилья, конфликт между спортивной школой и турбизнесом из-за доступа к склонам горы Зеленой, а также ограничение в развитии детского, социального туризма, страхи местных жителей по поводу загрязнения окружающей среды, высокая стоимость для жителей района. В то же время газета была инструментом лоялизации и формирования общественного мнения. Издание не просто фиксировало события, но и выступало инструментом формирования позитивного восприятия туризма среди местных жителей, акцентируя внимание на проектах, улучшающих качество жизни.

В ходе исследования выявлено распределение ролей среди ключевых акторов. Региональная власть в лице губернатора А. Г. Тулеева и администрации Таштагольского района выступила в роли главного инициатора, обеспечивая процесс развития программами, планами, тем самым привлекая крупных инвесторов. Ограниченное освещение деятельности бизнес-сообщества и отсутствие интервью с инвесторами и руководителями гостиничных предприятий само по себе является ценной информацией.

Новизна работы заключается в использовании материалов газеты как источника по истории развития туризма, фиксирующего изменения в механизмах взаимодействия власти, бизнеса и населения. Основные направления дальнейших исследований в данной области лежат в более детальном анализе материалов «Красной Шории» последующих лет для прослеживания эволюции выявленных результатов.

Таким образом, газета «Красная Шория» является уникальным источником, который позволяет увидеть историю развития туризма в Горной Шории во всей ее полноте: от больших стратегий и цифр до малых человеческих историй и конфликтов. Хотя газета «Красная Шория» не дает информации о конкретных инвесторах и их планах развития, что может объясняться незаинтересованностью крупного бизнеса в диалоге с местной аудиторией, ее ценность состоит в том, что она дает то, что не могут дать официальные отчеты, документация, проекты развития, статистические сводки, а именно понимание социального контекста, настроения людей и цены, которую заплатила территория за свой успех.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / Reference

- Айларова Н. Ю., Васина А. В., Кирьянова Л. Г., Юматов К. В. Этапы развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш». *Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17–23 ноября 2023 г.) М.: РАН, 2024. С. 444–449. [Aylarova N. Yu., Vasina A. V., Kiryanova L. G., Yumatov K. V. Sheregesh sports and tourism complex development stages. *Development of the productive forces of Kuzbass: History, modern experience, and strategy for the future*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 17–23 Nov 2023. Moscow: RAS, 2024, 444–449. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlbbxz>

- Буторин М. В. Районная печать в контексте прошлого и настоящего времени. *Медиаисследования*. 2020. № 7. С. 53–60. [Butorin M. V. District printing in the context of the past and present. *Mediaissledovaniia*, 2020, (7): 53–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/shzlyf>
- Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. 2-е изд., испр. М.: Медиа-Мир, 2014. 280 с. [Vartanova E. L. *Post-Soviet transformations of Russian media and journalism*. 2nd ed. Moscow: NediaMir, 2014, 280. (In Russ.)]
- Видная О. Е. Некоторые проблемы типологии региональной прессы в свете формирования информационного рынка. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2007. № 4. С. 174–178. [Vidnaya O. E. Some problems of regional press typology in the light of the information market formation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2007, (4): 174–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxrnt>
- Выровцева Е. В. Городская и районная газета в мультимедийном пространстве (самарский регион). *Медиа в современном мире. 54-е Петербургские чтения: Междунар. науч. форум*. (Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2015 г.) СПб.: ВШЖИМК, 2015. С. 188–190. [Vyrovtsseva E. V. Urban and Regional Newspaper in Multimedia Space (Samara Region). *Media in the Modern World. 54th Petersburg Readings: Proc. Intern. Sci. Forum*, St. Petersburg, 22–24 Apr 2015 St. Petersburg: School of Journalism & Mass Communication, 2015, 188–190. (In Russ.)]
- Девдариани Н. В., Рубцова Е. В. Исторические этапы развития региональной и локальной прессы России и ее современные особенности. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2020. № 1. С. 219–222. [Devdariiani N. V., Rubtsova E. V. Historical stages of development of regional and local press in Russia and its modern features. *Baltic Humanitarian Journal*, 2020, (1): 219–222. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0901-0050>
- Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ. *Жанры речи*. 2023. Т. 18. № 2. С. 155–165. [Degaltseva A.V., Sirotinina O. B. Changes in informativ and analytical genres of modern media. *Zanry Reci*, 2023, 18(2): 155–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-155-165>
- Дементьева К. В. Стагнация печатных СМИ региона и перспективы их развития. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2022. № 4. С. 94–97. [Dementieva K. V. Stagnation of print media in the region and the prospects for their development. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2022, (4): 94–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbieoj>
- Загидуллина М. В., Симакова С. И., Александров Л. Г., Свитич Л. Г., Соколова Е. А., Выровцева Е. В., Распопова С. С., Балмаева С. Д., Тулупов В. В., Пугачев В. В., Ершов Ю. М., Олешко В. Ф., Сумская А. С., Сумской П. Ф., Сафонов А. В., Филиппов Д. Е., Сафронова А. О. Судьба печатной прессы в эпоху Интернета. Челябинск: ЧелГУ, 2018. 181 с. [Zagidullina M. V., Simakova S. I., Alexandrov L. G., Svitich L. G., Sokolova E. A., Vyrovtsseva E. V., Raspopova S. S., Balmaeva S. D., Tulupov V. V., Pugachev V. V., Ershov Yu. M., Oleshko V. F., Sumskaya A. S., Sumskoy P. F., Safonov A. V., Filippov D. E., Safronova A. O. *The fate of print media in the Age of Internet*. Chelyabinsk: ChelSU, 2018, 181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/urtvir>
- Касаткин С. С. Печатные СМИ в России: основные факторы формирования и этапы трансформации (конец XX – начало XXI в.). *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2014. № 4. С. 117–124. [Kasatkin S. S. Print media in Russia: Major factors of formation and stages of transformation (end of XX – beginning of XXI century). *RSUH/RGGU Bulletin "Philosophy. Sociology. Art Studies"*, 2014, (4): 117–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgmaxf>
- Касютин В. Л. Российская местная пресса: воздействие финансово-экономического кризиса. *Медиаскоп*. 2011. № 1. [Kasyutin V. L. Russian local press: The impact of the financial and economic crisis. *Mediascope*, 2011, (1). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohkhj>
- Киршин Б. Н. Конвергенция: опыт практической реализации (смена стратегии медиатекста). *Вестник ЧелГУ*. 2013. № 29. С. 77–81. [Kirshin B. N. Convergence as the experience of practical implementation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, (29): 77–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rnopmx>
- Копытов А. И. Гора с горой... Кемерово: Сибирский бизнес, 2003. 103 с. [Kopytov A. I. *A mountain to a mountain...* Kemerovo: Sibirskii Bisnes, 2003, 103. (In Russ.)]
- Лизунова И. В. От газеты к Интернету: процессы трансформации массмедиа. *Библиосфера*. 2011. № 3. С. 31–36. [Lizunova I. V. From newspaper to Internet: Processes of mass media transformation. *Bibliosphere*, 2011, (3): 31–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxkjin>

- Матяж В. В. Тенденции развития рынка периодической печати в России и его типология. *Филология, иностранные языки и медиакоммуникации: симпозиум XV (XLVII) Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 1–30 апреля 2020 г.)*. Кемерово: КемГУ, 2020. С. 100–102. [Matyazh V. V. Periodic press market development trends in Russia and its typology. *Philology, Foreign Languages, and Media Communications: Proc. Symposium XV (XLVII) Intern. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 1–30 Apr 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 100–102. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/jgrofv>
- Минеев А. Н., Милосердова Е. Е. Исследование и анализ рынка печатных СМИ. *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 3. С. 74–79. [Mineev A. N., Miloserdova E. E. Research and analysis of the print media market. *Theory and Practice of Social Development*, 2022, (3): 74–79. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.3.10>
- Мисонжникова М. Б. Особенности функционирования печатной прессы в структуре СМИ первой четверти XXI века. *Пушкинские чтения – 2022. Классическая и новая словесность в XXI веке: жанр, автор, текст, медиатизация: XXVII Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2022 г.)*. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 209–214. [Misonzhnikova M. B. Features of the functioning of the print press in the media structure of the first quarter of the XXI century. *Pushkin Readings 2022. Classical and new literature in the XXI century: Genre, author, text, and mediatization: Proc. XXVII Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 6–7 Jun 2022. St. Petersburg: Pushkin LSU, 2022, 209–214. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/bcmkctc>
- Олешко Е. В. Местная пресса как актор межкультурных коммуникаций. (Жизнь газет после «смерти», или Как им конкурировать с Интернетом?). *Известия УрФУ. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2014. Т. 129. № 3. С. 36–44. [Oleshko E. V. The local press as an actor of intercultural communication (life of newspapers after "death", or how they can compete with the Internet?). *Izvestia Ural State University. Series 1. Issues of Education, Science, and Culture*, 2014, 129(3): 36–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/spwttgt>
- Пятовский А. А. История создания горнолыжного курорта Шерегеш в Кемеровской области (1990–2003 гг.). *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 432. С. 150–158. [Pyatovskiy A. A. History of the Sheregesh ski resort establishment in Kemerovo oblast (1990–2003). *Tomsk State University Journal*, 2018, (432): 150–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/432/20>
- Ревенко А. А. Предпосылки возникновения и этапы становления печатных изданий о путешествиях. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2016. Т. 15. № 6. С. 7–18. [Revenko A. A. Background origin and stages publications about travel. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2016, 15(6): 7–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/36/13>
- Ростовская Ю. В. Журналы путешествий. История развития специализированной периодики в России. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2012. № 2. С. 206–212. [Rostovskaya Yu. V. Travel magazines. History of specialized magazines in Russia. *Theoretical and Practical issues of journalism*, 2012, (2): 206–212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qiytij>
- Ростовская Ю. В., Виктовская Н. Г. Туристическая пресса: этапы становления. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2015. № 2. С. 306–316. [Rostovskaya Yu. V., Viktorovskaya N. G. Tourist press: Formation stages. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2015, (2): 206–213. (In Russ.)]
- Тулупов В. В. Современная региональная пресса: достижения, проблемы и угрозы. *Вестник Академии медиаиндустрии*. 2024. № 1. С. 101–106. [Tulupov V. V. Modern regional press: Achievements, problems and threats. *Bulletin of the Academy of Media Industry*, 2024, (1): 101–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/butbdm>
- Филонова Е. А. Программы стратегического развития территории как источник по истории развития СТК «Шерегеш». *Актуальные вопросы истории, археологии, философии, международных отношений и туризма: Симпозиум XIX (LI) Междунар. науч. конф. (Кемерово, 25 апреля 2024 г.)*. Кемерово: КемГУ, 2024. С. 244–248. [Filonova E. A. Strategic development of the territory programs as a source on the Sheregesh Sports and Tourism development history. *Current issues in history, archeology, philosophy, international relations, and tourism: Proc. Symposium at the XIX (LI) Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 25 Apr 2024. Kemerovo: KemSU, 2024, 244–248. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/pjhjgp>
- Шувалов С. С. Основные модели коммерциализации в печатном сегменте российских СМИ. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение*. 2014. № 2. С. 258–263. [Shuvalov S. S. The main commercialization in a printing segment of the Russian mass media. *Bulletin of Adyge State University, Ser. 2: Philology and Art Studies*, 2014, (2): 258–263. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sztcz>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ptfend>

Особенности формирования отечественной исторической науки в первой четверти XVIII в. (на примере творчества князя Дмитрия Кантемира)

Шляхов Михаил Юрьевич

Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина, Россия, Нижний Новгород

eLibrary Author SPIN: 6408-3454

<https://orcid.org/0000-0002-4398-4391>

Scopus Author ID: 57188672186

Старикова Нина Владимировна

Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина, Россия, Нижний Новгород

eLibrary Author SPIN: 6604-5847

<https://orcid.org/0000-0001-6631-0296>

Scopus Author ID: 58934042800

ninast78@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования российской исторической науки в первой четверти XVIII в. на примере творчества князя Дмитрия Кантемира. В его произведениях отразились черты, характерные для гуманитарной научной мысли периода Раннего Просвещения. Философские взгляды князя Дмитрия Кантемира основаны на православном христианстве, при этом провиденциализм и супернатурализм, свойственные средневековым историческим воззрениям, в концепции Д. Кантемира существенно ограничены. Наиболее явно провиденциализм проявляется в теории четырех монархий, где представлен обобщенный взгляд автора на развитие мировой истории как последовательную смену величия ряда могущественных империй. В последней, четвертой, монархии автор видит Россию, пророча ей великую роль нового центра мировой истории. В произведениях Дмитрия Кантемира мы находим широкий спектр объективных факторов, влияющих на исторический процесс: географическое положение страны, природные богатства, социально-экономическое развитие, сложная мотивация отдельных участников событий. В концепции Дмитрия Кантемира прослеживается возможность божественного влияния на ход истории через отдельных людей. Это видно в описании историком великих правителей Молдавии, наделенных неограниченной властью и защищающих свою страну от неотвратимой угрозы Османской империи. Князь Дмитрий Кантемир является последовательным сторонником идеологии абсолютизма, считающим самодержавную власть справедливого монарха обязательным условием процветания страны. Изучение творческого наследия Д. Кантемира позволяет исследователю отследить направление и выявить важнейшие характеристики развития отечественной исторической науки в период ее формирования в первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: Дмитрий Кантемир, Просвещение в России, историческая наука XVIII века, концепция четырех монархий, идеология абсолютизма, факторы исторического процесса, рационализм

Цитирование: Шляхов М. Ю., Старикова Н. В. Особенности формирования отечественной исторической науки в первой четверти XVIII в. (на примере творчества князя Дмитрия Кантемира). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1053–1064. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1053-1064>

Поступила в редакцию 28.03.2025. Принята после рецензирования 21.05.2025. Принята в печать 26.05.2025.

full article

Russian Historical Science in the First Quarter of the 18th Century: Prince Dimitrie Cantemir

Mikhail Yu. Shlyakhov

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Russia,
Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 6408-3454

<https://orcid.org/0000-0002-4398-4391>

Scopus Author ID: 57188672186

Nina V. Starikova

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Russia,
Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 6604-5847

<https://orcid.org/0000-0001-6631-0296>

Scopus Author ID: 58934042800

ninast78@yandex.ru

Abstract: Prince Dimitrie Cantemir contributed to the formation of Russian historical science in the first quarter of the 18th century. His works reflected the scientific thought typical of the Early Enlightenment. Prince Cantemir's philosophical views relied on Orthodox Christianity rather than on the Medieval providentialism and supernaturalism. Providentialism manifested itself in his Theory of Four Monarchies, i.e., global history as a sequence of four superpowers. He believed Russia to be the fourth and last monarchy, the new center of world history. Prince Cantemir explained it with its geographical location, natural resources, socio-economic development, a complex motivation of individual stakeholders, and the divine influence acting through individuals. As a devoted supporter of absolutism, he described the rulers of Moldavia as powerful defenders from the imminent Ottoman threat. The autocratic power of a just monarch was for him the only possible prerequisite for national prosperity. Prince Dimitrie Cantemir's legacy provides a good example of the early Russian historical science.

Keywords: Prince Dimitrie Cantemir, Enlightenment in Russia, historical science in the 18th century, Concept of Four Monarchies, absolutism, historical factors, rationalism

Citation: Shlyakhov M. Yu., Starikova N. V. Russian Historical Science in the First Quarter of the 18th Century: Prince Dimitrie Cantemir. *SibScript*, 2025, 27(6): 1053–1064. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1053-1064>

Received 28 Mar 2025. Accepted after peer review 21 May 2025. Accepted for publication 26 May 2025.

Введение

Глубокие преобразования в Российском государстве, произошедшие в эпоху Петра I, активизировали процесс формирования отечественной исторической науки, который проходил в тесном взаимодействии с европейской системой образования и заимствовании передовых научных достижений естественных, технических и гуманитарных наук. Петровские реформы были тесно связаны с развитием новых идей всеобщего блага, национальной государственности, роли и обязанности монарха и подданных, построенных на теоретической базе философии Раннего Просвещения [Круглов 2023; Савина, Романов 2022; Скопа 2025; Хватаева 2024]. Под Ранним Просвещением мы понимаем период второй половины XVII – начала XVIII в., связывая его с научной революцией, появлением новых

философских концепций рационализма и эмпиризма, развитием промышленности и торговли, складыванием колониальной системы и формированием политики абсолютизма¹ [Kennedy 2006].

Долгая Северная война и превращение Российского государства в европейскую империю требовали идейного обоснования в новых философско-исторических теориях. Как отмечал классик русской историографии Н. Л. Рубинштейн, основой отечественной исторической науки первой половины XVIII в. стали европейские рационалистические концепции XVII в., используемые для построения национальных политических историй [Рубинштейн 2008: 62]. В Европе в этот период развивались идеи об ответственности короля только перед Богом, необходимости правителя следовать естественному

¹ *Encyclopedia of Early Modern Philosophy and the Sciences*, eds. Jalobeanu D., Wolfe C. T. Springer International Publishing, 2022, 2243. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-31069-5>

закону и возникающему из него естественному праву. Понятие естественного закона и базирующегося на нем права были сформулированы в творчестве выдающихся мыслителей: Гуго Гроция (1583–1645 гг.), Томаса Гоббса (1588–1679 гг.), Самуэля Пуфендорфа (1632–1694 гг.). Эти теории часто трактовались как обоснование усиления королевской власти и формирование идеологии абсолютизма. Известно, что по приказу Петра I работа С. Пуфендорфа «Введение в историю европейскую» была переведена на русский язык Гавриилом Бужинским.

Кроме общественно-политических концепций западноевропейских авторов на формирование отечественной исторической научной мысли повлияли рационалистические философские взгляды XVII в., пришедшие в форме картезианства и идей Г. В. Лейбница. Они приносили в историю требования строгой доказательности и аргументации, наличия теоретической закономерности ее развития, отсутствие ссылок на объяснение исторических событий божественным и сверхъестественным вмешательством. Использование рациональной аргументации стимулировало формирование методов критического анализа источников.

Важное место в развитии идей Раннего Просвещения сыграл князь Дмитрий Константинович Кантемир (1673–1723 гг.) – уникальная фигура для румынской и русской истории. На непродолжительное время он занял престол Молдавии и, став союзником Петра I, после неудачного Прутского похода был вынужден переселиться в Россию. От царя Дмитрий Кантемир получил большие земельные владения и стал активно участвовать в политической и научной жизни России. По мнению советского историка В. Н. Ермуратского, «он занимает одно из первых мест среди выдающихся мыслителей и передовых общественных деятелей России начала XVIII в.» [Ермуратский 1956: 5]. Уже в России князем был создан ряд исторических работ: «Исследование природы монархий» (1714 г.), «Описание Молдавии» (1714–1716 гг.), «История роста и упадка Оттоманской империи» (1717 г.), «Жизнь Константина Кантемира» (1718 г.), «События эпохи Кантакузинов и династии Брынковяну» (1718 г.), «Хроника древности румыно-молдовлахов» (1723 г.) и др. Часть трудов была написана по заказу Петра I, а часть – для Берлинской академии наук, членом которой Д. Кантемир стал в 1714 г. по рекомендации Г. В. Лейбница. В образовании

и мировоззрении Дмитрия Кантемира уникально сочетались православная и османская традиции с западноевропейской ученостью [Leezenberg 2012: 259]. Прибыв в Россию, он стал частью петровской государственной и интеллектуальной элиты, сыграв вместе со своим сыном Антиохом важную роль в развитии русской культуры и распространении идей Просвещения [Цвиркун 2021b; 2023]. Дмитрий Кантемир оставил богатое творческое наследие, большая часть исторических работ была написана им после переселения в Россию.

В отечественной историографии, посвященной формированию исторической науки в петровское время, незаслуженно мало внимания уделено трудам Дмитрия Константиновича Кантемира. Ни одна из обобщающих работ по историографии русской истории, описывающая период начала XVIII в., не упоминает Дмитрия Кантемира [Пештич 1961; Сахаров 1978; Черепнин 1957; Шапиро 1993]. Прежде всего, это связано с тем, что труды князя Дмитрия Кантемира были написаны на латыни и долгое время хранились в архиве князя, в XIX в. они были переведены на румынский язык и изданы за границей. Долгое время историки не имели доступа к этим произведениям, а следовательно, не могли учитывать вклад князя Дмитрия Кантемира в формирование исторической науки в России. Частично взгляды Д. А. Кантемира были рассмотрены в монографии М. А. Алпатова «Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века)» [Алпатов 1976]. Автор монографии изучил рукописный вариант трактата князя «Монархий физическое рассуждение» и рассмотрел изложенную в ней теорию четырех монархий. Он высоко оценил теоретические рассуждения Дмитрия Кантемира и поставил его вместе с Гавриилом Бужинским и Феофаном Прокоповичем в ряд создателей новых теорий истории, сложившихся в петровскую эпоху.

Другим направлением изучения творчества Дмитрия Кантемира стала его оценка как молдавского и румынского национального героя, борца с тяжелым турецким гнетом и создателя национальной культуры. Этот подход сформировался во второй половине XX в. в рамках советской науки. Важнейшими работами стали монографии В. Н. Ермуратского [Ермуратский 1956] и А. И. Бабия [Бабий 1984]. Деятельность князя они оценивали как прогрессивную, с марксистской точки зрения, в рамках борьбы старого феодального и нового буржуазного строя,

столкновения отсталой феодальной Османской империи с модернистской и прогрессивной Российской империей. А. И. Бабий подробно рассмотрел философские взгляды Д. Кантемира, в том числе и его представления о ходе исторического процесса. Недостатком анализа исторических взглядов советских авторов было отсутствие анализа главных исторических произведений Д. Кантемира, недоступных исследователям на русском языке.

Румынская историография в советский период более сдержанно оценивала прогрессивность политической деятельности князя, особенно его ориентацию на Российскую империю. Оставаясь в рамках советского подхода и не отрицая важность борьбы Дмитрия Кантемира с турецким господством, румынские исследователи переносили акцент на его вклад в развитие валашской и молдавской литературы, большую работу, проделанную им по сбору исторического и этнографического материала [Bădărău 1964; Panaitescu 1958; Popescu-Judet 1973; Sorohan 1978; Tarălungă 1989].

В современной исторической науке интерес к Дмитрию Кантемиру значительно вырос, появились переводы ранних неизданных философских и исторических произведений князя на русский язык [Кантемир 2003]. Ведущим исследователем в современной русскоязычной историографии является молдавский ученый и дипломат В. И. Цвиркун, опубликовавший две монографии, посвященные биографии Дмитрия Кантемира, а также ряд статей по отдельным аспектам его жизни и творчества [Цвиркун 2008; 2010; 2021a; 2021b; 2023]. Важным событием в изучении творческого наследия Дмитрия Кантемира стал выпуск сборника материалов, посвященного князю как первому исследователю Востока в России [Густерин 2008] и публикация М. Р. Рыженкова о состоянии архивного фонда Д. Кантемира [Рыженков 2012]. В зарубежной исторической науке, в основном румынскими коллегами, было выпущено несколько обобщающих исследований, посвященных творчеству и основным этапам биографии Дмитрия Кантемира [Apostolache 2017; Chiriac, Celac 2023; Dimitrie Cantemir... 2008; Esanu, Esanu 2004; Feodorov et al. 2016; Joita 2004; Leezenberg 2012]. В зарубежных исследованиях особое внимание было уделено анализу отдельных работ Д. Кантемира, посвященных истории Османской империи и Молдавии, его вкладу в создание литературного румынского языка. В исследованиях последних десятилетий особый акцент делается на том,

что Д. Кантемир обладал особым мировоззрением как человек, живший на стыке нескольких миров (мусульманского и христианского) и нескольких эпох (Средневековья и Нового времени).

Подводя итог степени изученности деятельности и личности Дмитрия Кантемира, можно сделать вывод, что в настоящее время продолжается активное исследование его творчества, которое остается актуальным для отечественных и зарубежных историков. В последние десятилетия сделаны важные шаги в изучении рукописного наследия, переводе и публикации его работ на русском языке, осмыслении его взглядов в новых областях знания с новых мировоззренческих позиций. Введение в научный оборот исторических произведений Дмитрия Кантемира актуализирует исследования, посвященные изучению его творчества в рамках общеевропейского культурно-исторического процесса развития Раннего Просвещения в Восточной Европе.

Цель – выявить пути и особенности формирования исторической науки в России в первой четверти XVIII в. на основании анализа творческого наследия Дмитрия Константиновича Кантемира.

Результаты

Философская система

Приступая к изучению исторических взглядов Д. Кантемира, первоначально рассмотрим базовые положения его философско-мировоззренческой системы. Воспитанный в Константинопольском университете православными учеными и теологами, Дмитрий Кантемир всю жизнь оставался убежденным сторонником восточного христианства и считал его защиту основой национальной идентичности балканских народов. Его религиозность носила характерные для того времени черты пантеизма и деизма. Он выступал против восприятия Бога как антропоморфной сущности. В своих сочинениях часто утверждал, что основой возникновения религиозных верований является поклонение стихийным силам природы. Историко-философские взгляды Д. Кантемира носили противоречивый характер, отражая суть мировоззрения человека, стоящего на стыке эпох. Существование Бога оставалось обязательным условием, но при этом его участие в физических и исторических процессах снижалось до минимума. Божественным проведением объяснялся общий замысел и ход мирового исторического процесса, в то время как большинство частных событий обуславливалось естественными

объективными причинами. Как и большинство мыслителей XVII в., князь пришел к отрицанию сверхъестественного и чудесного в истории. Каждое событие имело свои причины и последствия, которые исследователь способен понять и описать с помощью доступных документов и свидетельств. Как в своих произведениях показал Дмитрий Кантемир, ученый способен подняться над фактами и выстроить научную теорию, объясняющую историческую судьбу отдельных правителей («Жизнь Константина Кантемира»), целых регионов и огромных империй («Описание Молдавии», «История роста и упадка Османской империи»).

Однако вмешательство Бога в историю и жизнь людей продолжало оставаться для Д. Кантемира очевидной истиной, не требующей иных доказательств кроме Библии. По мнению мыслителя, осознать в полной мере божественный замысел невозможно, но можно истолковать и понять какую-то его часть. В начале трактата «Естественное толкование монархий» историк размышляет о библейском пророчестве о царстве Авиллона и приходит к следующему выводу: «Хотя мы должны, как и подобает, прислушиваться с благоговением к этому пророчеству и, хотя наши святые истолкователи написали объемистые тома об этом повествовании, все-таки они все единогласно утверждают, что его тайный смысл и правильное и верное истолкование невозможно распутать и объяснить человеческому интеллекту. Конечно, так оно и есть» [Кантемир 2003: 334]. Таким образом, ученый разделяет сферу познания на две больших части: с одной стороны – божественная, недоступная научному анализу и пониманию человеческого разума, с другой – профанная, подчиняющаяся естественным законам (законам природы), которые на основании причинно-следственных связей, познаваемых с помощью наблюдения и логики, может описать и объяснить исследователь. Эта способность размышления и понимания человеку дана Богом, поэтому он способен понять законы мироздания. Д. Кантемир настаивает, что все божественные и естественные законы разумны: «Так как Бог и природа ничего не знают и не делают зря, то есть без порядка» [Там же: 336–337]. Следуя за просветителями XVII в., Дмитрий Кантемир считал, что установленные Богом естественные законы не могут быть нарушены. Постоянно в текстах работ автор обращается к разуму читателя, апеллируя к логичности, рассудочности и закономерности своих аргументов. Историк считает, что ученому

необходимо стремиться к пониманию объективных закономерностей, убирая в своих построениях суеверия, национальную и конфессиональную предвзятость. Эти замечания характеризуют Д. Кантемира как представителя рационалистической европейской философии второй половины XVII в., что подтверждается таким фактом из его биографии, как избрание в Берлинскую академию наук по протекции Г. В. Лейбница.

Пример стремления к объективности и рационализму ученого мы находим в работе «Описание Молдавии», где Дмитрий Кантемир размышляет о национальном характере молдавского народа. Предваряя описание характерных черт молдаван, он пишет: «любовь к родине заставляет и велит высказать похвалу тому народу, среди которого мы родились, и делать привлекательными поселения той земли, которая нас родила: но, в свой черед, ей пристало познание истины, запрещающее хвалить то, что здравое суждение призывает порицать, – полезнее будет для родины, чтобы ее жителям откровенно показали очевидные пороки, чем обманывали лстивой ложью и затейливым оправданием, дабы они поверили в правильность тех поступков, каковые порицает весь мир, приученный к более изысканным обычаям» [Кантемир 2011: 263]. Далее автор со свойственным ученому критическим подходом разбирает обычаи и нравы молдаван и приходит к выводу, что его народ находится на общем для всех народов уровне нравственного развития. Приведенный пример не является единственным в работах Дмитрия Кантемира и показывает его общее стремление соответствовать принципу научной объективности в исторических исследованиях. Безусловно, эта позиция не всегда могла быть реализована вследствие уровня развития исторического знания начала XVIII в. и мировоззренческих установок самого князя.

Концепция четырех монархий

Теоретическое обоснование исторического процесса представлено Д. Кантемиром в концепции четырех монархий в его небольшой работе «Естественное толкование монархий». Советский исследователь М. А. Алпатов считал, что библейская теория четырех всемирных монархий была разработана в творчестве двух мыслителей петровского времени – епископа Гавриила Бужинского и князя Дмитрия Кантемира [Алпатов 1976: 6]. Ключевым элементом этой теории является

сочетание принципа естественных законов и божественного провидения. Как мы указывали ранее, Д. Кантемир в своей гносеологии разделял непознаваемое (божественное) и естественное (законы природы) – область, открытая для познания человеком. Основным законом естественного развития является аксиома – «все, что имеет название и является частным, возникает и исчезает, изменяется и преобразуется, рождается и умирает, или как бы мы это выразили, имеет конец. И разум, и опыт учат нас тому, что при этом конце из разложения одного рождается другое» [Кантемир 2003: 336]. Д. Кантемир относит к частному все социальные и природные процессы, в том числе и существование правителей, народов, государств. Таким образом, он приходит к органическому объяснению теории, по которой монархии проходят естественный круг рождения, развития и гибели. Толкуя пророчества Даниила о последней монархии, он делает вывод, что их развитие и возвышение шло по часовой стрелке – от восточной (Ассирийцы, Персия) к южной (Египет, Греция), потом к западной (Римская империя) и, наконец, пришло время северной монархии. Северная империя, по мнению Д. Кантемира, это Россия. Переход пальмы первенства от одной монархии к другой происходит естественно, по законам божественным и природным. Каждая из них, по аналогии с человеческим и с любым живым организмом, проходит стадии рождения, взросления, старения и умирания. Когда империи старели, они передавали власть новым народам и заканчивали свое существование. Говоря о западной монархии и ее гибели, Д. Кантемир замечает: «Когда эта монархия достигла старости, (можно сказать, когда она еще не стала дряхлой), свое господство над другими племенами севера начала проявлять русская монархия» [Там же: 339].

Как было отмечено выше, Д. Кантемир считал, что естественный ход вещей невозможно обратить вспять, он закреплен божественной волей. Но в истории могут случаться вещи, кажущиеся нам случайными, нарушающие заведенные закономерности: «некоторые отклоняются иногда от естественного пути вопреки порядку природы из-за какой-нибудь посторонней и внешней случайности, которая препятствует и мешает им» [Там же: 340]. Такие случаи, явления Д. Кантемир называет «выкидышами», «уродами». Таким уродом, противоестественным отпрыском природы, стала Османская империя, которая задержала развитие

и мешает нормальному расширению северной монархии. Однако, все противоестественные события временны, и в итоге все вернется к закономерному ходу вещей. Показательно, что Дмитрий Кантемир просит вернуть на место, т.е. разрушить, Османскую империю, обращаясь сразу к двум силам: «О справедливый Бог и заботливая природа, сделай наконец это!» [Там же].

Теоретическое положение о четырех монархиях князь не применял в своих работах, посвященных описанию истории конкретных стран и регионов. Эта концепция была предельным обобщением и скорее показывала его взгляды на исторический процесс, служила обоснованием притязаний его новой родины России на расширение своих границ и приобретение имперского статуса. «Эта Северная, Российская монархия "предвещает" превзойти своим могуществом и культурой все предшествующие монархии, и это начинает осуществляться» [Алпатов 1976: 267]. Известно, что Дмитрий Кантемир начал именовать Петра I императором задолго до официального принятия титула в 1721 г. [Цвиркун 2021а: 322]. В конце своего трактата «Естественное толкование монархий» он явно указывает на Петра I как правителя, который исполнит пророчество, потому что он превосходит всех предыдущих и ныне живущих монархов гуманностью, воинственностью и благочестием. Как мы видим, концепция Дмитрия Кантемира следует европейской традиции, вписывает национальную историю его новой Родины в общемировой контекст.

Факторы, влияющие на ход исторического процесса

Помимо создания концепции четырех монархий, в работах князя Дмитрия Кантемира формируется ряд теоретических подходов к историческому знанию, которые стали важным этапом в формировании российской исторической науки. Автор выделяет ряд факторов, влияющих на исторический процесс.

Самое большое влияние на судьбы народов и стран оказывает географический фактор. В трактате «Описание Молдавии» [Кантемир 2011] Дмитрий Кантемир подробно описывает физическую и экономическую географию родного региона, видя в этом основание для последующего исторического развития страны. Он указывает на прямую взаимосвязь истории и особенностей рельефа местности, близости равнин, морей, рек и гор. Постоянные волны

кочевников, которые с древности сменяли друг друга в степях Причерноморья, непосредственно влияют на историю Молдавии. Соседство великих империй, стремящихся к экспансии за счет земель сопредельных народов, также является важным географическим фактором в построениях Дмитрия Кантемира. Римская империя, а затем ее преемница Византия непосредственно влияли на Молдавию, а Османской империи удалось в результате долгого взаимодействия завоевать страну. Совокупность географических факторов не представлена в работах Д. Кантемира в явных теоретических положениях, но присутствует при объяснении важнейших событий. Князь Дмитрий Кантемир в обобщающей работе «Описание Молдавии» подробно описывает страну в начале XVIII в., по сути дела объясняя всю ее историю естественными географическими факторами и влиянием соседних народов.

Особое место в размышлениях Дмитрия Кантемира занимает экономическое развитие. Он как государственный деятель понимал важность природных богатств для хода исторического процесса. Географическое положение и климат определили хозяйственную деятельность народа: земледелие, скотоводство, торговлю, промыслы, которые в свою очередь стали вектором для экономического развития страны. В «Описании Молдавии», рассуждая об экономике страны, Дмитрий Кантемир опирается на теорию меркантилизма. Он считает, что любой стране выгодно накопление драгоценных металлов за счет увеличения вывоза производимых товаров над ввозом. Торговля должна находиться в руках отечественного купечества и развиваться за счет поддержки государства. Поэтому Дмитрия Кантемира так расстраивало пренебрежительное отношение молдаван к купечеству: «Молдованам присуща врожденная гордость или бездействие, так что они считают недостойной для себя всякого рода торговлю, помимо продажи ими плодов, полученных со своих владений. И в этом, полагаю, важнейшая причина, почему в Молдавии редко можно найти состоятельного горожанина, а наша родина, хотя она многим более посылает иноземцам, чем получает от них, все же испытывает такую неизменную нужду в деньгах» [Кантемир 2011: 260]. Торговля оказалась в руках иностранцев (армяне, турки, иудеи и греки), они вывозят свои доходы из страны, т. к. не имеют права владеть недвижимостью в ней. В итоге получается, что богатая природными ресурсами Молдавия оказалась без

металлических денег и с трудом платит дань туркам, без возможности дальнейшего развития. Поощрение развития мануфактурной промышленности и торговли, постоянный приток драгоценных металлов, по мнению Дмитрия Кантемира, являются основными задачами правителя и боярской элиты. В экономических представлениях князя видны прямые параллели с идеями виднейших меркантилистов XVII в. из Европы (Томас Ман, Антуан де Монкретьен, Антонио Серра) и России (Юрий Крижанич и Иван Посошков).

Важное место в исторических взглядах Дмитрия Кантемира занимает личность правителя. Историк верил, что отдельные выдающиеся государи могут повлиять на ход истории и иногда существенно изменить его. В качестве примера князь приводит Стефана Великого, бывшего правителем Молдавии (1457–1504 гг.). Во время его правления страна достигла максимального могущества, он смог выстроить правильные отношения с боярской элитой и церковью, дать низшим сословиям процветание и, самое важное, защитить страну от внешней агрессии могущественной Османской империи. Дмитрий Кантемир часто делит историю Молдавии на периоды до и после правления Стефана Великого. Описывая выплату дани, он вспоминает: «С тех пор как османская армия достигла берегов Дуная до времени Стефана В[еликого] молдаване мужественно защищали свою свободу, и ни лести или щедрые посулы» [Кантемир 2011: 252]. Или, описывая войско Молдавии, князь Дмитрий Кантемир замечает: «Однако же это могущество молдаван, после того как при Стефане Великом они достигли наивысшего расцвета, с того времени начало постепенно ослабевать» [Там же: 236]. Особое внимание Д. Кантемира к этому правителю закрепляется пространной выдержкой в «Описании Молдавии», посвященной характеристике Стефана Великого [Там же: 200], из трудов польских историков Яна Длугоша и Станислава Ореховского. Каковы важнейшие качества могущественного монарха, могущего изменить ход истории? Дмитрий Кантемир считает, что это прежде всего полководческий талант на внешнеполитической арене и умение подчинить боярскую аристократию внутри государства. С гордостью он цитирует Станислава Ореховского: «Ведь Стефан, который на памяти наших отцов главенствовал над Дакией (Молдавией), практически в течение одного года победил в большой войне турка Баязета, венгра Матьяша и поляка Иоанна

Альберта» [Там же]. Обладая полководческим талантом, Стефан Великий смог противостоять всем внешним врагам, имея намного меньшую по площади и населению державу. Во внутренней политике главными достоинствами правителя являются следование традиции, быть самовластным и противостоять аристократическим группам.

Идеология абсолютизма

Такие взгляды Дмитрия Кантемира на личность монарха, его вера в то, что правитель может своей политикой изменить ход истории, были вызваны рядом причин. Во-первых, теоретическими построениями в рамках концепции четырех монархий, описанной нами выше, где личность государя могла выступать как инструмент божественного проведения. Во-вторых, политическая обстановка рубежа XVII–XVIII вв., сложившаяся в Восточной Европе, оказывала сильное влияние на взгляды Дмитрия Кантемира. В жестком противостоянии сталкивались силы нескольких государств, руководимых незаурядными монархами (Петр I, Карл XII, Мехмед IV и др.), в котором самому князю пришлось активно участвовать в период своего недолгого правления. Наконец, третьим важным источником представлений о монархе для князя стало тщательное изучение прошлого своей Родины. Все это сделало из Дмитрия Кантемира, как и из многих деятелей петровского Просвещения, апологета самодержавной власти правителя, которую он использует во благо своей страны, чтобы круто изменить ход истории.

Исторически обосновывая существование неограниченной власти монарха, Дмитрий Кантемир прежде всего ссылается на долгую традицию. В своих исторических произведениях по истории Османской империи, Молдавии в разные эпохи он постоянно указывает, что изначальное традиционное устройство государственной власти базировалось на неограниченной монархии, имеющей наследственный характер. Описывая первых монархов Молдавии, он так характеризует их власть: «Ничто не лишало их прерогатив верховной власти, приличествующих достоинству величайших монархов. Кроме Бога и меча, ничто не ограничивало их абсолютную власть. Они не признавали над собой никакого владыки» [Кантемир 2011: 197]. Следование этим принципам и незаурядная личность Стефана Великого привели государство к наивысшему расцвету, когда оно могло противостоять врагам и развивать свою культуру и экономику. Дальше в истории Молдавии

на протяжении двух столетий проявляются лишь деградация и упадок, связанные с отступлением от принципа неограниченной власти государя, часть которой перешла султанам Османской империи, что существенно ослабило монарха и привело к усилению боярской аристократии.

Особенно беспокоит Дмитрия Кантемира потеря традиции наследования княжеской власти в рамках одного рода от отца к сыну. Приводя список правителей Молдавского княжества, он особо подчеркивает, что власть в роду первых князей от Драгоша передавалась по наследству, и лишь со Стефана II (который в авторской нумерации Дмитрия Кантемира стоит под номером III) молдавское дворянство получило право выбирать нового правителя [Кантемир 2011: 202]. За этим сразу последовали многочисленные смуты, иностранные вторжения, борьба боярских групп. Дмитрий Кантемир обращает внимание, что подобным образом обстоит ситуация с выбором монархов в Польском королевстве, Крымском ханстве и самой Османской империи. Следующим этапом упадка государства стало признание вассальной зависимости от Османской империи. Историк описывает подчинение Молдавии Османской империей как постепенный процесс реализации хитрой политики турок. Турецкие султаны распространяли свою власть, отбирая понемногу функции и прерогативы у молдавских правителей, увеличивая дань [Там же: 197–198]. Окончательная деградация политической системы Молдавии наступила после пресечения династии Драгоша: «Прекращение этой династии не только явилось началом, но и стало причиной всех бед, обрушившихся впоследствии на Молдавию. Так как не было никого, кто бы превосходил остальных знатностью рода и мог бы сдерживать сеятелей смут, государство, в котором образовалось множество различных политических группировок, начало распадаться на части. Турки с легкостью закрывали глаза на эти внутренние раздоры, понимая, что им впоследствии проще будет управлять людьми, утомленными распрями, чем теми, кто живет в мире и согласии» [Там же: 203]. По мнению Д. Кантемира, результатом процесса ослабления власти монарха стало подчинение страны туркам, которые первоначально присвоили себе право утверждать, а впоследствии и право назначать господарей Молдавии. Этот экскурс в историю Молдавии наглядно показывает взгляды Дмитрия Кантемира на природу монархической власти: отказ от единоличного правления,

выборность, возможность вмешательства иностранных государств – всё это приводит к смуте и последующей потере независимости страны. Такой путь проделала Молдавия, и ее политическое возрождение возможно лишь через усиление власти государя, закрепление титула в рамках одной династии и передачу его по наследству от отца к сыну. Условия передачи наследственного правления династии Кантемиров были закреплены в Луцком договоре между князем Дмитрием и Петром I в 1711 г., когда он, будучи правителем Молдавии, встал на сторону России. Неудача в Прутском походе помешала реализации проекта Дмитрия Кантемира, он лишился престола, но его исторические и политические взгляды навсегда остались в рамках идеологии абсолютизма, которая представлялась ему прогрессивным явлением, способным вывести любую страну из отсталости и упадка. Сравнение Речи Посполитой и Османской империи, которые находились в периоде ослабления и были раздираемы внутренними конфликтами, с Российским государством, где явно усиливалась центральная государственная власть и военная мощь, делали исторический и политический выбор Дмитрия Кантемира очевидным.

Заключение

Подводя итоги, можно выделить ряд важных факторов, которые повлияли на становление мировоззрения и творчество Дмитрия Кантемира. В общетеоретическом плане это влияние философских систем, отходящих от супернатурализма к деистским и пантеистским рационалистическим концепциям, где Бог хоть и является перводвигателем исторического процесса, но непосредственное участие в нем не принимает. Провиденциалистская концепция формирует основу понимания общемирового исторического процесса, но в его рамках создаются национальные истории, построенные на более объективных причинно-следственных связях. Примером такого подхода стала концепция четырех монархий Дмитрия Кантемира, в которой ученый дал обобщенный взгляд на развитие мировой истории как последовательную и закономерную смену нескольких великих империй. В последней монархии он явно указал на Россию, которой, по его мнению, уготована великая роль стать новым центром всемирной истории.

Последовательное ограничение супернатурализма и провиденциализма приводит к необходимости

объяснять историю объективными факторами: географическим расположением, природными богатствами, хозяйственной деятельностью, мотивацией отдельных исторических деятелей. При этом божественное влияние может происходить через отдельных людей, чаще всего великих правителей в истории, которых активно описывает Дмитрий Кантемир в прошлом Молдавии.

Немаловажное влияние на Дмитрия Кантемира оказали факты его жизни, такие как потеря молдавского престола, вынужденное бегство в Россию, союз с Петром I. По нашему мнению, эти события способствовали укоренению представлений о роли личности в историческом процессе и сформировали абсолютистскую идеологию. Великие личности, движимые божественным замыслом, для выполнения своего предназначения нуждаются в неограниченной власти и эффективной государственной машине. Этими доводами Д. Кантемир обосновывает необходимость самодержавия и находит его основание в культурных традициях народов, в кризисных моментах их истории. Государь должен обладать всей полнотой власти, чтобы принимать и проводить справедливые решения в трудные и сложные моменты истории страны. Из этих положений следовала поддержка Д. Кантемиром, как и многими деятелями культуры и науки в эпоху Раннего Просвещения, идеологии абсолютизма.

Исторические произведения по истории Молдавии, Османской империи Д. Кантемира были широко известны современникам и служили источником представлений западноевропейских историков об истории Турции XVII–XVIII вв. В 1714 г. научные труды Д. Кантемира получили официальное признание. Ученый был принят в ряды *Societas Scientiarum Brandenburgica*, позже известной как Берлинская академия. Членский диплом Д. Кантемира в отсутствие президента Академии Г. В. Лейбница подписал вице-президент Иоганн Карл Шотт. Уже будучи членом Академии, Дмитрий Кантемир написал "Descriptio Moldaviae" («Описание Молдавии») и «Хронику стародавности романо-молдо-влахов». Мы согласны с Д. М. Элезовичем, что «Дмитрий Кантемир как один из величайших историков Восточной Европы своего времени был высоко ценим западноевропейскими просветительскими кругами ученых» [Элезович 2021: 41].

Отметим, что произведения Дмитрия Кантемира отражают и характеризуют путь, по которому

формировалась отечественная историческая наука на протяжении первой половины XVIII в. В работах историка можно встретить характерные особенности гуманитарного научного знания в период Раннего Просвещения: влияние рационалистических философских концепций; отход от провиденциализма и супернатурализма и более полное осмысление объективных факторов, влияющих на исторический процесс; большое внимание к роли правителя в истории; появление элементов теории меркантилизма; конструирование национальной истории, вписанной в общемировой процесс. Дальнейшее изучение творчества Дмитрия Кантемира и других представителей Раннего Просвещения в петровскую эпоху позволит лучше понять особенности формирования отечественной исторической науки и духовной культуры России этого периода.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. Ю. Шляхов – концептуализация, методология, написание рукописи (оригинальный черновик). Н. В. Старикова – концептуализация, написание рукописи (редактирование), обработка данных.

Contribution: M. Yu. Shlyakhov developed the research concept, designed the methodology, and drafted the manuscript. N. V. Starikova was responsible for the research concept, proofreading, and data processing.

Литература / References

- Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976. 456 с. [Alpatov M. A. *Russian historical thought and Western Europe in the 17th – early 18th century*. Moscow: Nauka, 1976, 456. (In Russ.)]
- Бабий А. И. Дмитрий Кантемир. М.: Мысль, 1984. 173 с. [Babiy A. I. *Dimitrie Cantemir*. Moscow: Mysl, 1984, 173. (In Russ.)]
- Густерин В. П. Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М.: Восточная книга, 2008. 111 с. [Gusterin V. P. *First Russian orientalist Dimitrie Cantemir*. Moscow: Vostjchnaia kniga, 2008, 111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpmzlj>
- Ермуратский В. Н. Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев: Госиздат Молдавии, 1956. 104 с. [Ermuratsky V. N. *Socio-political views of Dimitrie Cantemir*. Chisineu: Gosizdat Moldavii, 1956, 104. (In Russ.)]
- Кантемир Д. Избранные философские произведения. Кишинев: Cartea Moldovei, 2003. 360 с. [Cantemir D. *Selected philosophical works*. Chisineu: Cartea Moldovei, 2003, 360. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwhfpt>
- Кантемир Д. Описание Молдавии: факсимиле, латинский текст и русский перевод Стурдзовского списка. СПб.: Нестор-История, 2011. 434 с. [Cantemir D. *Description of Moldavia: Facsimiles, Latin text, and Russian translation of the Sturdzov Manuscript*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011, 434. (In Russ.)]
- Круглов А. Н. О понятии просвещения в русской философии XVIII века. *Христианское чтение*. 2023. № 1. С. 225–245. [Kruglov A. N. The concept of enlightenment in Russian philosophy of the 18th century. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, (1): 225–245. (In Russ.)] https://doi.org/10.47132/1814-5574_2023_1_225
- Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. Ч. 1. 276 с. [Peshtich S. L. *Russian historiography of the 18th century*. Leningrad: Leningrad University, 1961, pt. 1, 276. (In Russ.)]
- Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб.: СПбГУ, 2008. 938 с. [Rubinstein N. L. *Russian historiography*. St. Petersburg: SPbSU, 2008, 938. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmxtut>
- Рыженков М. Р. Дмитрий Кантемир и его документальное наследие в Российском государственном архиве древних актов. *Восточный архив*. 2012. № 1. С. 6–13. [Ryzhenkov M. R. Dimitrie Cantemir and his documentary heritage in the Russian State Archive of Ancient Acts. *Oriental Archive*, 2012, (1): 6–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/paycrl>

- Савина Л. В., Романов А. И. Становление научной философии в России: «ученая дружина» Петра I. *Духовный арсенал*. 2022. № 2. С. 61–68. [Savina L. V., Romanov A. I. The formation of scientific philosophy in Russia: The "scientific squad" of Peter the Great. *Spiritual Arsenal*, 2022, (2): 61–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xarowv>
- Сахаров А. М. *Историография истории СССР: Досоветский период*. М.: Высш. шк., 1978. 256 с. [Sakharov A. M. *Historiography of the history of the USSR: Pre-Soviet period*. Moscow: Vyssh. shk., 1978, 256. (In Russ.)]
- Скопа В. А. Русское просвещение и православная культура: диалектика взаимодействия (по материалам XVIII века). *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2025. № 1. С. 80–83. [Skopa V. A. Russian enlightenment and orthodox culture: Dialectics of interaction (based on the materials of the 18th century). *Sovremennaiia nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Serii: Gumanitarnye nauki*, 2025, (1): 80–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqozns>
- Хватаева Н. П. Развитие концепта «духовность-нравственность» в отечественном педагогическом образовании последнего столетия. *Вестник Мининского университета*. 2024. Т. 12. № 2. С. 3–23. [Khvataeva N. P. Development "sacredness-morality" concept in Russian pedagogical education of the last century. *Vestnik of Minin University*, 2024, 12(2): 3–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-2-3>
- Цвиркун В. И. *Димитрий Кантемир: страницы жизни в письмах и документах*. СПб.: Нестор, 2010. 411 с. [Tsvirkun V. I. *Dimitrie Cantemir: Pages of life in letters and documents*. St. Petersburg: Nestor, 2010, 411. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qprmyf>
- Цвиркун В. И. Молдавский господарь Димитрий Кантемир: государственная и общественная деятельность в Российской империи. *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи)*: XVIII Междуна. науч. конф. (Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г.) СПб.: СПбУ МВД России, 2021а. Ч. 1. С. 316–328. [Tsvirkun V. I. Moldavian ruler Dimitrie Cantemir: State and social activities in the Russian Empire. *State and law: evolution, current state, development prospects (to the 300th anniversary of the Russian Empire)*: Proc. XVIII Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 29–30 Apr 2021. St. Petersburg: St.-Petersburg university of the MIA of Russia, 2021a, pt. 1, 316–328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ehllag>
- Цвиркун В. И. Дмитрий Кантемир и Петр Первый. Эволюция отношений. *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2023. № 6. С. 15–26. [Tsvirkun V. I. Dimitrie Cantemir and Peter the Great. Evolution of relationships. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2023, (6): 15–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55086/sp2361526>
- Цвиркун В. И. Политическая и государственная деятельность Дмитрия Кантемира в России. *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2021b. № 5. С. 423–434. [Tsvirkun V. I. Political and governmental activities of Dimitrie Cantemir in Russia. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2021b, (5): 423–434. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55086/sp215423434>
- Цвиркун В. И. Эпистолярное наследие Димитрия Кантемира. Жизнь и судьба в письмах и бумагах. Кишинев: Stiinta, 2008. 358 с. [Zvirkun V. I. *Epistolary heritage of Dimitrie Cantemir. Life and fate in letters and papers*. Chisineu: Stiinta, 2008, 358. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpruzl>
- Черепнин Л. В. *Русская историография до XIX века*. М.: МГУ, 1957. 306 с. [Cherepnin L. V. *Russian historiography before the XIX century*. Moscow: MSU, 1957, 306. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twujek>
- Шапиро А. Л. *Русская историография с древнейших времен до 1917 года*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Культура, 1993. 761 с. [Shapiro A. L. *Russian historiography from ancient times to 1917*. 2nd ed. Moscow: Kultura, 1993, 761. (In Russ.)]
- Элезович Д. М. Значение сочинений Дмитрия Кантемира для западной просветительской историографии (на примере рукописи «История Турции» XVII в.). *Русин*. 2021. № 63. С. 34–42. [Elezovich D. M. The role of Dmitry Cantemir's writings for the Western educational historiography (a case study of the manuscript "The history of Turkey" of the 18th century). *Rusin*, 2021, (63): 34–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18572685/63/3>
- Apostolache I. Orthodoxy and culture, tradition and Romanian spirit over the centuries. Apologetics ideas in the thought of Dmitri Cantemir. *Teologia i Czlowiek*, 2017, (4): 263–276.
- Bădăraș D. *Filozofia lui Dimitrie Cantemir*. București, 1964, 410.
- Chiriac A., Celac V. Historical [Pre-]Modernism and the Entangled Networks of the Enlightenment. Dimitrie Cantemir's Descriptio Moldaviae During the Long 18th Century and the Beginning of the 19th Century. *Philobiblon*, 2023, 28(2): 235–248. <https://doi.org/10.26424/philobib.2023.28.2.04>

- Dimitrie Cantemir: Fürst der Moldau, Gelehrter, Akteur der europäischen Kulturgeschichte*, Hrsg. Bochmann K., Dumbrava V. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2008, 312.
- Esanu S., Esanu V. *Descrierea Moldovei de Dimitrie Cantemir în cultura europeană*. Chisinau, 2004, 595.
- Feodorov I., Petrova Yu. I., Cândea V. *Dimitrie Cantemir, salvation of the sage and ruin of the sinful world*. Toronto: Brill, 2016, 516.
- Joita M. *Timp și istorie în opera lui Cantemir: Surse, resurse, ecouri: Un eseu de istoria mentalităților*. Craiova: Scrisul Românesc, 2004, 212.
- Kenny A. *The rise of modern philosophy: A new history of Western philosophy. Vol. 3. Great Britain*. OUP Oxford, 2006, 376.
- Leezenberg M. The oriental origins of orientalism: The case of Dimitrie Cantemir. *The making of the humanities. Vol. II: From Early Modern to modern disciplines*, eds. Bod R., Maat J., Weststeijn T. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012, 243–263. https://doi.org/10.26530/OAPEN_429447
- Panaiteescu P. P. *Dimitrie Cantemir. Viata si opera*. Bucuresti: Academiei, 1958, 707.
- Popescu-Judet E. *Dimitrie Cantemir. Cartea stiintei muzicii*. București: Editura muzicală, 1973, 408.
- Sorohan E. *Cantemir în cartea hieroglifelor*. Bucuresti: Minerva, 1978, 285.
- Tărălungă E. *Dimitrie Cantemir. Contribuții documentare la un portret*. Bucuresti, 1989, 423.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/nupees>

Помощь народов Синьцзяна Советскому Союзу в его борьбе с агрессией нацистской Германии в 1941–1942 гг. и причины ее прекращения

Бармин Валерий Анатольевич

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 6543-1199

<https://orcid.org/0009-0002-9043-3725>

Scopus Author ID: 58153659500

valbarmin@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы, связанные с организацией, содержанием и причинами прекращения поставок помощи, которую оказывали народы китайской провинции Синьцзян советскому государству в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. То, что этот вопрос до настоящего времени оставался за рамками активной исследовательской деятельности историков, объясняется, во-первых, характером источниковой базы, сохранявшейся закрытой в течение долгих лет, во-вторых, весьма неоднородным уровнем взаимоотношений двух государств в период 1960–1980-х гг., который не способствовал разработке подобных тем. В предлагаемой статье автор определяет своей задачей показать, что, несмотря на достаточно сложную историческую канву российско(советско)-китайских отношений в первой половине XX в., политика СССР в отношении народов Синьцзяна всегда строилась на основах добрососедства, взаимного уважения и взаимовыгодного экономического сотрудничества. Эти факторы в полной мере отразились на том, что в тяжелейших обстоятельствах борьбы советского народа с фашистской агрессией население провинции оказало ему бескорыстную помощь и поддержку. Статья подготовлена на основе вновь выявленных источников центральных архивов Российской Федерации и анализа работ мемуарного и монографического характера, опубликованных в последние десятилетия.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, помощь, народы Синьцзяна, Китай, Синьцзян, Советский Союз, фашистская Германия

Цитирование: Бармин В. А. Помощь народов Синьцзяна Советскому Союзу в его борьбе с агрессией нацистской Германии в 1941–1942 гг. и причины ее прекращения. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1065–1074. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1065-1074>

Поступила в редакцию 24.08.2025. Принята после рецензирования 16.10.2025. Принята в печать 20.10.2025.

full article

Xinjiang's Aid to the USSR during World War II in 1941–1942 and Why It Was Terminated

Valery A. Barmin

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 6543-1199

<https://orcid.org/0009-0002-9043-3725>

Scopus Author ID: 58153659500

valbarmin@mail.ru

Abstract: The peoples of the Chinese province of Xinjiang aided the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. The article describes the organization, content, and termination of this support. This issue has remained outside the scope of historic research, firstly, because the archival sources remained classified for many years

and, secondly, because of the Sino-Soviet split during the 1960s to the 1980s. However, despite the complex historical background of the Russian (Soviet)-Chinese relations in the first half of the 20th century, the Soviet policy towards Xinjiang was built on good neighborliness, mutual respect, and mutually beneficial economic cooperation. As a result, the peoples of Xinjiang gave the USSR selfless assistance and support in its battle against the fascist aggression. The research relied on newly identified sources from the Russian major archives, as well as on recently published memoirs and monographs.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, aid, peoples of Xinjiang, China, Xinjiang, Soviet Union, Nazi Germany

Citation: Barmin V. A. Xinjiang's Aid to the USSR during World War II in 1941–1942 and Why It Was Terminated. *SibScript*, 2025, 27(6): 1065–1074. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1065-1074>

Received 24 Aug 2025. Accepted after peer review 16 Oct 2025. Accepted for publication 20 Oct 2025.

Введение

В 2025 г. народы России и большинства государств, входивших до 1991 г. в состав Союза Советских Социалистических Республик, отметили 80-летие победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. События этой войны столь масштабны, содержат такое огромное количество событийного, фактологического, морально-психологического материала, что будут служить предметом исследовательской деятельности еще не одного поколения историков.

Следует подчеркнуть чрезвычайную важность этой работы. Ее значение велико среди прочего уже потому, что даже сегодня, когда еще живут и свидетельствуют участники событий 80-летней давности, история войны подвергается колоссальной фальсификационной атаке. «На всех западных ресурсах пропагандируется роль США и их союзников, только их вклад в победу над нацизмом» [Бернацких и др. 2020: 6]. Делается все, чтобы принизить и даже вообще исключить из истории ключевую роль СССР в разгроме фашистской Германии. «Особенно остро это стало проявляться с 2022 г. в откровенной анти-российской риторике и политике стран Запада после начала Россией специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, наследующей нацизму Третьего рейха» [Кокшаров 2025: 82]. Нет сомнения, что эти атаки со временем будут только усиливаться, поскольку сама история нашей страны оказалась сегодня в центре борьбы за ее национальную безопасность. Столь же очевидно, что нет необходимости искать объяснения этим стараниям. Общеизвестно, что германский нацизм вооружил свою армию, подготовил ее к внешней агрессии на деньги фирм и банков США, Англии, Франции, Бельгии. А в нападении на СССР вместе с Германией приняли непосредственное участие

фашистская Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия, Словакия, Хорватия. Кроме того, свои добровольческие соединения на восточный фронт отправляли Испания, вишистская Франция, Дания, Норвегия, Бельгия и другие западные страны. Это означает, что в конечном счете против Советского Союза воевал коллективный Запад. Тем не менее сегодня большинство из этих государств позиционируют себя как участников борьбы с нацистской Германией. Совершенно очевидно, что объективная история Второй мировой войны, определяющая роль Советского Союза в разгроме нацизма, им совершенно не нужна. Поэтому важен каждый факт, каждый элемент реальной истории самой страшной войны в истории человечества. И здесь надо согласиться с утверждением авторов статьи «75 лет фальсификации истории ВОВ и опыт борьбы с ней», опубликованной в «Литературной газете», что «мы не проиграли информационную войну, но можем ее проиграть сами себе, когда перестанем говорить правду и перестанем рассказывать нашей молодежи, что происходило на самом деле» [Батый, Малюк 2021].

В этом контексте безусловный интерес представляет объективная информация о том, кто реально внес свою лепту в победу над фашизмом. Надо признать, что долгие годы после войны сам Советский Союз и прежде всего его идеологическая машина, как это ни странно, в какой-то мере помогали фальсификаторам в их работе. Это проявлялось, в частности, в явном преувеличении роли антифашистского движения в странах Западной Европы. В результате, например, Франция оказалась одной из главных участниц стана победителей над нацистской Германией. Между тем как в отрядах французских партизан «Маки» бойцов было меньше, чем

во французских добровольческих легионах, которые в составе вермахта воевали против СССР на восточном фронте [Байда 2012; Блок 2011]. Эти факты ни в коей мере не умаляют роль летчиков эскадрильи, а затем полка «Нормандия – Неман», которые дрались с нацистами в составе авиационных дивизий Красной армии. Они не ставят под сомнение героизм бойцов французской танковой дивизии генерала Ф. Леклерка, высадившейся в июне 1944 г. вместе с войсками США и Англии на севере Франции и первой вошедшей в освобожденный Париж. Вот только воевали эти французские патриоты на советских самолетах и английских танках, и было их всего несколько десятков тысяч человек. А сотни тысяч французских рабочих делали для фашистской Германии танки, пушки, снаряды, которые потом убивали советских солдат.

Но в это же время были и другие страны и народы, которые отдавали последнее, что у них было, чтобы помочь советской стране и ее Красной армии в разгроме фашизма. И речь в данном случае идет не о мощной индустриальной державе, США, реальный вклад которой в победу над Германией хорошо известен, и не о действительно сражавшейся Англии. Несомненный интерес в данном случае представляет малоизвестный исторический сюжет, содержащий сведения о помощи, которую оказывали советскому государству в период борьбы с германским нацизмом народы китайской провинции Синьцзян, находившиеся за тысячи километров от фронтов, но при этом вносившие свою посильную лепту в дело разгрома нацизма.

В работах отечественной и зарубежной историографии, несмотря на возросший в последнее время интерес к проблемам взаимоотношений Советского Союза и Синьцзяна, сюжеты, связанные с помощью населения провинции советскому государству в его борьбе с нацистской агрессией, оставались и остаются за рамками внимания авторов. Чаще всего эти события затрагиваются либо опосредованно, либо носят фрагментарный характер. Это можно сказать, в частности, о публикациях российских историков И. А. Поликарпова [Поликарпов 2010], В. Г. Шматова [Шматов 2014], Е. Н. Наземцевой [Наземцева 2016], К. В. Бармина [Бармин 2000], известного американского китаеведа А. Хазитотиса [Hasiotis 1987] и его коллеги, работающего в Карлстонском колледже и специализирующемся на истории Центральной Азии, Адиба Халида [Халид 2024]. Об этом же свидетельствует

работа шведской исследовательницы Л. Бенсон [Benson 1991] и исследования ряда других отечественных и зарубежных историков и политологов.

Целью настоящей работы является исследование вопроса, связанного с организацией и содержанием финансовой и материальной помощи, которую оказывали народы китайской провинции Синьцзян Советскому Союзу в годы его борьбы с германским нацизмом. Представляется, что без серьезного анализа этого вопроса невозможно восстановить не только полную картину советско-китайских отношений, но и важный раздел истории Великой Отечественной войны. Кроме того, материал настоящей статьи является вкладом в работу, направленную на борьбу с фальсификациями западных исследователей, выстроенными на утверждениях исключительной роли США, Англии и Франции в деле разгрома нацистской Германии и ее союзников.

Методы и материалы

Методологической основой работы явились общенаучные принципы историзма, который исключает модернизацию исторических событий и процессов, однако позволяет в то же время видеть их в реальном развитии и взаимосвязи. В частности, в работе использовались историко-системный, сравнительно-исторический, историко-генетический и проблемно-хронологический методы.

Основной пласт источниковой базы исследования составили материалы фондов Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации и мемуаров советских дипломатов, работавших в рассматриваемый период в Китае и в Синьцзяне.

Результаты

Политика Советского Союза в отношении китайской провинции Синьцзян (с 13 сентября 1955 г. Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) занимает отдельное и весьма важное место в истории советско-китайских отношений. Территория будущей провинции вошла в состав Китайской империи Цин во второй половине XVIII в., после разгрома Джунгарского ханства и аннексии принадлежавших ему регионов Кашгарии и Восточного Туркестана. Следует отметить, что к этому времени российское население Сибири уже имело устойчивые торговые связи с народами Джунгарии. В дальнейшем эти связи не только сохранились, но и активно развивались. Более того, когда царская Россия в ходе

своего экспансионистского движения на юг присоединила к себе территории Средней Азии, где проживали народы, этнически родственные населению Синьцзяна, торгово-экономические и культурные контакты с провинцией, в которой ханьцы в численном отношении составляли всего 4 %, еще более укрепились [Шеметова 2024: 16]. В результате в конце XIX – начале XX в. Россия полностью доминировала в экономической и политической жизни провинции. Достаточно сказать, что более 75 % внешне-торгового оборота провинции приходилось именно на ее северного соседа. «Потребности развивающегося русского капитализма, как и определенная экономическая заинтересованность самого Китая, прежде всего, населения его северных и северо-западных пограничных районов, способствовала развитию русско-китайских экономических отношений» [Кожирова 2000: 88].

После многолетних потрясений, вызванных Первой мировой войной, Октябрьской революцией 1917 г. и Гражданской войной, правительство большевиков достаточно быстро восстановило временно утраченное в Синьцзяне влияние и уже к концу 1920-х гг. полностью вернуло позиции, которые занимала здесь царская Россия [Шеметова 2020]. Особенно положение теперь уже советской России укрепилось после того, как ее руководство оказало китайской администрации помощь в подавлении крупного антикитайского национального движения мусульманских народов в 1931–1934 гг. Именно в ходе этих событий должность губернатора провинции при поддержке Москвы получил командующий китайскими войсками в провинции генерал Шен Шицай. Он позиционировал себя сторонником марксизма и на протяжении 1930-х гг. во многом содействовал развитию политических контактов и торгово-экономическому сотрудничеству с советским государством.

При активном содействии и поддержке работавших в провинции советских советников были проведены серьезные социально-экономические реформы, значительно улучшившие положение коренных народов региона. Представители уйгуров, казахов, дунган были «введены в правительственные и административные структуры Синьцзяна. К 1940 г. уйгуры, например, возглавляли около половины округов провинции» [Бармин 1998: 144].

Для «детей не китайской национальности» стали открываться школы и средние учебные заведения, на языках этих народов стали выходить газеты и журналы¹. В 1934 г. Советское правительство приняло специальное решение «Об обучении синьцзянской молодежи в СССР»². В рамках выполнения этого постановления в советских техникумах и вузах уже к началу 1940-х гг. было подготовлено более 30 тыс. специалистов для различных отраслей народного хозяйства провинции.

В это же самое время Советский Союз оказывал руководству Синьцзяна всестороннюю помощь в строительстве собственной промышленной базы. Данному процессу способствовало и то, что в 1937 г., после начала широкомасштабной агрессии милитаристской Японии против Китая, Синьцзян при всесторонней помощи СССР был превращен в важнейшую тыловую базу сражающейся за свою свободу страны. Через территорию провинции из Советского Союза в Китай шли поставки оружия и стратегических материалов, а на территории самого Синьцзяна были построены авиасборочный завод, нефтекомбинат, а также десятки других предприятий. Здесь же была открыта и успешно действовала авиашкола, которая готовила летчиков для китайских Военно-воздушных сил [Шматов 2012].

Однако нападение на Союз Советских Социалистических Республик нацистской Германии и начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война самым радикальным образом отразились на экономическом положении и международных отношениях самого Советского Союза. В течение нескольких недель после начала фашистской агрессии СССР, по понятным причинам, утратил большую часть торгово-экономических связей не только со странами Европы, но и с государствами других регионов мира, охваченных огнем Второй мировой войны. Тем не менее отношения Советского Союза с Китаем до середины 1942 г. не претерпели каких-либо существенных изменений. Более того, после нападения нацистской Германии на СССР Компартия Китая и Гоминьдан, являвшиеся участниками анти-японского национального фронта, заявили о своей солидарности с советским государством и о готовности «крепить единый антияпонский национальный фронт, крепить сотрудничество Гоминдана

¹ Иваненко В. И. ...Выполняя свой долг: из записок дипломата. М.: Политиздат, 1990. С. 126.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 144.

и Коммунистической партии, гнать японских империалистов из Китая и этим оказывать помощь Советскому Союзу»³.

В то же время из Советского Союза в первые месяцы Великой Отечественной войны в Китай продолжали поступать все виды помощи, которые были предусмотрены подписанными соглашениями. В ряде округов провинции действовали или строились предприятия, имевшие для воюющей страны важное значение. На проектную мощность вышел авиасборочный завод, продукция которого отчасти сняла остроту нехватки боевых самолетов в ВВС Китая, в подразделения, ведущие борьбу с японской армией, поступало горючее, поставляемое нефтеперерабатывающим комбинатом в Тушанцзы. Кроме того, «в строй вступили три электростанции, радиостанция в Урумчи, несколько крупных автомастерских» [Сладковский 1977: 148].

Важным фактором сохранявшегося тесного сотрудничества являлось то, что губернатор провинции, генерал Шен Шицай и возглавляемое им правительство активно содействовали успешной работе построенных советской стороной предприятий, а также организациям и учреждениям, осуществлявшим переброску вооружения и различных товаров из СССР в Китай. При этом в административных и управленческих структурах провинции различные должности занимали члены Коммунистической партии Китая. Достаточно сказать, что здесь работал родной брат Мао Цзэдуна – Мао Цзэминь [Ледовский 1993: 110]. (Мао Цзэминь до своего ареста и расстрела в сентябре 1942 г. занимал в правительстве провинции довольно высокую должность, исполняя обязанности директора департамента финансов).

В свою очередь на протяжении всего 1941 г. из Синьцзяна в СССР поступали значительные объемы продовольствия, десятки тысяч лошадей для кавалерии, крупные партии теплой одежды и редкоземельные металлы, крайне необходимые для производства оружия. В первый период Великой Отечественной войны в условиях утраты значительной части территории, оккупированной фашистскими войсками, это была очень своевременная и серьезная помощь. И можно с уверенностью сказать,

что она во многом явилась прямым следствием предыдущей политики Советского Союза в отношении провинции и ее населения.

Народы Синьцзяна с вниманием и сочувствием следили за событиями, разворачивавшимися на советско-германском фронте. О большом интересе, который вызывали у таджиков, узбеков, уйгуров, казахов и других народов провинции сообщения с театра боевых действий, говорит уже тот факт, что только одна газета, выходившая на уйгурском языке – «Синьцзян газети», поместила в 1941 г. на своих страницах почти 20 передовиц, статей и перепечаток из советских газет. К этому следует добавить, что в Синьцзяне в это время выходило более двух десятков газет общим тиражом более 50 тыс. экземпляров на шести языках проживавших здесь народов⁴.

Поступавшая с фронта через прессу информация дополнялась посредством активной деятельности работавшего в провинции отделения Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Так, руководство отделения ВОКС, работавшего в Кашгарском округе, в сообщении от 10 мая 1942 г. информировало Москву, что «Передвижная антифашистская выставка» вызвала у жителей городов Яркенд и Янги-Гиссар большой интерес. Свидетельством этому является то, что только в Яркенде «за 8 дней ее посетило более 22 тыс. человек»⁵.

Сложившееся у народов Синьцзяна в течение десятилетий доброжелательное отношение к России, тесные этнические, родственные и конфессиональные связи с населением граничащих с провинцией советских среднеазиатских республик, присущее традиционное сопереживание соседям, попавшим в беду, шокирующая информация о зверствах, творимых на советской земле германскими фашистами, нашли у них самый живой отклик. По всей территории региона развернулась кампания сбора вещей, продуктов, денежных средств в качестве помощи России в ее борьбе с напавшим агрессором. Консул Советского Союза в Хотане В. И. Иваненко отмечал в своих мемуарах, что население провинции отнеслось к событиям на советско-германском фронте с большим сочувствием и что «движение солидарности развивалось во всех округах

³ Мао Цзэдун. Избранные произведения. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. Т. 4. С. 45.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5283. Оп. 18. Д. 28. Л. 140.

⁵ Там же. Л. 45.

Синьцзяна... Уже в 1941 году трудящиеся провинции внесли... 1 миллион долларов для передачи в фонд помощи СССР»⁶. Для понимания того, насколько эта сумма была значимой, следует учитывать, что в 1930-е гг. «рабочие – мужчины, занятые в сельском хозяйстве, получали за рабочий день в среднем 1 бумажный лан (15–16 копеек серебром), а женщины 5–6 цянь (13–16 копеек серебром)»⁷. В то же время источники свидетельствуют, что факт, приведенный в воспоминаниях советского дипломата, являлся только одним из десятков и сотен подобных мероприятий.

В докладах советских консульств, поступавших из провинции, в многочисленных отчетах и сообщениях отделений ВОКС, торговых представительств содержались сведения о большом количестве актов бескорыстной помощи людей, находившихся за многие тысячи километров от фронта и никогда не бывавших в Советском Союзе. Например, в докладе от 29 июня 1942 г. Генконсульство СССР в Урумчи информировало центральное правление ВОКС, что, по сообщению отделения ВОКС, работавшего в Хотане, «по Хотанскому округу собрано в фонд помощи Красной Армии 130 тыс. синьцзянских долларов деньгами и разными ценностями»⁸. Кампания сбора и отправки подарков и денежных переводов советским гражданам и бойцам Красной армии получила в Синьцзяне такой размах, а желающих принять участие в этой кампании было такое большое количество, что с вопросом отправки посылок в СССР случались даже недоразумения. Довольно часто возникали ситуации, когда такие посылки и переводы поступали в советские консульства и даже в приграничные с Китаем советские республики без обозначения адресов отправителей и названий организаций, куда они направлялись. Примером таких ситуаций может служить запрос Генконсульства СССР в Урумчи уполномоченному отделению ВОКС в Синьцзяне С. Л. Рудченко, направленный 30 апреля 1942 г. В запросе сообщалось, что Генконсульством «получены сведения от Алма-Атинской таможни, что из Синьцзяна в адрес уполномоченного НКВД по Казахской ССР получены 15 апреля 15 мест (360 кг) грузов – подарков для Красной Армии и эвакуированного населения.

Просим сообщить, какие организации являются отправителями этих подарков»⁹.

Есть также сведения о том, что в данный период скотоводы-кочевники, не очень разбиравшиеся в бюрократической схеме оформления своих пожертвований, просто подгоняли к советским пограничным постам стада баранов, быков, табуны лошадей и просили пограничников принять их в дар советским людям, которые ведут жестокую борьбу с врагом. Эти примеры достаточно убедительно свидетельствуют о массовом и совершенно безвозмездном характере помощи жителей Синьцзяна советскому народу в его противостоянии с фашизмом. В то же время, в отличие от Соединенных Штатов Америки или Англии, где велся самый тщательный учет каждому отправленному в СССР патрону или банке тушенки, характер и формы оказания этой помощи со стороны народов Синьцзяна исключают возможность скрупулезного подсчета ее объемов и финансовых оценок. Однако переписка советских дипломатических работников, документы таможенных пунктов, банковские реквизиты позволяют с уверенностью говорить, что речь идет об очень существенных объемах материальной и финансовой помощи. Следует также еще раз подчеркнуть, что все указанные мероприятия – и сбор материальных средств, и денежных пожертвований – осуществлялись только частными лицами и общественными организациями.

Между тем военные поражения, которые терпел Советский Союз в первые месяцы войны после вероломного нападения нацистской Германии, значительные территориальные потери и материальные утраты сформировали у гоминьдановского руководства Китая и, что особенно важно, у самого президента страны Чан Кайши убеждение в неизбежности поражения СССР [Волкова 2023]. Вслед за центральным правительством к этому выводу пришел и губернатор Синьцзяна, генерал Шен Шицай, который решил, что ввиду возможного поражения России наиболее выгодным для него будет «отдалиться от Москвы и контролировавшейся ею китайской компартии и сделать шаги навстречу правительству в Чунцине во главе с Чан Кайши» [Гасанлы 2015: 109]. Одновременно с этим стала

⁶ Иваненко В. И. ...Выполняя свой долг: из записок дипломата... С. 138.

⁷ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 181. Л. 171.

⁸ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 18. Д. 28. Л. 73.

⁹ Там же.

очевидна несостоятельность планов Чан Кайши и его окружения по втягиванию Москвы в войну с Японией. Зато стало быстро развиваться и обретать конкретные материальные формы сотрудничество Китая с Соединенными Штатами Америки. США после военной катастрофы 7 декабря 1941 г. при Перл-Харборе и потери своего тихоокеанского флота объявили войну Японии и во вновь сложившихся обстоятельствах начали оказывать Китаю нарастающую военно-техническую поддержку. Все эти факторы привели к охлаждению советско-китайских отношений, а следом и постепенному сворачиванию двустороннего сотрудничества. Ситуация усугублялась тем, что в условиях начавшейся войны и потери части своей промышленной базы, оставшейся на оккупированных врагом территориях, Советский Союз оказался не в состоянии осуществлять поставки китайской армии расходных военных материалов и оружия в объемах, оговоренных подписанными договорами и соглашениями. При этом, например, посол СССР в Китае А. С. Панюшкин отмечал в своих мемуарах, что уже полученных Китаем артиллерийских снарядов хватило бы по крайней мере на 10 лет. Однако, несмотря на это, китайское руководство постоянно указывало на появившиеся сбои в поставках¹⁰.

Возникшие проблемы привели в конечном счете к тому, что уже в первой половине 1943 г. были резко сокращены или полностью свернуты почти все виды торгово-экономического сотрудничества СССР с Синьцзяном и прекращены поставки материалов, в которых советское государство остро нуждалось. Так, «если в 1942 г. в СССР было продано 4864 тонн шерсти, то в 1943 – лишь 811, количество поставленного по старым договорам мелкого рогатого скота за тот же период сократилось с 481 тысяч голов до 2500» [Обухов 2012: 446].

Свертывание торгово-экономического сотрудничества вскоре стало сопровождаться враждебными мероприятиями политического характера. 5 октября 1942 г. Шен Шицая в ноте, направленной советскому правительству, потребовал «отозвать из Синьцзяна в течение 3-х месяцев всех советских преподавателей, советников, медработников, технических специалистов, а также вывести

с территории провинции дислоцировавшиеся там части Красной Армии»¹¹ [Whiting, Shih-ts'ai 1958: 256–257]. Одновременно с этим китайские власти провинции ввели запреты на любые контакты местного населения с советскими гражданами, продолжавшими работать на территории Синьцзяна до своего убийства на Родину. Касаясь в своих мемуарах этих событий, Чан Кайши невольно дает откровенную оценку двуличию губернатора, когда пишет, что «Шэн вскоре воспользовался германо-советской войной, достигшей в то время в Европе своего апогея, чтобы вернуться в лоно родины»¹². В сложившихся условиях практика оказания какой-либо материальной помощи местного населения советскому государству стала невозможной и, вопреки желанию людей, на данном этапе прекратилась.

Однако антинародная политика китайской администрации Синьцзяна, продолжавшаяся и после последовавшей в августе 1944 г. отставки Шен Шицая, привела в ноябре этого же года к новой мощной вспышке национально-освободительного движения коренных народов провинции, центром которой стали три северных округа: Илийский, Тарбагатайский и Алтайский. После разгрома китайского гарнизона и установления своей власти в столице Илийского округа г. Кульдже повстанческие силы объявили о создании Временного правительства Восточно-Туркестанской Республики [Поликарпов 2021]. К середине сентября 1945 г. в состав Республики вошли Тарбагатайский и Алтайский округа, откуда Национальная армия, созданная правительством Восточно-Туркестанской Республики, сумела изгнать китайские войска. Де-факто Восточно-Туркестанская Республика просуществовала до 1949 г. [Бармин 1999: 58–63]. Правительство Восточно-Туркестанской Республики пользовалось активной поддержкой руководства СССР и вернулось к практике оказания населением доступных форм помощи советскому государству на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Источники, освещающие эти события, были рассекречены относительно недавно, и многие вопросы, в том числе касающиеся видов и содержания этой помощи, еще ждут своего исследования.

¹⁰ Панюшкин А. С. Записки посла: Китай 1939–1944 гг. М.: Ин-т Дальнего Востока, 1981. С. 154.

¹¹ Перевод выполнен автором статьи.

¹² Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. 2-е изд., испр. и доп. М.: Посев, 2009. С. 127. <https://elibrary.ru/qpmevl>

Заключение

Предпринятое в настоящей статье исследование позволяет сделать вывод о том, что многие страницы истории Великой Отечественной войны до настоящего времени остаются малоисследованными. К числу таких тем можно с полным правом отнести сюжет, раскрывающий события, связанные с оказанием помощи народами китайской провинции Синьцзян советскому государству в годы его борьбы с агрессией фашистской Германии. Важнейшие факторы этой помощи заключаются, во-первых, в том, что в значительной части она осуществлялась минуя государственно-бюрократические организационные этапы, являясь следствием душевного порыва и искреннего желания населения провинции оказать поддержку советскому народу, к которому оно испытывало симпатию и уважение. При этом участники кампании по сбору вещей и денежных средств по большей части сами находились в крайне стесненных обстоятельствах. Во-вторых, эта помощь оказывалась в тот период, когда одни мощные промышленные и финансовые державы, например, такие как Швейцария или Швеция, заявив о своем нейтралитете, на деле помогали фашистской Германии. А другие, как Соединенные Штаты Америки, под разными предлогами затягивали поставки оружия и товаров даже после подписания соответствующих соглашений и договоров [Бутенина 2004].

Наконец, в-третьих, эта помощь оказывалась простыми людьми в обстоятельствах, когда руководители страны и провинции, в отличие от рядовых граждан, уже не верили, что Советский Союз сможет выйти из схватки с фашизмом победителем, и разрабатывали в отношении СССР новый политический курс [Обухов 2007: 268–272]. В рамках этого курса уже в 1942–1943 гг. центральное правительство Китая, а вслед за ним администрация провинции не только свернут большую часть торгово-экономических связей с СССР, но более того, создадут условия, исключившие возможности оказания любого вида помощи советской стране со стороны общественных объединений и граждан. Однако эта недальновидная, наносящая вред собственной стране политика не смогла стереть из памяти советских людей и из истории Великой Отечественной войны того вклада, который внесли своей помощью в победу над фашистской Германией народы Синьцзяна.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Байда О. И. Французский легион на службе Гитлеру, 1941–1944 гг. М.: Вече, 2012. 336 с. [Baida O. I. *The French legion in the service of Hitler: 1941–1944*. Moscow: Veche, 2012, 336. (In Russ.)]
- Батый И., Малюк А. 75 лет фальсификации истории ВОВ и опыт борьбы с ней. *Литературная газета*. 04.03.2021. [Baty I., Malyuk A. 75 years falsifications of the history of the Great Patriotic War and the experience of combating it. *Literaturnaia gazeta*, 4 Mar 2021. (In Russ.)] URL: <https://lgz.ru/news/75-let-falsifikatsii-istorii-vov-i-opyt-borby-s-ney/> (accessed 15 Jul 2025).
- Бармин В. А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1041–1939 гг. Барнаул: БГПУ, 1999. 200 с. [Barmin V. A. *Xinjiang in Soviet-Chinese relations, 1941–1949*. Barnaul: BSPU, 1999, 200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xsghzz>
- Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг. Барнаул: БГПУ, 1998. 214 с. [Barmin V. A. *Soviet Union and Xinjiang 1918–1941*. Barnaul: BSPU, 1998, 214. (In Russ.)]
- Бармин К. В. Политика Соединенных Штатов Америки в отношении Синьцзяна в 1941–1949 гг. *Молодые международники Сибири: доклады на «Зимней школе по проблемам международных отношений»*. Томск, 2000. С. 39–43. [Barmin K. V. The policy of the United States of America towards Xinjiang in 1941–1949. *Young internationalists of Siberia: Reports at the Winter School on International Relations*. Tomsk, 2000, 39–43. (In Russ.)]

- Бернацких И. В., Зезикова Н. А., Ковалев А. С., Костин А. В., Копылова И. А., Лаврухин М. А., Луговской А. А., Полянин И. С., Сацута А. И. Политика памяти о великой победе. Современное значение и противодействие фальсификациям. М.: КноРус, 2020. 204 с. [Bernatskikh I. V., Zezikova N. A., Kovalev A. S., Kostin A. V., Kopylova I. A., Lavrukhin M. A., Lugovskoy A. A., Polyanin I. S., Satsuta A. I. *Politics of memory of the Great Victory: Modern significance and counteraction to falsifications*. Moscow: KnoRus, 2020, 204. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/savcxx>
- Блок Ж.-Р. Немцы во Франции. *Свободная мысль*. 2011. № 6. С. 108–114. [Blok J.-R. Germans in France. *Svobodnaia mysl*, 2011, (6): 108–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twlctv>
- Бутенина Н. В. Ленд-лиз. Сделка века. М.: ВШЭ, 2004. 312 с. [Butenina N. V. *Lend-lease. Deal of the century*. Moscow: HSE, 2004, 312. (In Russ.)]
- Волкова И. В. СССР и Гоминьдан. Военно-политическое сотрудничество, 1923–1942 гг. М.: Центрполиграф, 2023. 349 с. [Volkova I. V. *USSR and Kuomintang. Military-political cooperation in 1923–1942*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2023, 349. (In Russ.)]
- Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане, 1931–1949. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 360 с. [Gasanly J. P. *Xinjiang in the orbit of Soviet policy: Stalin and the Muslim movement in East Turkestan (1931–1949)*. Moscow: FLINTA; Nauka, 2015, 360. (In Russ.)]
- Кожирова С. Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Астана, 2000. 136 с. [Kozhirova S. B. *Russian-Chinese trade in Central Asia (second half of the 19th – early 20th centuries)*. Astana, 2000, 136. (In Russ.)]
- Кокшаров Д. А. Феномен фальсификации истории Второй мировой войны на примере западного политического дискурса 2023–2025 гг.: интегральное историко-философское исследование. *Исторический журнал: научные исследования*. 2025. № 2. С. 80–91. [Koksharov D. A. The phenomenon of the falsification of World War II history based on the example of Western political discourse in 2023–2025: An integral historical-philosophical study. *History magazine – Researches*, 2025, (2): 80–91. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2025.2.73760>
- Ледовский А. М. На дипломатической работе в Китае в 1942–1952 гг. Как я стал дипломатом. *Новая и новейшая история*. 1993. № 6. С. 102–132. [Ledovskiy A. M. Diplomatic work in China in 1942–1952. How I became a diplomat. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 1993, (6): 102–132. (In Russ.)]
- Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб.: Алетейя, 2016. 446 с. [Nazemtseva E. N. *At the diplomatic level: Problems of the legal status of Russian emigrants in China in Soviet-Chinese relations (1920s–1940s)*. St. Petersburg: Aleteia, 2016, 446. (In Russ.)]
- Обухов В. Г. Потерянное Беловодье. История русского Синьцзяна. Усть-Каменогорск: Центрполиграф, 2012. 612 с. [Obukhov V. G. *The Lost Belovodye. The history of Russian Xinjiang*. Ust-Kamenogorsk: Tsentrpoligraf, 2012, 612. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpvphz>
- Обухов В. Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. 512 с. [Obukhov V. G. *The battle of the six empires. The fight for Xinjiang*. Moscow: Veche, 2007, 512. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpfao7>
- Поликарпов И. А. Образование непризнанной Восточно-Туркестанской Республики на северо-западе Китая в 1944–1949 гг. *Образование. Наука. Научные кадры*. 2021. № 4. С. 64–67. [Polikarpov I. A. Formation of unrecognized East Turkestan Republic in northwestern China in 1944–1949. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, 2021, (4): 64–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fjcnxk>
- Поликарпов И. А. Позиция Советского Союза в отношении национально-освободительного движения в Синьцзяне в 1944–1945 гг. *Известия Алтайского государственного университета*. 2010. № 4-2. С. 178–178. [Polikarpov I. V. Position of the Soviet Union according the national-liberation movement in the Sinkiang in 1944–1945. *Izvestiya of Altai State University*, 2010, (4-2): 172–178. (In Russ.)]
- Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М.: Наука, 1977. 368 с. [Sladkovskiy M. I. *History of trade and economic relations between the USSR and China (1917–1974)*. Moscow: Nauka, 1977, 368. (In Russ.)]

- Халид А. Центральная Азия: от века империй до наших дней. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 560 с. [Khalid A. *Central Asia: A new history from the Imperial Conquests to the Present*. Moscow: Alpina non-fiction, 2024, 560. (In Russ.)]
- Шеметова Т. А. О формах и методах советского руководства в поисках нормализации торгово-экономических и политических отношений с Синьцзяном в 1921–1923 гг. *Проблемы Дальнего Востока*. 2020. № 2. С. 165–174. [Shemetova T. A. On the forms and methods of the Soviet leadership in search of normalization of trade, economic and political relations with Xinjiang in 1921–1923. *Problemy Dalnego Vostoka*, 2020, (2): 165–174. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013128120009755-1>
- Шеметова Т. А. Российско-синьцзянские торгово-экономические и политические отношения в 1914–1922 гг. Барнаул: АлтГПУ, 2024. 306 с. [Shemetova T. A. *Russian-Xinjiang trade, economic, and political relations in 1914–1922*. Barnaul: ASPU, 2024, 306. (In Russ.)]
- Шматов В. Г. К вопросу о характере, видах и объемах советской помощи Китаю в период японской агрессии (1937–1942 гг.). *Известия Алтайского государственного университета*. 2014. № 4-1. С. 249–252. [Shmatov G. V. On the issue of the nature, forms and amount of Soviet aid to China during Japanese aggression (1937–1942). *Izvestiya of Altai State University*, 2014, (4-1): 249–252. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.1-41](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.1-41)
- Шматов В. Г. Роль Синьцзяна в осуществлении военно-экономической помощи Советского Союза Китаю в период японской агрессии (1937–1942 гг.). *Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития*: конф. (Барнаул, 27 апреля 2012 г.) Барнаул: Азбука, 2012. С. 120–122. [Shmatov V. G. The role of Xinjiang in Soviet military and economic assistance to China during the period of Japanese aggression (1937–1942). *Siberia and Central Asia: current issues of political and socio-cultural development*: Proc. Conf., Barnaul, 27 Apr 2012. Barnaul: Azbuka, 2012, 120–122. (In Russ.)]
- Benson L. Uyghur politicians of the 1940's: Mehmet Emin Buğra, Iso Yusuf Alptekin and Must Subaru. *Central Asian Survey*, 1991, 10(4): 87–104.
- Hasiotis A. *Soviet political, economic and military involvement in Sinkiang from 1928 to 1949*. New York: Garland, 1987, 257.
- Whiting A. S., Shih-ts'ai S. *Pawn or Pivot?* Michigan: Michigan State University Press, 1958, 314.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/indyhh>

Николай Эрастович Берзарин – первый советский комендант Берлина (к проблеме сохранения исторической памяти)

Евдокимова Татьяна Васильевна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия, Волгоград

eLibrary Author SPIN: 7464-3235

<https://orcid.org/0000-0003-0017-1363>

eva_tan@mail.ru

Аннотация: Рассматривается малоизученный вопрос в отечественной историографии о сохранении исторической памяти о первом советском коменданте Берлина и начальнике Берлинского гарнизона, генерал-полковнике, Герое Советского Союза Николае Эрастовиче Берзарине. Предметом исследования является проблема сохранения исторической памяти о нем в Германии и России. С помощью историко-генетического, историко-биографического метода и методов анализа и интерпретации исторического документа, с опорой на доступные архивные материалы, воспоминания, периодическую печать представлена трансформация исторической памяти о Н. Э. Берзарине (коллективная и социальная), на которую значительное влияние оказали смена идейно-ценностных ориентиров общества, проводимая государством политика, наличие выверенного научного исторического знания. При рассмотрении названной проблемы в Германии главное внимание уделяется истории появления имени генерал-полковника Н. Э. Берзарина в списке «Почетный гражданин Берлина» в 1975 г. и 1992 г., выявлению причин данного шага, предпринятого сенатом; роли общества. Сохранение памяти о Н. Э. Берзарине в СССР и России анализируется главным образом на примере сохранения мест памяти о нем. Выделяется Сталинград, где улица генерал-полковника Николая Берзарина появилась в 1956 г. раньше, чем в Москве и Санкт-Петербурге. Сделан вывод, что уровень сохранения памяти о Николае Эрастовиче Берзарине отражает состояние и запросы германского и российского обществ.

Ключевые слова: генерал-полковник Н. Э. Берзарин, советский комендант Берлина, сохранение исторической памяти, Почетный гражданин Берлина, улица Берзарина в Сталинграде

Цитирование: Евдокимова Т. В. Николай Эрастович Берзарин – первый советский комендант Берлина (к проблеме сохранения исторической памяти). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1075–1084. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1075-1084>

Поступила в редакцию 14.04.2025. Принята после рецензирования 16.06.2025. Принята в печать 16.06.2025.

full article

Nikolai E. Berzarin, the First Soviet Commandant of Berlin: Preserving Historical Memory

Tatyana V. Evdokimova

Volgograd State Social and Pedagogical University, Russia, Volgograd

eLibrary Author SPIN: 7464-3235

<https://orcid.org/0000-0003-0017-1363>

eva_tan@mail.ru

Abstract: Colonel General Nikolai E. Berzarin, Hero of the Soviet Union, was the first Soviet Commandant of Berlin and the Chief of Berlin Garrison (April – June 1945). Yet, his biography remains an understudied issue in the Russian

historiography. The author applied historical-genetic, historical-biographical, and historical interpretation methods to a wide range of archival documents, memoirs, and periodicals to reveal the transformations in the collective historical memory about Colonel General N. E. Bersarin in Russia and Germany. It mostly mirrored the changes in ideology, state policy, and availability of verified historical data. In Germany, his name entered the list of Honorary Citizens of Berlin in 1975 and 1992, due to the steps taken by the Senate and society. In Russia, a street of his name appeared in Stalingrad as early as in 1956, i.e., long before it appeared in Moscow and St. Petersburg. In general, the preservation of the memory about N. E. Bersarin reflects the social demands in German and Russia.

Keywords: Colonel-General Nikolai E. Bersarin, Soviet Commandant of Berlin, preservation of historical memory, Honorary Citizen of Berlin, Bersarin Street in Stalingrad

Citation: Evdokimova T. V. Nikolai E. Berzarin, the First Soviet Commandant of Berlin: Preserving Historical Memory. *SibScript*, 2025, 27(6): 1075–1084. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1075-1084>

Received 14 Apr 2025. Accepted after peer review 16 Jun 2025. Accepted for publication 16 Jun 2025.

Введение

Так как историческая память о Великой Отечественной войне стала неотъемлемой частью нашего национального самосознания, прошлое становится для нас чрезвычайно актуальным [Кикнадзе 2022; Сенявский, Сенявская 2009]. Обращение к ней способствует выявлению нашей современной самоидентификации, кто мы и откуда мы [Павлов 2015]. Большую роль в этом играет отбор имен героев войны, интерпретация их деятельности и выявление их значимости с точки зрения исторического познания и определения духовно значимого ориентира. Среди них особое место занимает генерал-полковник, герой Советского Союза Николай Эрастович Берзарин, который относится к той славной плеяде офицеров Красной Армии, которые умели воевать и миловать, быть безжалостными к врагу на поле сражения и проявлять гуманизм в отношении гражданского населения противника, оказавшегося после окончания войны в чрезвычайно сложных условиях выживания [Йенер 2024; Хубер 2024]. Интерес к Н. Э. Берзарину в российском обществе активизировался главным образом в последние пять лет. В 2021–2022 гг. функционировала фотодокументальная выставка «Последний подвиг генерала Н. Э. Берзарина», организованная при участии фонда «История Отечества» и фонда Президентских грантов¹. В апреле 2024 г. общеобразовательной школе при Посольстве РФ в Берлине было присвоено

имя Героя Советского Союза генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина².

Николай Эрастович Берзарин (1904–1945 гг.), выходец из пролетарской семьи, рано потерявший своих родителей, всю свою жизнь связал со службой в Красной Армии. Пройдя Гражданскую войну, служил в Сибири, в Хабаровске, на Дальнем Востоке. За храбрость и мужество, проявленные в боях у озера Хасан, был награжден японцами прозвищем *Уссурийский тигр* [Силаев 2011], под которым он и вошел в картотеку генерального штаба вермахта. Во время «чистки» рядов Красной Армии (служил под командованием В. К. Блюхера, И. Ф. Федько), согласно характеристикам, проявил «примеры притупления классовой бдительности и недооценки политаппарата», «защищал людей, впоследствии уволенных из РККА», был «недостаточно самокритичен» [Скоробогатов 2007: 92]. Спасли его тогда положительные характеристики командиров из разных воинских частей, где он до этого служил. Входил в четвертку командармов (из шестнадцати), прошедших Великую Отечественную войну, с 22 июня 1941 г. до 9 мая 1945 г. [Дайнес 2017] – командующий 27-й, 34-й, 39-й и 5-й ударной армиями РККА. Был тяжело ранен под Ржевом. Награжден многочисленными орденами и медалями за участие в Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской и Берлинской операциях. Герой Советского Союза. Командор ордена Почетного Легиона (09.05.1945)

¹ Последний подвиг генерала Н. Э. Берзарина. Образовательный проект. URL: <https://polk.press/ru/news/stranicy-istorii/obrazovatelnyj-proekt-poslednij-podvig-general-berzarina> (дата обращения: 15.03.2025).

² Германия – Памяти Николая Берзарина. *Московский комсомолец*. 09.05.2024. URL: <https://www.mknews.de/social/2024/05/09/germaniya-pamyati-nikolaya-berzarina.html> (дата обращения: 15.03.2025).

(Франция). Его 5-я ударная армия освобождала центр Берлина с главными правительственными зданиями Третьего рейха. 24 апреля, когда А. Гитлер еще сидел в бункере, Н. Э. Берзарин был назначен Г. К. Жуковым первым советским комендантом Берлина и командующим Берлинского военного гарнизона за «особо выдающиеся личные качества»³. Участвовал в подготовке и проведении церемонии подписания Акта о капитуляции Германии в Карлсхорсте. В его руки было передано Красное знамя, снятое с купола Рейхстага, для передачи в Москву. Погиб 16 июня 1945 г., согласно официальной версии, в результате автомобильной катастрофы⁴.

Эта краткая историческая справка о Н. Э. Берзарине составлена на основе работ, написанных его современниками, однополчанами, военными историками, которые описывали его жизненный и боевой путь как командира и человека. В научном плане в России обсуждаются проблемы, связанные с оккупационной политикой на территории Германии [Гужва 2015; Дубина 2015; Здравомыслов 2003; Филитов 1993], но пока без Н. Э. Берзарина. В российской историографии до сих пор наиболее значимой работой о нем остается книга В. Е. Скоробогатова [Скоробогатов 2007], капитана Красной Армии, 899-го стрелкового полка, 248-й стрелковой дивизии, 5-й ударной армии, участника взятия Берлина. Отечественных исследований о Н. Э. Берзарине на посту советского коменданта города Берлина, насколько позволило изучение этого вопроса автором, нет. Скорее всего, это связано с ограничением доступа к архивному делу Н. Э. Берзарина из-за обстоятельств гибели первого советского коменданта Берлина. В германской историографии этот вопрос активно изучался уже после объединения Германии [Jahn 1999; Nolte 2009; Staat 2002]. В центре внимания данной статьи находится не столько характеристика Н. Э. Берзарина как советского коменданта Берлина, сколько изучение вопроса о сохранении исторической памяти о Н. Э. Берзарине в Германии и России, эволюции данного процесса и выявлении факторов, повлиявших на изменение оценки его деятельности.

Методы и материалы

Поскольку до сих пор нет четкого определения понятия *историческая память*, т.к. оно обширно и вариативно [Репина 2016], автор статьи выделяет одну из трактовок понимания исторической памяти как совокупности элементов символического инструментария. То есть речь пойдет о местах памяти, организации выставок и других символах сохранения исторической памяти о Н. Э. Берзарине в Германии и России. Доступные архивные документы, материалы выставок, воспоминания современников, публикации периодической печати составляют источниковедческую основу работы. Принципы историзма и достоверности наряду с историко-генетическим, историко-биографическим методом и методом анализа исторического документа являются методологической основой исследования.

Результаты

Германия

Поскольку на завершающем этапе А. Гитлер вел «войну на уничтожение» не только своей армии [Ветте 2015], но и гражданского населения [Тимофеева 2011; Херберт 2024: 595–600], Германия находилась на грани национальной катастрофы [Мейнеке 2024; Штайнерт 2025]. Н. Э. Берзарин занимал пост коменданта Берлина с апреля по июнь 1945 г. За два неполных месяца он спас трехмиллионный Берлин от эпидемии, голода, создал немецкий магистрат, восстановил работу транспорта, электростанций, наладил водоснабжение, возобновил культурную жизнь в Германии⁵. Именно об этом берлинцы помнили всегда.

В апреле 1946 г. администрация района Берлин-Фридрихсхайн (Восточный Берлин) решила переименовать Кюстринер-плац (Küstriner Platz) в Берзаринплац (Bersarinplatz), а Браунен-вег (Braunen Weg) – в Берзаринштрассе (Bersarinstraße). Эта просьба была внесена в повестку дня заседания магистрата 29 апреля 1946 г., и после короткого совещания районному совету было рекомендовано выбрать для переименования Балтенплатц (Baltenplatz) и Петербургерштрассе

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 657.

⁴ Berliner Zeitung. 16.06.1945.

⁵ Архивные документы об освобождении от фашистов территории Германии. *Российское историческое общество*. 13.06.2019. URL: <https://historyrussia.org/arkhivnye-dokumenty-ob-osvobozhdenii-evropy-ot-fashistskikh-zakhvatnikov/arkhivnye-dokumenty-ob-osvobozhdenii-okkupirovannoj-fashistami-territorii-germanii.html> (дата обращения: 15.03.2025).

(Petersburger Straße) (Н. Э. Берзарин родился в Санкт-Петербурге).

В 1949 г., в день гибели Н. Э. Берзарина, 16 июня любители скачек, знавшие пристрастие Н. Э. Берзарина к лошадям, организовали скачки, которые посвятили памяти первого советского градоначальника, отметив его поддержку возрождения упряжных скачек в Берлине, проводившихся с 1884 г.

В ГДР ранняя смерть Н. Э. Берзарина вытеснила его из памяти многих жителей Восточного Берлина. На первый план все больше выходила деятельность других советских солдат и офицеров. Из года в год 8 мая отмечалось как День освобождения. Но ни в десятую, ни в пятнадцатую, ни даже в двадцатую годовщину освобождения заслуги Николая Берзарина не были официально отмечены и признаны. И только к 30-й годовщине Освобождения Н. Э. Берзарин был удостоен звания Почетного гражданина Берлина (ПГБ). История нахождения Н. Э. Берзарина в списке ПГБ уникальна: из ста двадцати двух личностей почетных граждан Берлина⁶ он единственный, кому это звание было присвоено дважды: в 1975 г. и 2003 г., после того, как в 1992 г. он был лишен этого звания.

Не вызывает вопросов причина решения, принятого в 1992 г., когда после объединения Берлина, Западного и Восточного, и двух Германий (ФРГ и ГДР) создавался единый список Почетных граждан Берлина с 1813 г. (до раздела Берлина и появления Западного Берлина) и Восточного Берлина 1949–1989 гг. В 1992 г. были лишены данного почетного звания 11 советских военачальников, в том числе и Н. Э. Берзарин. Примечательно, что в том же 1992 г. М. С. Горбачев согласился принять звание «Почетный гражданин Берлина» «за заслуги в объединении Германии», воспринимая данное звание «как символ огромных, беспрецедентных перемен, участниками которых мы являемся»⁷.

Эти 11 человек оказались в списке ПГБ в 1965 г. Власти Восточного Берлина к двадцатилетию Освобождения, отмечая высокие заслуги командиров Красной Армии в освобождении Германии, присвоили звание ПГБ советским военачальникам, в том

числе М. А. Егорову, М. В. Кантария, В. И. Чуйкову, И. С. Коневу, Г. К. Жукову, а также коменданту советского сектора Берлина Александру Георгиевичу Котикову. (Примечательно, что еще до этого, в 1962 г., звание ПГБ получил Люциус Клей, глава администрации американской зоны оккупации за заслуги в установлении «воздушного моста» в условиях первого Берлинского кризиса 1948–1949 гг.). Корреспондент Андрей Урбан в газете «Красная звезда» ошибочно написал, что магистрат Восточного Берлина включил в этот же список ПГБ и Н. Э. Берзарина⁸. Это было бы логично, но, как это ни странно, Н. Э. Берзарина среди них не было.

Генерал Н. Э. Берзарин был занесен в списки ПГБ позже, к 30-летию освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма. До этого, осенью 1968 г., одна из берлинских школ района Фридрихсхайн подала заявку на присвоение ей почетного имени «Школа Н. Э. Берзарина» после того, как во время посещения 128 московской школы учительница из Берлина встретила среди учеников внука Н. Э. Берзарина. Результатом сотрудничества стали обмен учащимися и организация выставки под названием «Берзарин – освободитель и друг» в мае 1970 г., к 25-летию освобождения Германии и к 25-летию со дня смерти первого советского коменданта. Были установлены тесные контакты с женой Н. Э. Берзарина Натальей и его дочерьми Ларисой и Ириной⁹. 7 октября 1969 г. пограничному отряду Национальной народной армии на берлинской Хауптштрассе 7 было присвоено имя «Казармы имени Николая Берзарина»¹⁰.

И все же возникает вопрос: почему именно в 1975 году? Просто юбилейная дата? Учитывая, что звание ПГБ присваивается только живым людям (им предоставлялся ряд льгот: выбор художника для портрета в галереях ПГБ, оплата захоронения и т.д.), предложение о внесении в список Н. Э. Берзарина, умершего в 1945 г., казалось неправомерным. (Хотя среди ПГБ имелись три исключения: художник Отто Нагель, художник и график Генрих Цилль, актриса Марлен Дитрих). В какой-то мере это объясняет, почему Н. Э. Берзарин

⁶ Почётный гражданин Берлина. Рувики: Интернет-энциклопедия. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Почётный_гражданин_Берлина (дата обращения: 15.03.2025).

⁷ Почетный гражданин Берлина Горбачев – в интервью «Независимой газете». 07.11.1992. URL: <http://www.yeltsinmedia.com/events/pov-7-1992/> (дата обращения: 15.03.2025).

⁸ Красная звезда. 13.02.2023.

⁹ Neues Deutschland. 02.10.1974.

¹⁰ Neues Deutschland. 28.09.1969.

не был избран в 1965 г. И все же более достоверной является точка зрения германского исследователя Лутца Присса, предположившего, не без основания, следующее: «Во времена Вальтера Ульбрихта, наверное, не было причин чествовать человека, который в первые дни после войны без идеологических заморочек поддерживал хорошие отношения не только с коммунистами, но и с представителями всех других демократических партий, а также с беспартийными из буржуазных кругов»¹¹ [Prieß 2002].

В 1985 г., к следующему юбилею Дня освобождения, мемориальная доска первому городскому коменданту Берлина генерал-полковнику Николаю Берзарину была открыта на улице Штрассе дер Бефрайунг, д. 1 в Лихтенберге. Окружной бургомистр Гюнтер Мильке подчеркнул, что имя Н. Э. Берзарина неразрывно связано с освобождением Берлина от гитлеровского фашизма и началом восстановления города¹².

Несмотря на созданные в Берлине мемориалы, посвященные Н. Э. Берзарину (почетные доски на здании районной управы Фридрихсхайна и на здании бывшей комендатуры в Лихтенберге), и присвоение школам и бригадам социалистического труда на предприятиях имени Н. Э. Берзарина, о Н. Э. Берзарине как о человеке было мало что известно. До конца существования ГДР Николая Берзарина чествовали, но о нем так и не написали биографию, не сняли фильм и не установили мемориал. В период воссоединения в 1989–1990 гг. и после воссоединения Германии школы, бригады, казармы отказались от имени Николая Берзарина.

В объединенном Берлине протесты против исключения Н. Э. Берзарина из списка почетных граждан поначалу носили ограниченный характер. Решение Сената Берлина 1992 г. об исключении Н. Э. Берзарина из ПГБ не получило одобрения парламентских фракций «Союз 90 / Зеленые» и ПДС. За первым шагом по устранению названия *Берзарин* из поля зрения общественности Берлина вскоре последовали попытки переименования Берзаринштрассе в Петербургерштрассе и Берзаринплац в Балтенплац. Благодаря протестам общественности и политическому большинству

в районном совете Берлина-Фридрихсхайна Берзаринплац сохранила свое название.

9 мая 1995 г. газета «Берлинер цайтунг» пригласила своих читателей на дискуссию о планируемом изменении названий в восточной части города. В жарких дебатах приняли участие более 500 человек. Сторонник переименования Берзаринплац Гюнтер Топфер (Берлин-Лихтенберг), член депутатской группы ХДС в берлинском парламенте, обвинил Н. Э. Берзарина в том, что он был ответственен за депортацию 47 тыс. латышей в 1940 г.¹³ и сожжение книг¹⁴. Эти утверждения были сделаны без обращения к историческим документам или экспертам. Более того, они даже не были опровергнуты. Документально подтвержденные доказательства о невиновности Н. Э. Берзарина были публично представлены на выставке 7 сентября 1999 г., организованной музеем «Берлин-Карлхорст» [Blank, Morré 2021; Jahn 1999]. Результаты выставки разделили берлинцев на сторонников и противников почетного гражданства Н. Э. Берзарина [Stadt 2002]. Впервые заинтересованные лица смогли ознакомиться с биографией, военной карьерой и деятельностью Николая Берзарина, используя новые документы из российских архивов и из семьи Берзариных.

Во время дебатов, длившихся более десяти лет, жители Берлина активно выступали на многочисленных форумах, в письмах и запросах к депутатам и политикам за восстановление Н. Э. Берзарина в списке ПГБ. В 2002 г. Общество «Берлинских друзей народов России» (Berliner Freunde der Völker Russlands) создало «Объединение Н. Э. Берзарина» (Interessengemeinschaft N. E. Bersarin), сокращенно «ИГ Берзарин»¹⁵. Члены «ИГ Берзарин» стали поддерживать тесные контакты с членами семьи Берзариных и ветеранами 5-й ударной армии в Москве.

Благодаря деятельности немецкой общественности и ученых, прежде всего работников Германов-советского музея «Берлин-Карлхорст», удалось доказать непричастность Н. Э. Берзарина к этим преступлениям [Присс 2004; Jahn 2000; Keiderling 2001].

13 июля 2000 г. Палата представителей Берлина предложила вернуть Н. Э. Берзарина в список ПГБ,

¹¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

¹² Neues Deutschland. 08.05.1985.

¹³ По службе Берзарин был переведен в Прибалтику с Дальнего Востока в мае 1941 г.

¹⁴ Правда. 2018. № 30; Tagesspiegel. 20.09.1999.

¹⁵ Interessengemeinschaft N. E. Bersarin. URL: https://gdrf.info/ig_basarin/ (accessed 15 Mar 2025).

а 11 февраля 2003 г. Сенат последовал данному решению¹⁶, считая, что деятельность Н. Э. Берзарина относилась к истории единого, а не разделенного Берлина. В начале 2020-х гг. была предпринята попытка возратить в список ПГБ Николая Масалова (1922–2001 гг.), спасшего немецкую девочку и ставшего прообразом советского солдата для Е. В. Вучетича при создании памятника в Трептов-парке¹⁷. Однако эта попытка оказалась безуспешной¹⁸.

В 2005 г. в округе Берлина Марцан-Хеллерсдорф появился мост Берзарина. С 2005 г. 16 июня у березки, которая была посажена на месте гибели Н. Э. Берзарина, ежегодно проводятся мероприятия с целью почтения памяти Николая Эрастовича. Есть предложения поставить ему памятник¹⁹. «Рабочая группа 8 мая» осуществляет связь с местами памяти Н. Э. Берзарина в России.

Главной причиной сохранения имени Н. Э. Берзарина в списке уважаемых берлинцев и в названии внутригородских объектов является наличие в современной Германии людей, сохраняющих историческую память о Красной Армии, пришедшей в Берлин не мстить, а освободить немецкий народ от фашизма. (Потери Красной Армии при освобождении Германии – 101961 человек²⁰).

СССР – Россия

Память о генерал-полковнике Н. Э. Берзарине в Советском Союзе сохранилась в названии улиц тех городов, с которыми была связана военная биография Н. Э. Берзарина, в Приморском крае, в Смоленской области, Новгородской области, в Украине, Молдавии. Не претендуя на анализ всех памятных мест, мы предлагаем выделить из всех городов СССР Сталинград, в котором Н. Э. Берзарин не жил и не воевал. Как показали материалы Государственного архива Волгоградской области,

в Сталинграде улица получила имя Генерала Николая Берзарина в феврале 1956 г., т. е. через 11 лет после его гибели²¹. Примечательно, что в Москве, где жила семья Н. Э. Берзарина, эта улица появилась в результате переименования 10-й улицы Октябрьского поля в 1968 г., и, как оказалось, название *улица Берзарина* не содержало его воинского звания, что побудило городские власти Москвы при проведении выставки в мае 2022 г. в здании администрации поднять вопрос о переименовании улицы. В Санкт-Петербурге, где родился Н. Э. Берзарин, сквер Берзарина появился только в 2020 г.²² по инициативе историка Владимира Дервенева.

Причин появления улицы генерала Берзарина в Сталинграде документально подтвержденных нет: приложения к протоколу заседания горисполкома о присвоении улице имени Берзарина отсутствуют. Возможны только версии.

Первая версия. Г. К. Жуков категорически запрещал ездить советским офицерам на мотоциклах, учитывая наличие в городе ополченцев «Вервольф», ведущих партизанскую войну против бойцов Красной Армии. То, что Н. Э. Берзарин игнорировал выполнение данного приказа, означало нарушение воинской дисциплины. После того, как Г. К. Жуков доложил И. В. Сталину о гибели Н. Э. Берзарина в результате аварии на мотоцикле, тот назвал Н. Э. Берзарина *генерал-хулиган*. Торжественно Н. Э. Берзарина похоронили на Новодевичьем кладбище и наложили гриф секретности на его личное дело. Обращает на себя внимание тот факт, что решение горсовета (13 февраля 1956 г.) было принято накануне XX съезда партии (14 февраля 1956 г.). Возможно, после смерти И. В. Сталина Н. Э. Берзарин в глазах Н. С. Хрущева стал просто мужественным генералом, без «хулигана»?

Вторая версия. В документах Государственного архива Волгоградской области имеется список

¹⁶ Nikolai Erastowitsch Bersarin. URL: <https://www.parlament-berlin.de/Das-Haus/Berliner-Ehrenbuerger/Nikolai-Erastowitsch-Bersarin> (accessed 15 Mar 2025).

¹⁷ Эхо Планеты. Май 2004.

¹⁸ РИА Новости. 03.05.2021; Zeitung vom Lëtzeburger Vollek. 8.05.2021.

¹⁹ В Германии хотят установить памятник первому советскому коменданту Берлина. *EurAsia Daily*. 19.06.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/06/19/v-germanii-hotyat-ustanovit-pamyatnik-pervomu-sovetskomu-komendantu-berlina> (дата обращения: 15.03.2025).

²⁰ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: Вече, 2010. С. 488. <https://elibrary.ru/qpptxv>

²¹ Приложение. Список присвоенных наименований улицам в новой застройке. *Государственный архив Волгоградской области*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1570. Л. 120–121, 123–124. Из решений исполкома Горсовета № 3/74 от 13.02.1956.

²² О присвоении наименований безымянным объектам зеленых насаждений Санкт-Петербурга. Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 1044 от 09.12.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7800202012150004?index=4> (дата обращения: 15.03.2025).

присутствующих на заседании. Возможно, среди них были те, кто вместе с Берзариным воевал в 5-ой ударной армии или был в составе СВАГ и в память о командире предложили назвать одну из улиц Сталинграда. Эта версия требует подтверждения в архивах, где содержатся списки лиц, служивших в комендатуре Берлина.

Версия третья. Н. Э. Берзарин не принимал прямого участия в Сталинградской битве, но в годы войны он служил вместе с одними из лучших защитников Сталинграда, Г. К. Жуковым и В. И. Чуйковым. С 1955 г. по 1957 г. Г. К. Жуков занимал пост министра обороны СССР, и, учитывая его высокую оценку Н. Э. Берзарина, возможно это была инициатива сверху. Небезынтересна связь Н. Э. Берзарина с В. И. Чуйковым. В источниках есть данные о том, что Г. К. Жуков выбирал между Н. Э. Берзариным и В. И. Чуйковым на пост коменданта Берлина и главы Берлинского гарнизона.

Но на своем боевом пути, еще до Сталинграда, Н. Э. Берзарин встретился на полях сражений, на Северо-Западном фронте, и с другим будущим участником Сталинградской битвы, генералом Вальтером фон Зейдлиц-Курцбахом. А. Гитлер возлагал на него надежды на прорыв 6-й армии Ф. Паулюса из «сталинградского котла», учитывая опыт В. Зейдлица на Демянском плацдарме. Примечательно и то, что В. Зейдлиц, сдавшийся в плен под Сталинградом, впоследствии вспоминал не Сталинград, а Демянск и своего «оппонента» Н. Э. Берзарина, считая, что Н. Э. Берзарин и люди берзаринской дивизии излучали мощь «электромагнитного поля» [Скоробогатов 2007: 329–330]. Н. Э. Берзарин «добивал» 6-ю реанимированную армию вермахта, называвшую себя «Мстители за Сталинград». (Не случайно в Кишиневе была улица Берзарина, правда, в 1991 г. переименованная). То есть все же существовала опосредованная связь Н. Э. Берзарина со Сталинградом и Сталинградской битвой. Примечательно и то, что улица В. И. Чуйкова, бывшего командующего 62-й армией, похороненного на Мамаевом кургане в 1982 г., появилась лишь в 1983 г. после его смерти в результате переименования улицы Краснопитерской (Решение

№ 2/41 от 21 января 1983)²⁵. Улица Жукова маршала (рп. Гумрак) в Волгограде появилась в 1995 г., а проспект им. Г. К. Жукова, маршала Советского Союза – в 1996 г., после принятия совместного постановления Волгоградской городской Думы и администрации Волгограда № 13/88/828 от 22 Октября 1996²⁴.

Версия четвертая. 1956 год – год активных контактов Советского Союза с Германией, учитывая, что в 1955 г. были установлены дипломатические отношения с Германской Федеративной республикой (ГФР)²⁵. В основном такие контакты развивались между ГДР и СССР. Обмен делегациями Москва – Берлин стал повседневностью. Н. Э. Берзарин, находясь на посту коменданта Берлина, контактировал с такими будущими политиками ГДР, как В. Ульбрихт, О. Гротеволь, Артур Пик [Боков 1985]. Но учитывая историю сохранения памяти о Н. Э. Берзарине в ГДР при В. Ульбрихте, данная версия вряд ли верна.

Версия пятая. Возможно, улицу называли так случайно. Город был разрушен. Только начал отстраиваться. Если посмотреть на список улиц, где указывалась и улица Генерала Берзарина, то складывается впечатление хаотичной застройки города. Наряду с государственными деятелями (А. Я. Вышинский), героями революции 1905–1907 гг. (лейтенант П. П. Шмидт), защитниками Сталинграда (Б. В. Шапошников, Михаил Паникаха, снайпер А. И. Чехов, Василий Зайцев и др.) в списке присутствовали имена деятелей культуры, отечественной и зарубежной (А. Барбюс, К. Брюллов, Ч. Дарвин, А. Мицкевич, А. К. Саврасов, А. Г. Венецианов, А. Дворжак, Я. Райнис и др.). Немецкая тематика найдет свое продолжение в 1957 г., когда в Сталинграде появится также улица Генриха Гейне²⁶, к столетию со дня его смерти²⁷. Статьи о Н. Э. Берзарине в «Сталинградской правде» отсутствуют.

Предложенные версии дискуссионны: участников событий того времени не осталось в живых. Пока «сталинградский след» в биографии Н. Э. Берзарина остается тайной. И все же, учитывая год принятия решения о присвоении улице Сталинграда имени Генерала Николая Берзарина, автор склонен считать, что инициатива по названию улицы исходила снизу.

²⁵ Чаадаева-Шурухина. Улицы Волгограда. URL: http://xn--80aqp2ad9a.xn--p1ai/streets_ch (дата обращения: 15.03.2025).

²⁴ Егорьевская-Журавлинская. Улицы Волгограда. URL: http://xn--80aqp2ad9a.xn--p1ai/streets_e (дата обращения: 15.03.2025).

²⁵ В то время Западная Германия называлась ГФР, а не ФРГ.

²⁶ Габышева-Гурьева. Улицы Волгограда. URL: http://xn--80aqp2ad9a.xn--p1ai/streets_g (дата обращения: 15.03.2025).

²⁷ Этому предшествовала статья о Г. Гейне в «Сталинградской правде» от 17.02.1956.

Заключение

Трактовка исторической памяти как совокупности элементов символического инструментария позволила нам провести сравнительный анализ сохранения исторической памяти о Н. Э. Берзарине в Германии и СССР / России на примере мест памяти о нем. В сложных исторических условиях Н. Э. Берзарин оказался проводником и реализатором идеи, напрямую связанной с народом Германии и советским народом: «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается»²⁸.

Эволюция исторической памяти о Николае Эрстовиче Берзарине в Германии, от раскола до настоящего времени, ясно демонстрирует, что изменение политических режимов не заставило немцев забыть о том человеке, который возродил город и спас человеческие жизни многомиллионного Берлина. И как это ни парадоксально, если руководство ГДР (Вальтер Ульбрихт), с которым тесно сотрудничал Н. Э. Берзарин, предпочло отодвинуть Н. Э. Берзарина на второй план, отставивая первостепенную роль германских коммунистов в антифашистской борьбе, то буржуазный (по меркам послевоенного времени) Сенат объединенного Берлина после длительных дискуссий, в которых принимали участие разные политические силы, общественные организации, сотрудники музея в Карлсхорсте, ученые (историки, политологи), сумели отстоять имя Н. Э. Берзарина. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что научная дискуссия с доказательной базой по вопросу *Берзарин – освободитель или оккупант?* проходила публично. Возвращение Н. Э. Берзарина в список Почетных граждан Берлина и последующие мероприятия по сохранению памяти о Н. Э. Берзарине свидетельствуют о влиянии общества и демократических сил Берлина на властные структуры города.

В Советском Союзе память о Н. Э. Берзарине сохранилась в основном в названиях улиц тех городов, с которыми был связан боевой путь генерала. Исключение составляет Сталинград, назвавший одним из первых одну из улиц города его именем.

Это одна из загадок, которых немало в биографии Н. Э. Берзарина. В России проводившиеся в последние годы мероприятия, посвященные памяти Н. Э. Берзарина, свидетельствуют о том, что они больше ориентированы на образовательную сферу и воспитательную работу с молодежью, чего явно недостаточно. Ограниченность источниковой базы, уход из жизни близких и соратников Н. Э. Берзарина могут служить в какой-то мере оправданием сложившейся ситуации. Однако история с Н. Э. Берзариным поднимает актуальный для настоящего времени вопрос о необходимости изучения освободительной миссии Красной Армии во Второй мировой войне.

С начала 1990-х гг. вплоть до настоящего времени памятные места, связанные с Н. Э. Берзариным, стали местами битвы за сохранение исторической памяти о роли Красной Армии в освобождении стран Европы от нацизма. В современной ситуации совершенно знаковыми стали события 2018 г., когда в польском городе Гужеве решили почтить память жертв Волынской резни, совершенной в результате преступной деятельности украинских националистов. Только эта доска была вмурована в камень, где ранее размещалась мемориальная доска в честь генерала-полковника Н. Э. Берзарина²⁹.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор выражает благодарность за помощь в подборе литературы при написании статьи Бригитте Гроссманн, Эльке Шерстяной, Лутцу Приссу.

Acknowledgments: The author expresses her deepest gratitude to Brigitte Grossmann, Elka Sherstyana, and Lutz Prieß for the help with historical sources.

²⁸ Сталин И. В. Приказ Народного комиссара обороны СССР № 55 от 23.02.1942, г. Москва. Горький: Горьковское обл. изд-во, 1942.

²⁹ Baltnews. 17.02.2018.

Литература / References

- Боков Ф. Е. Весна победы. 2-е изд. М.: Мысль, 1985. 416 с. [Bokov F. E. *The Spring of Victory*. 2nd ed. Moscow: Mysl, 1985, 416. (In Russ.)]
- Ветте В. Война до самого конца. Германский вермахт 1945 г. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2015. № 3. С. 198–202. [Wette W. War till the very end. German Wehrmacht of the year 1945. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (3): 198–202. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tscsd>
- Гужва Д. Г. Иллюзорные надежды: взаимоотношения немецкого населения и американских оккупационных войск в 1945 году. *Военно-исторический журнал*. 2015. № 12. С. 34–36. [Guzhva D. G. Illusory hopes: Relationship of the German population and American occupation forces in 1945. *Voenno-Istoricheskii Zhurnal*, 2015, (12): 34–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhddgt>
- Дайнес В. О. Командармы 1941 года. Доблесть и трагедия. М.: Вече, 2017. 432 с. [Daines V. O. *Commanders of 1941. Valor and tragedy*. Moscow: Veche, 2017, 432. (In Russ.)]
- Дубина В. С. Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны: память, дискурс, орудие политики. *Перспективы. Электронный журнал*. 2015. № 2. С. 62–73. [Dubina V. S. Sexual violence in during World War II: Memory, discourse, political instrumentalization. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, 2015, (2): 62–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txisnn>
- Здравомыслов А. Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии. М.: РОССПЭН, 2003. 543 с. [Zdravomyslov A. G. *Germans about Russians on the threshold of the new millennium. Conversations in Germany*. Moscow: ROSSPEN, 2003, 543. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qosegb>
- Йенер Г. Волчье время. Германия и немцы. 1945–1955. М.: Эксмо, 2024. 480 с. [Jenner H. *The time of wolves. Germany and the Germans. 1945–1955*. Moscow: Eksmo, 2024, 480. (In Russ.)]
- Кикнадзе В. Г. Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет России. М.: Вече, 2022. 320 с. [Kiknadze V. G. *Strength in truth. Protecting historical memory as a strategic national priority of Russia*. Moscow: Veche, 2022, 320. (In Russ.)]
- Мейнеке Ф. Немецкая катастрофа. Размышления и воспоминания. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2024. 288 с. [Meinecke F. *The German catastrophe. Reflections and recollections*. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha, 2024, 288. (In Russ.)]
- Павлов Н. В. Война в исторической памяти народов: 8 мая глазами немцев. *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 2. С. 65–76. [Pavlov N. V. The war in the historical memory of nations. *Bulletin of MGIMO-Universiteta*, 2015, (2): 65–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tvrgzb>
- Присс Л. Николай Э. Берзарин. Берлинские диспуты. Симпатии объединяются на его стороне. М.: Огни, 2004. 52 с. [Prieß L. Nikolay E. Berzarin. *Berlin disputes. Sympathies are his*. Moscow: Ogn, 2004, 52. (In Russ.)]
- Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования. *Диалог со временем*. 2016. № 54. С. 9–15. [Repina L. P. Historical memory and national identity: Approaches and research methods. *Dialog so Vremenem*, 2016, (54): 9–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvnlmv>
- Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики. *Вестник МГИМО-Университета*. 2009. № S4. С. 299–310. [Senyavskiy A. S., Senyavskaya E. S. The Second World War and historical memory: The image of the past in the context of modern geopolitics. *Bulletin of MGIMO-Universiteta*, 2009, (S4): 299–310. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuylvx>
- Силаев А. Д. «Уссурийский тигр» – комендант Берлина. *Военно-исторический журнал*. 2011. № 7. С. 29–32. [Silaev A. D. Ussuri Tiger, Commandant of Berlin. *Voenno-Istoricheskii Zhurnal*, 2011, (7): 29–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nydeqt>
- Скоробогатов В. Е. Генерал Берзарин. Первый комендант Берлина. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 384 с. [Skorobogatov V. E. *General Berzarin. The first Commandant of Berlin*. Moscow: Iauza; Eksmo, 2007, 384. (In Russ.)]
- Тимофеева Т. Ю. Мы жили обычной жизнью? Семья в Берлине в 30–40-е гг. XX в. М.: РОССПЭН, 2011. 182 с. [Timofeeva T. Yu. *Did we live an ordinary life? Family in Berlin in the 1930s–1940s*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qptvtj>

- Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М.: Междунар. отношения, 1993. 240 с. [Filitov A. M. *The German question: From split to unification. A new reading*. Moscow: Mehdunar. otnosheniia, 1993, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rpqkin>
- Херберт У. История Германии в XX веке. М.: НЛО, 2024. Т. I. 616 с. [Herbert U. *A history of twentieth-century Germany*. Moscow: NLO, 2024, vol. I, 616. (In Russ.)]
- Хубер Ф. За дверью поджидают призраки. Драма семьи в послевоенной Германии. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2024. 288 с. [Huber F. *Ghosts are waiting behind the door. Family drama in post-war Germany*. Moscow: KoLibri; Azbuka-Attikus, 2024, 288. (In Russ.)]
- Штайнерт М. Капитуляция Германии. Крах режима гроссадмирала Дёница. 1945. М.: Центрполиграф, 2025. 351 с. [Steinert M. *The capitulation of Germany. The collapse of Grand Admiral Dönitz's regime. 1945*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2025, 351. (In Russ.)]
- Blank M., Morré J. *Erster Stadtkommandant von Berlin: Generaloberst Nikolaj Bersarin*. Berlin: Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst, 2021, 48.
- Jahn P. *Bersarin Nikolaj: Generaloberst Stadtkommandant (Berlin)*. Berlin: Elefanten Press, 1999, 127.
- Jahn P. Der weiße Rabe unter den Kommunisten? Stadtkommandant Nikolaj E. Bersarin (1904–1945). *Berlinische Monatsschrift Heft*, 2000, 12: 100–106. URL: <https://berlingeschichte.de/bms/bmstxt00/0012pora.htm> (accessed 18 Mar 2025).
- Keiderling G. Klarheit über Berlins ersten Stadtkommandanten von 1945. Review: Bersarin, Nikolaj. Generaloberst – Berliner Stadtkommandant, Hrsg. Jahn P. Berlin: Elefanten Press, 1999, 128 S., 240 Abb. und Dokumente. 2001. URL: https://berlingeschichte.de/lesezei/blz99_11/text52.htm (accessed 18 Mar 2025).
- Nolte H.-H. Vergewaltigungen durch Deutsche im Russlandfeldzug. *Zeitschrift für Weltgeschichte*, 2009, 10(1): 113–133.
- Prieß L. Nikolaj E. Bersarin – Ehrenbürger von Berlin. Berlin, 2002, 33.
- Staat J. Nikolai Bersarin – Zeitgeschichte und Legendenbildung. *Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat*, 2002, 12(12): 3–28.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/dtrvyg>

Два капитана: Б. Г. Лиддел Гард и М. Ховард и изучение Второй мировой войны в исторической науке Великобритании

Миронов Виктор Владимирович

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Россия, Омск

eLibrary Author SPIN: 6193-5762

<https://orcid.org/0000-0001-9341-8753>

Scopus Author ID: 57218993856

vvm_512@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению истории Второй мировой войны в творчестве двух английских историков XX в.: Бэзила Генри Лиддел Гарта и Майкла Ховарда. Цель работы – выявить и проанализировать специфику изучения военной истории в Соединенном Королевстве. Новизна состоит в сравнительной характеристике концепций двух ведущих историков в данной сфере. В работе выявлены особенности становления и развития военно-исторических исследований в Соединенном Королевстве. Показана роль Королевского колледжа Лондона как институциональной площадки развития военных исследований. Проанализирован вклад Б. Г. Лиддел Гарта в формировании стратегических исследований. Выявлены истоки и ключевые составляющие стратегической концепции ученого. Центральной идеей оценки войны для него выступала стратегия не прямых действий. При этом стратегический анализ смещался от оценки большой морской стратегии Великобритании 1930-х гг. к оценке роли механизированных корпусов в период работы над историей Второй мировой войны в 1950–1970-е гг. Концепция Б. Г. Лиддел Гарта подверглась критике со стороны М. Ховарда. Историк принимал участие в официальном издании истории Второй мировой войны и считал, что стратегический подход Б. Г. Лиддел Гарта не учитывает исторический контекст, на котором строилась концептуальная основа изучения Второй мировой войны М. Ховардом. Центральные выводы работы определяются тем, что разница в подходах к написанию истории Второй мировой войны у двух ученых свидетельствует не только об индивидуальных различиях во взглядах, но и отражает особенности институциональной организации военно-исторического знания, процесс смены поколений в британской исторической науке, эволюцию разных теоретико-методологических подходов, существенную роль в формировании которых играло изучение Второй мировой войны.

Ключевые слова: история Второй мировой войны, стратегические исследования, Бэзил Генри Лиддел Гарт, Майкл Ховард

Цитирование: Миронов В. В. Два капитана: Б. Г. Лиддел Гард и М. Ховард и изучение Второй мировой войны в исторической науке Великобритании. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1085–1094. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1085-1094>

Поступила в редакцию 15.04.2025. Принята после рецензирования 04.07.2025. Принята в печать 07.07.2025.

full article

Two Captains of British Historical Science: Basil Henry Liddell Hart and Michael Howard in World War II Studies

Victor V. Mironov

Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

eLibrary Author SPIN: 6193-5762

<https://orcid.org/0000-0001-9341-8753>

Scopus Author ID: 57218993856

vvm_512@rambler.ru

Abstract: The article describes the United Kingdom in World War II as contemplated by Basil Henry Liddell Hart and Michael Howard. These two British historians developed two different approaches to military history. Both were connected with King's College London, which served as an institutional platform for British military studies. B. H. Liddell Hart relied on the strategy of indirect approach in his assessment of WWII. His strategic analysis shifted from the grand naval strategy to mechanized warfare. M. Howard criticized B. H. Liddell Hart's strategic approach for leaving out the historical context. His own conceptual basis for WWII was entirely contextual. These two approaches to WWII studies are much more than individual views: they reflect the intergenerational differences in the institutional organization of military-historical knowledge and the evolution of various WWII-related theoretical and methodological approaches.

Keywords: history of World War II, strategic studies, Basil Henry Liddell Hart, Michael Howard

Citation: Mironov V. V. Two Captains of British Historical Science: Basil Henry Liddell Hart and Michael Howard in World War II Studies. *SibScript*, 2025, 27(6): 1085–1094. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1085-1094>

Received 15 Apr 2025. Accepted after peer review 4 Jul 2025. Accepted for publication 7 Jul 2025.

Введение

Вопрос о том, кто и как пишет историю войны, всегда вызывает много споров и комментариев. Историописание войны – относительно автономный жанр исторических исследований. Это связано как с объективными сложностями изложения подобных тем (например, трудностями доступа к специфическим историческим источникам), так и с субъективным отражением вооруженных конфликтов в историческом сознании отдельных социальных групп, исторической памятью общества о войне в целом, заинтересованностью государства в определенном видении военных сюжетов и другими вопросами. Изучение Второй мировой войны выступает классическим примером, а не исключением из правил [Торкунов 2020]. До сих пор в изучении этой войны появляются новые аспекты: ее интерпретируют как часть международной гражданской войны [Eckel 2023], анализируют национальные последствия войны в сравнительном аспекте [Jackson 2023], исследуют проблемы холокоста [Tarabini, Fracapane 2022] и позиции нейтральных стран [Bragança, Tame 2024]. Как и любой раздел исторического знания, история

войны обладает определенной предметной спецификой и своеобразием. Далеко не каждый ученый возьмется за указанные темы.

Не случайно, что развитие военно-исторических исследований в XX в. пошло по пути специализации. В Советском Союзе в 1966 г. был создан Институт военной истории, подчинявшийся Главному политическому управлению СА и ВМФ СССР. Приказ о его создании был подписан начальником Генерального штаба М. В. Захаровым, а историки, работавшие в институте, были офицерами советской армии [Басик 2021]. Некоторые факторы и проблемы изучения истории Второй мировой войны в британской исторической науке можно показать на примере анализа творческого наследия двух известных историков: Бэзила Генри Лидделл Гарта (1895–1970 гг.) и Майкла Ховарда (1922–2019 гг.).

Акцент на творчестве именно данных людей был обусловлен возможностью сопоставления их научного наследия в области изучения военной истории. Они оба – состоявшиеся профессиональные историки. Оба имели непосредственный опыт участия

в боевых действиях. Б. Г. Лиддел Гард – ветеран Первой мировой войны, участник битвы при Сомме, один из создателей центра военных исследований в Королевском колледже Лондона. До момента посвящения в рыцари-бакалавры в 1966 г. подписывал свои работы как капитан Б. Г. Лиддел Гарт, что содержало определенный вызов корпоративной культуре военных того времени: младший офицер не вправе делиться стратегическими размышлениями о войне. М. Ховард – ветеран Второй мировой войны. Участвовал в боевых действиях в Италии и Северной Африке, имел ранения, также дослужился до капитана. Одна из его последних книг так и называлась – «Капитан профессор» [Howard 2006]. Оба историка интересовались стратегическим анализом и внесли существенный вклад в формирование стратегических центров в Великобритании.

Цель статьи – выявить и проанализировать специфику изучения военной истории в Соединенном Королевстве. Новизна состоит в сравнительной характеристике концепций двух ведущих историков в данной сфере. Актуальность подобной работы обусловлена тем, что опыт зарубежных военно-исторических исследований также представляет несомненный научный интерес с историографической, конкретно-исторической и организационной точек зрения. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на двух задачах – формировании институциональной структуры военных исследований в Великобритании и разнице в концептуальных подходах к написанию истории Второй мировой войны данными историками.

Методы и материалы

Источниками работы послужили опубликованные работы указанных авторов и два тома из официального издания «Истории Второй мировой войны», написанные М. Ховардом. Часть работ исследователей была переведена на русский язык. М. Ховард известен российскому читателю по книге «Франко-прусская война», Б. Г. Лиддел Гарт – несколькими работами по стратегии, истории Первой и Второй мировых войн, биографиями известных деятелей прошлого [Лиддел Гарт 1935; 1939; 2012; 2017]. Они были лично знакомы друг с другом. Более того, Б. Г. Лиддел Гарт содействовал карьере М. Ховарда, пригласив его в Кинг'з колледж на должность преподавателя кафедры военных исследований, где впоследствии М. Ховард стал заведующим. Правда, нельзя не сказать и о том, что М. Ховард оказался

не совсем «благодарным» ученым. Его версия истории Второй мировой оспаривала постулаты «большой стратегии» Б. Г. Лиддел Гарта, а в последних работах даже коллеги по кафедре обвинили М. Ховарда в осознанном занижении роли Б. Г. Лиддел Гарта в становлении военных исследований в Великобритании [Morgan-Owen, Finch 2022]. В целом данные факторы позволяют говорить о возможности сопоставления и анализа творческого наследия двух историков.

Методологической основой сопоставления концепций служил ряд тезисов интеллектуальной истории. Как специфический взгляд на изучение исторического прошлого интеллектуальная история имеет уже сформировавшуюся собственную традицию. Считается, что одной из первых значимых работ для интеллектуальной истории стала книга американского философа Артура Онкена Лавджоя, вышедшая еще в 1936 г. [Лавджой 2001]. В немецкой исторической науке близкие идеи высказывались школой истории понятий (Йоахим Риттер, Райнхарт Козеллек и Рольф Рейнхардт) в 1950–1970-е гг. В контексте данного исследования оправданным представлялось применение отдельных идей и практик, разработанных внутри Кембриджской школы интеллектуальной истории. При этом необходимо учитывать, что понятие *Кембриджская школа* является собирательным [Кадыров 2018]. Среди представителей сообщества для цели исследования представлялись небезынтересными идеи Ричарда Уотмора [Уотмор 2023]. В частности, Р. Уотмор интересен тем, что в отличие от создателей Кембриджской школы – Джона Покока, Джона Данна и Квентина Скиннера – он опирался не столько на философию языка Д. Остина (терминологию анализа дискурса в тот период в работах школы еще не применяли) в реконструкции истории понятий, сколько на идеи философии истории Р. Дж. Коллингвуда [Там же: 19–20]. Последний считал, что история идей и концепций должна описываться через вполне определенные исторические проблемы и ситуации [Коллингвуд 1980: 12–14]. А для того, чтобы представить магистральную (общую) логику развития науки, необходимо познакомиться с широким спектром идей и концептов, которые не всегда отражаются в достижениях тех ученых, по работам которых судят о развитии науки. Такой подход позволяет осуществить ретроспективный анализ и сравнение практик историописания. Концептуальный анализ работ исследователей осуществлялся сравнительным и историко-генетическим методами.

Результаты

Королевский колледж Лондона и формирование военных исследований в Соединенном Королевстве

Формирование военно-исторических исследований (*War studies*) в Великобритании было связано с Королевским колледжем Лондона, хотя британские историки сегодня подчеркивают объективные предпосылки для появления данного раздела исторического знания [Morgan-Owen, Finch 2022]. Первые попытки поставить изучение истории войны на научную основу были предприняты еще в XIX в. В 1848 г. был создан Департамент (институт) военных наук при Кинг'з колледже для комплексной подготовки офицеров армии. Причиной создания института послужила реакция на европейские революции 1848–1850 гг. Помимо собственно военных дисциплин студенты изучали иностранные языки, историю, Библию, математику и философию [War Studies at 60... 2021: 8–10]. Речь шла о специализированном университетском (общем) образовании, которое давали гражданские преподаватели будущим офицерам. Однако, институт не просуществовал долго и был закрыт в 1859 г. Вероятные причины закрытия состояли в необходимости дополнительных вложений в учебную программу, в отсутствии специальной библиотеки и главное – в низком количестве студентов, желающих приобрести военно-историческое образование.

Новая попытка укоренить военную историю при подготовке историков была предпринята в конце XIX в. В 1893 г. Джон Нокс Лоутон был назначен профессором современной истории Королевского колледжа и сумел убедить Адмиралтейство разрешить ограниченный доступ историков к военным архивам. Первоначально это была своего рода архивная практика. В дальнейшем он стал соучредителем Общества военно-морского учета. Незадолго до смерти Дж. Н. Лоутона в 1915 г. преподавание военной истории было возобновлено в 1913–1914 гг. как курс в общей программе для бакалавриата. Разумеется, что начавшаяся Первая мировая война стимулировала интерес к подобного рода проектам.

Нет необходимости много говорить о том, что именно Первая мировая война стала импульсом к развитию не только изучения войны, но и для дисциплинарного становления международных отношений как науки и учебной дисциплины. Именно историки в Великобритании стремились разобраться

в причинах глобальной трагедии и сохранить опыт по урегулированию международных проблем по ее окончании. По инициативе участников британской делегации на Парижской конференции, среди которых был и А. Тойнби, был создан Королевский институт международных отношений (Чатам Хаус). В 1919 г. появился центр имени В. Вильсона в Уэльсе. В 1927 г. была создана кафедра в Лондонской школе экономики и политических наук. Еще позднее, в 1930 г., открылась кафедра международных отношений в Оксфорде. В 1927 г. и при Лондонском университете помимо учебного курса был создан центр (кафедра) военных исследований. Но говорить об общем укоренении военной истории в структуре изучения международных отношений или исторического образования в Соединенном Королевстве, как и о становлении военных исследований как самостоятельного раздела исторической науки в межвоенные годы, было бы неправомерным. Первые кафедры по международным отношениям финансировались за счет пожертвований частных лиц, а колледж Лондонского университета не предлагал стандарт для иных вузов страны. Кроме того, попытки институционализации военно-исторического и международного знания были прерваны Второй мировой войной.

После ее окончания кафедра (центр) военных была упразднена в 1948 г., хотя предмет продолжал преподаваться на кафедре средневековой и современной истории. В 1953 г. ряд влиятельных историков, среди которых были Бэзил Лиддел Гарт, Чарльз Уэбстер, сэр Кейт Хэнкок, барон Лайонел Роббинс, опасались, что опыт изучения Первой мировой войны будет утрачен совсем. Они хотели, чтобы разрозненные попытки изучения конфликтов были дополнены и поставлены на постоянную основу за счет включения проблем анализа иных войн, и выступили за создание автономного центра по изучению военной истории. Для этого было необходимо расширить учебные курсы за счет включения проблематики Второй мировой войны. Поэтому Б. Г. Лиддел Гарт предложил М. Ховарду участвовать в конкурсе на должность преподавателя по военной истории. Видимо, главными факторами предложения Б. Г. Лиддел Гарта были личный опыт участия в боевых действиях, преподавательский стаж, работа в колледже и книга, посвященная истории полка, в котором служил М. Ховард. Сам Майкл Ховард

неоднократно называл это впоследствии счастливым совпадением¹.

На уровне индивидуальной судьбы ученого, возможно, ситуация так и воспринималась. Необходимо пояснить, что М. Ховард закончил Веллингтонский колледж в Беркшире, выиграл стипендию для поступления в Оксфорд для продолжения обучения в магистратуре по новой истории, но, как и другие его однокурсники, был мобилизован в армию, получил чин лейтенанта и быстро оказался на фронте. В 1946 г. он вернулся в Оксфорд, т. к. курс обучения истории в военное время был существенно сокращен. Но итогом завершения обучения в исторической магистратуре после фронта оказался диплом второй степени, что создавало сложности для написания диссертации и построения научной карьеры в этом престижном университете Великобритании. В 1947 г. М. Ховард начал работать ассистентом в Королевском колледже Лондона, где читал курс общей истории. Тогда и появилась работа по истории полка Колдстрим [Howard, Sparrow 1951]. Работа представляла собой симбиоз воспоминаний и того, что сегодня называется *локальная история*. Впрочем, история войны часто и писалась в то время как история участия отдельных подразделений в битвах.

Приглашение в центр военных исследований стимулировало научную работу М. Ховарда. Он пишет историю Франко-прусской войны – книгу, которая увидела свет в 1961 г. В 1963 г. М. Ховард становится профессором в Королевском колледже и восстанавливает кафедру военных исследований, чтобы можно было начать работу с аспирантами. В дальнейшем кафедра была расширена до факультета военных исследований. М. Ховард привлек к работе аспирантов и ученых из других стран и колледжей Соединенного Королевства². Таким образом, у истоков создания центра специализированных военно-исторических исследований в стране оказался вполне определенный университет. К моменту, когда историческая наука в стране стала профессионально интересоваться военными сюжетами, традиция изучения войны в Кинг'з колледже насчитывала, хотя и с перерывами, несколько десятилетий. В сравнении с классическими (старыми) университетами после Второй мировой войны Кинг'з колледж Лондона

нашел собственную нишу в образовательном пространстве страны и мог позволить себе такие смелые по меркам консервативной системы образования в Великобритании эксперименты. При этом круг специалистов по военной истории оставался ограниченным, но уже тогда внутри этого небольшого сообщества формировались разные концептуальные подходы к изучению Второй мировой войны. У Б. Г. Лиддел Гарта и у М. Ховарда было собственное видение ее изложения.

Стратегический анализ Б. Г. Лиддел Гарта и концептуализация Второй мировой войны М. Ховарда

Для Б. Г. Лиддел Гарта общей основой изучения войны выступал анализ ее стратегии. Сегодня этот термин трактуется не столько в военном значении как некий антоним к тактике ведения войны, сколько связан с долгосрочным определением линии поведения государства в международных делах. Как следствие, стратегия определяется геополитическим положением страны, ее экономическими возможностями, системой международных договоров и другими факторами. Немалая заслуга в такой трактовке принадлежит историкам 1930–1960-х гг. Б. Г. Лиддел Гарт был в их числе. Он как раз понимал военную стратегию далеко не в стиле К. фон Клаузевица как «продолжение политики, но иными средствами и методами», но как совокупность факторов, помогающих государству одержать победу. Ученый использовал термин *большая стратегия*, весьма распространенный среди британских историков еще в 1930-е гг. В английском полевом уставе 1935 г. говорилось, что большая стратегия есть «искусство наиболее действенного применения всей мощи государства. Она включает применение дипломатии, экономическое давление, заключение выгодных договоров с союзниками, мобилизацию национальной промышленности и распределение наличных людских ресурсов, так же как и использование всех трех видов вооруженных сил (армии, авиации и флота – прим. автора) для их совместных действий» [Говард 1980: 134–144]. Согласно взглядам английских военных теоретиков, большая стратегия практически совпадает с военной политикой, но в отличие от последней

¹ Professor Sir Michael Howard. Interview with the Institute of Historical Research, London, 5 Jun 2008. URL: https://archives.history.ac.uk/makinghistory/resources/interviews/Howard_Michael.html (accessed 7 May 2024).

² Roberts A. Sir Michael Howard obituary. *The Guardian*, 1 Dec 2019. URL: <https://www.theguardian.com/books/2019/dec/01/sir-michael-howard-obituary> (accessed 7 Apr 2024).

выражает «политику в действии». Иначе говоря, для Б. Г. Лиддел Гарта именно реализация большой стратегии представляла ключ к пониманию ведения войны. Анализ истории войны через стратегические доктрины и их применение позволяет оценивать ход и результаты боевых действий автономно от истории внешней политики государства. Этот теоретико-методологический подход Б. Г. Лиддел Гарт стал развивать в дальнейшем. Таким образом, анализ большой стратегии, т.е. доктрин и их военно-политического воплощения, выступал основой изучения и оценки войны.

Собственный вклад Б. Г. Лиддел Гарта в стратегические исследования состоял в разработке так называемой стратегии не прямых действий. В предисловии к своей книге 1954 г. он писал: «Широко распространенное мнение о том, что атомное оружие упразднило стратегию, является необоснованным и дезориентирующим... атомное оружие стимулирует и ускоряет использование не прямых действий, являющихся сущностью стратегии, так как в этом случае война ведется разумно, в отличие от грубого применения силы. Признаки такого возвращения к применению не прямых действий уже выявились в ходе Второй мировой войны» [Лиддел Гарт 2018: 14]. История предоставляла исследователю богатейший материал для выявления стратегии. При этом как часть военной политики государства стратегия не прямых действий могла приобретать различные формы на разных этапах исторического развития общества.

Для Великобритании истоки стратегического определения своих внешнеполитических приоритетов были связаны с концепцией баланса сил. Нарушение политического равновесия между европейскими странами в новое время рассматривалось как предпосылка для применения собственной национальной военной силы [Лиддел Гарт 2018: 500]. Правда, виги и тори в XIX в. часто расходились в оценке того, что считать нарушением политического равновесия. Однако, прогресс в развитии вооружений, изменения в конфигурации ведущих держав, сложности в оценке политического равновесия, как и нарушения европейского баланса, стали стимулами для поисков Великобританией новых форм стратегии не прямых действий в начале XX в., по мнению исследователя.

Для эпохи, в которой Б. Г. Лиддел Гарт формировался как ученый, центральной составляющей большой стратегии считалась модель морской

безопасности [Лиддел Гарт 2018: 501–502]. Особая роль моря в формировании стратегических представлений Великобритании – довольно известный сюжет [Levy 2024]. Великобритания имела прозвище владычицы морей, и именно морское могущество обеспечивало неразрывность имперского пространства, связь метрополии с колониями, контроль над международными логистическими маршрутами. Истоки представлений о морской безопасности в исторической науке Соединенного Королевства уходят не к творчеству Б. Г. Лиддел Гарта, а к взглядам друга Дж. Н. Лоутона – Джулиана Корбетта [Корбетт 2003]. Именно Д. Корбетт имплементировал идею морской стратегии как движущей силы военной истории Великобритании в представления историков рубежа XIX–XX вв. Будучи преподавателем военно-морского колледжа, он изучал документы от англо-испанского противостояния 1585–1587 гг. до Первой мировой войны. На этой основе он сформулировал ряд идей, напоминавших ключевые постулаты, которые в США озвучивал в это время адмирал А. Мэхен.

Б. Г. Лиддел Гарт был далек от геополитических представлений в стиле адмирала А. Мэхена. Уязвимое место модели морской безопасности – Ла-Манш. Здесь сложные течения, климат, туманы. В совокупности эти факторы не давали гарантии того, что Британские острова будут защищены. Отсюда – и геополитические стремления военных к тому, чтобы северо-западное побережье Европы не оказалось под властью одной могущественной державы. Тогда представление о морской безопасности как основании всей военной политики Великобритании уходит своими корнями не к концепции В. Питта младшего, а к политике Тюдоров и Стюартов. В этом качестве морская стратегия предшествовала появлению концепции не прямых действий и даже доктрины политического равновесия. Итак, концепция морской безопасности как основа стратегии не прямых действий не выступала личной заслугой Б. Г. Лиддел Гарта. Его вклад в развитие этой концепции состоял в том, что он связал морскую безопасность со стратегией не прямых действий в истории. Опыт Первой мировой войны убедил его в правомерности морской стратегии как центрального компонента военной политики государства. В дальнейшем он активно развивал эти идеи в 1930–1940-е гг. и настаивал, насколько это мог делать ученый, на необходимости для Великобритании придерживаться подобного подхода в период Второй мировой войны.

Уязвимость представлений о морской безопасности Великобритании была подорвана становлением стратегической (бомбардировочной) авиации, развитием подводного флота, появлением новых видов сухопутных вооружений и, как следствие, изменением методов ведения войны. Эти факторы заставили исследователя искать новые подходы в сфере стратегического анализа и модернизировать концепцию не прямых действий. Существенную роль в этой трансформации сыграло осмысление опыта Второй мировой войны. Б. Г. Лиддел Гарт обратил внимание на появление и активное развитие бронетехники и ее применение немецкой армией. В период Второй мировой войны он стал считать основой стратегии не прямых действий применение механизированных корпусов, позволявших маневрировать, перерезать каналы коммуникации и глубоко вторгаться в оборону противника. Трансформация стратегических представлений у Б. Г. Лиддел Гарта выступает важным индикатором, отражающим как общую линию изменений стратегических исследований в Соединенном Королевстве, так и модернизацию индивидуальной авторской концепции. Отказ, а точнее признание устаревания морской стратегии Великобритании в ходе борьбы с фашизмом как элемента стратегии не прямых действий происходит у историка в 1950–1960-е гг., как раз в период работы над историей Второй мировой войны.

В ходе войны Б. Г. Лиддел Гарт работал военным корреспондентом в «Таймс» и писал статьи о состоянии дел на фронте. Накопленный за годы войны журналистский материал в дальнейшем стал эмпирической основой его версии истории Второй мировой войны. Как отмечалось в предисловии к русскому изданию этой книги 1999 г., она задумывалась как военно-исторический очерк, но стала едва ли не воплощением официальной версии истории Второй мировой войны в Великобритании [Лиддел Гарт 1999: 1]. Нельзя сказать, что книга была санкционирована властями, но над ней историк трудился почти 20 лет – с 1950 по 1970 г., и ее первое издание увидело свет незадолго до смерти исследователя [Liddell Hart 1971]. Поэтому данную работу можно считать одной из главных книг его жизни.

Интерес к действиям механизированных корпусов был настолько выражен в ходе работы над книгой, что предмет осмысления, как и стиль изложения газетных публикаций, навлек на историка обвинения в шпионаже. Даже У. Черчилль говорил о необходимости проверить журналиста из «Таймс»

на предмет – не передает ли он информацию противнику [Лиддел Гарт 1999: 7]. МИ-5 установила наблюдение и провела проверку Б. Г. Лиддел Гарта, но ничего не обнаружила. В послевоенные годы уже сам бывший капитан поддерживал интерес к этой теме и вновь привлек к себе внимание подозрениями в симпатиях к нацистам. Он общался с немецкими пленными генералами, опубликовал «Записки Роммеля» под видом его дневников. Более того, вдова Э. Роммеля подтвердила, что немецкий танковый генерал разделял идеи и интересовался взглядами Б. Г. Лиддел Гарта, который активно их публиковал под видом военного корреспондента в «Таймс».

Однако на деле все было проще, чем казалось подзревавшему историка властям. Известный международник Джон Миршаймер и Роберт Уолтерс доказали, что Б. Г. Лиддел Гарт просто убедил возрастную вдову Э. Роммеля в том, что его заметки оказали серьезное воздействие на ее мужа. Английское издание «записок» редактировалось в конечном счете самим историком [Walters, Mearsheimer 1990]. Такой поступок представлял собой не попытку очередной умышленной фальсификации истории, а некий рекламный ход, подтверждающий правомерность стратегической проницательности ученого.

Таким образом, Б. Г. Лиддел Гарт сместил фокус своего стратегического анализа, работая над историей Второй мировой войны, с Великобритании на Германию в своих размышлениях о выборе лучшего варианта стратегии не прямых действий в истории. Данный переход объективно отражал изменения в характере ведения войны, но сама концептуальная основа стратегии не прямых действий формировалась в условиях осмысления опыта Первой мировой войны в межвоенные годы. История работы над книгой о Второй мировой войне Б. Г. Лиддел Гарта – это переход от одних концептуальных построений к другим на основе собранного в годы войны обширного эмпирического материала и модернизации теоретических представлений о стратегии. Модернизация представлений автора о стратегии особенно проявилась в период после создания Института стратегических исследований в 1958 г. История Второй мировой войны ученого зафиксировала подобные перемены, но этот анализ, концептуализированный через стратегические исследования, подвергся критике со стороны Майкла Ховарда.

В официальной версии британского издания истории Второй мировой войны принял участие

М. Ховард. Это исследование представляло собой 80-томное издание, первые разделы которого стали выходить еще в 1950-е гг. М. Ховард писал о периоде с августа 1942 по сентябрь 1943 г. Официально этот том также назывался «Большая стратегия», и в этом чувствовалась дань уважения к традиции и взглядам Б. Г. Лиддел Гарта. Однако, подход М. Ховарда сильно отличался от большой стратегии капитана Первой мировой войны в нескольких отношениях. Во-первых, он иначе трактовал большую стратегию. Чтобы понять нюансы трактовки термина историком, необходимо заметить, главное для М. Ховарда – это контекстуализация войны, т.е. оценка войны в более широком историческом контексте. Со времен написания «Франко-прусской войны» в 1961 г. историк не принимал историю войны как череду военных сражений, действий отдельных воинских частей, решений командования [Ховард 1990: 7–46]. Объяснение логики войны необходимо искать в определенном контексте. В первую очередь, этот контекст был политическим. Не случайно, что со своим учеником – Питером Паретом – М. Ховардом был переведен на английский язык труд Карла фон Клаузевица. Это издание, как отмечает Хью Страчан, до сих пор считается лучшим в англоязычном мире, а тот К. Клаузевиц, которого знают в Великобритании и США, – это заслуга перевода и комментариев к нему М. Ховарда. Политический контекст тогда объясняет в первую очередь причины и цели войны.

Другие слагаемые контекста – социальный и экономический факторы. Сегодня для историков в этом нет ничего необычного. Однако стоит напомнить, что в 1950-е гг. о школе Анналов в Великобритании слышали мало. Более того, приверженность к социально-экономическому детерминизму грозила обвинениями в марксизме. Это обвинение могло стоить и научной карьеры. Как минимум, сам М. Ховард говорил, что для того, чтобы получить доступ к официальным источникам и написать свой раздел истории Второй мировой войны, ему потребовалось пройти проверку на предмет того, что он не является коммунистом и гомосексуалистом. То, что понимали под социальной историей в Великобритании тогда – это в лучшем случае идеи Д. М. Тревельяна, но это совсем не та социальная история, какой мы ее представляем сегодня. Иначе говоря, не только конституционная история и последовательность смены кабинетов в стране определяют развитие исторического процесса. Как следствие оценки истории войны с учетом более широкого социально-экономического

и политического контекстов вывод М. Ховарда состоял в следующем. Большая (средиземноморская или имперская) стратегия Великобритании, если и была делом исторического выбора в период Второй мировой войны, то это был не субъективный стратегический выбор политиков кабинета У. Черчилля, а вынужденная мера. Ресурсы Великобритании уже не позволяли проводить иную политику и войну.

Во-вторых, результатом осмысления войны в широком историческом контексте было признание решающей роли СССР в войне. Поэтому работа М. Ховарда была переведена на русский язык почти сразу после выхода английского варианта издания. Отмечались большая работа историка по сбору материала и проделанный труд с оригинальными источниками, но главная причина перевода и публикации состояла в том, что ключевые слагаемые работы совпадали с советским видением течения войны. При этом, как и у Б. Г. Лиддел Гарта, у М. Ховарда также присутствовал набор стереотипов и национальных перцепций об истории этой войны. Подчеркивалась решающая роль Великобритании в сдерживании фашизма 1939–1941 гг., нивелировавшая политику умиротворения, преувеличивалось значение авиаударов, что якобы давало возможность советской армии остановить фашистов в 1942–1943 гг., ставились акценты на войне в Африке, Италии, на море и др. Впрочем, британские международники того периода считали этноцентричный взгляд на мир не столько ошибкой или преувеличением, но почти неизбежным следствием деления мира на государства [Booth 1979].

В-третьих, взгляды М. Ховарда на историю Второй мировой войны можно считать критикой стратегии не прямых действий Б. Г. Лиддел Гарта. Так называемый «британский путь ведения войны» – это очерки журналиста, направленные на общественное мнение британцев и предоставляющие определенные аргументы правительству, а не научный анализ, подкрепленный архивными документами. Учитывая, что Б. Г. Лиддел Гарт активно сам переосмысливал морскую модель участия Великобритании в войне, а раздел М. Ховарда в официальном издании назывался «Большая стратегия», нельзя не признать, что критика была сдержанной, а сам М. Ховард признавал значение работ Б. Г. Лиддел Гарта. Тем не менее выявленная разница в подходах к написанию истории Второй мировой войны у двух ученых свидетельствует не только об индивидуальных различиях во взглядах, но и отражает особенности институциональной организации

военно-исторического знания, процесс смены поколений в британской исторической науке, эволюцию разных теоретико-методологических подходов, выявленных сквозь призму эволюции представлений в изучении Второй мировой войны.

Заключение

Если смотреть на военные исследования в Великобритании с позиций институционального оформления дисциплины, то одну из центральных ролей в их формировании сыграл Королевский колледж Лондона. Этому способствовал ряд объективных и субъективных факторов. Колледж не был связан с классической (академической) традицией исторического образования в стране, как так называемые «старые» университеты. В то же время, благодаря инициативам отдельных преподавателей и ученых вроде Дж. Н. Лоутона, Ч. Уэбстера, Б. Г. Лиддел Гарта и других, колледж стал местом нестандартных образовательных инициатив. Еще до возникновения сети «новых» университетов в 1960-е гг. колледж сумел закрепить определенную традицию изучения военной истории, развивавшуюся с середины XIX в. Первая мировая война придала импульс и актуальность этому процессу, а изучение Второй мировой войны, как и начавшаяся холодная война, способствовали формированию предмета стратегического анализа и автономизации военных исследований. Данное обстоятельство несколько не снижает субъективного вклада отдельных исследователей в этом сложном, многоаспектном и прерывающемся процессе.

В идейном отношении развитие военной истории было связано с эволюцией стратегического подхода, что привело к появлению первых концепций. Примечательно, что данный подход в послевоенные годы развивали капитаны, пришедшие в историческую науку, а не генералы, интересующиеся историей. Это говорит о том, что анализ военной истории, перефразируя известное выражение периода

холодной войны, стал слишком серьезным делом, чтобы доверять его только военным. Историописание войны требовало специальной исторической подготовки, знания не только определенного круга исторических документов, но и специальных дисциплинарных навыков и подходов. Разумеется, что нарратив о войне был и предметом пристального внимания не только со стороны общественности, но и государства. Написание истории Второй мировой войны в науке Великобритании стало классическим примером такого рода.

Концепция Б. Г. Лиддел Гарта высвечивает эволюцию стратегических представлений в оценке эффективности войны, характерных для первого поколения британских исследователей. Подход М. Ховарда – дальнейшую профессионализацию военно-исторических исследований. Стратегический анализ привел в дальнейшем к формированию различного рода центров и институтов, стал частью системы политической экспертизы. Оба историка участвовали в его формировании. Вместе с тем его применение в творчестве отдельных исследователей показывает и определенные недостатки – схематизм в изложении отдельных событий, личный субъективизм даже у маститых исследователей, стремление объяснить историю войны общей логикой. Анализ военной истории в более широком историческом контексте потребовал включения в историописание войны новых исследовательских приемов, документов и показывал возможность развития военных исследований совместно с исторической наукой, что нашло отражение в творчестве М. Ховарда.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Басик И. И. Форпост военно-исторической науки. 55 лет со дня создания Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. *Военно-исторический журнал*. 2021. № 11. С. 64–71. [Basik I. I. The outpost of military history. The 55th anniversary of the Military History Research Institute of the RF AF General Staff Military Academy. *Voenno-Istoricheskii Zhurnal*, 2021, (11): 64–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cyuasv>
- Говард М. Большая стратегия. Т. 4. Август 1942 – сентябрь 1943. М.: Воениздат, 1980. 464 с. [Howard M. *Grand Strategy*. Vol. 4. August 1942 – September 1943. Moscow: Voenizdat, 1980, 464. (In Russ.)]

- Кадыров Д. Э. Методология социально-исторического познания: подход Кембриджской школы интеллектуальной истории. *Знание. Понимание. Умение*. 2018. № 3. С. 253–260. [Kadyrov D. E. Methodology of sociohistorical knowledge: Approach of the Cambridge school of intellectual history. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2018, (3): 253–260. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.24>
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с. [Collingwood R. G. *The idea of history. Autobiography*. Moscow: Nauka, 1980, 486. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/szgsly>
- Корбетт Дж. Операции английского флота в Первую мировую войну. Мн.: Харвест, 2003. 480 с. [Corbett J. *Operation of the English fleet in World War*. Minsk: Kharvest, 2003, 480. (In Russ.)]
- Лавджой А. Великая цепь бытия: История идей. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с. [Lovejoy A. *The great chain of being: A study of the history of an idea*. Moscow: Dom intellektualnoi knigi, 2001, 376. (In Russ.)]
- Лиддел Гарт Б. Г. Вторая мировая война. М.: Terra Fantastica, АСТ, 1999. 374 с. [Liddell Hart B. H. *History of the Second World War*. Moscow: Terra Fantastica, AST, 1999, 374. (In Russ.)]
- Лиддел Гарт Б. Г. История Первой мировой войны. М.: АСТ, 2017. 578 с. [Liddell Hart B. H. *History of the First World War*. Moscow: AST, 2017, 578. (In Russ.)]
- Лиддел Гарт Б. Г. Правда о войне 1914–1918 гг. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. XV+394 с. [Liddell Hart B. H. *The truth about the war of 1914–1918*. Moscow: Gos. voen. izd-vo, 1935, XV+394. (In Russ.)]
- Лиддел Гарт Б. Г. Полковник Лоуренс. М.: Воениздат, 1939. 296 с. [Liddell Hart B. H. *Colonel Lawrence, The man behind the legend*. Moscow: Voenizdat, 1939, 296. (In Russ.)]
- Лиддел Харт Б. Г. Решающие войны в истории. М.: Центрполиграф, 2012. 288 с. [Liddell Hart B. H. *The decisive wars in history: A study in strategy*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2012, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpxwif>
- Лиддел Гарт Б. Г. Стратегия непрямых действий. М.: АСТ, 2018. 508 с. [Liddell Hart B. H. *Strategy: The indirect approach*. Moscow: AST, 2018, 508. (In Russ.)]
- Торкунов А. В. Великая Победа и мировой политический процесс. *История Великой Победы. Т. 1. Канун трагедии*, ред. А. В. Торкунов. М.: МГИМО, 2020. С. 3–16. [Torkunov A. V. The Great Victory and the world political process. *History of the Great Victory. Vol. 1. The eve of the tragedy*, ed. Torkunov A. V. Moscow: MGIMO, 2020, 3–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjznpu>
- Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? М.: НЛО, 2023. 200 с. [Whatmore R. *What is intellectual history?* Moscow: NLO, 2023, 200. (In Russ.)]
- Ховард М. Франко-прусская война. Отто Бисмарк против Наполеона III, 1870–1871. М.: Центрполиграф, 1990. 303 с. [Howard M. *Franco-Prussian war. Otto Bismarck vs. Napoleon III, 1870–1871*. Moscow: Tsentrpoligraf, 1990, 303. (In Russ.)]
- Booth K. *Strategy and ethnocentrism*. London: Croom Helm, 1979, 191.
- Bragança M., Tame P. European neutrals in World War II and after: A balancing act. *Memories of the Second World War in neutral Europe, 1945–2023*, eds. Bragança M., Tame P. London: Routledge, 2024, 1–10. <https://doi.org/10.4324/9781003152422-1>
- Eckel J. Pivot years. World War II in 20th-century history. *Journal of Modern European History*, 2023, 21(2): 154–174. <https://doi.org/10.1177/16118944231163225>
- Howard M. *Captain professor: A life in war and peace*. New York: Continuum, 2006, 232.
- Howard M., Sparrow J. *The coldstream guards, 1920–1946*. London – New York: Oxford University Press, 1951, 638.
- Jackson A. Introduction. *National perspectives on the Global Second World War*, ed. Jackson A. London: Routledge, 2023, 1–9.
- Levy J. P. *The crisis of British sea power: The collapse of a Naval Hegemon 1942*. New York: Routledge, 2024, 158.
- Liddell Hart B. H. *History of the Second World War*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1971, XVI+768.
- Morgan-Owen D., Finch M. The unrepentant historian: Sir Michael Howard and the birth of war studies. *British Journal for Military History*, 2022, 8(2): 55–76.
- Tarabini Fracapane S. *The Jews of Denmark in the Holocaust: Life and death in Theresienstadt ghetto*. London: Routledge, 2022, 434.
- Walters R. E., Mearsheimer J. Liddell Hart and the weight of history. *Naval War College Review*, 1990, 43(2). <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol43/iss2/35> (accessed 7 Apr 2025).
- War Studies at 60: Past, Present, Future*, ed. Ellen L. London, 2021, 48.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bovues>

Проекты «анти-СССР» в эпоху холодной войны: стратегия и трансформация

Варфоломеев Юрий Владимирович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, Саратов

eLibrary AuthorID: 8614-9449

<http://orcid.org/0000-0002-4488-6582>

ybartho@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию эволюции и трансформации проектов «анти-СССР» в эпоху холодной войны. Автор оперирует термином «анти-СССР», понимая его как комплексную долгосрочную западную стратегию в противостоянии с советским государством. Актуальность заявленной темы обусловлена, во-первых, необходимостью понимания современных цивилизационных вызовов и важностью разработки стратегий защиты суверенитета Российской Федерации в условиях глобальной конфронтации в изменяющемся мире, во-вторых, исторической обусловленностью проблематики статьи, которая ведет свое начало с момента возникновения холодной войны и до современности. В основе изучаемой проблемы лежит одно из наиболее острых противоречий между Россией (в рассматриваемый период – СССР) и Западом. Это противоречие всегда в новейшей истории их взаимоотношений осложняло межгосударственные, идеологические и другие взаимодействия. Цель – анализ генезиса, эволюции и стратегической преемственности проекта «анти-СССР» в период холодной войны как долгосрочной доктрины Запада, направленной на ослабление и ликвидацию Советского Союза (а впоследствии России) в качестве геополитического конкурента, от классической доктрины сдерживания до методов мягкой силы. Методологической основой данного исследования избран проблемно-хронологический принцип и причинно-следственный анализ с применением традиционных методов исторического исследования, таких как историко-генетический и сравнительно-исторический. Универсальные, общенаучные и специальные методы исследования позволили изучить эволюцию различных антироссийских программ в их последовательности и взаимосвязи в эпоху и постпериод холодной войны. Новизна предпринятого исследования заключается в том, что впервые автор рассматривает проблематику тотальной антисоветской стратегии в контексте процессов эволюции, взаимосвязи и трансформации различных программ «анти-СССР» периода холодной войны в их последовательности и взаимосвязи. Проекты «анти-СССР» в эпоху холодной войны, начиная с секретного плана военных действий «Немыслимое», фултонской речи У. Черчилля и так называемой доктрины Даллеса, демонстрируют, по мнению автора, как идеологическая конфронтация двух систем (капиталистической и социалистической) переросла в полномасштабную гибридную войну, сочетающую информационные, политические и экономические механизмы. Особое внимание в статье уделено анализу Гарвардского проекта (изучение менталитета советских граждан), направленного на изучение и дестабилизацию советского, а затем российского общества через манипуляцию сознанием, поддержку сепаратизма и культивацию русофобии, которые стали важнейшими инструментами мягкой силы.

Ключевые слова: проекты «анти-СССР», холодная война, план Даллеса, стратегия, эволюция, трансформация, Гарвардский проект

Цитирование: Варфоломеев Ю. В. Проекты «анти-СССР» в эпоху холодной войны: стратегия и трансформация. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1095–1103. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1095-1103>

Поступила в редакцию 14.05.2025. Принята после рецензирования 25.07.2025. Принята в печать 28.07.2025.

full article

Anti-USSR Projects during the Cold War: Strategy and Evolution

Yuriy V. Varfolomeev

Saratov State University, Russia, Saratov

eLibrary AuthorID: 8614-9449

<http://orcid.org/0000-0002-4488-6582>

ybartho@mail.ru

Abstract: Anti-USSR projects constituted a comprehensive long-term strategy used by the Global West in its confrontation with the Soviet state during the Cold War. The Russian Federation is currently facing a challenge of protecting its sovereignty in the changing world. Historically speaking, this problem has remained relevant since the onset of the Cold War. All this time, the ongoing contradictions between Russia and the Global West have complicated the international relations. This article describes the genesis and evolution of the anti-USSR project during the Cold War as a doctrine aimed at weakening and eliminating the Soviet Union and, subsequently, the Russian Federation as a geopolitical competitor. It ranged from containment to soft power methods. The problem-chronological principle combined with the cause-and-effect analysis also involved such standard historical-genetic and comparative historical methods. The evolution of various anti-Russian programs demonstrated a certain strategic continuity. Starting with the Operation Unthinkable, Winston Churchill's Fulton speech, and the so-called Dulles Doctrine, the ideological confrontation between Capitalism and Socialism has escalated into a full-scale hybrid war that combines informational, political, and economic weapons. For example, the Harvard Project, which studied the Soviet mentality, was aimed at destabilizing Russian society by exercising mind control, supporting separatism, and cultivating Russophobia, i.e., through the so-called soft power.

Keywords: anti-USSR projects, Cold War, The Dulles plan, strategy, evolution, transformation, Houston and Harvard projects

Citation: Varfolomeev Yu. V. Anti-USSR Projects during the Cold War: Strategy and Evolution. *SibScript*, 2025, 27(6): 1095–1103. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1095-1103>

Received 14 May 2025. Accepted after peer review 25 Jul 2025. Accepted for publication 28 Jul 2025.

Введение

В современном научном дискурсе, посвященном истории противоборства СССР и бывших союзников по антигитлеровской коалиции после Второй мировой войны, наряду с анализом этих процессов в традиционной парадигме холодной войны появляются исследования, рассматривающие биполярную эпоху глобального противостояния двух сверхдержав – СССР и США – в контексте разработки стратегий и последующих трансформаций стратегии «анти-СССР». В фокусе данной статьи – различные вариации проекта «анти-СССР» в новейший период, разрабатывавшиеся Западом для подрыва советского государства.

История противостояния двух полюсов антагонистических политических систем (капитализма и социализма) – США и СССР – после Второй мировой войны, берущая начало в эпоху холодной войны, продолжает оставаться актуальной и в условиях современных геополитических вызовов. Между тем

проекты «анти-СССР», направленные на ослабление и расчленение советского государства, прошли сложную эволюцию – от идеологических и политических доктрин XVI в. до гибридных методов и ведения против России прокси-войны XXI в. Таких «опубликованных проектов захвата и раздела российских территорий, геополитического уничтожения России предостаточно» [Багдасарян 2015: 37], констатирует В. Э. Багдасарян и приводит хронологию и политическую технологию проектов противостояния России: от проекта Генриха Штадена о завоевании Московии (1579 г.) до геополитического прогноза американской разведывательно-аналитической компании «Стратфор» о развитии мира до 2025 г. (2015 г.).

Историография по теме холодной войны весьма обширна и разнообразна, однако в контексте рассматриваемой в статье проблематики в центре внимания автора находятся только те научные работы, которые в той или иной степени затрагивают вопросы,

связанные с разработкой различных проектов периода холодной войны, направленных на ослабление и развал Советского Союза. Среди этих научных трудов следует назвать следующие исследования:

- Дэвида Дилкса [Дилкс 2002] и А. В. Самохина [Самохин 2014], посвященные изучению различных аспектов операции «Немыслимое»;
- М. Ф. Полюнова, рассмотревшего конфронтацию СССР и США через призму гонки вооружений в период холодной войны [Полюнов 2008];
- Е. А. Котеленец, исследовавшей характер и особенности информационного противостояния в биполярных условиях холодной войны [Котеленец 2015];
- Петера Швейцера, который раскрывает роль ЦРУ в финансировании диссидентских движений и создании экономических трудностей для СССР [Швейцер 2024];
- монографию Е. В. Кодина [Кодин 2003], в которой автор показал, как Гарвардский проект (изучение менталитета советских граждан) стал инструментом мягкой силы;
- Д. С. Хомкова, проанализировавшего Гарвардский проект в контексте религиоведческого изучения русской эмиграции второй волны [Хомков 2021];
- А. А. Гусева, который в своих работах, посвященных изучению Гарвардского проекта, приходит к выводу, что последний, в частности, предусматривал создание «пояса нестабильности» на границах СССР, что в итоге явилось одной из причин его распада в 1991 г. [Гусев 2023а];
- Н. С. Леонова, сделавшего вывод о том, что советское руководство недооценило масштабы информационной войны [Леонов 2010: 236];
- В. Н. Шведа, акцентирующего внимание на роли западных спецслужб в поддержке антикоммунистических движений в Восточной Европе¹.

По мнению Н. В. Асонова в современных условиях мягкая сила является главным козырем политики США в холодной войне против России [Асонов 2017]. На существенные отличия в политической интерпретации холодной войны новейшего времени указывает в своей работе С. М. Рогов [Rogov 2020]. Исследуя политический лексикон, связанный с феноменом холодной войны, В. М. Амиров и Т. А. Глебович

подчеркивают, что в настоящее время понятия *новая холодная война*, *холодная война 2.0*, *холодная война XXI века* активно вошли в политический дискурс и медиапространство [Амиров, Глебович 2023]. В то время как западные аналитики часто отрицают преемственность стратегий в рамках феномена холодной войны, российские ученые, как, например, Ю. А. Харламова [Харламова 2018] и А. А. Гусев [Гусев 2023b], отмечают, что риторика российской угрозы в русле концепции «анти-Россия» повторяет традиционные шаблоны холодной войны, включая при этом мантры о борьбе с авторитаризмом, вмешательством в выборы.

Цель данной статьи – анализ генезиса, эволюции и стратегической преемственности проекта «анти-СССР» в период холодной войны как долгосрочной доктрины Запада, направленной на ослабление и ликвидацию Советского Союза (а впоследствии России) в качестве геополитического конкурента, от классической доктрины сдерживания до методов мягкой силы. Для достижения поставленной цели намечено решение следующих научных задач:

1. Обосновать тезис о преднамеренности и стратегической преемственности западного противостояния с СССР (в настоящее время – с Россией).
2. Исследовать конкретные инструменты и проекты (на примере Гарвардского), разработанные и реализованные в рамках стратегии «анти-СССР».
3. Проанализировать цели и методы реализации проектов «анти-СССР», а также их результативность.
4. Выявить практическую значимость исторического анализа истоков и эволюции стратегии «анти-СССР» для понимания природы современного противостояния России и Запада, формирования адекватных ответов на гибридные угрозы, защиты суверенитета и исторической памяти в контексте продолжающейся борьбы за многополярное мироустройство.

Методы и материалы

Статья подготовлена на основе анализа исторических документов, мемуаров участников событий и современных исследований, раскрывающих эволюцию стратегии и трансформацию тактик противодействия России. Автор, взяв за основу проблемно-хронологический принцип, использовал в своей

¹ Швед В. Н. Гарвардский проект. Из истории информационно-психологической войны против СССР. *Столетие. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы*. 26.03.2010. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/garvardskij_projekt_2010-03-26.htm (дата обращения: 07.04.2025).

работе также и традиционные методы исторического исследования: причинно-следственный анализ как метод идентификации причин изучаемых событий или явлений, историко-системный анализ исторических процессов как целостной, взаимосвязанной во времени и пространстве системы. В качестве специальных методов применительно к раскрытию заявленной темы в работе использовались: сравнительно-исторический – для характеристики различных аспектов межгосударственных отношений исследуемого периода и различных проектов «анти-СССР», историко-генетический метод, который позволил изучить эволюцию различных антисоветских программ холодной войны в их последовательности и взаимосвязи, а это в свою очередь позволило выявить, как возникали и изменялись те или иные идеи и инструменты реализации планов холодной войны.

В основе авторского анализа лежат источники как личного, так и официального происхождения. Первая группа: сборник речей Уинстона Черчилля «Мускулы мира» [Черчилль 2006], концептуальные труды Збигнева Бжезинского [Бжезинский 2023] и Генри Киссинджера [Киссинджер 2015], публикация интервью респондентов Гарвардского проекта, подготовленное О. В. Будницким и Л. Г. Новиковой². Вторая группа: сборник документов по американской внешней политике и стратегии 1945–1950 гг.³

Результаты

Принято считать, что точкой отсчета и датой начала холодной войны является 5 марта 1946 г., когда Уинстон Черчилль в Фултоне в Вестминстерском колледже произнес свою знаменитую речь «Мускулы мира», в которой хотя и экспромтом, но ключевым постулатом прозвучал тезис о железном занавесе, ставший на долгие годы формулой антисоветской риторики и противоборства с нашей страной. Фактически У. Черчилль провозгласил «генеральную стратегическую концепцию», а главными опасностями, угрожающими «каждому дому и каждой семье, – войну и тиранию». Фундаментом в реализации его метода «генеральной стратегической концепции» являлся «братский союз англоязычных стран» – Великобритании, Британского Содружества

наций и США, готовых обеспечить эффективные меры «по предотвращению новой войны и развитию тесного сотрудничества между народами», а также способных решить главную задачу – «предотвращение новой войны и создание во всех странах необходимых условий для развития свободы и демократии» [Черчилль 2006: 498]. Под «дымовой завесой» демагогических рассуждений У. Черчилля о мире, свободе, демократии и борьбе с тиранией скрывалась долгосрочная и разноплановая концепция борьбы с Советской Россией, что он и подтвердил своей следующей фразой: «мы должны отказаться от изжившей себя доктрины равновесия сил, или, как ее еще называют, доктрины политического равновесия между государствами» [Там же]. Впоследствии У. Черчилль писал о том, что его фултонская речь станет самой важной в его карьере [Злобин 2000], и это не случайно, ведь он предопределил стратегию противостояния с Советской Россией на несколько десятилетий вперед.

Фултонский манифест холодной войны У. Черчилля только на первый взгляд может показаться спонтанным и неожиданным. На самом деле, как стало известно в конце XX в. из рассекреченных документов, в начале мая 1945 г. У. Черчилль приказал Объединенному штабу планирования военного кабинета Великобритании разработать планы возможного наступления против СССР и назвал этот коварный и амбициозный проект *операция «Немыслимое»*. Начало этой операции было запланировано на 1 июля 1945 г. и предполагало внезапный удар англо-американских войск по частям Красной Армии, дислоцированным в Восточной Европе [Ржешевский 1999: 99–100]. Однако итоговый доклад разработчиков этой операции убедил У. Черчилля как раз в немыслимости ее осуществления. Очевидно, осознание невозможности противоборства с Советской Россией военными методами и убедило уже бывшего на тот момент британского премьера продекларировать возведение железного занавеса между англосаксонским миром и СССР. Причем стратегия цивилизационного противостояния двух миров в новой концепции У. Черчилля, провозглашенной им в Фултоне, сохранялась, а тактика на протяжении последующих лет

² Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне, сост., общ. ред. и вступ. ст. О. В. Будницкий и Л. Г. Новикова. М.: РОССПЭН, 2018. 493 с.

³ Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг., сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2006. С. 398. <https://elibrary.ru/qpddjd>

трансформировалась в соответствии с доктринами сдерживания, мягкой силы и др. «Двойной стандарт, когда свои интересы священные, а чужие едва ли не бессмысленны, породил холодную войну», – поясняет А. И. Уткин [Уткин 2010: 9].

Вместе с тем существует разная трактовка хронологии холодной войны. Большинство ученых считают, что сигналом к началу этого противостояния двух мировых систем послужила так называемая Фултонская речь Уинстона Черчилля от 5 марта 1946 г. Однако, например, Гар Алпровиц в своей книге под весьма говорящим названием «Атомная дипломатия» утверждает, что холодная война началась еще с атомной бомбардировки Хиросимы в августе 1945 г. [Алпровиц 1968], и в этом утверждении есть своя логика – США только продемонстрировали, прежде всего СССР, возможный сценарий *горячей* войны, но оставаясь при этом в состоянии *холодной* войны со своим стратегическим противником. Кроме того, Н. И. Маслакова-Клауберг справедливо считает, что даты начала и завершения холодной войны носят символический характер, т. к. «с международно-правовой точки зрения в этой войне отсутствовали главные ее составляющие – официальная дата объявления войны, военные сражения и ключевые битвы, подписанные по ее завершению международные документы (Акт капитуляции или Мирный договор) и т. д.» [Маслакова-Клауберг 2021: 86].

Принято считать, что датой окончания холодной войны является 26 декабря 1991 г., когда Советом Республик Верховного Совета была принята Декларация о прекращении существования СССР, а спустя месяц, 28 января 1992 г., президент США Джордж Буш (старший) в своем выступлении в Конгрессе США патетично констатировал: «С помощью Господа Америка победила в Холодной войне»⁴. Это событие победители поспешили увековечить памятными формами коммеморации: в 1997 г. был выпущен сертификат «За службу в период холодной войны», а в 2007 г. в обе палаты Конгресса США был внесен законопроект об учреждении медали «За победу в холодной войне». Эта памятная медаль имела, конечно, в большей степени символический смысл, однако даты, отчеканенные

на ее реверсе, недвусмысленно фиксировали хронологические рамки холодной войны по версии США: 2 сентября 1945 г. – 26 декабря 1991 г.⁵ Таким образом, холодная война, по мнению официальных представителей США, началась в день подписания Японией акта о капитуляции, ознаменовавшего окончание Второй мировой войны, и, следовательно, война против России, в той или иной форме, не прекращалась ни на один день – 2 сентября 1945 г. она перманентно трансформировалась из горячей фазы в холодную, при этом всегда сохраняла тлеющий характер глобальной конфронтации, в любой момент готовой вспыхнуть Третьей мировой войной. «Историю прошлой холодной войны принято отсчитывать от фултонской речи Уинстона Черчилля. Но, когда в марте 1946 года бывший британский премьер говорил о железном занавесе <...> холодная война уже началась»⁶, – отмечает Л. М. Млечин.

Следовательно, после окончания Второй мировой войны Советский Союз, по образному выражению Стивена Ловелла, тем не менее продолжал жить «в тени войны» [Lovell 2010]. Эта «тень войны», очевидно, и является той самой холодной войной, которая изменила формы противостояния, но сохранила главную цель – поражение Советской России. В 1940-х гг. директор ЦРУ Аллен Даллес сформулировал стратегию, заложившую основу гибридной войны против СССР. При этом пресловутый план Даллеса – это было не что иное как «проект, в то время не утвержденный руководством США и не принятый на доктринальном уровне. Он представляет собой не более чем оперативный замысел, в свою очередь, предполагавший разработку и осуществление соответствующих действий» [Хлобустов 2012: 14]. С тех пор стратегия и тактические шаги США в противостоянии с Советской Россией приобретали доктринальный характер. В частности, план Даллеса как оперативный замысел получил развитие в официально принятых США доктринах – от концепции сдерживания коммунизма Г. Трумэна, отбрасывания коммунизма Д. Эйзенхауэра до политики наведения мостов Л. Джонсона и сокрушения империи зла Р. Рейгана. Стратегию сдерживания «Русской Империи» на долгие годы

⁴ Президент Джордж Буш поздравил соотечественников с победой в холодной войне. *Международная академия информатизации*. 28.01.1992. URL: <https://iaun.ru/news/world/1992/01/28/george-w-bush-congratulated-his-countrymen-on-their-victory-in-the-cold-war> (дата обращения: 07.04.2025).

⁵ Чиркин С. В. В США хотят учредить медаль за победу в «холодной войне». *Российская газета*. 20.04.2007. № 10 (4346). URL: <https://rg.ru/2007/04/20/medal-usa.html> (дата обращения: 07.04.2025).

⁶ Млечин Л. Кроважадины. *Новая газета*. 18.09.2020.

определила директива Совета национальной безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 г. и ряд последующих законодательных актов, например закон Конгресса США PL 86-90 от 17 октября 1959 г.⁷

Наиболее наглядно тактику подрывных действий против Советского Союза в русле стратегии «анти-СССР» иллюстрирует проект, разработанный и запущенный США, известный под названием Гарвардский (полное название: Гарвардский проект интервьюирования беженцев) – одно из наиболее масштабных психолого-социологических исследований советского социума, проведенное американскими учеными в 1950-х гг. – в самый пик холодной войны, в эпоху маккартизма. Это была секретная программа, направленная на изучение менталитета, психологии и формирования политико-идеологического мировоззрения советских граждан. Интервьюирование выходцев из СССР позволило разработчикам проекта выявить слабые места советской системы. Эти данные, в частности, составили пропагандистский контент радиовещательных компаний «Голоса Америки» и «Радио Свобода». Чтобы эффективно противодействовать Советской России в эпоху холодной войны «надо было попытаться понять советскую систему, механизм ее действия, внутреннюю логику сталинского режима. И без науки здесь было не обойтись. <...> Особое место здесь определялось "поведенческим наукам" с явным упором на психосоциологию, межличностные отношения и мораль, что должно было в дальнейшем применяться в обучающих программах личного состава вооруженных сил и стратегическом планировании операций», – объясняет ключевой замысел Гарвардского проекта Е. В. Козин [Козин 2003: 16]. По мнению А. А. Гусева, «основная цель проекта – планирование внешней политики Соединенных Штатов по сдерживанию Советского Союза в условиях начинавшейся холодной войны» [Гусев 2023а].

В результате проведенных исследований в рамках Гарвардского проекта американские ученые сделали ряд важных выводов. Во-первых, они выявили значительную роль идеологии в жизни советского общества. Идеологический фактор, по их мнению, позволяет понять поведение советского человека, а также спрогнозировать возможные варианты «его поведения в разных условиях в будущем» [Козин 2003: 145]. Во-вторых, ученые определили,

что «основными явлениями ежедневной советской реальности были низкий уровень жизни, постоянное вмешательство государства в личную жизнь людей, репрессии». Однако в целом проект показал, что советский режим оставался достаточно стабильным, «не было активного противодействия системе и самим социалистическим идеям, но и, наоборот, имело место широкое принятие основных принципов тоталитарного государства» [Там же: 146]. В-третьих, наиболее важным открытием для американских исследователей был вывод о том, что «советские люди смирились со своим положением. Они не хотели проблем и конфликтов, тем более с властями. <...> Бороться с режимом в СССР никто не будет!» [Там же: 147].

В свою очередь, В. Н. Швед выделяет три основных результата Гарвардского проекта. Во-первых, была проведена систематизация и обобщение личностных и психофизиологических характеристик *Гомо советикус*, прежде всего – параметры лидерских качеств, которые можно будет использовать для «выращивания» и продвижения альтернативных советской власти политических фигур. Во-вторых, удалось выработать методики управления (манипуляции) в различных стратах и социумах (от индивидуума до больших коллективов и объединений). «Считается, что так называемые "кукловоды", обладающие этой методикой и знаниями человеческой психологии в рамках "Гарвардского проекта", могут не только продвигать к власти будущих лидеров, но создавать желаемые общественно-политические ситуации»⁸.

В начале 1970-х гг. Гарвардский проект подвергся существенной трансформации, а обозначенные в нем новые задачи были существенно расширены и предусматривали не только политику сдерживания СССР, но и включали в себя детализированную программу по ликвидации союзного советского государства в течение ближайших 20 лет. В соответствии с задачами модернизированного Гарвардского проекта, подразделенными на три этапа, Советский Союз к 1990 г. должен был перестать существовать как единое суверенное государство, а к 2000 г. должна была быть разрушена и Российская Федерация как правопреемница СССР. Первая часть этого плана обрела реальность. «Крах СССР наступил, когда на социально-экономические

⁷ Главный противник... С. 398.

⁸ Швед В. Н. Гарвардский проект...

трудности, вызванные некомпетентной горбачевской перестройкой, были умело наложены американские информационно-психологические технологии воздействия на человека, причем не только на обывателя, но и на советскую научную и политическую элиту»⁹, – приходит к обоснованному выводу В. Н. Швед. Однако заключительный его этап – «завершающий период» (так он был назван в документе) – полностью не был реализован, т.к. он предполагал ликвидацию Российской Федерации и раздел ее на 7–10 псевдонезависимых государств, целью существования которых должна была стать бесконтрольная эксплуатация западными странами природных ресурсов России.

Распад СССР не привел к свертыванию проекта «анти-СССР». Напротив – его задачи и методы были актуализированы и адаптированы к новым реалиям, поэтому после 1991 г. и особенно в начале 2000-х гг. произошла трансформация тактических направлений для достижения стратегической цели – ликвидации правопреемницы СССР – Российской Федерации – как единого суверенного государства, и, таким образом, в постбиполярный период был сгенерирован модернизированный проект «анти-СССР», но уже в новом качестве – «анти-Россия». Однако рассмотрение этой проблематики выходит за рамки данной статьи и является предметом отдельного научного исследования.

Заключение

Исследование истоков и эволюции проекта «анти-СССР» в период холодной войны демонстрирует, что это противостояние стало не просто эпизодом истории, а долгосрочной стратегией Запада, направленной на ослабление и ликвидацию СССР, а затем и России как геополитического конкурента. Фултонская речь Уинстона Черчилля в 1946 г., хотя и считается символическим началом

конфронтации, была лишь публичным оформлением планов, разрабатывавшихся ранее, таких как операция «Немыслимое». Отказ от открытого военного столкновения не означал прекращения борьбы – противостояние перешло в идеологическую, экономическую и информационную плоскости, подкрепляясь доктринами сдерживания, отбрасывания коммунизма и другими формами гибридной войны.

Рассекреченные документы и проекты, такие как, например, Гарвардский, подтверждают системность усилий Запада по изучению и дестабилизации советского общества. Эти программы, основанные на манипуляции сознанием, культивации русофобии, поддержке национализма и сепаратизма, достигли частичного успеха в 1991 г. с распадом СССР, но их конечная цель – ликвидация единой России – осталась неизменной.

Таким образом, современное противостояние России и Запада уходит корнями в многолетнюю стратегию ослабления российского государства, где военные, информационные и политические инструменты служат одной цели – сохранению гегемонии стран Запада и США в однополярном мире. Понимание этой преемственности необходимо не только для анализа прошлого, но и для формирования адекватных ответов на вызовы настоящего, защиты суверенитета и исторической памяти в условиях продолжающейся борьбы за будущее мироустройство.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам: О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом. М.: Междунар. отношения, 1968. 271 с. [Alperovitz G. *Atomic diplomacy: Hiroshima and Potsdam: The use of the atomic bomb and the American confrontation with Soviet power*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1968, 271. (In Russ.)]
- Амиров В. М., Глебович Т. А. Идеологема «холодная война»: аспекты функционирования в историческом и современном медиапространствах. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 25. № 1. С. 80–95. [Amirov V. M., Glebovich T. A. "Cold War" ideologeme: Aspects of functioning

⁹ Там же.

- in historical and modern media spaces. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2023, 25(1): 80–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.005>
- Асонов Н. В. Современный этап «холодной войны» против России. *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 2. С. 7–17. [Asonov N. V. "Cold War" of modern stage against Russia. *Social and Humanitarian Knowledge*, 2017, (2): 7–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjyqgf>
- Багдасарян В. Э. Проект «Антироссия»: целевой замысел в исторической реконструкции. *Проект «Антироссия»: реконструкция и вероятность «успеха»*: научно-экспертная сессия. (Москва, 23 сентября 2015 г.) М.: Наука и политика, 2015. С. 28–52. [Bagdasaryan V. E. Anti-Russia Projects: Target design in historical reconstruction. *The Anti-Russia project: Reconstruction and the probability of success*: Proc. sci.-expert session, Moscow, 23 Sep 2015. Moscow: Nauka i politika, 2015, 28–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uylnpv>
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2023. 384 с. [Brzezinski Z. *The grand chessboard*. Moscow: AST, 2023, 384. (In Russ.)]
- Гусев А. А. Настольная книга американского Госдепа: Гарвардский проект. *Международная жизнь*. 06.01.2023а. [Gusev A. A. Handbook of the American State Department: Harvard project. *The International Affairs*, 6 Jan 2023a. (In Russ.)] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38490> (accessed 5 Apr 2025).
- Гусев А. А. Провальные проекты – Гарвард, следующая Хьюстон? *Международная жизнь*. 14.01.2023b. [Gusev A. A. Failed Projects: From Harvard to Houston? *The International Affairs*, 14 Jan 2023b. (In Russ.)] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/385> (accessed 5 Apr 2025).
- Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. *Новая и новейшая история*. 2002. № 3. С. 126–142. [Dilks D. Churchill and Operation Unthinkable, 1945. *Novaya i Novejshaya istoriya*, 2002, (3): 126–142. (In Russ.)]
- Злобин Н. В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946. *Новая и новейшая история*. 2000. № 2. С. 156–169. [Zlobin N. V. Unpublished American archival materials about the performance of W. Churchill, March 5, 1946. *Novaya i Novejshaya istoriya*, 2000, (2): 156–169. (In Russ.)]
- Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 511 с. [Kissinger G. *World order*. Moscow: AST, 2015, 511. (In Russ.)]
- Кодин Е. В. Гарвардский проект. М.: РОССПЭН, 2003. 208 с. [Kodin E. V. *Harvard project*. Moscow: ROSSPEN, 2003, 208. (In Russ.)]
- Котеленец Е. А. Пропаганда без правил, или информационное противостояние в условиях «холодной войны». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2015. № 4. С. 120–129. [Kotelenets E. A. Propaganda with no rules, or informational conflict in Cold War. *RUDN Journal of Russian History*, 2015, (4): 120–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkpmur>
- Леонов Н. С. Холодная война против России. М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. 240 с. [Leonov N. S. *Cold War against Russia*. Moscow: Eksmo; Algoritm, 2010, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpqihh>
- Маслакова-Клауберг Н. И. Феномен «холодной войны» в современных оценках России и Запада. *Либерально-демократические ценности*. 2021. Т. 5. № 2. С. 86–91. [Maslakova-Klauberger N. I. The phenomenon of the Cold War in modern assessments of Russia and the West. *Journal of liberal democratic values*, 2021, 5(2): 86–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfymzd>
- Полынов М. Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР. *Общество. Среда. Развитие*. 2008. № 3. С. 36–54. [Polynov M. F. The Cold War as a means of the USA's struggle against the USSR. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2008, (3): 36–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/patmud>
- Ржешевский О. А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 года. *Новая и новейшая история*. 1999. № 3. С. 98–123. [Rzheshhevsky O. A. W. Churchill's secret war plans against the USSR in May 1945. *Novaya i Novejshaya istoriya*, 1999, (3): 98–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ukmjhl>
- Самохин А. В. Операция «Немыслимое», или почему не был реализован план войны против СССР в 1945 году. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014. № 42. С. 280–294. [Samokhin A. V. "Operation Unthinkable" or Why not the plan of war against the Soviet Union in 1945 was not implemented. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 2014, (42): 280–294. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ryecxt>
- Уткин А. И. СССР в осаде. М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. 288 с. [Utkin A. I. *USSR under siege*. Moscow: Eksmo; Algoritm, 2010, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qppiel>

- Харламова Ю. А. Проект «Анти-Россия». *Молодая гвардия*. 2018. № 7-8. С. 8–13. [Kharlamova Yu. A. Project "Anti-Russia". *Molodaia gvardiia*, 2018, (7-8): 8–13. (In Russ.)]
- Хлобустов О. М. Доктрина Даллеса в действии. М.: Эксмо; Алгоритм, 2012. 240 с. [Khlobustov O. M. *Dulles doctrine in action*. Moscow: Eksmo; Algoritm, 2012, 240. (In Russ.)]
- Хомков Д. С. Гарвардский проект по советской социальной системе как религиоведческий источник. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2021. Т. 37. С. 93–99. [Khomkov D. S. The Harvard project on the Soviet social system as a source of religious studies. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, 37: 93–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.93>
- Черчилль У. Мускулы мира. М.: Эксмо, 2006. 523 с. [Churchill W. *The muscles of the world*. Moscow: Eksmo, 2006, 523. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpdsij>
- Швейцер П. Тайная стратегия развала СССР. Роль администрации США. М.: Эксмо, 2024. 304 с. [Schweitzer P. *Victory: The Reagan administration's secret strategy that hastened the collapse of the Soviet Union*. Moscow: Eksmo, 2024, 304. (In Russ.)]
- Lovell S. *The shadow of war: Russia and the USSR, 1941 to the present*. Chichester, West Sussex: Wiley-Blackwell, 2010, 370.
- Rogov S. M. The new Cold War: Consequences for Russian society. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, 90(2): 189–200. <https://doi.org/10.1134/S1019331620020070>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cjcbwq>

Американская поддержка Евратома в контексте технологического противостояния США и СССР в 1950-е гг.

Лекаренко Оксана Геннадьевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 3637-6072

<https://orcid.org/0000-0003-2421-5869>olekarenko@gmail.com

Аннотация: Холодная война характеризовалась всеобъемлющим соперничеством между США и СССР, включая сферу науки и техники. США демонстрировали готовность делиться своими знаниями с союзниками, что позволяло Вашингтону укреплять лидерство в западном блоке. Примером такой политики является заключенное в 1958 г. соглашение о сотрудничестве между США и Европейским сообществом по атомной энергии (Евратом). Политика США в отношении Евратома изучалась в контексте американской поддержки европейской интеграции и усилий по созданию режима ядерного нераспространения. Цель – проанализировать, как на американскую политику в отношении Евратома повлияло технологическое противостояние сверхдержав. Исследование проводилось с опорой на архивные материалы, опубликованные документы по внешней политике США, речи и мемуары американских политиков, прессу. В ходе исследования было установлено, что в 1950-е гг. мирный атом стал новым важным сектором противостояния между США и СССР. Администрация Д. Эйзенхауэра предложила странам Западной Европы сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. Частью данной политики стала поддержка Евратома – наднационального сообщества шести стран Западной Европы, созданного для объединения усилий по развитию атомной энергетики. Запуск спутника в СССР придал дополнительный импульс подписанию соглашения о сотрудничестве между США и Евратомом, усилив интерес Вашингтона к совместной программе, которая объединила бы американские и западноевропейские научно-технические ресурсы для противостояния Москве. Проведенное исследование может способствовать как более глубокому пониманию мотивов американской политики, направленной на поддержку Евратома, так и логики советско-американского противостояния времен холодной войны.

Ключевые слова: атомная промышленность, внешняя политика США, Евратом, европейская интеграция, космическая гонка, холодная война, ядерное нераспространение

Цитирование: Лекаренко О. Г. Американская поддержка Евратома в контексте технологического противостояния США и СССР в 1950-е гг. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1104–1111. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1104-1111>

Поступила в редакцию 09.04.2025. Принята после рецензирования 18.06.2025. Принята в печать 23.06.2025.

full article

American Support for Euratom in the Context of Technological Confrontation between the USA and the USSR in 1950s

Oksana G. Lekarenko

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 3637-6072

<https://orcid.org/0000-0003-2421-5869>olekarenko@gmail.com

Abstract: The Cold War between the USA and the USSR unfolded on the fields of science and technology. Washington did not mind sharing scientific knowledge with its European allies to strengthen its leadership in the Western bloc. Agreement on cooperation was signed between the United States and the European Atomic Energy Community in 1958. The USA supported European integration and efforts to create a nuclear non-proliferation regime. However, the US policy towards Euratom was also influenced by the technological confrontation between the superpowers. The study involved archival materials, published documents on the US foreign policy, speeches and memoirs of American politicians, media publications. The so-called peaceful atom became a new important sector of confrontation between the USA and the USSR in the 1950s. The Eisenhower administration offered Western Europe cooperation in the field of peaceful nuclear energy. Euratom was a supranational community of six Western European countries created to pool efforts in the sphere of nuclear energy development. The launch of Sputnik in the USSR gave additional impetus to the cooperation agreement between the United States and Euratom, increasing Washington's interest in a joint program that would unite American and Western European science and technology against the USSR. The study provides an insight into the logic of the US policy regarding Euratom and the Soviet-American confrontation during the Cold War.

Keywords: nuclear industry, US foreign policy, Euratom, European integration, space race, Cold War, nuclear non-proliferation

Citation: Lekarenko O. G. American Support for Euratom in the Context of Technological Confrontation between the USA and the USSR in 1950s. *SibScript*, 2025, 27(6): 1104–1111. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1104-1111>

Received 9 Apr 2025. Accepted after peer review 18 Jun 2025. Accepted for publication 23 Jun 2025.

Введение

Холодная война характеризовалась всеобъемлющим соперничеством между США и СССР, включая сферу науки и техники. В 1950-е гг. обе сверхдержавы активно развивали технологии мирного использования атомной энергии и освоения космического пространства. Цель статьи – проанализировать, как технологическое противостояние между США и СССР повлияло на американскую политику в отношении Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Данное исследование может способствовать как более глубокому пониманию мотивов американской политики, направленной на поддержку Евратома, так и логики советско-американского противостояния времен холодной войны.

В научной литературе достаточно хорошо изучен начальный период истории Евратома, включая роль

США. В большей части работ действия США рассматриваются в контексте поддержки европейской интеграции [Афанасьева и др. 1992; Лекаренко 2012; Helmreich 1991; O'Driscoll et al. 2002; Polach 1964; Schwarz 1992; Winand 1994]. Скандинавские ученые исследовали данный вопрос с другой стороны, выявив связь двух задач во внешней политике США: поддержку европейской интеграции и ядерного нераспространения [Skogmar 2004; Thomasen 2021]. Роль науки и технологий в американской внешней политике изучалась американским исследователем Дж. Криге [Krige 2008], который доказал, что США использовали временное технологическое превосходство в атомной области в своих политических интересах [Krige 2016]. Другая сфера технологического соперничества между США и СССР, повлиявшая

на американскую поддержку Евратома, а именно исследование космического пространства, рассматривалась в работах Дж. Криге, Е. Бейтс, Дж. Б. Чабена, У. Н. Кобба и Д. В. Фрейзера [Bates 2020; Chaben 2020; Cobb, Frazier 2024; Krige 2000]. Ряд авторов затронули проблему контроля над развитием и распространением новых технологий [Тимербаев 1999; End of an Era... 2021; Gallagher et al. 2023].

Вопрос о том, как на американскую политику в отношении Евратома повлияло соперничество сверхдержав, является недостаточно изученным. Совершенно очевидно, что США были заинтересованы в успехе европейских усилий по созданию единой и процветающей Западной Европы, которая могла бы стать надежным партнером в конфликте между Востоком и Западом [Ludlow 2010: 179–181]. Вашингтон демонстрировал готовность делиться технологиями с союзниками, что позволяло США сохранять политическое лидерство в Североатлантическом альянсе. Развитие науки и технологий в СССР, особенно в космической отрасли, стало серьезным вызовом для отношений с союзниками, поставив американское технологическое лидерство под вопрос.

Методы и материалы

Основным источником для проведения исследования стали американские дипломатические документы, опубликованные в серии «Внешняя политика США»¹, а также собранные автором в двух американских архивах – Национальном архиве США (Колледж-Парк, штат Мэриленд) и Архиве национальной безопасности США (Вашингтон, округ Колумбия). В ходе исследования привлекались речи и воспоминания американских политиков. Данная группа источников позволила выявить цели американской политики. Для установления технических деталей сотрудничества США с Евратомом автор обратилась к нормативным документам: отчету «Цели Евратома» и соглашению 1958 г. «О сотрудничестве между правительством США и Евратомом в области мирного использования атомной энергии». Исследование проводилось в рамках системного подхода, который позволил проанализировать действия

американского руководства в поддержку Евратома как часть политики, направленной на обеспечение превосходства США над своим главным политическим и идеологическим противником в лице СССР. Обращение к историко-генетическому методу позволило выделить основные этапы американской политики в отношении Евратома.

Результаты

После испытания атомной бомбы США, стремясь удержать монополию на обладание ядерным оружием, прекратили сотрудничество с союзниками в данной сфере. Закон Мак-Магона 1946 г. передал Комиссии по атомной энергии (КАЭ) полный контроль над ядерными материалами и технологиями [Hewlett, Holl 1989: 113]. Однако, после успешных испытаний атомной бомбы в СССР (1949 г.) и Великобритании (1952 г.) стало ясно, что монополию сохранить не получится. Все ядерные державы были заинтересованы в изучении способов применения атомной энергии в гражданских целях. Изучив вопрос о мирном атоме, Объединенная комиссия Конгресса США по атомной энергии в декабре 1952 г. пришла к выводу о том, что это технически возможно, но экономические стимулы для развития ядерной энергетики будут выше за границей [Donnelly 1972: 13–14]. В Вашингтоне начали опасаться, что СССР сможет приобрести большее влияние на международной арене, оказывая помощь другим странам в развитии гражданских ядерных программ.

В ответ на опасность ядерного распространения США предложили программу «Атомы для мира». 8 декабря 1953 г. президент Д. Эйзенхауэр, выступая в ООН, призвал ядерные державы передать часть своих запасов урана и расщепляющихся материалов международному агентству под эгидой ООН для использования в мирных целях². Несмотря на отсутствие опыта в создании энергетических ядерных реакторов и сомнения в экономической целесообразности атомной энергии, политическая ситуация подталкивала США к немедленным действиям [Drogan 2016: 949–950]. Программа «Атомы для мира» стимулировала международное

¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957. Vol. 4. Western European Security and Integration, ed. Slany W. Z. Washington, DC: US GPO, 1988; FRUS. 1958–1960. Vol. 7. Western European Integration and Security; Canada, eds. Landa R. D., Miller Ja. E., Patterson D. S., Sampson C. S. Washington, DC: US GPO, 1993. Pt. 1.

² Atoms for Peace: Address by the President of the United States before the United Nations General Assembly, 8 Dec 1953. *American Foreign Policy, 1950–1955: Basic Documents*. Washington, DC: US GPO, 1957. P. 2803.

сотрудничество в области мирного использования ядерной энергии. Закон об атомной энергии 1954 г. разрешил США сотрудничать с другими странами в развитии атомной энергетики, включая строительство электростанций, продажу патентов и расщепляющихся материалов.

В ответ на американскую инициативу 18 января 1955 г. СССР заявил о готовности помогать странам коммунистического блока в развитии атомной энергетики, включая строительство экспериментальных станций, поставку материалов и обучение специалистов [Ginsburg 1961: 49]. Поскольку только США и СССР обладали ресурсами для масштабных программ в этой сфере, конкуренция стала неизбежной. Обе сверхдержавы стремились как можно быстрее заключить соглашения о сотрудничестве в области мирного атома с максимальным числом стран, опережая друг друга.

Политика СССР заставила Вашингтон пересмотреть свою стратегию. 1 марта 1955 г. Совет национальной безопасности (СНБ) опубликовал доклад о политике США в области мирного атома. СНБ предупреждал, что Великобритания и особенно СССР могут подорвать американское лидерство. В Совете опасались, что СССР будет использовать атомную энергию как политический инструмент для укрепления своего влияния в мире. В докладе отмечалось, что если США не задействуют свой атомный потенциал в политических и психологических целях, то СССР получит преимущество в критически важной сфере холодной войны. СНБ рекомендовал развивать сотрудничество как напрямую с отдельными странами, так и через будущее Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ)³. 12 марта 1955 г. СНБ утвердил директиву № 5507/2 «Мирное использование атомной энергии». В директиве были поставлены задачи: сохранить американское лидерство, содействовать развитию атомной энергетики в дружественных странах и опередить Советский Союз в этой области⁴.

В апреле 1955 г. СССР подписал первые рамочные соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии с рядом социалистических стран. В стремлении

продемонстрировать преимущества социалистической системы СССР предлагал союзникам помощь в строительстве экспериментальных реакторов; соглашения о сотрудничестве вступали в силу немедленно. Индия и другие развивающиеся страны также получили подобные предложения. Быстрое заключение соглашений позволило советской пропаганде объявить Москву лидером в новой сфере международного сотрудничества [Ginsburg 1961: 52]. В отличие от СССР, в мае 1955 г. США только подготовили к подписанию ряд типовых соглашений с союзниками, аналогичных по содержанию. Они предполагали помощь в строительстве исследовательских реакторов с предоставлением до 6 кг обогащенного на 20 % урана для каждого. Страны, получающие помощь, обязывались использовать ядерные материалы исключительно в мирных целях, что подлежало контролю (отчетность, проверки, инспекции). Важным событием стало проведение в августе 1955 г. в Женеве международной конференции по мирному использованию атомной энергии, которая открыла доступ к ранее засекреченной информации и способствовала расширению международного сотрудничества в этой сфере.

В американских технологиях были заинтересованы страны Западной Европы, которые опасались своей растущей зависимости от импортного топлива [Polach 1964: 39]. Энергетическая уязвимость Европы усилила интерес к альтернативным источникам энергии, особенно атомной. Председатель Верховного органа Европейского объединения угля и стали (ЕОУС)⁵ Ж. Монне предложил использовать мирный атом для дальнейшего развития европейской интеграции [Winand 1994: 72]. Администрация Д. Эйзенхауэра поддерживала процесс создания единой Европы, а исполняющий обязанности представителя США в ЕОУС Р. Эйзенберг разделял точку зрения Ж. Монне о том, что «настоящий прогресс в направлении интеграции можно ожидать только в области атомной энергии»⁶.

Создание Евратома было потенциально выгодным для США по нескольким причинам. Во-первых, это могло способствовать европейской интеграции. Во-вторых, американцы надеялись, что объединение

³ Peaceful Uses of Atomic Energy. National Security Council Report NSC 5507/1, 1 Mar 1955. *Digital National Security Archive (DNSA)*, Presidential Directives Collection: PD00443.

⁴ Peaceful Uses of Atomic Energy. NSC Directive 5507/2, 12 Mar 1955, *DNSA*, Presidential Directives Collection: PD00444.

⁵ Членами ЕОУС были Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург.

⁶ FRUS. 1955–1957. Vol. 4. P. 301. Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

поможет предотвратить распространение ядерного оружия, гарантируя безъядерный статус Германии и сдерживая ядерные амбиции Франции [Skogmar 2004]. В-третьих, развитие европейской атомной энергетики могло увеличить продажи американских реакторов, которые планировалось предлагать в пакете с более дешевым, чем у других поставщиков, обогащенным ураном⁷. Немаловажную роль играл и фактор холодной войны: администрация Д. Эйзенхауэра считала стремление «шестерки» создать новый мировой центр атомной энергетики полезным вкладом европейцев в общую мощь Атлантического альянса.

В то время, когда США вместе с Великобританией контролировали почти все запасы природного урана, создание Евратома было бы практически невозможным без поддержки Вашингтона. Однако, вопрос о том, как именно сотрудничать с европейскими странами, вызывал разногласия в американском правительстве. КАЭ и зарождающаяся американская атомная промышленность поддерживали двусторонние соглашения и связанные с ними коммерческие выгоды, в то время как Госдепартамент выступал за непосредственное сотрудничество с Евратомом [Helmreich 1991: 388]. После Женевской конференции научно-технологический разрыв между США и другими промышленно развитыми странами стал быстро сокращаться, что могло привести к потере важных рычагов воздействия на европейские решения [Krige 2016: 30–31]. В апреле 1956 г. КАЭ и Госдепартамент, выполняя поручение президента Д. Эйзенхауэра, представили совместный доклад, в котором перечислялись меры поддержки Евратома: передача урана-235 и других атомных материалов сообществу после его создания, обмен рассекреченной информацией, обучение специалистов в США и предоставление финансовой помощи. В докладе говорилось о необходимости заверить «шестерку», что Сообщество получит больше американской помощи, чем какое-либо государство по двустороннему соглашению⁸. Госдепартамент рекомендовал сразу после создания Евратома предложить Сообществу крупную

программу сотрудничества, особенно в области научных исследований.

Европейско-американское сотрудничество в атомной сфере складывалось также как противовес растущему влиянию СССР в этой области. В Советском Союзе активно развивали атомную энергетику, а давление со стороны коммунистических стран вынудило Москву расширить обмен знаниями с союзниками. В 1956 г. был создан Объединенный институт ядерных исследований в Дубне для координации научных работ стран коммунистического блока [Ginsburg 1961]. В апреле 1956 г. СССР предложил Европейской экономической комиссии ООН создать общеевропейский орган по мирному использованию атомной энергии [Липкин 2011: 186]. Хотя это предложение, вероятно, было пропагандистским ходом, направленным против Евратома, в США опасались, что страны Западной Европы могут им заинтересоваться⁹.

Суэцкий кризис осени 1956 г. и последовавшие за ним перебои с поставками нефти убедительно продемонстрировали значение развития атомной энергетики в качестве замены ближневосточной нефти. Страны «шестерки» учредили специальный комитет «трех мудрецов», которому было поручено составить разумные производственные планы для Евратома, определить вероятные сроки строительства первых атомных электростанций, выявить финансовые проблемы программы, а также изучить возможности для сотрудничества сообщества с ядерными державами. 25 марта 1957 г. в Риме были подписаны договоры об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Евратома. В цели Евратома входило развитие мирной ядерной энергетики в странах «шестерки», совместные исследования, установление контроля над поставками и распределением ядерных материалов, принятие единых стандартов безопасности на ядерных объектах, международное сотрудничество в данной отрасли¹⁰.

Незадолго до подписания договора члены комитета «трех мудрецов» нанесли визит в США, Великобританию и Канаду, чтобы оценить

⁷ Proposals for a Six Nation European Atomic Energy Authority Patterned on the Schuman Plan. Memorandum of Conversation, 15 Jul 1955. *National Archives and Records Administration (NARA)*. State Department Record Group (RG 59). Box 445. Folder 19.8r.

⁸ FRUS. 1955–1957. Vol. 4. P. 424–429.

⁹ A New US Approach to EURATOM. Memorandum, 25 Sep 1956. *NARA*. RG 59. Box 447. Folder 19.8 General.

¹⁰ Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии. *Европейский союз: Прошлое, настоящее, будущее. Т. 1. Документы Европейского союза*. М.: Право, 1994. С. 295.

возможности иностранных ядерных реакторов применительно к потребностям европейских стран¹¹. В ходе визита в США «мудрецы» посетили некоторые атомные электростанции и форум по атомной энергии в Нью-Йорке, где встретились с представителями американской атомной промышленности. Американские бизнесмены, однако, не смогли скрыть тот факт, что в США еще не было опыта эксплуатации энергетических реакторов, равно как точных расчетов стоимости атомной энергии [Krige 2016: 55]. Визит подготовил почву для будущего сотрудничества между США и Евратомом. 4 мая 1957 г. был представлен отчет «Цели Евратома». В нем была поставлена цель по выработке к концу 1967 г. 15 млн кВт электроэнергии на атомных электростанциях, что соответствовало примерно 25 % потребности в электроэнергии. Чтобы удовлетворить этот спрос, «шестерке» следовало построить несколько ядерных энергетических реакторов при содействии передовых ядерных держав и заняться разработкой новых типов реакторов, подходящих для нужд Европы. В ближайшее время Сообщество планировало покупать обогащенный американский уран по низкой цене; в отчете открыто признавалась необходимость иностранной помощи для достижения цели Евратома¹².

Запуск спутника в СССР в октябре 1957 г., показавший научно-техническое превосходство Москвы, бросил серьезный вызов США и усилил интерес Вашингтона к развитию научного сотрудничества со странами западного блока. В американской прессе того времени поднимался вопрос – не превратятся ли США в державу второго ранга, если из-за успеха Москвы союзники и развивающиеся страны утратят веру в американское технологическое лидерство [Лекаренко 2024: 133]. Брошенный СССР вызов вынудил Вашингтон ускорить переоценку политики обмена ядерной информацией с союзниками¹³. Шок от запуска спутника предоставил Госдепартаменту уникальную возможность представить сотрудничество в области атомной энергетики как важную инициативу для ответа советскому

вызову и восстановления доверия западноевропейских стран к американскому научно-техническому лидерству [Krige 2008: 35]. Поскольку атомная энергетика США находилась в зачаточном состоянии, американские промышленники имели весьма ограниченные возможности для испытаний различных типов реакторов дома [Nau 1974: 135], что усиливало интерес к международному сотрудничеству. Первый американский реактор на легкой воде в Шиппингпорте (штат Пенсильвания) заработал только в декабре 1957 г.

1 января 1958 г. договоры о создании ЕЭС и Евратома вступили в силу. Поскольку Евратом столкнулся с трудностями начального периода, в Госдепартаменте считали, что американская поддержка Сообщества может сыграть решающую роль в его успехе. В совместном меморандуме Госдепартамента и КАЭ от 28 января 1958 г. подчеркивалось: «по обе стороны Атлантики в срочном порядке ведутся поиски новых видов договоренностей, которые позволили бы объединить богатые научно-технические ресурсы США и Европы. В то время как ряд долгосрочных программ показывает большие перспективы, трудно быстро разработать крупные совместные проекты. К счастью, ...Евратом является исключением, где нам благоприятствует время и где была проделана большая предварительная работа»¹⁴.

8 ноября 1958 г. представители США и Евратома подписали соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Оно было направлено на строительство в странах Евратома шести-восьми энергетических ядерных реакторов американского типа для производства 1 млн кВт электроэнергии. Соглашение также включало обмен рассекреченной информацией, продажу Сообществу обогащенного урана по низкой цене, совместную программу исследований для улучшения технических характеристик реакторов и снижения себестоимости производства атомной энергии¹⁵. Помимо коммерческой выгоды от продажи реакторов и ядерного топлива за границей, Западная Европа должна

¹¹ Visit of EURATOM Wise Men. Memorandum, 1 Feb 1957. NARA. RG 59. Box 447. Folder 19.8 General.

¹² Report by the Three Wise Men on Euratom, 4 May 1957. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/report_by_the_three_wise_men_on_euratom_4_may_1957-en-e72917a4-3c9d-48b1-b8cb-41307736731e.html (accessed 25 Dec 2022).

¹³ Anderson C. P. Outsider in the Senate: Senator Clinton Anderson's Memoirs. New York: World Publishing Company, 1970. P. 168.

¹⁴ FRUS. 1958–1960. Vol. 7. P. 5.

¹⁵ Agreement for Cooperation between the Government of the United States of America and the European Atomic Energy Community (EURATOM) Concerning Peaceful Uses of Atomic Energy, 8 Nov 1958. *United States Treaties and Other International Agreements*. Vol. 10. 1959. Washington, DC: US GPO, 1960. P. 75–87.

была служить полигоном для испытания реакторов, разработанных, но еще не проверенных в самих США. Для европейцев совместная программа предоставляла доступ к новейшим американским технологиям [Winand 1994: 99, 101].

Через несколько лет после Суэцкого кризиса энергетическая ситуация в Западной Европе радикально изменилась в связи с установлением относительной политической стабильности на Ближнем Востоке, увеличением доступности и снижением цены на традиционные источники энергии. В 1959 г. цены на нефть пошли вниз, в том числе из-за открытия новых месторождений. Наличие относительно дешевых источников обычного топлива заметно уменьшило потребность в развитии крупномасштабной атомной энергетики. Стало понятно, что доклад «Цели Евратома» неверно оценил как европейские потребности в атомной энергии, так и ее стоимость. Проблему для Евратома представляла и заинтересованность стран «шестерки» в развитии сотрудничества с Вашингтоном на двусторонней основе. В результате программа сотрудничества США с Евратомом была выполнена лишь частично. Всего по программе было построено три энергетических ядерных реактора в Италии, Бельгии и ФРГ. Приоритеты Евратома сместились от производства атомной энергии в сторону проведения исследований.

Заключение

Холодная война и технологическое соперничество с СССР создали дополнительный стимул для американской поддержки Евратома. Предложенная Соединенными Штатами программа «Атомы для мира» открыла новое поле для борьбы между сверхдержавами в области мирного использования атомной энергии. Обе сверхдержавы стремились подписать соглашения о сотрудничестве в данной области с как можно большим количеством стран и обойти соперника. Готовность Вашингтона

поделиться своим научно-технологическим опытом с союзниками способствовала успеху переговоров о создании Евратома. Несмотря на то что сами США почти не обладали опытом в строительстве энергетических ядерных реакторов, динамика соперничества сверхдержав требовала, чтобы Вашингтон оставался активным игроком. Запуск спутника в СССР нанес серьезный удар по американскому технологическому лидерству и усилил аргументы в пользу сотрудничества США с Евратомом. Быстрое заключение соглашения о сотрудничестве между США и Евратомом могло усилить пошатнувшееся доверие союзников к американскому лидерству в области науки и техники. Таким образом, холодная война усилила интерес США к европейской интеграции. В ходе выполнения программы сотрудничества стороны столкнулись с рядом трудностей, включая интерес стран Евратома к сотрудничеству с США на двусторонней основе в противовес совместной программе, неверные прогнозы о спросе на атомную энергию и ее стоимости, падение цен на нефть ввиду стабилизации политической обстановки на Ближнем Востоке. Это привело к тому, что совместная программа США и Евратома не была реализована в полном объеме. Большой прогресс наблюдался в области совместных исследований, меньший – в строительстве энергетических ядерных реакторов в странах Евратома с американской помощью. Однако американская поддержка помогла Евратому начать свою работу, что имело большое значение для развития европейской интеграции в целом.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Афанасьева Л. А., Йорыш А. И., Кучиков В. П. и др. Евратом: правовые проблемы. М.: Наука, 1992. 240 с. [Afanasyeva L. A., Yorysh A. I., Kuchikov V. P., et al. *Euratom: Legal problems*. Moscow: Nauka, 1992, 240. (In Russ.)]
- Лекаренко О. Г. «Свои» и «чужие» в космической гонке: американская пресса о «Спутнике». *Имагология Холодной войны: «Свои» и «чужие» в массовой культуре СССР и США*, отв. ред. О. В. Рябов. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. С. 130–137. [Lekarenko O. G. "Us" and "Them" in the space race: The American press on "Sputnik". *Imagology of the Cold War: Us and Them in the Mass Culture of the USSR and the USA*, ed. Ryabov O. V. St. Petersburg: Herzen RSPU, 2024, 130–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oruute>

- Лекаренко О. Г. США и процесс объединения стран Западной Европы в 1955–1963 гг. Томск: ТГУ, 2012. 408 с. [Lekarenko O. G. *The United States and the process of unification of the countries of Western Europe in 1955–1963*. Tomsk: TSU, 2012, 408. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpxtzb>
- Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х – середина 1960-х годов. М.: ИВИ РАН, 2011. 304 с. [Lipkin M. A. *The Soviet Union and European Integration: Mid-1940s – mid-1960s*. Moscow: IGH RAS, 2011, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sniqpj>
- Тимербаев Р. М. Россия и ядерное нераспространение: 1945–1968. М.: Наука, 1999. 383 с. [Timerbaev R. M. *Russia and nuclear non-proliferation: 1945–1968*. Moscow: Nauka, 1999, 383. (In Russ.)]
- Bates E. Making the most of a crisis: What Sputnik should have taught us. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, 2020. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep24775?seq=5> (accessed 10 Feb 2025).
- Chaben J. B. Extending humanity's reach: A public-private framework for space exploration. *Journal of Strategic Security*, 2020, 13(3): 75–98. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.13.3.1811>
- Cobb W. N. W., Frazier D. V. The space race during the Cold War: The quest for prestige and security. In: Cobb W. N. W., Frazier D. V. *Space policy for the twenty-first century*. Gainesville: University Press of Florida, 2024, 23–47. <https://doi.org/10.2307/jj.13167850.8>
- Donnelly W. H. *Commercial nuclear power in Europe: The interaction of American diplomacy with a new technology*. Washington, DC: US GPO, 1972, 163.
- Drogan M. The nuclear imperative: Atoms for peace and the development of U.S. policy on exporting nuclear power, 1953–1955. *Diplomatic History*, 2016, (5): 948–974.
- End of an era: The United States, Russia, and nuclear nonproliferation*, eds. Bidgood S., Potter W. C. James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS), 2021, 298.
- Gallagher N. W., Rand L., Entrikin D., Aoki N. The desirability and feasibility of strategic trade controls on emerging technologies. *Maryland: Center for International & Security Studies*, 2023, 91.
- Ginsburg G. Soviet atomic energy agreements. *International Organization*, 1961, 15(1): 49–65.
- Helmreich J. E. The United States and the formation of EURATOM. *Diplomatic History*, 1991, 15(3): 387–410.
- Hewlett R. G., Holl J. M. *Atoms for peace and war, 1953–1961: Eisenhower and the Atomic Energy Commission*. Berkeley, CA: University of California Press, 1989, 744.
- Krige J. NATO and the strengthening of Western science in the post-Sputnik era. *Minerva*, 2000, 38(1): 81–108. <https://doi.org/10.1023/a:1026549723657>
- Krige J. *Sharing knowledge, shaping Europe: US technological collaboration and nonproliferation*. Cambridge, MA: MIT Press, 2016, 240.
- Krige J. The peaceful atom as political weapon: EURATOM and American foreign policy in the late 1950s. *Historical Studies in the Natural Sciences*, 2008, 38(1): 5–44. <https://doi.org/10.1525/hsns.2008.38.1.5>
- Ludlow P. European integration and the Cold War. *The Cambridge history of the Cold War. Vol. 2: Crises and Détente*, eds. Leffler M. P., Westad O. A. New York: Cambridge University Press, 2010, 179–197.
- Nau H. N. *National politics and international technology: Nuclear reactor development in Western Europe*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1974, 287.
- O'Driscoll M., Lake G., Lodge J. *The European parliament and the Euratom treaty: Past, present and future*. Working Paper, Energy and Research Series, ENER 114 EN, Luxembourg: European Parliament, 2002. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2002/313072/DG-4-JOIN_ET\(2002\)313072_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2002/313072/DG-4-JOIN_ET(2002)313072_EN.pdf) (accessed 10 Feb 2025).
- Polach J. G. *EURATOM: Its background, issues and economic implications*. New York: Oceana Publishers, 1964, 232.
- Schwarz I. The United States and the creation of the European Atomic Energy Community 1955–1958. *Lettre d'Information des Historiens de l'Europe Contemporaine*, 1992, 7(3-4): 209–224.
- Skogmar G. *The United States and the nuclear dimension of European integration*. New York: Palgrave Macmillan, 2004, 342.
- Thomasen G. Non-proliferation at any cost? Greenlandic uranium, Denmark and Euratom, 1958–1985. *The International History Review*, 2021, 43(2): 399–416. <https://doi.org/10.1080/07075332.2020.1713190>
- Winand P. *Eisenhower, Kennedy and the United States of Europe*. London: Macmillan Press, 1994, 448.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fdoysv>

Влияние ядерного фактора на формирование военных доктрин СССР и США в период холодной войны

Майоров Георгий Александрович

Государственный университет управления, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4500-9371

<https://orcid.org/0009-0007-7451-7650>

maiorov.7575@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется проблема трансформирующего влияния ядерного фактора на военные доктрины СССР и США в период холодной войны, определявшего логику стратегического противоборства сверхдержав. Актуальность темы обусловлена сохраняющейся ролью ядерного сдерживания в современной системе международной безопасности, новизна заключается в комплексном сравнительно-историческом анализе взаимовлияния технологических и доктринальных аспектов ядерного противостояния. Цель – выявить механизмы трансформации военно-стратегического мышления сверхдержав под воздействием ядерного фактора. Методологической основой исследования служат принципы историзма и системности, методы сравнительно-исторического анализа и периодизации. На основе широкого спектра источников (доктринальные документы, международные договоры, аналитические материалы Стокгольмского международного института исследования проблем мира, историографические работы) анализируется эволюция стратегического мышления от начального этапа ядерной монополии США до формирования концепций ядерного сдерживания, взаимного гарантированного уничтожения и ядерной триады. Результаты исследования включают авторскую периодизацию эволюции ядерных стратегий: этап становления (1945–1953 гг.), этап классического ядерного сдерживания (1954–1969 гг.), этап стратегической стабильности (1970–1985 гг.), этап трансформации (1986–1991 гг.). Выявлена асимметрия в подходах сверхдержав к развитию компонентов ядерной триады. Сделан вывод, что ядерный фактор качественно изменил природу военного противостояния, создав систему стратегической стабильности, основанную на взаимном сдерживании, и стимулировал развитие механизмов контроля над вооружениями, многие из которых сохраняют актуальность в современных международных отношениях.

Ключевые слова: холодная война, ядерное сдерживание, военные доктрины, стратегическая стабильность, гонка вооружений, СССР, США

Цитирование: Майоров Г. А. Влияние ядерного фактора на формирование военных доктрин СССР и США в период холодной войны. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1112–1123. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1112-1123>

Поступила в редакцию 09.03.2025. Принята после рецензирования 23.05.2025. Принята в печать 26.05.2025.

full article

Nuclear Factor and Its Impact on Military Doctrines of the USSR and the USA during the Cold War

Georgy A. Mayorov

State University of Management, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4500-9371

<https://orcid.org/0009-0007-7451-7650>

maiorov.7575@mail.ru

Abstract: The Cold War doctrines of the USSR and the USA were shaped by the nuclear factor. Today, nuclear deterrence remains a major factor of international security. This article offers a comprehensive comparative historical analysis of the mutual influence in the technological and doctrinal aspects of nuclear confrontation.

The authors studied doctrinal documents, international treaties, analytical materials (Stockholm International Peace Research Institute), and historiographical works to trace the evolution of strategic thinking from the initial stage of the US nuclear monopoly to the formation of concepts of nuclear deterrence, mutual assured destruction, and the nuclear triad. The evolution of nuclear strategies was periodized as follows: formation (1945–1953); classical nuclear deterrence (1954–1969), strategic stability (1970–1985), transformation (1986–1991). While the approaches that the superpowers applied to the nuclear triad were rather asymmetric, the nuclear factor changed the nature of military confrontation, creating a system of strategic stability based on mutual deterrence. It yielded new arms control mechanisms, many of which remain relevant in the modern international relations.

Keywords: Cold War, nuclear deterrence, military doctrines, strategic stability, arms race, USSR, USA

Citation: Mayorov G. A. Nuclear Factor and Its Impact on Military Doctrines of the USSR and the USA during the Cold War. *SibScript*, 2025, 27(6): 1112–1123. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1112-1123>

Received 9 Mar 2025. Accepted after peer review 23 May 2025. Accepted for publication 26 May 2025.

Введение

В череде исторических событий прошлого столетия противостояние между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, известное как холодная война, занимает особое место. Несмотря на то что противоборство двух сверхдержав уходит корнями в середину XX в., многие его аспекты не утратили своей актуальности и по сей день. Вглядываясь в события прошлого с позиций современности, мы обнаруживаем не просто отголоски ушедшей эпохи, но и трансформацию исторических процессов, при которой определенные доминантные черты сохраняются в новых формах. Одним из главных факторов, определявших динамику советско-американских отношений в период холодной войны, был ядерный. Появление ядерного оружия коренным образом изменило стратегический ландшафт и оказало существенное влияние на формирование военных доктрин двух сверхдержав. Хотя интенсивность противостояния между СССР и США в те годы может показаться гипертрофированной с позиции сегодняшнего дня, нельзя не признать, что многие его элементы сохраняют свою значимость и на современном историческом этапе. Символом напряженности, порожденной ядерным фактором, стали так называемые часы Судного дня, созданные учеными-атомщиками в 1947 г. Согласно экспертным оценкам, в 2025 г. стрелки этих часов показывали 89 секунд до полуночи – самый низкий результат за всю историю их существования¹. Эта ситуация перекликается с событиями Карибского

кризиса 1962 г., когда мир оказался на грани ядерной катастрофы из-за конфронтации между СССР и США.

Историографический анализ проблемы влияния ядерного фактора на военные доктрины демонстрирует существенную эволюцию научных подходов. В ранней историографии 1950–1970-х гг., представленной трудами Дж. Аллена [Аллен 1952], Г. Альпровица [Алпровиц 1968], проблема трактовалась преимущественно с позиции критики атомной дипломатии и атомного империализма США. В исследованиях В. В. Ларионова, И. Хозина, А. И. Иойрыша, И. Д. Морохова, С. К. Иванова ядерная стратегия СССР рассматривалась сугубо в оборонительном контексте [Иойрыш и др. 1980; Ларионов 1980; Хозин 1977]. Период конца 1970-х – 1980-х гг. ознаменовался появлением более сбалансированных работ, где впервые были предприняты попытки комплексного анализа ядерного фактора в контексте стратегической стабильности [Орлов 1989; Рогов 1989; Трухановский 1985].

Значительный прорыв в исследовании проблемы произошел в 1990-е гг. после рассекречивания ряда архивных материалов. Работы В. П. Визгина, А. А. Яцкова, Д. Холлоуэя, А. К. Круглова, В. Л. Малькова внесли существенный вклад в понимание роли ядерного фактора в стратегическом противостоянии сверхдержав [Визгин, Яцков 1992; Круглов 1995; Мальков 1995; Холлоуэй 1997]. На современном этапе исследования характеризуются междисциплинарным подходом, интегрирующим

¹ Стрелки «Часов Судного дня» перевели на секунду ближе к «ядерной полуночи». ТАСС. 28.01.2025. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/22994857/amp?utm_source=ru.wikipedia.org&utm_medium=referral&utm_campaign=ru.wikipedia.org&utm_referrer=ru.wikipedia.org (дата обращения: 15.02.2025).

военно-стратегические, дипломатические и технологические аспекты проблемы [Кокошин 2003; Лота 2002; Фененко 2020; Arbatov 2000]. В западной историографии наблюдалась схожая эволюция от работ Дж. Гэддиса [Gaddis 1987] и М. Шервина [Sherwin 1987] с преимущественно технологическим и политическим фокусом до системных исследований М. Банди [Bundy 1988], Р. Роудса [Rhodes 1995], С. Залогы [Zaloga 1993], анализирующих психологические, доктринальные и культурные, идеологические аспекты ядерного сдерживания. Особую ценность представляют труды специалистов Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ) и Центра политических исследований России, позволяющие проследить динамику влияния ядерного фактора на военные доктрины в контексте процессов контроля над вооружениями и режима нераспространения.

Однако несмотря на значительное количество работ по истории ядерного противостояния, в существующей историографии недостаточно изучена проблема взаимовлияния военно-технических и доктринальных аспектов ядерного фактора. Новизна настоящего исследования заключается в комплексном сравнительно-историческом анализе трансформации военных доктрин СССР и США под влиянием ядерного фактора с акцентом на институциональные механизмы адаптации стратегического мышления к новым технологическим реалиям. В отличие от большинства предшествующих работ, концентрировавшихся либо на технологической, либо на политической составляющей проблемы, данное исследование предлагает интегративный подход, рассматривающий военные доктрины как сложные адаптивные системы, эволюционировавшие в условиях технологических прорывов, стратегической неопределенности и идеологического противостояния. В статье также представлена периодизация эволюции ядерных компонентов военных доктрин, отражающая качественные изменения не только в арсеналах и технологиях, но и в концептуальном осмыслении роли ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности сверхдержав.

Цель – выявить механизмы трансформации военно-стратегического мышления сверхдержав под воздействием ядерного фактора. Для достижения поставленной цели представляется необходимым исследовать эволюцию стратегического мышления двух сверхдержав под воздействием

разработки и накопления ядерных арсеналов, а также изучить, как ядерный фактор трансформировал концептуальные основы обеспечения национальной безопасности СССР и США. Актуальность темы исследования обусловлена не только значимостью осмысления исторического опыта холодной войны, но и необходимостью выявления долгосрочных последствий влияния ядерного фактора на международные отношения. Понимание того, как наличие ядерного оружия изменило логику стратегического противоборства в прошлом, может способствовать выработке более эффективных подходов к обеспечению стабильности и предотвращению конфликтов в ядерную эпоху.

Методы и материалы

Исследование основано на анализе широкого спектра исторических источников:

1. Официальные доктринальные документы – меморандумы Совета национальной безопасности США (СНБ-68, СНБ 162/2), документы по стратегии массированного возмездия (1954), концепции гибкого реагирования (1962). Эти источники позволяют проследить эволюцию официальных установок относительно роли ядерного оружия в военных доктринах. Доктринальные документы СССР представлены более фрагментарно в силу их закрытого характера в советский период.

2. Международные договоры и соглашения в сфере контроля над ядерными вооружениями: Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (1963), Договор по ПРО (1972), ОСВ-I (1972), Договор о РСМД (1987), СНВ-I (1991), СНВ-II (1993), Будапештский меморандум (1994) и др.

3. Мемуарная литература – воспоминания С. Ф. Ахромеева и Г. М. Корниенко «Глазами маршала и дипломата», материалы выступлений государственных деятелей, что дает представление о мотивах принятия стратегических решений.

4. Аналитические материалы международных исследовательских центров – ежегодники и специальные исследования СИПРИ (1968/69, 1972), содержащие статистические данные по динамике ядерных вооружений и их структуре, а также экспертные оценки.

5. Историографические работы – труды представителей различных направлений отечественной и зарубежной историографии (А. С. Орлов, В. В. Ларионов, С. М. Рогов, Дж. Гэддис, Р. Роудс, С. Залог), отражающие эволюцию научных подходов к проблеме.

Методологической основой работы послужили принципы историзма, системности и научной объективности, методы сравнительно-исторического анализа, периодизации и историко-генетический подход, позволившие проследить эволюцию ядерных стратегий в их историческом развитии и взаимосвязи.

Результаты

Прежде чем перейти к непосредственному определению влияния ядерного фактора на формирование военных доктрин СССР и США в период холодной войны, представляется необходимым определить понятия настоящего исследования. Под военной доктриной мы понимаем систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к войне, ее предотвращение, ведение и обеспечение безопасности страны. Военная доктрина затрагивает политические, экономические и собственно военные аспекты обеспечения обороны и отражает совокупность взглядов на военно-политические цели государства, характер будущей войны и способы ее ведения [Забузов 2018]. Ядерный фактор рассматривается нами как совокупность обстоятельств и условий, связанных с наличием ядерного оружия и оказывающих существенное влияние на военно-политическую стратегию государств и их взаимоотношения на международной арене [Кокошин 2003]. Ядерный фактор включает в себя наличие ядерных арсеналов и средств их доставки, доктринальные установки относительно роли ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности, режимы контроля над ядерными вооружениями, вопросы распространения и нераспространения ядерных технологий, проблему стратегической стабильности и устойчивости ядерного сдерживания.

Переходя к историческому анализу, отметим, что истоки ядерного противостояния между СССР и США уходят корнями в период Второй мировой войны. Разработка ядерного оружия, начатая в рамках Манхэттенского проекта в 1942 г. [Роудс 2020], заложила фундамент для последующей трансформации стратегического ландшафта. Успешное испытание первой атомной бомбы «Тринити» 16 июля 1945 г. [Там же: 755] и последующее применение ядерного

оружия против японских городов Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г. [Bernstein 1995] продемонстрировали колоссальную разрушительную мощь нового вида вооружения.

Под впечатлением от опустошительных последствий атомных бомбардировок лидеры СССР осознали необходимость ликвидации монополии США на ядерное оружие. 20 августа 1945 г. был создан Специальный комитет при ГКО СССР по решению атомной проблемы во главе с Л. П. Берией² [Родин 2012]. Одну из незаменимых ролей в развертывании советского атомного проекта сыграл выдающийся физик и организатор науки И. В. Курчатов³. Под его руководством была создана уникальная кооперация научных и производственных организаций, нацеленная на решение атомной проблемы. Развернувшаяся при активном участии разведки работа по созданию советской атомной бомбы увенчалась успехом 29 августа 1949 г., когда на Семипалатинском полигоне было проведено первое испытание РДС-1 [Роудс 2020].

По исследовательским оценкам, к началу 1950-х гг. США обладали примерно 300 ядерными боезарядами, в то время как СССР имел не более 5 единиц⁴. Это количественное неравенство определяло асимметричный характер ядерного противостояния на начальном этапе и во многом обусловило агрессивную риторику американского руководства [Иванян 2001]. Однако обретение Советским Союзом статуса ядерной державы в корне изменило стратегический баланс сил. США утратили монополию на атомное оружие, что побудило администрацию президента Г. Трумэна активизировать работы по созданию еще более мощного термоядерного оружия. В секретном документе Совета национальной безопасности США в 1950 г. отмечалось, что если США разработают термоядерное оружие раньше Советского Союза, они смогут в течение какого-то времени оказывать усиленное давление на СССР. Результатом стало успешное испытание первой американской водородной бомбы «Иви Майк» на атолле Эниветок 1 ноября 1952 г. [Rhodes 1995]. СССР в свою очередь также форсировал разработку термоядерного оружия, и 12 августа 1953 г. на Семипалатинском полигоне

² О Специальном комитете [по использованию атомной энергии] при ГКО. Распоряжение Государственного комитета обороны № ГКО-9887сс/ов от 20.08.1945.

³ Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. 2. Кн. 1: Атомная бомба, 1945–1954, отв. сост. Г. А. Гончаров. М.: Наука; Физматлит, 1999. 718 с.

⁴ SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmament 1968/69. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1969. 860 p.

была испытана первая советская водородная бомба РДС-6с [Kojevnikov 2004]. Появление термоядерного оружия вывело гонку ядерных вооружений на качественно новый уровень. Колоссальная разрушительная мощь водородных бомб, на порядки превосходящая атомные, потребовала переосмысления основ стратегической стабильности.

В этих условиях в военных доктринах СССР и США начали формироваться концепции ядерного сдерживания, основанные на способности нанести неприемлемый ущерб противнику даже в случае получения первого удара [Gaddis 1987]. В одном из пунктов программного документа США СНБ 162/2 отмечалось, что в случае военных действий Соединенные Штаты будут рассматривать ядерное оружие как доступное для использования наряду с другими боеприпасами⁵. В 1954 г. главный научный консультант президента США Дж. Киллиан высказал идею о том, что в условиях ядерного паритета единственным рациональным вариантом поведения сторон является *mutually assured destruction* – взаимное гарантированное уничтожение (ВГУ) – ситуация, при которой нападение неизбежно вызовет ответный удар и гибель нападающего [Getting MAD... 2004]. По мысли Дж. Киллиана, осознание неотвратимости такого исхода должно было удерживать СССР и США от применения ядерного оружия. Концепция ВГУ легла в основу ядерной стратегии США и нашла отражение в доктринальных документах – например, в стратегии массированного возмездия (*Massive retaliation*) 1954 г. [Фененко 2020]. На практике ВГУ требовало наращивания стратегических сил для обеспечения способности нанести сокрушительный ответный удар. Это привело к интенсификации гонки ядерных вооружений, в которую оказались вовлечены обе сверхдержавы.

В СССР доктрина ядерного сдерживания также получила развитие, хотя и со своими особенностями.

Советское руководство исходило из того, что ядерная война не может быть средством достижения политических целей и должна быть предотвращена [Kokoshin 1998]. В то же время военная доктрина СССР придавала большое значение необходимости поддержания стратегического паритета с США и способности нанести неприемлемый ущерб противнику в случае агрессии [Arbatov 2000]. Стремление обеих сверхдержав обеспечить гарантированное нанесение ответного ядерного удара породило концепцию ядерной триады (рис.) – сочетание межконтинентальных баллистических ракет (МБР), стратегических бомбардировщиков и атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) [Никонов и др. 1986: 56]. Каждый из компонентов триады должен был обладать способностью самостоятельно нанести противнику неприемлемый ущерб, что повышало устойчивость стратегических сил и затрудняло возможность их обезоруживающего удара.

США изначально делали ставку на стратегическую авиацию как основной компонент ядерных сил. Созданное в 1946 г. Стратегическое авиационное командование (SAC) было ведущим элементом американской ядерной триады до конца 1960-х гг. Советский Союз, учитывая уязвимость своей территории для авиационных ударов в условиях глобального окружения американскими военными базами, сделал приоритетным развитие ракетных технологий. Создание в 1959 г. Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) как отдельного вида вооруженных сил подчеркивало особый статус ракетно-ядерного компонента в советской военной доктрине. Морской компонент триады также развивался асимметрично. США, обладая преимуществом в океанских акваториях, создали систему передового базирования атомных подводных лодок

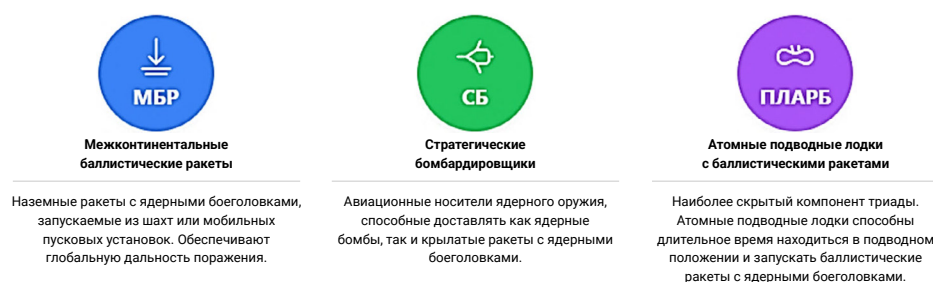

Рис. Структурные компоненты ядерной триады
Fig. Structural components of the nuclear triad

⁵ Report to the National Security Council by the Executive Secretary on the National Security Policy. NSC 162/2. 30 Oct 1953. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsc-hst/nsc-162-2.pdf> (accessed 15 Feb 2025).

с баллистическими ракетами. Для СССР наращивание морского компонента триады было сопряжено с проблемой выхода в открытое море через контролируемые НАТО проливы и узости, что потребовало разработки специфических оперативных концепций и технических решений. Советская доктрина предусматривала использование мобильных комплексов сухопутного базирования как компенсацию относительной уязвимости морского компонента. Формирование ядерной триады способствовало увеличению разнообразия стратегических вооружений и усложнению архитектуры ядерного сдерживания. В арсеналах СССР и США появились разнообразные системы доставки ядерных боезарядов, включая баллистические и крылатые ракеты, оснащенные как моноблочными, так и разделяющимися головными частями [Zaloga 1993]. Росло число ядерных боеголовок, совершенствовались системы управления и связи, обеспечивавшие живучесть и надежность ядерных сил. По данным СИПРИ, к началу 1970-х гг. структура ядерных триад СССР и США приобрела определенный вид (табл. 1⁶).

Эта гонка ядерных вооружений достигла своего пика в 1960-е гг. Интенсивность гонки ядерных вооружений наглядно демонстрирует динамика ядерных испытаний, проводимых ядерными державами.

Приводя статистические выдержки из аналитического центра СИПРИ⁷, отметим, что в период 1945–1968 гг. было проведено 748 ядерных испытаний, причем на долю СССР и США приходилось более 90 % от их общего числа (табл. 2). Особенно показательно резкое увеличение частоты испытаний накануне Карибского кризиса, что отражало нарастание напряженности между сверхдержавами.

Карибский ракетный кризис 1962 г. продемонстрировал, насколько высоки ставки в ядерном противостоянии сверхдержав. Данный период стал своеобразной точкой бифуркации не только в российской, но и в мировой истории [Маханьков, Самыловская 2023]. Осознание опасности неконтролируемой эскалации подтолкнуло лидеров СССР и США Н. С. Хрущева и Дж. Кеннеди к поиску путей снижения напряженности и ограничения гонки вооружений. Результатом стало заключение первого в истории советско-американского Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (атмосфере, космическом пространстве и под водой) от 5 августа 1963 г.⁸ [Самойловская 2023]. Хотя договор не затронул подземные испытания и не ограничивал наращивание ядерных арсеналов, он заложил основу для последующего диалога по контролю над вооружениями. В 1960-е гг. в военных доктринах

Табл. 1. Сравнительная структура ядерных триад СССР и США на 1 января 1972 г.

Tab. 1. Soviet vs. US nuclear triads, January 1, 1972

Тип вооружений	США	СССР
Наземный компонент		
Межконтинентальные баллистические ракеты	1054 (150 с разделяющимися головными частями, 904 – без них)	1520
Морской компонент		
Баллистические ракеты подводных лодок	656 (544 Поларис, 112 Посейдон)	500 (400 класса Янки, 100 ранних типов)
Крылатые ракеты морского базирования	–	270
Всего (морской компонент)	656	770
Авиационный компонент		
Стратегические бомбардировщики	531	140
Общее количество стратегических носителей	2241	2430

⁶ Сост. по: SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmament 1972. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1972. P. 2.

⁷ SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmament 1968/69. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1969. P. 242.

⁸ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Москва, 05.08.1963. ИПП Гарант.

Табл. 2. Ядерные испытания 1945–1968 гг.

Tab. 2. Nuclear tests, 1945–1968

Страна	1945–1949	1950–1955	1956–1960	1961–1962	1963*	1963**	1964–1966	1967–1968	Всего
США	6	58	108	97	40	8	95	65	477
СССР	1	7	48	74	–	–	30	22	182
Великобритания	–	4	18	2	–	–	1	–	25
Франция	–	–	3	2	1	1	7	8	22
Китай	–	–	–	–	–	–	4	3	7
Всего	7	69	177	175	41	9	137	98	713

Прим.: * – испытания до 10 октября 1963 г. (до вступления в силу Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах),

** – после 10 октября 1963 г.

СССР и США происходил пересмотр роли ядерного оружия. Если в 1950-е гг. ядерное оружие рассматривалось преимущественно как инструмент ведения боевых действий, то в 1960-е гг. акцент сместился на его сдерживающую функцию. В США получила развитие концепция гибкого реагирования, предполагавшая адаптацию масштабов применения ядерного оружия к конкретным сценариям конфликта – в дальнейшем она станет официальной стратегией и блока НАТО [Хозин 1977]. В СССР также признавалась необходимость контроля над эскалацией и ограничения масштабов ядерной войны.

1970-е гг. ознаменовались прорывом в советско-американском диалоге по ограничению стратегических вооружений. 26 мая 1972 г. в ходе визита президента США Р. Никсона в Москву были подписаны Договор об ограничении систем противоракетной обороны⁹ (Договор по ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений¹⁰ (ОСВ-I) [Анисимова и др. 2020]. Эти соглашения впервые установили количественные ограничения на стратегические ядерные силы СССР и США. Достижение ядерного паритета и закрепление его на договорной основе создали предпосылки для перехода от конфронтации к разрядке в советско-американских отношениях. Однако разрядка оказалась недолговечной. Продолжавшаяся качественная гонка ядерных вооружений, появление нового поколения высокоточных систем доставки, программы

милитаризации космоса вновь обострили стратегическое соперничество в конце 1970-х – начале 1980-х гг. [Ballistic Missile Defense 1984].

Очередной виток гонки ядерных вооружений был связан с амбициозной программой стратегической оборонной инициативы (СОИ), выдвинутой президентом США Р. Рейганом в марте 1983 г. [Зегвельд, Энцинг 1989]. СОИ предполагала создание многоуровневой системы противоракетной обороны космического базирования с элементами направленной энергии. Несмотря на технологическую и финансовую сложность реализации, сама постановка вопроса о возможности ПРО подрывала основы стратегической стабильности и побуждала СССР к принятию ответных мер [Рогов 1989]. Но осознание губительности безудержной гонки ядерных вооружений постепенно пробивало себе дорогу. Новое политическое мышление М. С. Горбачева, пришедшего к власти в СССР в 1985 г., и прагматический подход администрации Р. Рейгана открыли возможности для возобновления диалога. А. А. Кокошин отмечает, что именно в период 1985–1989 гг. произошел переход от концепции взаимного гарантированного уничтожения к концепции достаточности ядерных сил [Кокошин 2003]. Важнейшим элементом новой политики стала серия односторонних инициатив СССР, включая мораторий на ядерные испытания (6 августа 1985 г.), предложение о полной ликвидации ядерного оружия к 2000 г. (15 января 1986 г.), а также значительные сокращения обычных вооружений

⁹ Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО). Москва, 26.05.1972. ИПП Гарант.

¹⁰ Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1974. Вып. XXVIII: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1972 года.

в Европе. Прорывом стали Рейкьявическая встреча лидеров двух стран в октябре 1986 г. и подписание Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 8 декабря 1987 г.¹¹ Впервые в истории целый класс ядерных вооружений подлежал полной ликвидации под международным контролем. В выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 7 декабря 1988 г. М. С. Горбачев заявил: «Да, движение к безъядерному и ненасильственному миру способно коренным образом преобразить политический и духовный облик планеты»¹². Последующее за этим окончание холодной войны открыло возможности для кардинального пересмотра ядерной стратегии. Но ретроспективный анализ показывает, что долгосрочные последствия трансформации советской ядерной доктрины в период перестройки оказались противоречивыми. С одной стороны, они способствовали существенному снижению международной напряженности и созданию условий для окончания холодной войны, с другой – односторонние сокращения ядерных вооружений и вывод тактического ядерного оружия из восточноевропейских государств без юридически обязывающих договоренностей о невступлении этих стран в НАТО создали предпосылки для последующих противоречий в сфере безопасности.

Итак, анализ эволюции ядерных доктрин СССР и США позволяет выделить четыре основных этапа их развития, каждый из которых характеризовался специфическими концептуальными подходами и стратегическими установками:

1. Этап становления (1945–1953 гг.): формирование первоначальных представлений о роли ядерного оружия в военной стратегии. Для США этот период характеризовался стремлением использовать монополию на ядерное оружие как инструмент давления на СССР (доктрина ядерного шантажа). Советская стратегия была направлена на ликвидацию американской монополии и создание собственного ядерного потенциала.

2. Этап классического ядерного сдерживания (1954–1969 гг.): формирование базовых концепций ядерного сдерживания и взаимного гарантированного уничтожения. В США этот период связан с доктринами массированного возмездия и начальным этапом гибкого реагирования. В СССР развивалась

концепция неприемлемого ущерба и формировались основы ракетно-ядерного паритета.

3. Этап стратегической стабильности (1970–1985 гг.): институционализация ядерного сдерживания через систему договоров по ограничению стратегических вооружений. В США развивались концепции ограниченной ядерной войны и избирательного применения ядерного оружия. В СССР акцент делался на поддержании ракетно-ядерного паритета и укреплении стратегической стабильности.

4. Этап трансформации (1986–1991 гг.): пересмотр роли ядерного оружия в контексте окончания холодной войны. Для СССР / России этот период связан с концепцией нового политического мышления и началом радикальных сокращений ядерных арсеналов. В США происходила адаптация ядерной стратегии к изменяющимся международным условиям.

Данная периодизация, основанная на анализе эволюции концептуальных подходов сверхдержав к ядерному оружию, позволяет структурировать процесс формирования и трансформации их военных доктрин в контексте меняющегося стратегического ландшафта холодной войны.

Обсуждение

Обсуждая вышепредставленный исторический анализ, следует отметить, что появление ядерного оружия кардинальным образом трансформировало стратегическое мышление СССР и США, заложив основу их военно-политического противоборства. Подводя итог, можно сформулировать следующие основные выводы относительно влияния ядерного фактора на формирование военных доктрин СССР и США в период холодной войны:

1. Появление ядерного оружия радикально изменило представления о характере будущей войны. Колоссальная разрушительная мощь ядерных зарядов привела к осознанию того, что полномасштабная ядерная война между сверхдержавами повлечет катастрофические последствия для всего человечества. Это потребовало пересмотра традиционных взглядов на войну как инструмент политики и средство достижения победы над противником.

2. Формирование концепций ядерного сдерживания стало закономерной реакцией на угрозу ядерной войны. Доктрина взаимного гарантированного

¹¹ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата: Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Междунар. отношения, 1992. 318 с.

¹² Выступление в ООН. 07.12.1988. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/vystuplenie_v_oon.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

уничтожения, предполагавшая способность сторон нанести противнику неприемлемый ущерб даже в случае получения первого удара, легла в основу стратегического баланса СССР и США. Поддержание ядерного паритета и угроза возмездия рассматривались как основа стратегической стабильности.

3. Гонка ядерных вооружений оказала определяющее влияние на структуру и состав стратегических сил сверхдержав. Концепция ядерной триады была призвана обеспечить гарантированное нанесение ответного удара. Количественное наращивание ядерных арсеналов сопровождалось их качественным совершенствованием, созданием разнообразных систем доставки и преодоления ПРО.

4. В военных доктринах обеих сверхдержав признавалась невозможность достижения победы в ядерной войне. Но разрабатывались концепции ограниченной ядерной войны, селективного и ограниченного применения ядерного оружия на отдельных театрах военных действий. Эти установки нашли отражение в планах гибкого реагирования.

5. Ядерный фактор стимулировал развитие механизмов контроля над вооружениями и кризисной стабильности. Стремление избежать ядерной войны побуждало лидеров к диалогу и поиску взаимоприемлемых договоренностей по ограничению ядерных вооружений, созданию мер доверия и снижению рисков случайной войны.

6. Опыт Карибского кризиса, поставившего мир на грань ядерной катастрофы, способствовал осознанию необходимости политического урегулирования противоречий и недопущения прямого военного столкновения ядерных держав. Это стало важным уроком и побудительным мотивом к разработке концепций стратегической стабильности.

7. К концу периода холодной войны в доктринальном мышлении СССР и США утвердилось понимание невозможности достижения победы в ядерной войне и неизбежности катастрофических последствий для всего человечества. На первый план вышли задачи предотвращения ядерной войны политическими средствами.

В научном дискурсе одним из центральных дискуссионных вопросов остается оценка эффективности доктрины ядерного сдерживания. Традиционный подход (А. А. Кокошин, С. М. Рогов,

Г. Киссинджер, Р. Джервис) рассматривает ядерное сдерживание как ключевой стабилизирующий фактор биполярной системы, предотвративший прямое военное столкновение сверхдержав. По мнению этих авторов, логика взаимного гарантированного уничтожения, несмотря на ее парадоксальность, обеспечивала стратегическую стабильность и создала условия для развития процесса контроля над вооружениями. Альтернативная точка зрения (А. Г. Арбатов, В. З. Дворкин, С. Саган, Н. Таннехилл) подчеркивает дестабилизирующие аспекты ядерного противостояния. Эти авторы указывают на многочисленные кризисные ситуации (Берлинские кризисы, Карибский кризис, кризис 1973 г.), когда мир оказывался на грани ядерной катастрофы. По оценке А. Г. Арбатова, модель биполярного ядерного сдерживания периода холодной войны была внутренне противоречивой и неустойчивой, что неоднократно приводило к опасным кризисам и могло закончиться катастрофой [Арбатов 1999].

В западной историографии единство мнений также отсутствует. Сторонники ортодоксального подхода (К. Уолц, Дж. Миршаймер) рассматривают ядерное сдерживание как стабилизирующий фактор международных отношений. Так, К. Уолц в работе «Распространение ядерного оружия: больше может быть лучше» выдвигает противоречивый тезис о том, что контролируемое распространение ядерного оружия может способствовать региональной стабильности [Waltz 1981]. Критики этого подхода (С. Саган, Р. Джервис) указывают на опасность эскалационной динамики в условиях кризисов и проблему рационального поведения в экстремальных ситуациях.

При активном содействии США в 1990-е гг. начался процесс вывода тактического ядерного оружия и стратегических ядерных сил с территорий Украины, Казахстана и Беларуси в Россию. Будапештский меморандум от 5 декабря 1994 г. закрепил безъядерный статус этих государств в обмен на гарантии их безопасности¹³. Тем не менее окончание холодной войны не привело к полной ликвидации ядерного оружия. И Россия, и США сохранили значительные ядерные арсеналы, продолжая рассматривать их как важный компонент своей национальной безопасности. В 1990-е гг. были заключены новые соглашения в области контроля над стратегическими

¹³ Письмо постоянных представителей Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Украины при ООН от 07.12.1994 на имя Генерального секретаря. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n94/507/66/pdf/n9450766.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).

наступательными вооружениями – Договор СНВ-I¹⁴ (1991 г.) и Договор СНВ-II¹⁵ (1993 г.), которые предусматривали существенное сокращение числа развернутых стратегических ядерных боезарядов и их носителей. Несмотря на окончание длительного биполярного противостояния, ядерное оружие не утратило своего значения, по сей день остается важнейшим фактором в оборонной политике как России, так и США и рассматривается нередко как стратегическое преимущество [Балацкий 2024]. Сохранение ядерного сдерживания как базового элемента стратегической стабильности, появление новых ядерных игроков, таких как Индия, Пакистан и Северная Корея [Клюенкова 2023], риски ядерного терроризма – всё это ставит новые задачи перед мировым сообществом в ядерной сфере. Сегодня в академическом дискурсе ведется активная дискуссия относительно прагматических аспектов ядерного сдерживания и разоружения, и, как мы отмечали в самом начале исследования, вопросы ядерной безопасности и физической защиты ядерных объектов и материалов выходят на первый план международной повестки дня [Быченко, Сердюкова 2022].

Заключение

Исторический опыт ядерного противостояния СССР и США в годы холодной войны демонстрирует колоссальное влияние ядерного фактора

на формирование и эволюцию военно-стратегического мышления двух сверхдержав. Логика ядерного сдерживания, гонка ядерных вооружений, концепции ограниченной ядерной войны и стратегической стабильности, осознание опасности неконтролируемой эскалации стали краеугольными элементами советско-американского противоборства. Окончание холодной войны не устранило ядерный фактор из международных отношений, но трансформировало его в новых условиях. Несмотря на достигнутый прогресс в сокращении ядерных вооружений, мир еще далек от полного избавления от ядерной угрозы. Извлечение уроков из опыта ядерного противостояния СССР и США и понимание долгосрочных последствий влияния ядерного фактора на стратегическое мышление остается насущной задачей и для нынешнего поколения государственных деятелей, военных стратегов и экспертов. История учит, что недооценка роли и рисков ядерного фактора может иметь катастрофические последствия для мировой стабильности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аллен Дж. Атомный империализм. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. 356 с. [Allen J. S. *Atomic imperialism*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1952, 356. (In Russ.)]
- Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам: О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом. М.: Междунар. отношения, 1968. 271 с. [Alperovitz G. *Atomic diplomacy: Hiroshima and Potsdam: The use of the atomic bomb and the American confrontation with Soviet power*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1968, 271. (In Russ.)]
- Анисимова О. Е., Баранов Д. А., Зайцев В. А., Полянин А. Р., Анисимов В. П. Полувековой диалог о ПРО. *Военно-исторический журнал*. 2020. № 1. С. 4–14. [Anisimova O. E., Baranov D. A., Zaitsev V. A., Polyanin A. R., Anisimov V. P. Half a century of AMD debates. *Voyenno-Istoricheskii Zhurnal*, 2020, (1): 4–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ctkpto>
- Арбатова А. Г. Безопасность: российский выбор. М.: ЭПИцентр, 1999. 525 с. [Arbatov A. G. *Security: Russian choice*. Moscow: EPItsentr, 1999, 525. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thmvfp>

¹⁴ Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1). Москва, 31.07.1991. *ИПП Гарант*.

¹⁵ Договор между РФ и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-2). Москва, 03.01.1993. *ИПП Гарант*.

- Балацкий Е. В. Феномен стратегических преимуществ в XXI веке. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024. Т. 17. № 4. С. 39–57. [Balatsky E. V. The phenomenon of strategic advantages in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2024, 17(4): 39–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.2>
- Быченко О. А., Сердюкова Д. М. Ядерная безопасность как элемент международной и национальной безопасности: вызовы современности. *Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: Междунар. науч.-практ. конф. (Астрахань, 26 апреля 2022 г.)*. М.: Русайнс, 2022. С. 89–96. [Bychenko O. A., Serdyukova D. M. Nuclear safety as an element of international and national security: Challenges of our time. *Theoretical aspects of jurisprudence and issues of law enforcement: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Astrakhan, 26 Apr 2022*. Moscow: Rusains, 2022, 89–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzyuzm>
- Визгин В. П., Яцков А. А. У истоков советского атомного проекта: роль разведки. 1941–1946 (по материалам архива внешней разведки России). *Вопросы истории естествознания и техники*. 1992. № 3. С. 97–134. [Vizgin V. P., Yatskov A. A. At the origins of the Soviet atomic project: The role of intelligence in 1941–1946 (archives of Russian foreign intelligence). *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1992, (3): 97–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwiast>
- Забузов О. Н. Советская военная доктрина: интегративный взгляд. *Приграничный регион в историческом развитии: Междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 26 октября 2018 г.)*. Чита: ЗабГУ, 2018. Ч. 2. С. 97–100. [Zabuzov O. N. Soviet military doctrine: An integrative sight. *Border region in historical development: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Chita, 26 Oct 2018*. Chita: Tbsu, 2018, pt. 2, 97–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymudop>
- Зегвельд В., Энцинг К. Стратегическая оборонная инициатива: технологический прорыв или экономическая авантюра? М.: Прогресс, 1989. 302 с. [Zegveld W., Encing K. *Strategic defense initiative: Technological breakthrough or economic gamble?* Moscow: Progress, 1989, 302. (In Russ.)]
- Иванян Э. А. СНБ-68. In: Иванян Э. А. *Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века*. М.: Междунар. отношения, 2001. С. 502. [Ivanyan E. A. NSC-68. In: Ivanyan E. A. *Encyclopedia of Russian-American relations in the XVIII–XX centuries*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2001, 502. (In Russ.)]
- Иойрыш А. И., Морохов И. Д., Иванов С. К. А-бомба. М.: Наука, 1980. 423 с. [Ioirysh A. I., Morokhov I. D., Ivanov S. K. *A-bomb*. Moscow: Nauka, 1980, 423. (In Russ.)]
- Клюенкова Д. В. Ядерный фактор во взаимоотношениях СССР и КНДР: от мирного атома к ядерному оружию. *Академия НСО-2023: конф. (Москва, 15 июня – 31 декабря 2023 г.)*. М.: МГИМО МИД России, 2023. С. 167–173. [Klyuenkova D. V. Nuclear factor in relations between the USSR and the DPRK: From peaceful atom to nuclear weapons. *Academy NSO-2023: Proc. Conf., Moscow, 15 Jun – 31 Dec 2023*. Moscow: MGIMO University, 2023, 167–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyfebu>
- Кокошин А. А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003. 144 с. [Kokoshin A. A. *Nuclear conflicts in the XXI century: Types, forms, and probable participants*. Moscow: Media-Press, 2003, 144. (In Russ.)]
- Круглов А. К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М.: ЦНИИатоминформ, 1995. 378 с. [Kruglov A. K. *How the atomic industry was created in the USSR*. Moscow: TsNIIatominform, 1995, 378. (In Russ.)]
- Ларионов В. В. Ядерная военная стратегия США. М.: Воениздат, 1980. 172 с. [Larionov V. V. *US Nuclear Military Strategy*. Moscow: Voenizdat, 1980, 172. (In Russ.)]
- Лота В. ГРУ и атомная бомба: Неизвестная история о том, как военная разведка добывала сведения об атомных проектах Великобритании, Германии, США и Японии. М.: ОЛМА-пресс, 2002. 382 с. [Lota V. *Russian Military Intelligence and the atomic bomb: The untold story of how military intelligence obtained information about the nuclear projects of Britain, Germany, the United States, and Japan*. Moscow: OLMA-press, 2002, 382. (In Russ.)]
- Мальков В. Л. Манхэттенский проект: Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995. 269 с. [Malkov V. L. *Manhattan project: Intelligence and diplomacy*. Moscow: Nauka, 1995, 269. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubrhhh>
- Маханьков О. С., Самыловская Е. А. Карибский кризис в российской историографии в 2000–2010-х гг. *Проблемы минерально-сырьевого комплекса глазами молодых ученых: Всерос. науч.-образов. семинара обучающихся*. (Санкт-Петербург, 8 апреля 2022 г.) СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2023. С. 182–189. [Makhankov O. S., Samylovskaya E. A. The Cuban Missile Crisis in Russian historiography in the 2000s and 2010s. *Problems of the mineral resource complex through the eyes of young scientists: Proc. All-Russian Sci.-Educ. Seminar*

- of Students, St. Petersburg, 8 Apr 2022. St. Petersburg: Kulturno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, 2023, 182–189. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmtsxy>
- Никонов А. Д., Подберезкин А. И., Благоволин С. Е. и др. Гонка вооружений: причины, тенденции, пути прекращения. М.: Междунар. отношения, 1986. 302 с. [Nikonov A. D., Podberezkin A. I., Blagovolin S. E., et al. *Arms race: Causes, trends, ways of termination*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1986, 302. (In Russ.)]
- Орлов А. С. В поисках «абсолютного» оружия. М.: Мол. гвардия, 1989. 268 с. [Orlov A. S. *In search of the absolute weapon*. Moscow: Mol. gvardiia, 1989, 268. (In Russ.)]
- Рогов С. М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М.: Междунар. отношения, 1989. 344 с. [Rogov S. M. *The Soviet Union and the USA: The search for a balance of interests*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1989, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tyivij>
- Родин А. М. Л. П. Берия в атомном проекте. *Военно-исторический журнал*. 2012. № 9. С. 60–66. [Rodin A. M. L. P. Beria in the atomic project. *Voyenno-Istoricheskii Zhurnal*, 2012, (9): 60–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdkzqf>
- Роудс Р. Создание атомной бомбы. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 1056 с. [Rhodes R. *The making of the atomic bomb*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020, 1056. (In Russ.)]
- Самойловская Н. А. О запрещении ядерных испытаний в трех средах: между страхом и сомнениями. *Полис. Политические исследования*. 2023. № 6. С. 52–65. [Samoylovskaya N. A. On the prohibition of nuclear tests in three environments: Between fear and doubt. *Polis. Political Studies*, 2023, (6): 52–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.05>
- Трухановский В. Г. Английское ядерное оружие: историко-политический аспект. М.: Междунар. отношения, 1985. 230 с. [Trukhanovskii V. G. *British nuclear weapons: Historical and political aspect*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1985, 230. (In Russ.)]
- Фененко А. В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13. № 1. С. 111–135. [Fenenko A. V. Evolution of the nuclear deterrence theory in the US during the Cold War. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, 13(1): 111–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.108>
- Хозин И. Стратегия «гибкого реагирования» (По взглядам военных специалистов НАТО). *Зарубежное военное обозрение*. 1977. № 4. С. 3–10. [Khozin I. The strategy of flexible response as seen by NATO military experts. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 1977, (4): 3–10. (In Russ.)]
- Холлоуэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия, 1939–1956. Новосибирск: Сибир. хронограф, 1997. 625 с. [Holloway D. *Stalin and the bomb: The Soviet Union and atomic energy, 1939–1956*. Novosibirsk: Sibir. khronograf, 1997, 625. (In Russ.)]
- Arbatov A. G. The transformation of Russian Military Doctrine: Lessons learned from Kosovo and Chechnya. *The Marshall Center Papers*, 2000, (2): 62. <https://elibrary.ru/ucsyxh>
- Ballistic Missile Defense, eds. Carter A. B., Schwartz D. N. 2nd ed. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1984, 469.
- Bernstein B. J. The Atomic Bombings Reconsidered. *Foreign Affairs*, 1995, 74(1): 135–152. <https://elibrary.ru/byphlb>
- Bundy M. *Danger and survival. Choices about the bomb in the first fifty years*. New York: Random House, 1988, 735.
- Gaddis J. L. *The long peace: Inquiries into the history of the Cold War*. New York: Oxford University Press, 1987, 332.
- Getting MAD: Nuclear mutual assured destruction, its origins and practice, ed. Sokolski H. D. Carlisle: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2004, 368.
- Kojevnikov A. B. *Stalin's Great Science: The times and adventures of Soviet physicists*. London: Imperial College Press, 2004, 384. <https://doi.org/10.1142/p307>
- Kokoshin A. A. *Soviet strategic thought, 1917–91*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998, 239.
- Rhodes R. *Dark sun: The making of the hydrogen bomb*. New York: Simon & Schuster, 1995, 731.
- Sherwin M. J. *A word destroyed. Hiroshima and the origins of the arms race*. New York: Vintage Books, 1987, 387.
- Waltz K. The spread of nuclear weapons: More may better: Introduction. *The Adelphi Papers*, 1981, 21(171). <https://doi.org/10.1080/05679328108457394>
- Zaloga S. J. *Target America: The Soviet Union and the Strategic Arms Race, 1945–1964*. Novato, CA: Presidio Press, 1993, 368.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ahcxgn>

Объединенный Совет трудовых коллективов Приднестровья: причины и предпосылки возникновения

Ерицян Инга Нелсиковна

Байкальский государственный университет, Россия, Иркутск

eLibrary Author SPIN: 7049-4110

<https://orcid.org/0009-0004-3462-0846>eritsyan.inga@mail.ru

Аннотация: Научная актуальность представленного исследования обусловлена необходимостью обобщения и систематизации знаний о причинах и предпосылках возникновения Объединенного Совета трудовых коллективов Приднестровья. Противостояние политике насильственной румынизации берет свое начало во второй половине 1980-х гг. в лице Советов трудовых коллективов заводов и предприятий Приднестровского региона. Идея о необходимости создания единого органа, которому будет делегировано право представлять и отстаивать интернациональные интересы Советов трудовых коллективов, стала следствием социально-политической мобилизации населения, которой предшествовал ряд предпосылок. Применение историко-сравнительного метода позволило подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что в регионах-донорах социалистических республик, сталкивающихся с дискриминационной политикой центра, мобилизуются социально-политические движения с целью отстаивания своих интересов. В рамках историко-сравнительного анализа были рассмотрены приднестровский и словенский кейсы, где имели место общие категории предпосылок социально-политической мобилизации населения республик-доноров. Вместе с тем при схожести выделенных категорий отмечаются причины их содержательных и хронологических отличий. Так, в Словении социально-политическая мобилизация носила затяжной характер (с 1950-х гг.), а консолидирующей идеей выступало желание обеспечить национальную эмансипацию в рамках федерации. В Приднестровье интенсивность социально-политической мобилизации (1988–1989 гг.), обусловленная радикальной форсированной политикой центра, строилась вокруг социалистических гражданско-идеологических ценностей. Важный вклад в социально-политическую мобилизацию Словении и Приднестровья внесли местные элиты и трудовые коллективы. В результате историко-сравнительного анализа выявлено, что радикальная националистическая политика центра, дестабилизирующие законодательные инициативы, неравномерное экономическое развитие регионов и непропорциональное распределение между ними ресурсов в своей общей совокупности выступают в качестве предпосылок социально-политической мобилизации населения республик-доноров, которая приводит к открытому противостоянию центральной власти.

Ключевые слова: Объединенный Совет трудовых коллективов, Народный Фронт Молдовы, румынизация, югославизация, республиканизм, языковая политика, Приднестровье, Молдавская ССР, Словения

Цитирование: Ерицян И. Н. Объединенный Совет трудовых коллективов Приднестровья: причины и предпосылки возникновения. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1124–1141. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1124-1141>

Поступила в редакцию 23.03.2025. Принята после рецензирования 25.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

full article

United Work Collective Council of Transnistria: Causes and Background

Inga N. Yeritsyan

Baikal State University, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 7049-4110

<https://orcid.org/0009-0004-3462-0846>

eritsyan.inga@mail.ru

Abstract: The United Work Collective Council of Transnistria remains a relevant but understudied topic. It started as a reaction to forced Romanianization in the 1980s at workers' unions at factories and enterprises. A single body to represent the international interests of all collectives was a logical consequence of the socio-political mobilization. The research hypothesis was as follows: the donor regions that faced with discriminatory centrifugal policies had to mobilize their socio-political movements to defend their interests. The author applied the method of historical and comparative analysis to the cases of Transnistria and Slovenia, which shared the same prerequisites for socio-political mobilization. However, the cases had substantive and chronological differences. In Slovenia, the socio-political mobilization was protracted and started as early as in the 1950s; the consolidating idea was to achieve national emancipation within the federation. In Transnistria, the intensity of socio-political mobilization (1988–1989) was caused by the radical centrifugal policy; the civic and ideological values were the consolidating idea. Local elites and labor collectives contributed to the socio-political mobilization both in Slovenia and Transnistria. The radical nationalist policy, destabilized legislative initiatives, uneven economic development, and disproportionate distribution of resources triggered the socio-political mobilization in the donor republics, which eventually resulted in open confrontations with the central government.

Keywords: United Work Collective Council, Popular Front of Moldova, Romanianization, Yugoslavization, republicanism, language policy, Transnistria, Moldavian SSR, Slovenia

Citation: Yeritsyan I. N. United Work Collective Council of Transnistria: Causes and Background. *SibScript*, 2025, 27(6): 1124–1141. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1124-1141>

Received 23 Mar 2025. Accepted after peer review 25 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

Идеологический раскол в Молдавской Советской Социалистической Республике, обусловленный противостоянием пропагандируемых идей румынизации Народным Фронтом Молдовы (НФМ) и интернациональных ценностей, поддерживаемых Объединенным Советом трудовых коллективов (ОСТК), нашел свое подробное изучение во множестве отечественных и зарубежных трудов. Как правило, образование ОСТК связывают с учреждением НФМ, ставшего ведущей политической силой национал-радикального толка, чья политика привела к расколу в молдавском обществе. С одной стороны, действительно, ОСТК противостоял политике НФМ, но с другой – цель создания была обусловлена стремлением противостоять румынизации молдавского населения, которая началась существенно раньше учреждения НФМ.

В отечественной и зарубежной историографии отслеживается динамика изменений восприятия де-факто государств постсоветского пространства, которую в существенной степени определяет мировая политическая конъюнктура. Длительный период де-факто государства рассматривались через призму вопросов признания, конфликтности и интересов внешних акторов. С 2000-х гг. отмечается появление работ, связанных с изучением как институциональных процессов, так и социально-политических причин, предпосылок конфликта, рассматриваемых отдельно в каждой из де-факто республик, в том числе и Приднестровской Молдавской Республике. Отечественные исследователи В. А. Колосов и Д. В. Заяц внесли важный вклад в историографию приднестровского конфликта. Их работа, выходящая за рамки политизированности, относится

к числу первых комплексных исследовательских работ, сочетающих в себе методы исторического анализа, социологии идентичности и политической географии [Колосов, Заяц 2001]. Труды молдавского историка П. М. Шорникова занимают центральную роль в изучении языковой политики и этнических конфликтов в Молдавии [Шорников 2007a; 2007b]. Попытки переосмысления румынистского течения с учетом исторических особенностей развития русского языка в регионе отмечаются в работе Ч. Кинга [King 1994], которая, как и у работы П. М. Шорникова, оппонирует устоявшимся унионистским интерпретациям молдавской истории. Отечественный исследователь Н. И. Харитоновна отмечает ряд социально-политических и экономических предпосылок, способствующих конфронтации между Кишиневом и Приднестровским регионом, но основной акцент делает на прогрессирующую румынистскую политику [Харитоновна 2008]. Вместе с тем иные предпосылки обозначены весьма тезисно.

Восполняет необходимость анализа социокультурного измерения Молдавии статья Т. В. Букиной [Букина 2013], а экономические аспекты, связанные с общим кризисом советской хозяйственной системы, в которой усиливается роль трудовых коллективов, достаточно подробно и аргументированно отражены в работах [Бехтерев 2013; Заславская 1991; Заславская, Рывкина 1991]. Уникальное место в историографии Приднестровья занимает работа профессора Н. В. Бабилунга, одного из основоположников исторической науки в де-факто Приднестровье, которая охватывает хронологический период от древнейших времен до современности [Бабилунга 2015]. Особый интерес вызывают разделы, раскрывающие развитие промышленного потенциала левого берега Днестра и социально-экономические проблемы, которыми был обременен регион-донор.

Аналогичные процессы хорватские историки А. Габрич и З. Чепич [Габрич, Чепич 2001] отмечают в Югославии, где Словения как регион-донор расширила свои требования от большей автономии до демонтажа федеративных структур. Начало югославских экономических реформ и их последствий раскрывается в работах Ю. В. Шахина [Шахин 2020], К. В. Никифорова [Никифоров 2011], которые дополняются исследованием внешних и внутренних предпосылок и причин децентрализации в трудах Ю. Э. Демьянович [Демьянович 2018; 2019]. Стоит отметить, что, рассматривая параллельно

словенский и приднестровский кейсы, можно увидеть последний в рамках более широких тенденций децентрализации социалистических стран.

Многоаспектный анализ места и роли ОСТК в приднестровско-молдавском конфликте представлен в статье Г. Е. Слободянюк [Слободянюк 2016]. Исследование восполняет необходимые знания о роли рабочего класса, мобилизации трудовых коллективов и их последующей институциональной трансформации, что также раскрывается в работе М. Н. Кушакова и Я. О. Галинского [Кушаков, Галинский 2018]. Ю. С. Ульянова поэтапно раскрывает процесс трансформации НФМ из движения, ориентированного на перестройку, в ведущую национально-политическую силу Молдовы, и, как следствие, его влияние на институциональные изменения страны [Ульянова 2017].

Переосмысление, сочетающее в себе комплексный подход при анализе причин и предпосылок развития приднестровского конфликта, имеет место в более современных трудах отечественных исследователей. Так, А. С. Вергузь раскрывает социальные, политические и экономические факторы, тем самым показывая, что румынизированная политика Кишинева – лишь одна из множества предпосылок конфликта [Вергузь 2022]. Важный вклад в историографию развития региона вносит ретроспективный анализ формирования этнических особенностей и разнородности между правым и левым берегами Днестра, раскрывающий, как веками формировались и трансформировались этнополитические особенности региона. В работе И. А. Войта сохраняется, как и в работе Н. В. Бабилунга, приверженность подходу преемственности государственности Приднестровья от бывшей Молдавской ССР [Войт 2023]. Поскольку работа относится к исследованиям нового поколения, акцентируя внимание на языковой политике, автор делает ставший популярным сравнительный анализ с де-факто государствами постсоветского пространства. Однако, отмечается, как и для большинства работ приднестровских исследователей, дефицит молдавских источников.

Обратная ситуация наблюдается и в работах молдавских исследователей, перегруженных политизированными оценками приднестровско-молдавского конфликта, например [Musteață 2023; Rotaru 2023]. Анализ приднестровского конфликта в западном дискурсе более длительный период был сосредоточен на аспектах конфликтологии, политики либо

интересов ведущих держав. Новый подход к анализу постсоветских конфликтов отмечается в трудах Я. Зофка [Zofka 2016] и К. Харингтон [Harrington 2023], концентрирующих свое внимание на роли промышленного потенциала региона, неудовлетворенности социальных потребностей населения как предпосылок политизации конфликта.

Однако отсутствуют работы, обобщающие и систематизирующие знание о причинах и предпосылках возникновения Объединенного Совета трудовых коллективов. Данная проблема предопределила цель исследования – выявить причины и предпосылки создания Объединенного Совета трудовых коллективов. Рабочая гипотеза: в регионах-донорах социалистических республик, сталкивающихся с дискриминационной политикой центра, мобилизуются социально-политические движения с целью отстаивания своих интересов.

Методы и материалы

Для проверки гипотезы были применены причинно-следственный анализ связей между историческими событиями и историко-сравнительный анализ. Объектами сравнения выступили Молдавская ССР и Югославия. Выбор югославского кейса обусловлен тем, что Социалистическая Федеративная Республика Югославия относится к числу социалистических государств, где отмечается наиболее раннее проявление центробежных процессов, связанных с регионом-донором, которым выступила Социалистическая Республика Словения. Приднестровье также выступало донорским регионом для всей Молдавской ССР. Массовая социально-политическая мобилизация населения Приднестровского региона и Словении происходит в период 1980-х гг. Радикализация политики центра выступила одной из множества предпосылок социально-политической мобилизации населения как в Приднестровье, так и в Словении. Для Приднестровского региона итогом такой социально-политической мобилизации стало создание Объединенного Совета трудовых коллективов, а в Словении сформировалась группа словенских реформаторов, ориентированных на децентрализацию. Применение причинно-следственного анализа

между историческими событиями способствовало целостному изучению общественной реальности в Молдавской ССР и Югославии в общем, а также в Приднестровском регионе и Словении в частности.

Источниковую базу составили документы государственных (советских) органов Приднестровья:

- Обращение X сессии Тираспольского Совета народных депутатов к Президиуму Верховного Совета Молдавской ССР от 23 мая 1989 г., опубликованное в тираспольской газете «Днестровская правда», осуждало законопроект о языках, призывая через введение двух государственных языков обеспечить на территории Молдавской ССР «гарантии против ущемления прав граждан других наций и народностей, исключать всякие привилегии одного языка над другими, используемыми населением Молдавии»¹.

- Решение II внеочередной сессии Тираспольского Горсовета от 14 августа 1989 г. о проектах законов МССР о статусе государственного языка Молдавской ССР и функционировании языков на территории Молдавской ССР, которое содержало требования по проведению всенародного обсуждения законопроектов о языках: «в городских, районных, поселковых и сельских Советах народных депутатов, во всех трудовых коллективах»², без которого 29 августа 1989 г. не может быть проведена сессия Верховного Совета Молдавской ССР. Аналогичное содержание было и в решении X сессии Бендерского городского Совета народных депутатов от 29 августа 1989 г. о проектах законов МССР о статусе государственного языка Молдавской ССР и функционировании языков на территории Молдавской ССР, опубликованное в местной газете «Победа». Вместе с тем по итогам Решения сессии предлагалось изложить статью в законопроекте о языках на территории Молдавской ССР в следующей редакции: «Государственными языками Молдавской Советской Социалистической Республики являются молдавский и русский языки, которые действуют на равных в политической, экономической, социальной и культурной жизни»³.

- Решение внеочередной XII сессии Тираспольского Горсовета от 14 августа 1989 г. в продолжение языковой повестки осуждало сохранение

¹ Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1. Документы государственных (советских) органов Приднестровья, сост. и отв. ред. В. Ф. Грызлов. М.: ЦИМО ИАЭ РАН, 1997. С. 81.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 84.

антиконституционных статей в законах о языках, принятых на XIII сессии Верховного Совета Молдавской ССР, которые противоречили Конституции Союза ССР, Конституции МССР, другим законам СССР и МССР: «местным Советам народных депутатов, трудовым коллективам отказано в праве самостоятельно решать вопросы выбора языка делопроизводства, рабочего языка и языка мероприятий. В законе ущемлены права родителей всех национальностей на свободный выбор языка обучения своих детей»⁴. Решение было опубликовано 9 сентября 1989 г. Примечательно, что уже в рамках XII внеочередной сессии Тираспольского Горсовета «О мерах по реализации законов "О статусе государственного языка Молдавской ССР", "О функционировании языков на территории Молдавской ССР"» было определено «оказать гражданское неповиновение и приостановить действие на территории Тираспольского городского Совета народных депутатов ст. 70(1) закона "О статусе государственного языка Молдавской ССР", а также статей 1, 3, 4, 7, 9, 12, 13, 19, 24, 26, 30 закона "О функционировании языков на территории Молдавской ССР"»⁵.

- Резолюция митинга рабочих, ИТР и служащих Молдавского производственного объединения «Точлитмаш» (в составе Тираспольского завода литейных машин имени С. М. Кирова, СКБТЛ, ТИРП, РСУ) от 11 августа 1989 г. По итогам Решения был создан Объединенный Совет трудовых коллективов, уже на первом заседании которого 14 августа 1989 г. осуждалась языковая политика, и ОСТК брал на себя ответственность «за поддержание общественного порядка и дисциплины на производстве, обеспечение нормальной жизни населения города в период обострившейся обстановки»⁶, что было закреплено в «Обращении Объединенного Совета трудовых коллективов Тирасполя к XI сессии горсовета», впоследствии опубликованном 17 августа 1989 г. в тираспольской газете Днестровская правда.

Дополнительно важными для данного исследования стали сведения Государственного комитета СССР по статистике «Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.».

Результаты

Среди зарубежных исследователей распространено мнение, что причиной создания ОСТК являлось желание директоров заводов и предприятий Приднестровья получить полный контроль над ресурсами региона, выступив против партийного руководства и кишиневской элиты, для чего и требовалось создание такого консолидированного политического объединения, как ОСТК, впоследствии ставшего инструментом в реализации амбиций «сепаратистских элит» [Zofka 2016: 826]. Первый президент Молдовы М. И. Снегур считает, что советское руководство поощряло «приднестровский сепаратизм», что «так Горбачев пытался наказать отделившуюся от Союза Молдову» [Дубнов 2024: 305]. Но с тем ошибочно считать социально-политическую мобилизацию русскоязычного населения следствием вмешательства «руки Кремля», так же как и определять ее в качестве «результата циничной манипуляции со стороны промышленной управленческой контрэлиты»⁷ [Solonari 2023: 499]. Рабочие, инженерно-технические работники и интеллигенция объединились в протестное движение против румынизированной политики власти [Слободянюк 2016: 44].

Разделяя позицию профессора В. М. Зубка относительно вторичности внешних предпосылок по отношению к внутренним в формировании поведения советских элит и контрэлит [Zubok 2021: 20], представляется важным отдельное изучение влияния внешних предпосылок на социально-политическую мобилизацию в социалистических республиках-донорах. Вместе с тем представленная работа выступает в качестве попытки выявить внутренние предпосылки социально-политической мобилизации населения в социалистических республиках-донорах. В качестве основной причины создания ОСТК рассматривается необходимость координации действий Советов трудовых коллективов в противостоянии национал-радикальной политики прорумынской интеллигенции и Народного Фронта Молдовы.

Создание ОСТК стало следствием социально-политической мобилизации населения Приднестровского региона, которой предшествовал ряд предпосылок. В рамках историко-сравнительного

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 4. Документы общественно-политических объединений Приднестровья, автор-сост. В. Ф. Грызлов, ред. М. Н. Губогло. М.: ЦИМО, 1999. С. 52.

⁷ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

анализа в рассматриваемой социалистической Словении социально-политическая мобилизация способствовала формированию словенских реформаторов, противостоявших политике централизации сербской партийной номенклатуры. Аналогично приднестровскому кейсу, массовой социально-политической мобилизации населения Словении предшествовал ряд предпосылок. Ниже представлены группы предпосылок социально-политической мобилизации населения Приднестровского региона и Республики Словения.

Национально-этнические предпосылки

Л. В. Остапенко и И. А. Субботина, анализируя динамику изменения численности этнического состава Молдавии за 1959–1989 гг., в который входили молдаване, украинцы, русские, гагаузы, болгары и евреи, отмечают, что в рамках рассматриваемого периода наблюдается рост численности молдаван, украинцев и русских. Изменение численности и национального состава исследователи связывают с «различиями в естественном приросте этнических групп, этнотрансформационными процессами (сменой этнического самосознания у части украинского населения на русское, широким выбором русской национальности в качестве своей детьми от браков русских с представителями других национальностей, населяющих Молдавию), а также интенсивными внешними миграционными перемещениями... Этническая дифференциация в темпах прироста численности жителей в Молдавии привела к определенным изменениям этнического состава населения, снижению удельного веса одних и повышению доли других национальностей» [Остапенко, Субботина 2011: 92]. По данным Всесоюзной переписи, численность населения в Молдавской ССР составила 4 млн 338 тыс. человек, из которых преобладавшие этнические группы составили: молдаване – 2794749 человек, украинцы – 600366 тыс. человек, русские – 562069 тыс. человек⁸.

«Своеобразный приднестровский менталитет, отвергающий любые формы нетерпимости, одномерности, корпоративно-этнической замкнутости, складывался на протяжении двух столетий» [Скворцова и др. 2021: 435]. Этнодемографический фактор стал предопределяющим в формировании региональной идентичности среди населения Приднестровья. По данным Всесоюзной переписи

населения 1989 г., национальный состав левобережья Днестра: молдаване – 39,9 %, русские – 25,4 %, украинцы – 28,3 %, другие национальности – 6,4 %. Доля жителей Приднестровья вместе с г. Бендеры (138 тыс. человек) в общей численности населения Молдавской ССР составила 740 тыс. человек [Бомешко 1997: 35]. Фактическое равенство в численности молдаван, русских и украинцев стало основой для формирования будущей региональной приднестровской идентичности. Выделяются исторические, политические и социально-экономические взаимосвязанные факторы, обусловившие этническую разнородность Приднестровья: экономико-географическое пограничное положение между славянской и романской цивилизациями; длительное развитие в составе Российской империи (конец XVIII – 1917 г.); 1924–1940 гг. – составная часть Украины; с 1940 г. до провозглашения независимости – часть Молдавской ССР; строительство крупных экономических объектов в 1950–1980-е гг., что содействовало иммиграции специалистов из республик Союза [Кривенко, Фоменко 2019: 79]. В силу отсутствия преобладающей этнической группы, способной претендовать на безусловную гегемонию, акцент в Приднестровье смещен на гражданские идеалы идентичности и создание новой политической идентичности [Колосов, Заяц 2001: 89].

Важным отличием Приднестровья от Словении является то, что последняя была разделена как субъект в составе Югославской федерации по национальному признаку, как и все другие югославские республики (за исключением Боснии и Герцеговины), что способствовало ее моноэтничности [Демьянович 2018: 59]. В 1991 г. численность населения Словении составила 1965986 человек, из которых более 87 % – словенцы [Демьянович 2019: 46].

Экономические предпосылки

Высокоурбанизированное индустриальное Приднестровье в рамках Молдавской ССР давало 35 % республиканского валового продукта. Основная часть промышленных предприятий Молдавской ССР была сосредоточена в Приднестровье, где работало порядка «130 производственных и научно-производственных объединений, комбинатов и предприятий, объединяющих заводы и фабрики союзного значения и принадлежавших к военно-промышленному комплексу СССР»

⁸ Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1991. 160 с.

[Бабилунга 2015: 59]. Важно отметить, что специфике деятельности многих приднестровских предприятий, которые были ориентированы на женский труд, предопределила роль женщин в противостоянии румынизации, их активность проявилась через участие в митингах, в обращениях к Народным депутатам СССР и Комитету советских женщин, подготовке резолюций [Мясникова 2012: 211–212].

В целом высокий промышленный потенциал способствовал формированию региональных экономических особенностей Приднестровья, создававших у руководителей заводов и предприятий убеждения об успешности автономности своего существования. Противостояние языковой политике должно было осуществляться в политической плоскости, в которую и вышли усилившие свое влияние Советы трудовых коллективов на заводах и предприятиях. Мобилизационные возможности руководителей заводов и предприятий были обусловлены их влиятельным положением и материальной основой, которой они располагали. Горбачевские реформы не столько привели к демократизации, сколько установили новый формат взаимоотношений между государством и предприятиями, предоставив последним большую автономию, что повлияло на дисбаланс во властных отношениях между руководством и рабочими. Предоставленный директорам контроль над капиталом предприятия создал у рабочих различные виды зависимости от принимаемых руководителями решений. Выделяются три фактора, позволивших директорам заводов и предприятий мобилизовать рабочих в политических целях:

- строгие иерархии, которые давали всю власть руководству и препятствовали автономному представительству интересов рабочих;
- зависимость уровня жизни промышленных рабочих от отчислений, производимых их предприятиями;
- система подбора кадров советской элиты, которая предоставляла директорам должности в местных органах власти.

Примечательно, что директора заводов в долине Днестра уже были полноценными политиками, когда разразился конфликт в Молдавской ССР. Советы трудовых коллективов на предприятиях

выступили опорой для директоров в политическом противостоянии языковой политике [Zofka 2016: 831–834]. Также директора заводов в Тирасполе и Рыбнице, которые стали основными лидерами движения против румынизации, не были коренными жителями Приднестровья: директор завода «Электромаш» И. Н. Смирнов прибыл в Молдову в ноябре 1987 г., а директор Молдавского металлургического завода в Рыбнице А. Беличенко – в 1985 г.⁹

Массовая поддержка рабочими своих директоров была связана и с внутренними проблемами в Приднестровском регионе, где длительный период времени не реализовывались социально значимые инфраструктурные проекты. Самый прибыльный регион Молдавской ССР получал меньше всего преференций, которые в большинстве своем были сконцентрированы в Кишиневе. Еще в 1970–1980-е гг. в районах Приднестровья существенно сократилось строительство необходимых растущему населению социально значимых объектов (детские сады, школы, больницы, жилье, учреждения культуры и др.). Например, в период 1975–1985 гг. в Тирасполе была построена одна школа при увеличившемся количестве детей школьного возраста на 4076 человек; за этот же период из более чем 1500 жителей, стоявших в очереди за жильем, квартиры получили только 30 работников народного просвещения; зафиксирована недостаточность финансирования в области культуры и здравоохранения [Бабилунга 2015: 60]. Одновременно показатели уровня жизни всего молдавского населения во второй половине 1980-х гг. оставались низкими: «Это касается и образования, и здравоохранения, и уровня оплаты труда, и обеспечения жильем и соответствующими условиями труда» [Букина 2013: 69]. Сложившаяся ситуация лишь закрепляла позиции директоров заводов и предприятий, снижая доверие к не оправдавшей себя кишиневской власти.

Т. И. Заславская и Р. З. Рывкина отмечали, что к началу перестройки одной из детерминирующих стала общая для всего советского пространства проблема дефицита экономической культуры населения: «В новых условиях повторилась ситуация 1917 г.: в стране наметилась ломка устаревших экономических отношений, а слой культурных

⁹ Молдова: региональные напряженные отношения в Приднестровье. Доклад № 157 МГПЕК Европа. Кишинев / Брюссель: ICG, 17.06.2004. URL: <https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/157-moldova-regional-tensions-over-transdnistria-russian.pdf> (дата обращения: 12.01.2025).

предпосылок для этого очень тонок» [Заславская, Рывкина 1991: 217]. При сохраняющейся плановой системе предприятия, наделенные правами самоуправления, использовали их для личного обогащения, не учитывая запросы республики. В рамках самофинансирования молдавские предприятия были ориентированы на получение дохода за счет повышения цен, пренебрегая качеством и эффективностью работы, что неблагоприятно отразилось как на запросах потребителей, так и на самой структуре ведения деятельности предприятий [Букина 2013: 69].

Стоит обратить внимание на то, что индустриализация слабой экономики Молдавской ССР осуществлялась благодаря поддержке Союзного центра, а Словения вошла в состав Югославии уже с имеющимся экономическим преимуществом, что и стало основой дисбаланса между югославскими республиками. Ю. В. Шахин отмечает проявление экономического республиканизма в Словении уже в период 1947–1950 гг., на который приходится введение административно-командной системы в Югославии. Словенский республиканизм в отмеченный период носил волнообразный характер. Интенсивность проявления снизилась после принятия первого пятилетнего плана и положительных результатов индустриализации (рост инвестиций, увеличение объемов капиталовложений). Экономическая удовлетворенность центра и республик сдерживала намечавшиеся центробежные силы. На фоне ухудшения социально-экономического положения дополнительным инструментом воздействия на республиканистские настроения Словении стало усиление «регламентации, отчетности и контроля за действиями нижестоящей бюрократии» [Шахин 2020: 32–40]. Югославские реформы 1950–1953 гг. имели своей целью аналогично горбачевским – обеспечить демократизацию и вовлечение в управление низов. Югославские экономические реформы продолжались и в 1960-х гг., однако и расширившиеся в 1965 г. «не совсем удались, продемонстрировав зависимость успеха при решении хозяйственных проблем от процесса децентрализации и роста самостоятельности республик» [Габрич, Чепич 2001: 67]. Реформы отрицательно отразились на экономическом развитии Словении. Максимальных регрессных показателей словенские предприятия достигли в 1970–1971 гг. [Там же].

В Словении «одним из результатов реформы стало укрепление реальной власти дирекции

на предприятиях (т. е. усиление технократии и бюрократизма), сведение к минимуму управленческих функций рабочих советов, возникновение реальной опасности превращения самоуправления в фикцию, в нереализованную возможность» [Гуськова 2011: 708]. К концу 1970-х гг. экономико-финансовое положение Югославии ухудшилось. Причиной выступили как внешние долги из-за взятых слаборазвитыми республиками иностранных кредитов, так и внутренние проблемы (рост инфляции и безработицы, рост запасов нереализованной продукции и т. д.). К концу 1985 г., достигая критического уровня, продолжали расти внешний долг, безработица и инфляция [Никифоров 2011: 744]. Экономический кризис, в котором оказалась Югославия, радикализировал республиканскую этнократию, развивавшую идею национальной экономики, когда каждая республика все необходимое для себя производила сама. Дополнительным дестабилизирующим фактором в межреспубликанских отношениях стал беспрерывно растущий внешний долг, возникший преимущественно из-за чрезмерных кредитных обязательств, которыми себя обременили наименее развитые югославские республики, не способные их выплатить [Габрич, Чепич 2001: 70].

Как следствие, экономический кризис трансформировался «в кризис функционирования всего югославского государства, порождал другие кризисы, в том числе и в области национальных отношений» [Никифоров 2011: 756]. Десятилетиями развивавшийся во всех югославских республиках национализм достиг своего беспрецедентного уровня во второй половине 1980-х гг.

Реформы в Югославии, направленные на укрепление власти дирекции, постепенно внедрялись и трансформировались с 1950-х гг., в то время как для Молдавской ССР, и всего СССР, стали внедряться во второй половине 1980-х гг. Экономические реформы, которые происходили в Югославии в 1950–1953 гг. [Шахин 2020: 51], как и Горбачевские реформы второй половины 1980-х гг., выступили предпосылкой для будущей радикальной социально-политической мобилизации масс, ориентированных на автономию из-за регионального экономического дисбаланса на фоне общесоюзного экономического кризиса. Горбачевские и югославские реформы дали не тот результат, на который были направлены, а именно на демократизацию и развитие рыночной экономики.

Политико-идеологические предпосылки

Политико-идеологические предпосылки социально-политической мобилизации населения предлагается рассматривать как комплекс правовых и элитарных (партийная номенклатура и интеллигенция) аспектов.

Правовой аспект

В СССР роль трудовых коллективов на предприятиях возросла с принятием в 1983 г. закона «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями», направленного на развитие демократии посредством обеспечения реального участия каждого трудящегося в управлении предприятием [Пашков, Плиев 1988: 36]. Закон расширял сферу общественной управленческой деятельности, закрепив за трудовыми коллективами множество прав: рассмотрение и утверждение планов социального и экономического развития предприятия; встречное планирование на производстве и др. Фактически деятельность трудовых коллективов вступала в противоречие либо ограничивалась со стороны администрации и общественных организаций [Бехтерев 2013], что было обусловлено отсутствием должного механизма реализации и контроля многочисленных полномочий в самом законе о трудовых коллективах.

С целью расширить значимость и компетенции трудовых коллективов и повысить ответственность за выполнение принятых ими решений в июне 1987 г. был принят закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», в котором в качестве основного способа замещения должностей закреплялась выборность руководителей всех звеньев на предприятии посредством голосования. Предприятиям, перешедшим на полный хозрасчет и самофинансирование, отводилась ведущая роль в определении экономической стратегии, что предполагало автономию в разработке планов экономического и социального развития. Важным нововведением стало придание трудовым коллективам статуса специального органа самоуправления, который будет выражать интересы всех работников. Процесс, направленный на укрепление статуса и расширение полномочий трудовых коллективов, происходил одновременно с перестройкой всей политико-экономической системы СССР [Пашков, Плиев 1988: 38–43]. Расширение полномочий и автономности

Советов трудовых коллективов было направлено на совершенствование производства посредством учета мнения рабочих, но фактически способствовало укреплению позиций руководства экономически независимых предприятий, теперь избираемого снизу, а не назначаемого сверху.

Законопроект о языках стал самым дестабилизирующим правовым актом в Молдавской ССР. Чарльз Кинг обращает внимание на неточность закона о языке, порождавшую неопределенность в вопросе – останется ли русский языком общения между народами на территории Молдовы после выхода из ССР. Помимо того что закон не предоставлял реальных гарантий русскоязычному населению, он также вводил общеобязательное тестирование на знание молдавского языка до 1996 г. [King 1994: 358]. О неоднозначности языковой политики было отмечено на внеочередной XII сессии Тираспольского городского Совета народных депутатов: «Принципиальные ошибки в разработке концепции законов о языках привели к тому, что функция русского языка, как языка межнационального общения на территории республики, сформулирована недостаточно четко, статус его носителей во многом зависит от подзаконных актов, которые будут приняты в будущем»¹⁰. Согласно переписи 1989 г., лишь 11 % немолдавского населения владели молдавским языком, что вызывало дополнительную обеспокоенность русскоязычного населения в отношении реализуемой радикальной языковой политики [Solonari 2023: 495]. Важно отметить, что опубликованные в марте 1989 г. законопроекты о языках вызвали массовую критику и в течение апреля были обсуждены в 90 трудовых коллективах Приднестровья, впоследствии организовавших волну митингов и ряд забастовок [Бомешко 2010: 68].

В социалистической Словении победу федерализма относят к концу 1960-х гг., когда на законодательном уровне за республиками было закреплено больше полномочий, что соответствовало словенским представлениям об истинном федерализме и одновременно противоречило центристским устремлениям Сербии. Таким образом, удалось в очередной раз временно, как и в рамках экономических реформ, купировать рост открытого противостояния между Словенией и центром. Вместе с тем в Югославии, несмотря на установленное

¹⁰ Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1. С. 86.

на законодательном уровне федеративное устройство, интересы республик фактически не учитывались. Права республик Югославского государства ограничивались в вопросах полномочий республиканских органов, а также ставя в приоритет союзную Конституцию республиканским. Основной закон Югославии намеренно ограничивал права республик, что создавало почву для будущих конфликтов: «Югославское государство, созданное на федеративных началах, открыто взяло курс на централизм» [Габрич, Чепич 2001: 63]. В то же время завершались конституционные реформы, по итогам которых в 1974 г. была принята последняя Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия. Основным законом существенно расширял права республик в решении экономических и кадровых вопросов [Никифоров 2011: 736]. И именно последняя югославская Конституция закрепляла за республиками право выхода из Югославии.

В рамках правовых аспектов, помимо различных законодательных инициатив, необходимо обратить внимание на различный правовой статус сравниваемых регионов, поскольку он предопределял уровни, на которых происходила конфронтация. Приднестровье в отличие от Словении не имело статуса республики с правом выхода. В связи с этим в Югославии конфронтация происходила на уровне словенской власти и союзной бюрократии [Шахин 2020: 33].

Цель правовой системы – обеспечение политического порядка, но принимаемые как в Молдавской ССР, так и в Югославии решения имели обратный эффект. Произошел дисбаланс между правом и идеологией. Законодательные инициативы партийной номенклатуры должны были укреплять ее власть, а фактически – делегитимизировали. Как в Молдавской ССР, так и в социалистической Югославии законы формировались не с учетом существовавшей региональной идеологии, а с позиций центральной партийной номенклатуры, игнорирующей специфику регионов-доноров.

Элитарный аспект (партийная номенклатура)

Снижение уровня жизни и неопределенность будущего, к которым привели реформы М. С. Горбачева, способствовали увеличению числа недовольных по всему СССР. Экономическое положение многих ухудшилось, социальный дисбаланс стал более выраженным, что в совокупности привело «к разочарованию большинства людей как в замысле перестройки,

так и в ее фактических результатах» [Заславская 1991: 12]. Как отмечает профессор В. М. Зубок: «идея отделения от Советского Союза сначала была воображаемой, а затем начала казаться неизбежной» [Zubok 2021: 21].

В Молдавии в 1988 г. ЦК КП Молдавии принял решение о «политических реформах вместе с экономическим реформированием», но «перестройка – через конкретные дела» – не привела к ожидаемым результатам, что способствовало падению доверия к ЦК КП Молдавии [Цвятков 2012: 130]. В Молдавской ССР, согласно отчету КП Молдавии, в 1989 г. зафиксированы высокие показатели текучести кадров на промышленных предприятиях и низкий уровень дисциплины среди работающих [Harrington 2023: 535].

Ослабление доверия к Коммунистической партии Молдавии также было обусловлено нелинейной политикой в отношении языкового вопроса, который для Приднестровского региона имел фундаментальное значение. КП Молдавии изначально придерживалась позиции необходимости сохранения равного статуса как для молдавского, так и для русского языков. Но, как отмечает Ч. Кинг, неформальным объединениям удалось оказать давление на первого секретаря ЦК КП Молдавии С. К. Гроссу и купировать его попытки отстаивания идей двуязычия. На снижение авторитета КП Молдавии повлиял и коррупционный скандал, связанный со вторым секретарем КП Молдавии в январе 1989 г. Мартовские события ослабили партийные позиции, когда на Съезде народных депутатов в результате выборов неформальные молдавские движения сумели получить места в Верховном Совете, который, постепенно смещая КП Молдавии, взял на себя руководящие функции. И именно Верховный Совет дал задание по разработке проекта о молдавском языке [Кинг 2009: 11]. Как отмечает В. Стати, Коммунистическая партия, «вчера руководящая сила», капитулировала перед НФМ [Стати 2002]. На фоне несистемности, проявленной со стороны первого секретаря [Casu 2021], М. И. Снегуру удалось продвинуть курс «возрождения молдавско-румынской национальной культуры» и дискредитировать партийную власть [Дубнов 2024: 310].

С позиции Ч. Кинга, именно «борьба с русификацией», имевшая место во всех союзных республиках в конце 1980-х гг., в Молдавской ССР «как ни в какой другой союзной республике» способствовала дискредитации молдавского партийного аппарата [Кинг 2009: 7]. Профессор и приднестровский историк

Н. В. Бабилунга отмечал со стороны приднестровцев потерю доверия ни только к кишиневской власти, но и к местной коммунистической партноменклатуре, чье управление определялось как неэффективное [Гросул и др. 2021: 116]. Де-факто власть находилась в руках Советов трудовых коллективов, созданных на заводах и предприятиях, что привело к увеличению политической активности приднестровского населения, которой местные власти не препятствовали [Harrington 2023: 518].

В Югославии начало 1960-х гг. характеризуется как время роста противостояний двух тенденций: сербской централизации и словенской децентрализации, чему способствовал не только экономический застой, но и недовольство работой партийной номенклатуры. «Лидер македонских коммунистов К. Црвенковски вспоминал, что в 1962 г. они критиковали работу ЦК, так как его Исполком не собирался уже 38 месяцев, а многие вопросы решали "тройки" или "двойки", состоявшие из приближенных к И. Б. Тито людей» [Гуськова 2011: 701]. В 1970-х гг. активная политика децентрализации с позиции югославской власти представлялась единственно верной и способной остановить межнациональные противоречия. В то же время, с одной стороны, происходило подавление инакомыслия в отношении целостности Югославии, что усиливало роль партии, с другой – уменьшалась роль государства в жизни республик посредством децентрализации [Никифоров 2011: 738–741]. С 1986 г. Союз коммунистов Сербии во главе со С. Милошевичем вел активную борьбу со Словенией, обвиняемой в антиюгославской политике, препятствующей объединению сербского народа, который нуждался в централизации. Действия Сербии еще больше активизировали словенских политиков и интеллигенцию, к которым присоединились студенты и молодежь, агитируя идеи демократизации в противовес сербской централизации [Габрич, Чепич 2001: 71].

Согласно Р. Коллинзу, роль личности в признании легитимности режима имеет важное значение [Коллинз 2000: 256], что подтверждается в рассматриваемых союзных республиках. Так, при жизни Б. Тито удавалось сдерживать эскалацию националистических идей республик, в первую очередь республики-донора Словении. Дестабилизировала социально-политическое положение во всей Югославии смерть Б. Тито – вождя революции. Управление страной было разделено между Президиумом Социалистической Федеративной

Республики Югославии и Президиумом Центрального комитета Союза коммунистов Югославии, которые не смогли добиться того уровня авторитетности, которым обладал «вождь народов и народностей Югославии» [Никифоров 2011: 744]. В случае Молдавской ССР, как и в целом СССР, Р. Коллинз отмечает, что «Колебания личной популярности Горбачева были частью динамики делегитимации советского режима... С углублением структурного кризиса и поражением Горбачева во внутриэлитном конфликте он был внезапно делегитимизирован; в свою очередь, его личное падение делегитимизировало весь режим» [Коллинз 2000: 256]. Таким образом, кризис социалистической системы и ослабление правящей партии на фоне происходящих противоречий имеет место как в молдавском, так и югославском кейсе, что придавало импульс представителям интеллигенции.

Элитарный аспект (интеллигенция)

Формирование румынизированной молдавской интеллигенции происходило задолго до приднестровско-молдавского конфликта. Культ молдавской самобытности, направленный на уход от влияния румынофилов, развивался с 1940-х гг., и к 1950-м гг. в Молдавии сформировалась лингвистическая школа. Однако, к концу 1955 г. произошла модификация языковой политики. Приветствовались культурные и научные контакты с Румынией, поскольку в последней к власти пришли коммунисты. Румынизированная молдавская интеллигенция начала прочно укреплять свои позиции с конца 1950-х гг. «в высших учебных заведениях, учрежденных в Кишиневе, Бельцах, Тирасполе, а также в Институте молдавского языка, созданном в 1958 г. после раздела Института истории, языка и литературы молдавского филиала АН СССР» [Шорников 2007а: 305]. В 1960–1980-е гг. «Культурную модернизацию большинство интеллигентов-молдаван представляло себе как восприятие румынских культурных форм» [Там же: 306]. В то же время, несмотря на такие румынские тенденции, националистические идеи массово не проявлялись, неся лишь локальный характер, который оперативно пресекался Союзным центром [Rotaru 2023: 63].

Крах горбачевских реформ и массовое снижение доверия к ЦК КП Молдавии благоприятствовали расширению влияния неформальных организаций националистического толка. В октябре 1987 г. на пленуме Союза писателей Молдавии обсуждались

вопросы вытеснения молдавского языка и необходимости перехода к латинскому алфавиту [Цвятков 2012: 131]. Русификация определялась как насильственная и способствующая забвению родного языка и национальных традиций [Шорников 2007b: 37]. Лингвицизм стал основой концепции, пропагандируемой молдавской интеллигенцией, унионистски настроенной в отношении Румынии. Молдавская интеллигенция в лице писателей, журналистов, преподавателей вузов и артистов пропагандировала идею единства молдавской и румынской наций [Харитоновна 2008: 187]. В марте 1988 г. на Всесоюзном съезде писателей в Москве были озвучены идеи о придании государственного статуса языкам титульных наций во всех республиках СССР, что стало для прорумынской молдавской интеллигенции дополнительным обоснованием необходимости закрепления за молдавским языком более привилегированного статуса [Малышев 2013: 109].

13 марта 1989 г. впервые вышла газета *Glasul* – это первая газета на латинской графике, изданная в Молдавской ССР [Musteață 2023: 114]. В апреле 1988 г. в свет вышел очередной номер литературно-художественного и общественно-политического журнала Союза писателей Молдавии «Нистру», в котором описывались угнетенное состояние родного молдавского языка и необходимость изменения такого положения. Культивация «языковой проблемы» и радикализация ее форм находили свое отражение и в еженедельнике газеты Союза писателей «Литература ши арта» («Литература и искусство»).

Идеи о реформе языка поддерживались различными слоями молдавского населения, мобилизовав возникновение неформальных объединений, которые впоследствии организовывали митинги и демонстрации с языковой повесткой осенью 1988 г. [Гросул 1999: 26]. И если в Молдавской ССР мы видим это со стороны румынизированной молдавской интеллигенции, что наиболее ярко проявилось в 1988 г., то в Словении уже в 1960-е гг. на страницах литературно-критического журнала *Perspektive* «открыто звучала критика социалистической идеологии и этики, призывы к идейному и эстетическому плюрализму» [Старикова 2023: 253]. Приднестровская газета «Днестровская правда», зарегистрированная еще в 1941 г.¹¹, и газеты

«Бастующий Тирасполь», «Известия рабочего комитета г. Бендеры», «Хроника забастовки г. Рыбницы» в период забастовок 1989 г. активно пропагандировали идеи закрепления за русским языком статуса второго государственного для обеспечения равных прав всем национальностям, проживающим в Молдавской ССР [Расопова 2011: 105]. Стоит также отметить, что газеты местных органов власти издавались только на русском языке; из 48 детских садов в Бендерах только 2 использовали молдавский язык как основной язык обучения; из всех школьных учреждений в Бендерах было всего три с преподаванием на молдавском языке [Harrington 2023: 541].

Практика активного использования средств печати с целью воздействия на общественно-политическое сознание людей представляет особый интерес. Стоит отметить, что активность СМИ в социалистических республиках была обусловлена реформами, направленными на снятие цензуры. Именно через СМИ осуществлялась агитация ценностей, тем самым способствуя формированию коллективной идентичности. Фактически можно утверждать о децентрализации медиапространства, поскольку альтернативные СМИ ослабляли государственную монополию на распространение «правильной» информации. Одновременно СМИ, обладая одинаковым функционалом, распространяли разные идеи в Приднестровье (против румынизации) и Словении (против югославизации). Содержательное сходство заключалось в акценте на экономическую эксплуатацию, поскольку оба региона выступали донорами. Далее мы можем отметить существенные идеологические расхождения. Для Приднестровского региона ключевыми выступали темы по сохранению русского языка (для русских, украинцев и молдаван) и советской идентичности. Словенские же СМИ строили нарратив вокруг национальной самобытности и угрозе ее утраты. СМИ, являющиеся неотъемлемой составляющей социально-политической мобилизации, способствовали формированию идеологии и последующему ее распространению в регионах-донорах.

Н. И. Харитоновна отмечает, что исторические и этногенетические аргументы выступали для молдавской интеллигенции как инструмент обоснования преимущественного положения не просто титульной нации, а принадлежащей к крупной европейской румынской нации.

¹¹ 80 лет газете «Днестровская правда»: история Тирасполя на страницах печатного СМИ. *Новости Приднестровья*. 23.06.2021. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/21-06-23/80-let-gazete-dnestrovskaya-pravda-istoriya-tiraspolya-na> (дата обращения: 02.03.2025).

Успешно прогрессирующая идея румынизации постепенно переходила на новый уровень, когда в соответствии с решением Бюро ЦК КП Молдавии от 5 июля 1988 г. была создана специальная Межведомственная комиссия по изучению проблем молдавского языка [Харитоновна 2008: 188]. Таким образом, праворадикальная молдавская интеллигенция способствовала этнополитизации не только молдавского общества, но и его партийной номенклатуры [Степанов и др. 2014: 123].

Противостояние централизации и федерализации в Югославии происходило не только на уровне республиканской и центральной властей, но и между словенской и сербской интеллигенциями. Наиболее обсуждаемой стала полемика 1961–1962 гг. между словенским профессором Д. Пирьевцем, который отстаивал национальную эмансипацию Словении, и сербским писателем Д. Чосичем, ратовавшим за единый югославский социализм и единую социалистическую культуру. Идеи децентрализации получали свое распространение в трудах словенской интеллигенции (писатели, социологи, политологи, юристы): «В статьях Словения представлялась как демократическое многопартийное государство суверенного словенского народа, поскольку именно таковой она входила в состав Югославии....коммунисты, находящиеся у власти, были не способны удовлетворить эти требования» [Габрич, Чепич 2001: 72].

Политические предпосылки

Впервые до официального учреждения будущие представители НФМ стали собираться с января 1988 г. в центре Кишинева. Первое собрание прошло 15 января и сыграло решающую роль в продвижении демократических идей и национального возрождения [Musteață 2023: 112]. К апрелю этого же года уже в 19 городах Молдавской ССР сформировались сообщества будущего НФМ [Войт 2023: 77]. Из числа молдавской либеральной интеллигенции был создан Народный Фронт Молдовы, учредительный съезд которого прошел в мае 1989 г. Стремительное падение авторитета Коммунистической партии Молдавии на фоне продвигаемых антисоциалистических идей, поддерживаемых организацией национально-радикального толка НФМ, предоставило последнему возможность стать ведущей политической силой в Молдавии [Кушаков, Галинский 2018: 49]. НФМ, поддерживая перестроечные проекты, был нацелен на получение более широких полномочий для Молдавии, что, как представлялось НФМ,

возможно только при децентрализации управления и ослабления влияния Союзного центра. Совместно с румынскими депутатами представители НФМ создали Национальный совет, в рамках которого обсуждались идеи восстановления Румынии в границах декабря 1918 г. [Ульянова 2017: 99–100]. НФМ популяризировал идеи о двух румынских государствах и необходимости провозглашения Молдавии как Румынской Республики Молдовы. Сторонники НФМ поддерживали идеи «приоритета интересов основной нации» и вместе с прорумынской интеллигенцией участвовали в разработке и продвижении законопроектов о языках [Вергузь 2022: 744].

Инициатива закрепления за молдавским языком статуса единственного государственного языка исходила от Союза писателей Молдавии, от имени которых 16 февраля 1989 г. был опубликован законопроект «О функционировании языков на территории Молдавской ССР». НФМ также принимал активное участие в разработке и продвижении законопроектов о языке. И уже 30 марта 1989 г. был обнародован подготовленный рабочей группой Верховного Совета Молдавской ССР законопроект «О государственном языке», в котором молдавский язык провозглашался единственным государственным [Малышев 2013: 109].

Вынесенные для всенародного обсуждения 30 марта 1989 г. Президиумом Верховного Совета Молдавской ССР законопроекты о языке получили ответную реакцию со стороны политизированного Совета трудовых коллективов. Основным требованием стало признание за русским языком, наравне с молдавским, статуса государственно. В течение апреля 1989 г. 90 тираспольских трудовых коллективов обсуждали содержание законопроектов, и «8 мая на митинге по случаю открытия мемориала жертвам оккупации впервые публично прозвучал протест тираспольчан против языковой дискриминации» [Войт 2023: 78]. Ряд митингов против угрозы национализма прошли в мае. Со стороны же тираспольских депутатов Президиуму Верховного Совета Молдавской ССР было выдвинуто в качестве альтернативы содержанию законопроектов предложение о придании русскому и молдавскому языкам статуса государственных посредством продления сроков обсуждения законопроекта до проведения пленума ЦК КПСС по межнациональным отношениям. Однако предложение было отклонено [Там же].

11 августа 1989 г. – день создания Объединенного Совета трудовых коллективов. В этот день

на учредительной конференции ОСТК, где присутствовали представители от 31 предприятия, был избран его первый состав¹². С этого дня начинается период наиболее активного противостояния ОСТК политике насильственной румынизации, следствием которого стало провозглашение 2 сентября 1990 г. Приднестровской Молдавской Республики, де-факто существование которой продолжается уже 35 лет. Для обеспечения институционального функционирования Приднестровской Молдавской Республики как независимого государства представители ОСТК заняли должности в институтах власти, провозгласившей независимость республики. Необходимо отметить, что альтернативы как таковой и не было. Кто как ни члены ОСТК, борющиеся за права населения региона, могли бы лучше обеспечить функционирование региона? Именно так и считало население приднестровского региона, легитимизовавшее власть ОСТК. Первым президентом Приднестровской Молдавской Республики стал директор завода «Электромаш» И. Н. Смирнов. Но насколько успешно происходила институционализация де-факто государства при несменяемом на протяжении 20 лет И. Н. Смирнове и последующих лидерах республики? Насколько успешно выполняют свои обязательства парламент и правительство Приднестровской Молдавской Республики? Насколько развита партийная система? Эти вопросы, связанные с институционализацией де-факто Республики Приднестровье, требуют отдельных научных изысканий, которые внесут свой вклад в понимание функционирования непризнанных республик. Приднестровский кейс по-своему уникален, вместе с тем история постсоветского пространства конца 1980-х гг. наполнена рядом примеров подъема этнонациональных движений, где противостояние национал-радикальной политике привело к отделению от материнского государства, при этом в каждой из бывших советских республик сформировались свои предпосылки как по отделению, так и по мобилизации масс вокруг идеи противостояния [Мединец 2019: 224].

Массовая социально-политическая мобилизация словенской общественности произошла в июле 1988 г. из-за «суда против четырех». Судебный процесс инициировали военные в отношении трех словенских журналистов, которым младший офицер

Югославской народной армии передал особо секретный документ с информацией о готовящихся политических мерах в отношении Словении. Негодование протестующих вызывало и то, что судебный процесс, несмотря на его проведение в столице Словении, осуществлялся на сербскохорватском языке. Протестные движения в Словении организовывала неформальная организация «Комитет по защите прав человека». Словенские оппозиционные движения, активизировавшиеся в 1988–1989 гг., впоследствии преобразовались в политические партии, объединившиеся в 1989 г. в предвыборную коалицию «Демократическая оппозиция Словении» (ДЕМОС) для достижения общей цели по противостоянию сербско-центристским устремлениям [Габрич, Чепич 2001: 72–73].

Заключение

Историко-сравнительный анализ предпосылок социально-политической мобилизации населения в республиках-донорах подтверждает выдвинутую гипотезу, также выявлены особенности для каждого из рассмотренных кейсов. Так, в социалистической Словении социально-политическая мобилизация носила затяжной характер (с 1950-х гг.), а консолидирующей идеей выступало желание обеспечить национальную эмансипацию в рамках федерации. Для Приднестровья сплочивание населения происходило не вокруг национальных идей, что было невозможно в силу отсутствия нации, преобладающей по своей численности, а вокруг гражданско-идеологических ценностей. ОСТК, выступая против националистической кишиневской власти, придерживался советской идеологии. Лидеры ОСТК были членами КПСС либо разделяли социалистические взгляды. Тем самым мы можем наблюдать определенную дихотомию, когда партийная номенклатура теряет свой авторитет, и вместе с тем именно партийные активисты способствовали как созданию самого ОСТК, так и последующему отделению Приднестровья от Молдавской ССР. Также стоит обратить внимание на то, что в случае с Молдавской ССР партийная номенклатура была смещена НФМ, а в Словении она трансформировалась в национально ориентированную политическую силу. Таким образом, социально-политическая мобилизация Приднестровья происходила против национализма

¹² Из истории создания ОСТК. 11.02.2022. URL: <https://ostk-pmr.ru/2022/02/11/из-истории-создания-остк/> (дата обращения: 13.01.2025).

с ориентацией на сохранение социализма, а Словения выступала против социализма, продвигая национальный сепаратизм. Возникает вопрос, почему в Словении при наличии того же комплекса предпосылок, что и в Приднестровье, еще в 1950–1960-е гг. не произошла массовая социально-политическая мобилизация словенцев, которые впоследствии отделились от Югославии? Первостепенной, но не единственной причиной видится сам статус Словении в составе Югославии, которая являлась федеративной республикой. И представительность Словении в структурах власти была более расширенной, чем у Приднестровья, которое не имело статуса республики. Преференции от статуса федеративной республики и спорадическое удовлетворение требований, выдвигаемых словенской партийной номенклатурой в экономических вопросах, способствовали «растяжению» процесса социально-политической мобилизации Словении. В свою очередь, молдавские реформы были форсированы и бескомпромиссны.

Р. Коллинз в одной из работ обращает внимание на то, что смена власти действительно возможна при непродолжительной по времени массовой мобилизации, «создавая тем самым иллюзию, что спонтанная народная воля вызывает макрополитическое

изменение, и маскируя те структурные сдвиги, которые действительно делают возможным это изменение» [Коллинз 2000: 249]. Члены ОСТК провозгласили независимость Приднестровской Молдавской Республики, а словенские реформаторы – выход из состава Югославии, но те самые предшествующие структурные сдвиги мы видим существенно задолго до провозглашения независимости двух республик. Исследование с применением историко-сравнительного анализа, посвященное выявлению предпосылок (структурных сдвигов) мобилизации масс и их консолидации в рамках социально-политических объединений против центральной власти, позволяет понять, какие формы радикальной политики союзного центра неизбежно приводят к эскалации конфликта между центральной властью и донорскими республиками.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бабилунга Н. В. Приднестровье: шаги истории. Тирасполь: МИД ПМР, 2015. 72 с. [Babilunga N. V. *Transnistria: Steps of history*. Tiraspol, MFA PMR, 2015, 72. (In Russ.)]
- Бехтерев С. Л. Трудовые коллективы в системе советского хозяйствования: историко-правовой аспект. *Социум и власть*. 2013. № 4. С. 79–83. [Bekhterev S. L. Labor collectives in the system of Soviet economy: Historical and law aspect. *Sotsium i vlast*, 2013, (4): 79–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rkakhz>
- Бомешко Б. Г. Создание, становление и защита Приднестровской государственности. 1990–1992 гг. Бендеры: Полиграфист, 2010. 520 с. [Bomeshko B. G. *Creation, formation, and protection of the Transnistrian statehood. 1990–1992*. Bender: Poligrafist, 2010, 520. (In Russ.)]
- Бомешко Б. Г. Сравнительный анализ национальной структуры населения МАССР и ПМР. *Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1. Документы государственных (советских) органов Приднестровья*, сост. и отв. ред. В. Ф. Грызлов. М.: ЦИМО ИАЭ РАН, 1997. С. 34–37. [Bomeshko B. G. Comparative analysis of the national structure of the population of the MASSR and the PMR. *Unrecognized republic. Essays. Documents. Chronicle. Vol. 1. Documents of state (Soviet) bodies of Transnistria*, comp. and ed. Gryzlov V. F. Moscow: CSIR IEA RAS, 1997, 34–37. (In Russ.)]
- Букина Т. В. Социокультурные изменения в Молдавской ССР в 1985–1987 гг. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013. № 1. С. 66–70. [Bukina T. V. Sociocultural changes in the Moldavian SSR in 1985–1987. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2013, (1): 66–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxumnl>
- Вергуз А. С. Исторические причины возникновения и развития приднестровского конфликта. *Московский экономический журнал*. 2022. Т. 7. № 12. С. 738–752. [Verguz A. S. Historical causes of the emergence and development of the Transdnistrian conflict. *Moscow Economic Journal*, 2022, 7(12): 738–752. (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_12_752

- Войт И. А. Исторические и политические предпосылки воссоздания Приднестровской государственности. *Вестник Брянского государственного университета*. 2023. № 4. С. 75–83. [Voit I. A. Historical and political preconditions for the restoration of the Pridnestrovian statehood. *The Bryansk State Herald*, 2023, (4): 75–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cflrxz>
- Габрич А., Чепич З. Очерк развития словенской государственности (1941–1991). *Словения. Путь к самостоятельности: документы*, отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2001. С. 55–78. [Gabrič A., Čepič Z. Development of the Slovenian State Idea in 1941–1991. *Slovenia. The Path to Independence: Documents*, ed. Guskova E. Yu. Moscow: Indrik, 2001, 55–78. (In Russ.)]
- Гросул В. Я. Русофилы и русофобы в истории Молдавии. *Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. Т. 3. Документы общественно-политических объединений Приднестровья*, автор-сост. В. Ф. Грызлов, ред. М. Н. Губогло. М.: ЦИМО, 1999. С. 13–30. [Grosul V. Ya. Russophiles and Russophobes in the History of Moldova. *Unrecognized Republic. Essays. Documents. Chronicle. Vol. 3. Documents of Socio-Political Associations of Transnistria*, comp. Gryzlov V. F., ed. Guboglo M. N. Moscow: CSIR, 1999, 13–30. (In Russ.)]
- Гросул В. Я., Благодатских И. М., Бомешко Б. Г., Грек И. Ф., Руссев Н. Д., Поливцев В. Н., Суляк С. Г., Стати В. Н., Содоль В. А., Фидельский С. А., Шорников И. П., Шорников П. М. Признанный историк непризнанного государства. *Аналитический бюллетень Института социально-политических исследований и регионального развития*. 2021. № 1–2. С. 115–118. [Grosul V. Ya., Blagodatskikh I. M., Bomeshko B. G., Grek I. F., Russev N. D., Polivtsev V. N., Sulyak S. G., Stati V. N., Sodal V. A., Fidelski S. A., Shornikov I. P., Shornikov P. M. Recognized historian of the unrecognized state. *Analiticheskii biulleten Instituta sotsialno-politicheskikh issledovaniy i regionalnogo razvitiia*, 2021, (1–2): 115–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lqkeqe>
- Гуськова Е. Ю. Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций. In: Никифоров К. В., Шемякин А. Л., Хлебникова В. Б. и др. *Югославия в XX веке: Очерки политической истории*. М.: Индрик, 2011. С. 701–734. [Guskova E. Yu. Yugoslav Federation in the 1960s. The struggle of two tendencies. In: Nikiforov K. V., Shemyakin A. L., Khlebnikova V. B., et al. *Yugoslavia in the 20th century: Essays on political history*. Moscow: Indrik, 2011, 701–734. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgmoqn>
- Демьянович Ю. Э. Внутренние и внешние предпосылки выхода Словении из состава Социалистической Федеративной Республики Югославия. *Журнал международного права и международных отношений*. 2019. № 1–2. С. 44–51. [Dzemyanovich Yu. E. Internal and external prerequisites for the withdrawal of Slovenia from the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. *Journal of International Law and International Relations*, 2019, (1–2): 44–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xdehie>
- Демьянович Ю. Э. Этнорелигиозные противоречия в Югославии: исторический и современный контекст. *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития*, сост. и науч. ред. Е. А. Достанко. Мн.: БГУ, 2018. Вып. 6. С. 55–71. [Dzemyanovich Yu. E. Ethno-religious contradictions in Yugoslavia: Historical and modern context. *Relevant issues of international relations and global development*, comp. end ed. Dostanko E. A. Minsk: BSU, 2018, iss. 6, 55–71. (In Russ.)]
- Дубнов А. Ю. Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик. М.: Индивидуум, 2024. 336 с. [Dubnov A. Yu. *Why the USSR collapsed. The leaders of the union republics remember*. Moscow: Individuum, 2024, 336. (In Russ.)]
- Заславская Т. И. Социализм, перестройка и общественное мнение. *Социологические исследования*. 1991. № 8. С. 3–21. [Zaslavskaya T. I. Socialism, perestroika, and public opinion. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 1991, (8): 3–21. (In Russ.)]
- Заславская Т. И., Рывкина Р. З. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 448 с. [Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. Z. *Sociology of economic life: Essays on theory*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1991, 448. (In Russ.)]
- Кинг Ч. Языковая политика в Молдавской Советской Социалистической Республике. *Научные тетради Института восточной Европы. Вып. 2. Молдавия*, ред. А. Л. Погорельский. М.: Территория будущего, 2009. С. 6–25. [King C. Language Policy in the Moldavian Soviet Socialist Republic. *Scientific Notebooks of the Institute of Eastern Europe. Iss. 2. Moldova*, ed. Pogorelskiy A. L. Moscow: Territoria budushchego, 2009, 6–25. (In Russ.)]
- Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса. *Время мира*. 2000. № 1. С. 234–278. [Collins R. Prediction in macrosociology: The case of the Soviet collapse. *Vremia mira*, 2000, (1): 234–278. (In Russ.)]

- Колосов В. А., Заяц Д. В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта. *Вестник Евразии*. 2001. № 1. С. 88–122. [Kolosov V. A., Zayats D. V. Moldova and Transnistria: National construction, territorial identities, prospects for conflict resolution. *Vestnik Evrazii*, 2001, (1): 88–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyuywb>
- Кривенко А. В., Фоменко В. Г. Этнический состав населения Приднестровья. *Этнические общины и диаспоры во времени и пространстве*: конф. (29–30 июня 2017 г.) Бухарест, 2019. С. 79–82. [Krivenko A. V., Fomenko V. G. Ethnic composition of the population of Transnistria. *Ethnic communities and diasporas in time and space*: Proc. Conf., 29–30 Jun 2017. Bucharest, 2019, 79–82. (In Russ.)]
- Кушаков М. Н., Галинский Я. О. Образование и этапы развития государственности Приднестровской Молдавской Республики. *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2018. № 1. С. 48–55. [Kushakov M. N., Galinskiy Ya. O. Formation and stages of development of statehood of the Pridnestrovian Moldavian Republic. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy*, 2018, (1): 48–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/usbbkl>
- Малышев Д. В. Приднестровский конфликт: траектория развития. *Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2013. № 1. С. 106–126. [Malyshev D. V. The Transnistrian conflict: Trajectory of development. *Lomonosov World Politics Journal*, 2013, (1): 106–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaihad>
- Мединец М. Я. Формирование политических институтов де-факто государств Восточной Европы: общее и особенное. *Исследования зарубежной истории. Мемориал имени С. Б. Семёнова*: конф. (Самара, 15 мая 2019 г.) Самара: Самарский филиал МГПИ, 2019. С. 222–231. [Medinets M. Ya. Formation of the political institutions of the Eastern European de facto states: General and special features. *Studies of foreign history. S. B. Semenov Memorial*: Proc. Conf., Samara, 15 May 2019. Samara: Samara branch of MSPI, 2019, 222–231. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmkdva>
- Мясникова Н. В. Участие женщин Приднестровья в «предвоенной» стадии молдово-приднестровского конфликта (1989–1991 гг.). *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2012. № 4. С. 210–218. [Myasnikova N. V. Transnistria women's participation in "prewar" stage of the Trans-Moldavian conflict (1989–1991). *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriia. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie*, 2012, (4): 210–218. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxlczi>
- Никифоров К. В. «Карделевская Югославия» (1974–1990). In: Никифоров К. В., Шемякин А. Л., Хлебникова В. Б. и др. *Югославия в XX веке: Очерки политической истории*. М.: Индрик, 2011. С. 735–764. [Nikiforov K. V. Kardelj's Yugoslavia (1974–1990). In: Nikiforov K. V., Shemyakin A. L., Khlebnikova V. B., et al. *Yugoslavia in the 20th century: Essays on political history*. Moscow: Indrik, 2011, 735–764. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgmowh>
- Остапенко Л. В., Субботина И. А. Русские Молдавии: этнодемографические трансформации. *Этнографическое обозрение*. 2011. № 5. С. 91–108. [Ostapenko L. V., Subbotina I. A. The Russians of Moldova: Ethnic-demographic transformations. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2011, (5): 91–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohmevl>
- Пашков А. С., Плиев И. П. Правовое положение совета трудового коллектива. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1988. № 6. С. 36–45. [Pashkov A. S., Pliev I. P. Legal status of a work collective's council. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 1988, (6): 36–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twmqhn>
- Распопова С. Л. Система средств массовой информации Приднестровья: функционирование в контексте межэтнического взаимодействия. *Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 1. С. 100–109. [Raspopova S. L. The system of mass media of Transnistria: Functioning in the context of interethnic interaction. *Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2011, (1): 100–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmpvbd>
- Скворцова А. Ю., Бомешко Б. Г., Смирнова И. Г., Лисовина А. П., Богнибов Е. А., Царан Т. А., Репида Л. Е., Шорников П. М., Содоль В. А. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Приднестровье в советский период: от геополитического проекта МАССР к левобережному анклаву МССР. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Моя строка, 2021. 512 с. [Skvortsova A. Yu., Bomeshko B. G., Smirnova I. G., Lisovina A. P., Bognirov E. A., Tsaran T. A., Repida L. E., Shornikov P. M., Sodal V. A. *History of the Pridnestrovian Moldavian Republic. Vol. 2. Transnistria in the Soviet period: From the geopolitical project of the MASSR to the left bank enclave of the MSSR*. 2nd ed. St. Petersburg: Moia stroka, 2021, 512. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/legpqh>

- Слободянюк Г. Е. Общественно-политическая деятельность ОСТК и процесс создания институтов государственности Приднестровья. *Вестник Вятского государственного университета*. 2016. № 3. С. 43–51. [Slobodyanyuk G. E. Political activity UCWC and the process of creating the institutions of statehood of Transnistria. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (3): 43–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjbayx>
- Старикова Н. Н. Поэтика и политика: журналы *Perspektive* и *Nova revija* как очаги инакомыслия. *SLOVENICA V. Република Словения: путь к независимости*, отв. ред. Н. С. Пилько. М.: ИСЛ РАН, 2023. С. 253–268. [Starikova N. N. Poetics and politics: *Perspektive* and *Nova revija* magazines as centers of dissent. *SLOVENICA V. The Republic of Slovenia: The path to independence*, ed. Pilko N. S. Moscow: ISI RAS, 2023, 253–268. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31168/2618-8562.2023.11>
- Стати В. История Молдовы. Кишинев: Tipografia Centrală, 2002. 480 с. [Stati V. *History of Moldova*. Kishinev: Tipografia Centrală, 2002, 480. (In Russ.)]
- Степанов В. П., Бобкова Е. М., Матвейчук Е. А. Ценностные стандарты молодежи при выборе жизненных стратегий в условиях скрытой напряженности (на примере Приднестровья). *Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014. № 1. С. 123–129. [Stepanov V. P., Bobkova E. M., Matveychuk E. A. Value standards of young people when choosing life strategies in conditions of latent tension (on the example of Transnistria). *Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Seria: Gumanitarnye nauki*, 2014, (1): 123–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wyhnmb>
- Ульянова Ю. С. «Фронты» в политическом процессе постсоветской Молдовы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2017. № 3. С. 97–104. [Ulyanova Yu. S. "Fronts" in the political process the post-Soviet Moldova. *The Caspian region: Politics, Economics, Culture*, 2017, (3): 97–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zufktz>
- Харитонов Н. И. Приднестровье: война и перемирие (1990–1992 гг.). *Новый исторический вестник*. 2008. № 1. С. 187–197. [Kharitonova N. I. Transnistria: War and truce (1990–1992). *Novyj Istoriceskij Vestnik*, 2008, (1): 187–197. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxzcchr>
- Цвятков Н. В. Советская «перестройка» глазами молдавских президентов. *Moldoscopie*. 2012. № 3. С. 129–136. [Tsvyatkov N. V. Soviet perestroika as seen by Moldovan presidents. *Moldoscopie*, 2012, (3): 129–136. (In Russ.)]
- Шахин Ю. В. Словенский республиканизм в годы расцвета административно-командной системы. *Историко-экономические исследования*. 2020. Т. 21. № 1. С. 29–53. [Shakhin Yu. V. Slovenian republicanism during the height of state-run system. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2020, 21(1): 29–53. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2020.21\(1\).29-53](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2020.21(1).29-53)
- Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007а. 400 с. [Shornikov P. M. *Moldavian originality*. Tiraspol: Pridnestrovian University, 2007a, 400. (In Russ.)]
- Шорников П. М. Статус русского языка и гражданский конфликт в Молдавии: историография вопроса. *Русин*. 2007b. № 3. С. 36–56. [Shornikov P. M. The status of the Russian language and the civil conflict in Moldova: Historiography. *Rusin*, 2007b, (3): 36–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/orffnf>
- Casu I. Patterns of succession: Top party elite recruitment in Soviet Moldavia and centre-periphery relations, 1940–1991. *Moscow and the non-Russian republics in the Soviet Union: Nomenclatura, intelligentsia, and centre-periphery relations*, eds. Bennich-Björkman L., Grybkauskas S. Routledge, 2021, 71–91. <https://doi.org/10.4324/9781003244608-3>
- Harrington K. Mobilising the masses: Explaining the rapid rise of worker activism in Transnistria in the late 1980s. *Comparative Southeast European Studies*, 2023, 71(4): 517–545. <https://doi.org/10.1515/soeu-2023-0021>
- King C. Moldovan identity and the politics of pan-Romanianism. *Slavic review*, 1994, 53(2): 345–368.
- Musteață S. 1989 – annus mirabilis for the Moldavian SSR. *PLURAL. History, Culture, Society*, 2023, (1): 107–126. https://doi.org/10.37710/plural.v11i1_5
- Rotaru L. Indigenizarea învățământului superior din RSS Moldovenească: Intenția regimului și "socotelile" intelectualității autohtone. *Intelectualitatea română între ideologie, libertate academică și nationalism: Conferința națională cu participare internațională, Ediția a 2-a, Chișinău, 14–16 octombrie 2021*. Chișinău, 2023, 37–95.
- Solonari V. Popular sentiments and political failures: Understanding the disintegration of the Republic of Moldova, 1989–1990. *Comparative Southeast European Studies*, 2023, 71(4): 488–516. <https://doi.org/10.1515/soeu-2023-0020>
- Zofka J. The transformation of Soviet industrial relations and the foundation of the Moldovan Dniester Republic. *Europe-Asia Studies*, 2016, 68(5): 826–846. <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1189514>
- Zubok V. M. *Collapse: The fall of the Soviet Union*. Yale University Press, 2021, 535.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/anzpqd>

Интервенционализм как инструмент внешней политики США на Ближнем Востоке в период холодной войны (на примерах операций в Ливане в 1958 г. и 1982–1984 гг.)

Румянцев Владимир Петрович

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 8599-2114

<https://orcid.org/0000-0003-0048-0545>

Scopus Author ID: 57190579063

Ильин Семен Константинович

Кемеровский государственный медицинский университет, Россия, Кемерово

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 6745-3788

<https://orcid.org/0009-0002-9809-2806>

sem-ilin@mail.ru

Аннотация: Проблема интервенционализма как инструмента внешней политики Соединенных Штатов в эпоху биполярного противостояния не утратит своей актуальности до тех пор, пока они будут использовать его для продвижения своих интересов в разных регионах мира. Цель – выявить общие черты и различия двух интервенций США в Ливан (1958 г. и 1982–1984 гг.) в контексте конкретных исторических условий. Несмотря на 25-летний перерыв между этими двумя военными операциями, можно отметить неразрывную связь в их геополитической составляющей, которая была выражена в стремлении США контролировать процессы, происходящие вокруг Ливана в рамках условного треугольника Сирия – Израиль – Иран. Обе операции имели внутривластную подоплеку, связанную со стремлением Белого дома укрепить свой престиж и лидерство во взаимоотношениях с конгрессом и произвести соответствующее впечатление на избирателей. Вместе с тем масштабы, последствия, правовые аспекты отправки американских войск на Ближний Восток в период правления администраций Д. Эйзенхауэра и Р. Рейгана различались. В 1958 г. Соединенным Штатам удалось при большем масштабе военного контингента избежать людских потерь среди личного состава. В 1982–1984 гг. США при гораздо более малочисленном составе экспедиционного корпуса потеряли несколько сотен жизней своих морских пехотинцев. Обе операции усилили убежденность правящих кругов Соединенных Штатов в своем праве и возможностях проводить интервенции в дела других стран.

Ключевые слова: ближневосточная политика США, интервенционализм, палестино-израильский конфликт, холодная война, Рональд Рейган, Дуайт Эйзенхауэр, Ливан, Ближний Восток

Цитирование: Румянцев В. П., Ильин С. К. Интервенционализм как инструмент внешней политики США на Ближнем Востоке в период холодной войны (на примерах операций в Ливане в 1958 г. и 1982–1984 гг.). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1142–1151. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1142-1151>

Поступила в редакцию 07.04.2025. Принята после рецензирования 23.06.2025. Принята в печать 23.06.2025.

full article

Interventionism as an Instrument of US Foreign Policy in the Middle East during the Cold War: Operations in Lebanon in 1958 and 1982–1984

Vladimir P. Rumyantsev

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 8599-2114

<https://orcid.org/0000-0003-0048-0545>

Scopus Author ID: 571905790633

Semen K. Ilin

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 6745-3788

<https://orcid.org/0009-0002-9809-2806>

sem-ilin@mail.ru

Abstract: Interventionism was a major tool of the US foreign policy in the era of bipolar confrontation. Today, the USA continues to use it to advance its interests in different regions. The two US interventions in Lebanon in 1958 and 1982–1984 demonstrated both similarities and differences in the specific historical context. Despite the quarter-of-a-century gap between these two military operations, the geopolitical component remained the same: the USA wanted to control the processes in the Syria–Israel–Iran triangle. Both operations had a domestic political background as the White House intended to strengthen its prestige and leadership in relations with the Congress and to win more voters. However, the scale, consequences, and legal aspects of the interventions initiated by Eisenhower and Reagan differed. In 1958, the USA managed to avoid human losses despite a larger military contingent. In 1982–1984, the much smaller expeditionary force lost several hundred marines. Yet, both operations strengthened the conviction of the White House in its right and ability to intervene in the affairs of other countries.

Keywords: US Middle East policy, interventionism, Palestinian-Israeli conflict, Cold War, Ronald Reagan, Dwight Eisenhower, Lebanon, Middle East

Citation: Rumyantsev V. P., Ilin S. K. Interventionism as an Instrument of US Foreign Policy in the Middle East during the Cold War: Operations in Lebanon in 1958 and 1982–1984. *SibScript*, 2025, 27(6): 1142–1151. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1142-1151>

Received 7 Apr 2025. Accepted after peer review 23 Jun 2025. Accepted for publication 23 Jun 2025.

Введение

Изучение феномена американского интервенционализма не утратит своей актуальности для исследователей до тех пор, пока Соединенные Штаты будут использовать этот инструмент продвижения своих интересов в разных регионах мира. Ливанская республика принимала на себя удары подобных операций и от других государств: сирийское вторжение на север страны в 1976 г., израильские вторжения 1978 г. и 1982 г. и прямая поддержка прокси-режима Армии Южного Ливана, а также операция «Достойное возмездие» 2006 г. против сил «Хезболлы». Подобные операции, заявленные США как миротворческие, всегда приводили к масштабным разрушениям, гибели гражданских лиц, миграции местного населения из районов боевых действий. США как одни из двух мировых лидеров холодной войны имели различные инструменты вмешательства в дела

стран, которые входили в орбиту их влияния или затрагивали стратегические цели. Ближневосточные интересы Соединенных Штатов состояли в поддержке своего основного союзника в лице Израиля, контроле за основными потоками углеводородов, а также противостоянии СССР и его союзникам в регионе. Ливан же находился между Израилем, Сирией и Ираном. Наличие порта на Средиземном море в столице Бейруте делало контроль за этой страной еще более полезным в экономическом аспекте, а высадку и снабжение группировки морской пехоты проще. Вторжения Соединенных Штатов в Ливан стали первыми двумя интервенциями этой державы в Ближневосточный регион.

Политика Соединенных Штатов на Ближнем Востоке во второй половине XX в. достаточно подробно изучена как отечественными, так и зарубежными

специалистами. К основополагающим работам об интересах США в ближневосточном регионе можно отнести труды В. А. Кременюка [Кременюк 1977: 176–188], А. К. Лаврентьева [Лаврентьев 1980: 82–130], М. А. Гречева [Гречев 1958: 250–284], Ю. М. Мельникова [Мельников 1984: 166–226]. Несмотря на то что эти авторы исходили из советских политических установок, что выражалось в использованной терминологии, подобранные факты и обозначенные выводы о пристальном внимании США к изучаемому региону заставляют снова обращаться к их работам. Монография В. Н. Конышева, написанная в середине 1990-х гг., сконцентрирована на изучении американских интервенций периода президентства Р. Рейгана через призму математических данных (главным образом результаты голосований в Конгрессе США) [Конышев 1999: 58–91]. Арабисты изучали действия США в контексте развития самой Ливанской республики, ставя на первый план внутривосточные причины и последствия рассматриваемых в данной статье операций США [Крысенко 2013; Кузнецов 2017: 52–71; Савичева 2009: 36–71; Стоклицкий 1990: 132–159]. Взгляд некоторых ученых в основном был сосредоточен вокруг экономических аспектов, а именно тематики нефтедобычи [Лосев, Тысовский 1980: 171–202].

Некоторые зарубежные ученые рассматривают силовые интервенции как законное право Соединенных Штатов влиять на политические процессы в странах, входящих в сферу своих стратегических интересов [Barnet 1980: 67–83; Dallek 1983: 216–231]. Меньше специалистов, в чьих работах нашли отражение более взвешенные и даже критические оценки действий Белого дома [Quandt 1977]. В рамках изучения действий США в первой половине 1980-х гг. в Ливане наиболее значимой стала монография Франка Бениса. Ветеран Второй мировой войны и Корейской войны в составе подразделений морских пехотинцев США Ф. Бенис в 1961–1997 гг. работал в качестве исследователя-историка в отделе истории и музеев в штабе морской пехоты США [Benis 1987: 13–152]. Автор пришел к выводу, что пребывание сил США после выполнения поставленной задачи – вывод сил палестинского сопротивления в Иорданию – имело сугубо политическую цель. Отсутствие конкретных военных задач сделало бойцов удобной мишенью, что и привело к значительным потерям. Заслуживает внимания позиция американского исследователя И. Ауды, который считает, что США, опираясь на Израиль во время

десантной операции 1982–1984 гг., стремились получить контроль над транзитными нефтепроводами Восточного Средиземноморья [Aoudé 2019: 106].

Цель – выявить общие черты и различия двух интервенций США в Ливан (1958 г. и 1982–1984 гг.) в контексте конкретных исторических условий. Задачи: 1) проанализировать предысторию участия США в ближневосточных событиях перед интервенциями 1958 г. и 1982–1984 гг.; 2) сравнить поставленные американским военным задачи с учетом привлеченных военно-морских сил США; 3) проследить влияние изменений в американском законодательстве на выбор правового статуса военной миссии.

Гипотеза: США использовали военные интервенции в различных организационно-правовых формах для усиления влияния в треугольнике Израиль – Сирия – Иран, что позволило бы им усилить собственные позиции в стратегически значимом районе Восточного Средиземноморья.

Методы и материалы

В основу сравнения положены как количественные, так и качественные характеристики. Количественная составляющая выражена в анализе численности подразделений и их состава, номенклатуры вооружений, а также в официальных данных и понесенных потерях. Последние дают представление о том, насколько командование той или иной миссии грамотно спланировало операцию в соответствии с поставленными задачами. Качественные характеристики представлены целями операций (официальными и неофициальными), международной ситуацией в период проведения этих операций. Через сопоставление количественных и качественных параметров авторы стремятся добиться наибольшей объективности выводов. Подобный подход редко используется другими исследователями, чьи работы в основном направлены на более глубокое изучение отдельных элементов взаимоотношений США с Израилем или роли США в процессе ближневосточного урегулирования.

Результаты

Сравнение исторических обстоятельств перед интервенциями

Международную ситуацию вокруг Ливана перед вводом американских войск 1958 г. можно определить как «растущую напряженность». Общим процессом, который привел к обострению обстановки вокруг «Ближневосточной Швейцарии», стал

Суэцкий кризис 1956–1957 гг. [Румянцев 2010: 100]. Президент Ливана Камиль Шамун, прозападный христианин-маронит, старался не нарушать контактов с западными странами, которые выступили против Египта после национализации компании Суэцкого канала, осуществленной правительством Г. А. Насера. Мусульманская часть Ливана, чьи интересы представлял премьер-министр суннитского вероисповедания Сами Ас-Сольх (фактическими лидерами мусульманской уммы Ливана также были бывшие премьер-министры Рашид Караме и Абдалла Яфи), требовала от ливанских властей присоединиться к остальному арабскому миру в поддержке Египта. В этих условиях президент К. Шамун еще в 1957 г. запрашивал у США военную поддержку для укрепления своей власти в стране. Ливанский президент не хотел оставлять свой пост в мае 1958 г. в связи со скорым окончанием срока и всерьез говорил об изменении Конституции. 7 мая 1958 г. К. Шамун сообщил послу США в Ливане Р. Макклинтоку и послу Великобритании в Ливане Дж. Миддлону, что такое решение им, наконец, принято. В ответ он получил обещание поддержки со стороны США и Великобритании¹. Тем не менее никаких твердых гарантий военной помощи американское и британское правительства не давали. Параллельно руководством США рассматривался и другой кандидат на пост ливанского лидера – главнокомандующий ливанской армией Ф. Шехаб. Он отказался поддержать какую-либо из сторон в этом конфликте, аргументируя свою позицию тем, что участие армии расколет саму армию (численность вооруженных сил Ливана была всего около 10 тыс. человек, примерно половина которой были мусульманами) и, таким образом, усилит раскол общества [Ratteira 2025: 122].

На фоне начала протестов в Ливане в середине мая 1958 г. США медлили с предоставлением военной поддержки. Сказывалась внутренняя борьба между властными структурами: Госдепартамент считал нецелесообразным поддерживать опального президента на фоне демонстраций и углубления национального конфликта, а ЦРУ, наоборот, считало необходимым предоставить такую поддержку. По их мнению, только К. Шамун смог бы обеспечить дальнейшую бесперебойную работу региональной сети ЦРУ [Ovendale 1994].

В начале 1980-х гг. Ливан оказался ареной противостояния палестинских группировок и Израиля. Фактически, оккупировав южные районы страны в предыдущем десятилетии, палестинцы раз за разом совершали вылазки в приграничье Израиля и наносили ракетные удары, которые практически не причиняли ущерба. Неудачная попытка США добиться прекращения огня в 1981–1982 гг. привела к проработке израильским руководством военной операции для ликвидации основных сил Организации освобождения Палестины (ООП) в Ливане. К весне 1982 г. основные цели операции были определены, оставалось дожидаться достаточного повода. Им стало покушение на посла Израиля в Лондоне Шломо Аргова в начале июня 1982 г. Несмотря на то что принадлежность террориста к ООП не была доказана (а позже расследование установило его непричастность к ООП), Силы самообороны Израиля (ЦАХАЛ) получили приказ о переходе в наступление [Дзахсорова 2016: 29–30]. На судьбоносном совещании правительства министр обороны А. Шарон отводил на достижение официальных целей – уничтожение ракетных установок «Катюша» – 24–28 ч. В реальности военным обозначили более масштабные задачи – перерезать трассу Дамаск – Бейрут, окружить столицу Ливана, тем самым разделив юг и север, и нарушить логистику палестинских сил сопротивления. Последние при этом находились под сирийским контролем [Ковальчук 2017: 129–130].

В ходе неизбежных многодневных ударов по столице и пригородам разрушалась инфраструктура, гибли тысячи мирных жителей. Соединенные Штаты как главный союзник Израиля не могли остаться в стороне, мир ожидал их реакцию. В предыдущий раз, в 1978 г., когда израильский премьер-министр Менахем Бегин использовал американскую технику для вторжения в Ливан, президент Джимми Картер надавил на него, напомнив об обязательстве применять помощь США исключительно в оборонительных процессах. Тогда это возымело эффект, и М. Бегин отвел основную часть войск. Р. Рейган рассматривал палестинское сопротивление в качестве просоветских сил, а значит их военное ослабление входило в сферу интересов Белого дома. Удары по сирийским позициям на севере Ливана оценивались также положительно.

¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960. Vol. XI. Lebanon and Jordan, eds. Smith L. J., Glennon J. P. Washington: United States Government Printing Office, 1992. P. 30–32.

Однако массовая гибель мирного населения вынуждала Вашингтон искать варианты развязки, в которой США продолжат свою миссию миротворца [Mulder et al. 2023: 26]. Статус всемирного защитника прав человека, успехи в деле примирения арабов и евреев (Кэмп-Дэвидские соглашения 1978 г.), нежелание обострять отношения с союзником привели к рассмотрению варианта ввода сил для разграничения воевавших сторон параллельно с существовавшими силами ООН.

Впервые заявление о возможном вводе многосторонних миротворческих сил в Ливан для нормализации ситуации прозвучало 10 июня 1982 г. от Дж. Ф. Кэмпбелла, члена Палаты представителей от Нью-Йорка, но этот сценарий не рассматривался всерьез и являлся скорее одним из возможных вариантов². Однако челночная дипломатия представителя американского президента в лице дипломата с ливанскими корнями Филиппа Хабиба позволила разработать план, за основу которого был взят этот вариант развития событий [Ильин 2024: 120–121]. Вскоре, 5 июля, Р. Рейган дал принципиальное согласие на участие американских военных в составе Многонациональных сил в Ливане вместе с подразделениями Италии и Франции, позже присоединилась Великобритания [Хлебников 1984: 202]. В обращении к Конгрессу президент США 24 августа уведомил законодательную власть об использовании ограниченного контингента для помощи в разъединении враждовавших сил³.

Обозначенные задачи и обстоятельства вывода сил из Ливана

Присутствие сил США в Ливане в 1958 г., как отмечалось выше, было обусловлено стремлением поддержать проамериканского президента К. Шамуна в его попытке незаконно остаться у власти в стране. Тем самым Вашингтон планировал превратить ливанского президента в своего союзника-должника. Американским военным необходимо было только присутствовать. Никаких силовых рейдов и демонстраций огневой мощи не предполагалось. Однако после обострения внутривосточного кризиса на фоне противозаконных действий

К. Шамуна Соединенные Штаты вывели свои силы из Ливана, чтобы не стать одной из сторон противостояния, а ливанский президент уступил пост Фуаду Шехабу.

Миссия Многонациональных сил 1982 г. первоначально заявлялась как миротворческая, но имела черты полицейской [Kattan 2023: 188–189]. Введенные 25 августа 1982 г. в Ливан морские пехотинцы должны были обеспечить разоружение и безопасную погрузку на корабли бойцов палестинского сопротивления для их переправки в Иорданию [Ланда 2016: 152–153]. Всё оружие и технику изымали, подробно фиксировали в документах их количество и номенклатуру для дальнейшей передачи ливанским военным. Реализация задач окончилась к 10 сентября того же года, после чего военных вернули на корабли в Средиземном море. Однако резня, учиненная христианами в палестинских лагерях беженцев в Сабре и Шатиле 28 сентября, привела к возвращению сил уже на следующий день. Теперь их пребывание превратилось в миссию по присутствию [Benis 1987: 21–23]. В этом неопределенном состоянии военные находились на своих позициях до вывода 25 февраля 1984 г., толчком к которому послужил парный теракт 23 октября 1983 г. против американских и французских военных [Ильин 2023: 103–104]. Конгрессмены многократно на протяжении периода с сентября 1982 г. по февраль 1984 г. делали отсылки в своих выступлениях к печальному опыту Вьетнамской войны, опасаясь повторения этого сюжета. Теперь же их опасения сбылись: военные Соединенных Штатов бесславно покидали ливанскую землю, понеся крупнейшие со времен вьетнамской кампании потери [Румянцев, Ильин 2024: 68–69].

В обоих случаях – и в 1958 г., и в 1982–1984 гг. – Соединенные Штаты объясняли необходимость высадки десанта в Восточном Средиземноморье задачами, связанными с обеспечением национальной безопасности США. Интервенции осуществлялись под прикрытием защиты демократических ценностей, что усиливалось провозглашением региона, расположенного за тысячи километров от США – Ближнего Востока, – сферой американских национальных интересов [Румянцев 2017: 143].

² Congressional Record (CR). Washington DC, 1982. Vol. 128: Proceedings and Debates of the 97th Congress. Second Session. P. 13471.

³ Reagan R. Letter to the Speaker of the House and the President pro tempore of the senate on the deployment of the US forces in Beirut, Lebanon, 24 Aug 1982. *Public papers of the president of the US (US). Ronald Reagan. Book II. July 3 to December 31, 1982*. Washington: US GPO, 1983. P. 1078–1079.

Численность сил и вооружения

15 июля 1958 г. началась высадка американских морских пехотинцев в Ливане, а за последующий месяц военный контингент США в этой арабской стране был доведен до 20 тыс. человек. В составе первого появившегося в Ливане американского контингента было около 2 тыс. морских пехотинцев 6-го флота США. Министерство обороны настаивало на высадке десанта одновременно в районе Бейрута, Тира и Сайды, но Д. Эйзенхауэр, поддерживаемый Госдепартаментом, из опасений, что такая операция выглядела бы как вторжение, настоял на исключительно одном только бейрутском направлении [Little 2004: 246]. В отчетах военных среди задействованных подразделений помимо морских пехотинцев отмечены саперные, танковые, автомобильные, противотанковые, а также подразделения на амфибиях (транспорт, способный самостоятельно передвигаться как по земле, так и по воде) [Benis 1987: 166–172]. Среди вооружения особо стоит выделить пусковые установки для неуправляемых баллистических ракет «Онест Джон», способные нести ядерный заряд [Мильбах, Постников 2017: 4]. На этапе высадки существовала опасность раскола в ливанской армии и, как следствие, возможное сопротивление американским военным. Такую масштабную интервенцию можно обосновать стремлением обезопасить собственных военных. Расширение военного присутствия в дальнейшем имело скорее политическую задачу – необходимо было подтвердить серьезность намерений США на Ближнем Востоке по защите своих союзников после падения прозападного режима в Ираке летом 1958 г. [Румянцев 2009: 164]

В рамках участия США в миссии Многонациональных сил в Ливане в августе-сентябре 1982 г. были задействованы первоначально две усиленные роты морских пехотинцев – около 200 человек, а вместе с силами обеспечения (связисты, саперы и т.д.) численность не превышала 1800 человек при разрешенных 2000 военных [Benis 1987: 34]. Всего прикомандированными к этой миссии оказались два подразделения: 32-й и 34-й отряды морской пехоты с вертолетами, связистами, медиками и автомобилями. В материалах Ф. Бениса упоминаются и танки, но в рамках правового статуса они не могли принимать активного участия даже при отражении потенциальных нападений. Если в случае с первой

задачей по разоружению и сопровождению вывода ООП этих сил могло быть достаточно, то для последующего удержания позиций с целью демонстрации влияния США в Ливане неполные 2 тысячи военных в аэропорту столицы вряд ли подходили. Разъединять ливанские воинственные общинные милиции с частями израильских военных бойцы Многонациональных сил могли лишь собой, вставая на пути движения техники, как это произошло 20 января 1983 г. с американским капитаном, преградившим дорогу израильским танкам.

Правовой аспект действий США

Операция 1958 г. не была санкционирована ни Советом Безопасности ООН, ни любой другой международной организацией. Фактически она явилась интервенцией для поддержания прозападного режима в стране и опиралась на запрос президента К. Шамуна. Перед вводом войск руководству США необходимо было создать правовую базу этого процесса. «Доктрина Эйзенхауэра», которая на тот момент была основополагающим документом во взаимоотношениях Соединенных Штатов с ближневосточными странами, не могла быть использована в этом случае, поскольку угрозы Ливану со стороны международного коммунизма не просматривалось. Единственным подходящим поводом, позволявшим прибегнуть к резолюции конгресса от 9 марта 1957 г., оставалась поправка М. Мэнсфилда, которая провозглашала сохранение территориальной целостности и независимости стран Ближневосточного региона жизненным интересом США. Но и здесь нужны были доказательства угрозы дезинтеграции Ливана. Однако Соединенные Штаты не хотели создавать впечатление, что они остаются безучастными к ливанским событиям. В американской прессе вскоре появились сообщения о том, что отправка вооруженного контингента США на Ближний Восток может оказаться необходимой, если возникнет угроза целостности и независимости стран региона⁴.

В 1982–1984 гг. мандат Многонациональных сил возник на основе челночной дипломатии Ф. Хабиба. Какой-либо документ, регулировавший этот мандат, найти непросто. Все исследования в этой области при определении статуса военных содержат ссылки на интервью тех или иных политиков. Это также можно связать со срочностью обстоятельств,

⁴ The New York Times. 21 May 1958.

в которых создавались Многонациональные силы. Если общие рамки положения миротворцев были зафиксированы переговорами Ф. Хабиба, то более мелкие технические вопросы, вероятно, решались по ходу. В отличие от операции 1958 г., в начале 1980-х гг. над Р. Рейганом навис Закон о военных полномочиях 1973 г., принятый на фоне неспособности Конгресса повлиять на президента во время Вьетнамской войны. Согласно документу, закон закреплял право главы Белого дома на так называемую «президентскую кампанию» – возможность использования военных в течение 60 дней, лишь формально уведомляя Конгресс, без получения разрешения от последнего (п. 6 ст. 4)⁵. Также он предусматривал до 30 дней на вывод сил из-под огня, если Конгресс не пролонгировал пребывание военных на какой-либо срок (никаких рамок продления при этом установлено не было). При двух вводах сил США в Ливан в августе и сентябре 1982 г. Р. Рейган осознанно избежал упоминания этих положений, но в качестве опоры применил статус главнокомандующего. После нескольких нападений на военных США в августе 1983 г. Конгресс всё же был упомянут как участник этого политического процесса, но одновременно президент получил от законодателей 18-месячный срок продолжения пребывания. Однако меньше чем через месяц, 23 октября, после гибели более 240 бойцов Конгресс, еще недавно упомянутый лишь формально, получил инструмент влияния на президента.

Заключение

Сравнение двух американских десантных операций в Ливане в 1958 г. и 1982–1984 гг. позволяет выявить как совпадения условий их проведения, так и различия. Объединяло их, помимо одного и того же места реализации, то, что обе эти военные операции были призваны усилить американский контроль над процессами, происходившими в районе Восточного Средиземноморья и выраженными межрегиональным соперничеством в формате треугольника Сирия – Израиль – Иран. Необходимо отметить, что иранский фактор приобрел важное значение для ливанских событий лишь после Исламской революции 1979 г., и для высадки американских войск в Ливане в 1958 г. гораздо важнее были события в Ираке, в котором в июле 1958 г.

была свергнута монархия и установлена республика. Как опасались в Вашингтоне, иракская революция могла спровоцировать рост националистических настроений в Ливане и вызвать его «дрейф» в сторону сотрудничества с Г. А. Насером. Сближало обе десантные операции то, что их проведение имело немаловажное значение для внутривосточной ситуации в США. Республиканской администрации Д. Эйзенхауэра в преддверии выборов в Конгресс, контролировавшийся демократами, нужно было продемонстрировать способность Соединенных Штатов эффективно реагировать на внешнеполитические вызовы. У республиканца Р. Рейгана была несколько иная задача. Ему предстояло, преодолевая так называемый вьетнамский синдром, вернуть в арсенал внешнеполитических мер страны силовой компонент. Одновременно с этим заметим, что обе рассмотренные операции проводились при руководстве страной президентами-республиканцами. В период холодной войны президенты от Демократической партии не вовлекали американских военных в ближневосточные интервенции. Но вряд ли в этом удастся найти какую-либо причинно-следственную связь. Внимание другого республиканца, Р. Никсона, было приковано к событиям во Вьетнаме, и даже Война Судного дня не стала главным внешнеполитическим процессом при нем. В то же время демократ Дж. Картер прославился тем, что именно при его посредничестве были заключены Кэмп-Дэвидские соглашения 1978 г. По замыслу авторов, они должны были стать дипломатическим прорывом в деле примирения арабов и израильтян, но этого не произошло.

Различия ливанских операций, реализованных США с разницей примерно в 25 лет, заключаются в масштабах, последствиях и правовых аспектах. Несмотря на то что численность контингента американских войск в 1958 г. была значительно выше, чем четверть века спустя, Соединенным Штатам удалось избежать людских потерь. В отличие от операции 1958 г., администрация Р. Рейгана встретила со значительными потерями в составе морских пехотинцев. Возможно, причина заключалась в том, что Д. Эйзенхауэр был кадровым военным, командовавшим высадками американского десанта во время Второй мировой войны в Сицилии и Нормандии. Он знал, как свести к минимуму риск

⁵ War Powers Resolution. 93rd Congress (1973–1974). URL: <https://www.congress.gov/bills/93rd-congress/house-joint-resolution/542/text> (accessed 26 Jul 2024).

человеческих жертв. Армейский же опыт Р. Рейгана сводился к съемкам учебных фильмов для военно-воздушных сил США в годы войны. Зато у Р. Рейгана, в отличие от Д. Эйзенхауэра, была возможность избежать долгого согласования военной операции с Конгрессом, опираясь на Закон о военных полномочиях 1973 г., который давал ему право на применение силы в течение 60 дней без уведомления парламента.

Опыт проведения десантной операции в Ливане в 1982–1984 гг., основанный в свою очередь на практике отправки американских войск в эту же ближневосточную страну в 1958 г., был учтен при реализации США интервенционистских кампаний на Ближнем Востоке в конце XX – начале XXI в.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: В. П. Румянцев – концептуализация, редактирование. С. К. Ильин – сбор данных, анализ, написание текста.

Contribution: V. P. Rumyantsev developed the research concept and proofread the article. S. K. Ilyin provided data collection, performed the analysis, and wrote the manuscript.

Литература / References

- Гречев М. А. Колониальная политика США после второй мировой войны. М.: АН СССР, 1958. 383 с. [Grechev M. A. *US colonial policy after World War II*. Moscow: AN USSR, 1958, 383. (In Russ.)]
- Дзяхсорова Е. Т. Некоторые аспекты ливанского кризиса 1982 г. в контексте проблемы обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке. *Достижения вузовской науки*. 2016. № 20. С. 29–33. [Dzakhzorova E. T. Some aspects of the Lebanese crisis of 1982 in the context of the problem of ensuring regional security in the Middle East. *Dostizheniia vuzovskoi nauki*, 2016, (20): 29–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkhtgl>
- Ильин С. К. Влияние израильского лобби в американском Конгрессе на политику США и ввод Многонациональных сил в Ливан в августе 1982 г. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2024. № 89. С. 116–122. [Ilin S. K. The influence of the Israeli lobby in the American Congress on US policy and the entry of the Multinational force into Lebanon in August 1982. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2024, (89): 116–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/89/14>
- Ильин С. К. Дискуссия в Конгрессе США об участии американского контингента в Многонациональных силах в Ливане после теракта в Бейруте 23 октября 1983 г. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2023. № 85. С. 100–105. [Ilin S. K. The discussion in the US Congress on the participation of the American troops in the Multinational force in Lebanon after the terrorist attack in Beirut on October 23, 1983. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2023, (85): 100–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cqilgf>
- Ковальчук А. А. Роль Сирийской Арабской Республики в гражданской войне в Ливане (1976–1990 гг.). *Общество: философия, история, культура*. 2017. № 8. С. 128–134. [Kovalchuk A. A. The role of the Syrian Arab Republic in the Civil War in Lebanon (1976–1990). *Society: Philosophy, History, Culture*, 2017, (8): 128–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdrbot>
- Коньшев В. Н. Принятие решений о военных интервенциях: Отношения президента и конгресса США (1982–1991 гг.). СПб.: Вирд, 1999. 158 с. [Konyshev V. N. *Making decisions on military interventions: Relations between the President and the US Congress (1982–1991)*. St. Petersburg: Vird, 1999, 158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpvafz>
- Кременюк В. А. Политика США в развивающихся странах: проблемы конфликтных ситуаций. 1945–1976. М.: Междунар. отношения, 1977. 226 с. [Kremenyuk V. A. *US Policy in developing countries: Problems of conflict situations. 1945–1976*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1977, 226. (In Russ.)]
- Крысенко Д. С. Политика администрации Р. Рейгана в отношении проблемы ближневосточного урегулирования в контексте отношений с СССР. *Вестник Дагестанского государственного университета*. 2013. № 4. С. 21–25. [Krysenko D. S. Policy of the R. Reagan administration regarding the problem of Middle East settlement in the context of relations with the USSR. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (4): 21–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbagrx>

- Кузнецов А. А. Политический процесс в Ливане на рубеже XX–XXI веков. М., 2017. 224 с. [Kuznetsov A. A. *Political process in Lebanon at the turn of the XX–XXI centuries*. Moscow, 2017, 224. (In Russ.)]
- Лаврентьев А. К. США: силовая дипломатия в Азии. М.: Междунар. отношения, 1980. 270 с. [Lavrentiev A. K. *Power diplomacy in Asia*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1980, 270. (In Russ.)]
- Ланда Р. Г. История Ливана. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. 276 с. [Landa R. G. *History of Lebanon. XX century*. Moscow: IOS RAS, 2016, 276. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whcenz>
- Лосев С. А., Тысовский Ю. К. Ближневосточный кризис: нефть и политика (новые политико-экономические факторы и их влияние на расстановку сил в регионе). М.: Междунар. отношения, 1980. 256 с. [Losev S. A., Tysovskii Yu. K. *Middle East crisis: Oil and politics (new political and economic factors and their influence on the balance of power in the region)*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1980, 256. (In Russ.)]
- Мельников Ю. М. Имперская политика США: истоки и современность. М.: Междунар. отношения, 1984. 254 с. [Melnikov Yu. M. *US Imperial policy: Origins and modernity*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1984, 254. (In Russ.)]
- Мильбах В. С., Постников А. Г. От артиллерии особой мощности – к тяжелой реактивной. *Военно-исторический журнал*. 2017. № 9. С. 4–11. [Milbakh V. S., Postnikov A. G. From the artillery of special power to the heavy reactive one. *Voenno-Istoricheskii Zhurnal*, 2017, (9): 4–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zgqgkv>
- Румянцев В. П. Англо-американские переговоры по вопросам политики на Ближнем и Среднем Востоке (март-апрель 1957 г.). *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 331. С. 100–105. [Rumyantsev V. P. Anglo-American negotiations on problems of the Middle East policy (March–April 1957). *Tomsk State University Journal*, 2010, (331): 100–105. (In Russ.)]
- Румянцев В. П. Концепция фронта Ф. Дж. Тернера и внешняя политика США в XX–XXI вв. *Американский ежегодник*. 2017. № 2016. С. 129–144. [Rumyantsev V. P. F. J. Turner's frontier concept and US foreign policy in the 20th–21st centuries. *Amerikanskii ezhegodnik*, 2017, (2016): 129–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxxrin>
- Румянцев В. П. Политика США в связи с трансформацией Багдадского пакта и образованием блока СЕНТО (1958–1960 гг.). *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 323. С. 163–169. [Rumyantsev V. P. The policy of the United States in connection with transformation of the Baghdad pact and creation of the CENTO (1958–1960). *Tomsk State University Journal*, 2009, (323): 163–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lhqrpq>
- Румянцев В. П., Ильин С. К. США, «вьетнамский синдром» и дискуссии в американском Конгрессе по поводу военной операции в Ливане (1982–1984 гг.). *Известия Алтайского государственного университета*. 2024. № 5. С. 65–69. [Rumyantsev V. P., Ilin S. K. U.S., the "Vietnam syndrome", and American congressional debates regarding military operations in Lebanon (1982–1984). *Izvestiya of Altai State University*, 2024, (5): 65–69. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2024\)5-08](https://doi.org/10.14258/izvasu(2024)5-08)
- Савичева Е. В. Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране. *Историко-хронологическое исследование*. М.: РУДН, 2009. 374 с. [Savicheva E. V. Lebanon: History, politics, and current situation. *Historical and chronological study*. Moscow: RUDN, 2009, 374. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpnmhl>
- Столлицкий С. А. Ливан: бремя событий. М.: Мысль, 1990. 175 с. [Stoklitskiy S. A. *Lebanon: The burden of events*. Moscow: Mysl, 1990, 175. (In Russ.)]
- Хлебников П. Необъявленные войны США. М.: Мысль, 1984. 271 с. [Khlebnikov P. *Undeclared wars of the USA*. Moscow: Mysl, 1984, 271. (In Russ.)]
- Aoudé I. G. Conflict over oil and gas in the Mediterranean: Israeli expansionism in Lebanon. *Arab Studies Quarterly*, 2019, 41(1): 95–110. <https://doi.org/10.13169/arabstudquar.41.1.0095>
- Barnet R. J. *Intervention and revolution: The United States in the third world*. New York: A Meridian Book; New American Library, Inc., 1980, 351.
- Benis F. U. S. *Marines in Lebanon 1982–1984*. Washington: History and Museums Division Headquarters, U.S. Marine Corps, 1987, 210.
- Dallek R. *The American style of foreign policy: Cultural politics and foreign affairs*. New York – London: Oxford university press, 1983, 329.
- Kattan V. "The third world is a problem": Arguments about the laws of war in the United States after the fall of Saigon. *The Vietnam and Arab-Israeli conflicts in the history of international law*, eds. Cuddy B., Kattan V. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2023, 173–206.

- Little D. *American orientalism: The United States and the Middle East since 1945*. North Carolina: University of North Carolina Press, 2004, 417.
- Mulder C., Piliero R., Crouch M. *Honest brokers in the gray zone: Adapting the NSC for the twenty-first century*. Montgomery: Air University Press, 2023, 98.
- Ovendale R. Great Britain and the Anglo-American invasion of Jordan and Lebanon in 1958. *The International History Review*, 1994, 16(2): 284–303.
- Parreira C. FOUR local elections and service provision under Lebanon's postwar party cartel. *Decentralization, local governance, and inequality in the Middle East and North Africa*, eds. Kao K., Lust E. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2025, 119–148.
- Quandt W. *Decade of decisions: American policy toward the Arab-Israeli conflict, 1967–1976*. Berkeley: University of California Press, 1977, 313.

Указатель статей, изданных в 2025 г. в журнале «СибСкрипт»

	Стр.	№
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ		
Бармин В. А. Помощь народов Синьцзяна Советскому Союзу в его борьбе с агрессией нацистской Германии в 1941–1942 гг. и причины ее прекращения	1065	6
Белащенко Д. А., Шоджонов И. Ф., Гудкова Е. О. Политика Украины в Каспийском регионе в 1991–2024 гг.: от многовекторности к кризису	541	3
Белянин Д. Н. Служебные поездки архиереев Русской православной церкви по епархиям Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам епархиальных ведомостей)	375	3
Варфоломеев Ю. В. Проекты «анти-СССР» в эпоху холодной войны: стратегия и трансформация	1095	6
Голубева А. В. Формирование всесезонной инфраструктуры и летнего турпродукта в истории развития спортивно-туристского комплекса «Шерегеш»	1025	6
Евдокимова Т. В. Николай Эрастович Берзарин – первый советский комендант Берлина (к проблеме сохранения исторической памяти)	1075	6
Ерицян И. Н. Объединенный Совет трудовых коллективов Приднестровья: причины и предпосылки возникновения	1124	6
Жаронкина Е. А., Кровяков В. С. Создание и деятельность молодежных организаций в советской оккупационной зоне Германии (1945–1949 гг.)	477	3
Зиняков Н. М. Микроструктурное исследование чугунных изделий средневековых ремесленников городов Южного Казахстана и Жетысу	973	6
Иванов А. С. Советское коллекционирование в 1920-е – середине 1930-х гг.: проекты и реализация (на примере филателии)	420	3
Игумнова Л. О. Проблемы новой многополярности в современном внешнеполитическом дискурсе Европейского союза	552	3
Кабачков А. Н. Воображаемый советский город в дневниках школьников (1945–1953 гг.)	983	6
Ким О. В. Капитализм и ранний модерн на фоне Средневековья: обзор идейных направлений	489	3
Киричанов М. В. Идеологические направления развития галисийского национализма второй половины 1910-х – 1920-х гг. (по материалам газеты <i>A Nosa Terra</i>)	506	3
Конов А. А. Влияние Урало-Кузбасса на экономическую эффективность модернизации Свердловской железной дороги в 1956–1991 гг.	391	3
Лекаренко О. Г. Американская поддержка Евратома в контексте технологического противостояния США и СССР в 1950-е гг.	1104	6
Майоров Г. А. Влияние ядерного фактора на формирование военных доктрин СССР и США в период холодной войны	1112	6
Майоров Г. А. От радикализма к конформизму: траектория идейной трансформации КПРФ в постсоветский период (сравнительный анализ политического контекста 1990–2020-х гг.)	433	3
Мартыненко В. О. Происхождение и эволюция понятия <i>викинги</i> : этимологический, исторический и культурологический подходы	519	3
Миронов В. В. Два капитана: Б. Г. Лиддел Гард и М. Ховард и изучение Второй мировой войны в исторической науке Великобритании	1085	6

	Стр.	№
Подлесных С. Н. Материальное положение судейского корпуса Российской империи и причины, влиявшие на его развитие в 1801–1864 гг.	999	6
Потапова Н. В. Исторический опыт подготовки педагогов-историков в Сахалинском государственном университете (1949–2024 гг.)	449	3
Рагимова К. З. Влияние корпоративной вузовской идентичности на разрешение конфликтов в преподавательской среде российских императорских университетов (на примере Императорского Томского университета)	1015	6
Румянцев В. П., Ильин С. К. Интервенционализм как инструмент внешней политики США на Ближнем Востоке в период холодной войны (на примерах операций в Ливане в 1958 г. и 1982–1984 гг.)	1142	6
Федирко О. П., Дударенок С. М. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (Мормоны) на Дальнем Востоке России (1989–2004 гг.)	461	3
Филонова Е. А. Газета «Красная Шория» как источник по истории развития туризма в Горной Шории (1999–2010 гг.)	1042	6
Цымбалова А. Е., Сикираж В. В. Особенности возникновения первых ресурсных индексов: тенденции, подходы и перспективы для России	563	3
Черкашина Т. Н. Первые шаги лейбористского правительства К. Стармера: «перезагрузка» отношений с Европейским союзом	531	3
Чупин А. Г. Роль партийно-советского руководства в перестройке угольной промышленности Кузбасса 1941–1945 гг. (историографический аспект)	403	3
Шляхов М. Ю., Старикова Н. В. Особенности формирования отечественной исторической науки в первой четверти XVIII в. (на примере творчества князя Дмитрия Кантемира)	1053	6
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		
Давыдов С. Н. Трансформация творческой стратегии «человеческого документа» в зрелой лирике А. Штейгера	735	4
Кузнецов И. В. «Гордый человек» и мирные туземцы: поэма «Цыганы» – пушкинский анонс XIX века	119	1
Лебедева А. И. Функция ретардации в чиновнической драматургии XIX века	138	1
Любимцева-Наталуха Л. Н. Образ Пушкина в русской драматургии на отдельных этапах развития биографического мифа	760	4
Ненарокова М. Р. Традиция пересказов У. Шекспира для детей: особенности паратекста (на примере предисловий к сборникам)	772	4
Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Образ коня в лирике Таяны Тудегешевой: семантико-стилистический анализ (на материале сборника «Небесный полет девятиглазых стрел»)	748	4
Рудакова С. В. Экранизации «Евгения Онегина»: утрата или трансформация поэтического кода А. С. Пушкина?	128	1
ПСИХОЛОГИЯ		
Азарова Е. А., Вышквыркина М. А. Враждебность и факторы суицидального риска у подростков	824	5
Архипова А. П., Долганов Д. Н. Анализ компонентов эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста	852	5

	Стр.	№
Асютина О. Н., Бредун Е. В. Темпоральная опосредованность модальности ресурсов самоорганизации личности	267	2
Безносков Д. С. Социально-психологическая структура правовых отношений	216	2
Браун О. А., Аркузин М. Г. Взаимосвязь характеристик системы идентичности и уровня инфантилизма в юношеском возрасте	865	5
Булкина Н. А. Значение ситуативного контекста в представлениях о счастье в детском и пожилом возрасте	277	2
Гани С. В., Брель Е. Ю., Хайрова З. Р. Основные направления деятельности психологической службы в системе высшего образования: актуальное состояние и перспективы развития	332	2
Гуськова О. А., Приленский Б. Ю., Стоянова И. Я., Ярославская Е. И., Авдеева К. С., Петелина Т. И. Медико-психологические особенности проявлений дистресса у мужчин, перенесших COVID-19 с поражением легких	149	2
Защиринская О. В., Белимова П. А. Особенности альтернативной и дополнительной коммуникации в образовательном процессе школьников с нарушением интеллектуального развития	345	2
Иванов М. С. Отношение к безопасности как психологическое образование: понятие, структура, подход к измерению	783	5
Илич М., Зюзина Д. С., Михайличенко Т. Г., Щелкова О. Ю. Психологические особенности лиц с воспалительными заболеваниями кишечника: результаты сопоставления с нормативными данными	163	2
Кабрин В. И., Галажинский Э. В. Коммуникативная ноодинамика креативного потенциала личности	889	5
Капустина Т. В., Кадыров Р. В., Ильина И. С. Разработка и апробация опросника для диагностики типа привязанности к матери	228	2
Колесник Т. О., Брель Е. Ю. Личностная стрессоустойчивость как фактор эффективности обучения навыкам первой психологической помощи	931	5
Котельникова А. В., Еремушкина С. М., Киселева М. Г., Сыркин Л. Д. Образ собственного тела у пациентов со сколиозом как внешний критерий валидности методики SRS-22	905	5
Котельникова А. В., Тихонова А. С., Шалина О. С., Григорьева А. А. Выход на пенсию как фактор приверженности к лечению у пациентов с хронической болью в спине	181	2
Красноярцева О. М., Тетерина Е. С. Профессиональный выбор первокурсников: в призме когнитивных особенностей личности	947	5
Крылова Н. Н. Связь чувства безопасности и интеллектуальной оценки риска безопасности в информационной среде у студентов	801	5
Логинова И. О., Кудашова Е. А. Преодоление вынужденной дефицитарности в ситуации болезни пациентами с разной степенью устойчивости жизненного мира	191	2
Мещерякова Е. М. Специфика переживания биографических кризисов и кризиса идентичности при различных профилях временной перспективы личности в экстремальных условиях жизнедеятельности	290	2
Осетрова М. А., Серкин В. П. Феномен соприсутствия – синергетика консультирования / психотерапии	305	2

	Стр.	№
Скорова Л. В. Смысловое пространство представлений о маме у студенческой молодежи	916	5
Скрипкина Т. П., Кусакина Е. А. Профессионально-личностные качества специалистов-кинологов Росгвардии на различных этапах профессионализации	957	5
Солодухин А. В., Сидоркин Д. А. Применение цифровых технологий при проведении дистанционных педагогических и психокоррекционных мероприятий: основные итоги использования в условиях пандемии COVID-19	203	2
Стряпухина Ю. В., Посохова С. Т. Проблема созависимости в современных психологических исследованиях	247	2
Фризен М. А., Цуканова Л. В. Психологическая устойчивость педагогов общеобразовательных школ во взаимосвязи с их субъективной оценкой психологической безопасности образовательной среды (на примере Камчатского края)	813	5
Чернышова О. И. Телесные феномены: классический, неклассический и постнеклассический аспекты	315	2
Чугунов Д. Н., Негореева И. Г., Шкильнюк Г. Г., Рудель А. Е., Буткевич М. А., Гаврилов Ю. В. Особенности прямых и перекрестных оценок эмоциональных расстройств в супружеских парах	838	5
Юсупов П. Р. Взаимосвязь стилей юмора с социабельностью и характеристиками самоотношения студентов	877	5
Юсупов П. Р., Межина А. С. Страхи и тревоги студентов разного профиля обучения в контексте базисных убеждений и когнитивных искажений	362	2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
Алексеев А. В., Беляев А. В. Опыт создания лингвистического корпуса цифровых лексических единиц (на примере социально-политических протестных движений)	97	1
Богинская О. А., Качков Н. В. Влияние интеллектуального стиля на метадискурсивный выбор авторов научных статей	573	4
Бутакова Л. О. Трендовое исследование семантических и грамматических связей глаголов в ассоциативно-вербальной сети подростков (на примере глаголов <i>думать</i> , <i>вспоминать</i>)	644	4
Вдовиченко Е. А., Каменева В. А. Введение политической терминологии в новостные франкоязычные тексты, предназначенные для читателей детского и подросткового возраста	110	1
Гуц Е. Н. Методика анализа результатов трендового исследования: к постановке проблемы	656	4
Дегальцева А. В., Кормилицына М. А. Жанрово-стилистическое своеобразие выражения гражданской позиции журналиста в современной прессе	1	1
Дударева Я. А. Синонимия и копионимия текстов в аспекте категорий <i>тождество – сходство – различие</i>	73	1
Духнова М. А., Ерофеева Е. В., Обухова И. А. Семантические классы лексики сборника О. Мандельштама «Камень»	667	4
Евсеева И. В., Белоусова М. В. Речевая агрессия спортивных болельщиков как реакция на деструктивные журналистские тексты о фигурном катании	585	4
Иванов А. В. О чёрте и чёрточке: из истории письменных знаков	705	4
Иванова И. Б. Семная структура температурного прилагательного <i>тымныы</i> 'холодный' в якутском языке	609	4

	Стр.	№
Катышева В. А., Куницына Е. Ю. Термины-метафоры в составе строительной терминологии (на материале английского и русского языков)	21	1
Кравченко М. А. Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов	85	1
Лунина С. А. Эвфемизация концептуализированной области <i>смерть</i> в древнеанглийском языке	34	1
Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Антиутопическая картина мира в романе Дэйва Эггерса "The Every"	49	1
Мякишева О. В. Лингвоаксиологический взгляд на языковую ситуацию в современной России	681	4
Нагель О. В., Волкова М. В. Семантическая реконструкция заимствованного слова <i>парк</i> в русском языке	718	4
Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н. Актуализация интерпретационного потенциала имени собственного и имени нарицательного в дискурсивной деятельности адресата	596	4
Самкова М. А. Моделирование ассоциативно-вербального поля <i>мигрант</i> в языковом сознании носителей русского языка	59	1
Смотров М. Д. Оценка уязвимости национального языка от иноязычных заимствований: роль медийных параметров	693	4
Фаломкина И. П. Средства выражения отрицательной оценки в интернет-отзывах посетителей ресторанов	12	1
Фомин А. Г., Яницкий Б. Л. Поликодовый аспект русскоязычного магического заговора	621	4
Щеголев М. А. Кумулятивный эффект в культуре (на примере древнегерманской культуры)	631	4

Index of articles published in 2025 in the journal "SibScript"

	Pages	Issue
HISTORY & ARCHEOLOGY		
Barmin V. A. Xinjiang's Aid to the USSR during World War II in 1941–1942 and Why It Was Terminated	1065	6
Belashchenko D. A., Shodzhonov I. F., Gudkova E. O. Ukraine's Policy in the Caspian Region in 1991–2024: From Multi-Vector to Crisis	541	3
Belyanin D. N. Official Visits of Russian Orthodox Church Eparchs to Asian Russia's Dioceses Registered in Diocesan Bulletins in the Second Half of the XIX – early XX Centuries	375	3
Cherkashina T. N. Keir Starmer's Labor Government: Resetting the UK's Relations with the European Union	531	3
Chupin A. G. Soviet Party Authorities in Restructuring the Kuzbass Coal Industry in 1941–1945: Historiographic Aspect	403	3
Evdokimova T. V. Nikolai E. Berzarin, the First Soviet Commandant of Berlin: Preserving Historical Memory	1075	6
Fedirko O. P., Dudarenok S. M. Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints (Mormons) in the Russian Far East in 1989–2004	461	3
Filonova E. A. History of Tourism Development in Shoria Mountains (1999–2010): <i>The Krasnaya Shoria</i> Newspaper	1042	6
Golubeva A. V. Sheregesh Sports and Tourist Complex: Retrospective Analysis of Year-Round and Summer Tourism	1025	6
Igumnova L. O. New Multipolarity in Contemporary European Union's Foreign Policy Discourse	552	3
Ivanov A. S. Philately as a Popular Collecting Practice in Soviet Russia in 1922–1934	420	3
Kabatskov A. N. Imaginary Soviet City in High School Students' Diaries (1945–1953)	983	6
Kim O. V. Capitalism and Early Modernity in the Middle Ages: An Overview of Ideological Trends	489	3
Kirchanov M. V. Ideology of Galician Nationalism from mid-1910 through 1920s: <i>A Nosa Terra</i> Newspaper	506	3
Konov A. A. Ural-Kuzbass Region in the Economic Modernization of Sverdlovsk Railway in 1956–1991	391	3
Lekarenko O. G. American Support for Euratom in the Context of Technological Confrontation between the USA and the USSR in 1950s	1104	6
Martynenko V. O. Vikings as a Concept: Etymological, Historical, and Cultural Approaches to Origin and Evolution	519	3
Mayorov G. A. From Radicalism to Conformism: Post-Soviet Ideological Trajectory of Russian Communist Party in 1993–2022	433	3
Mayorov G. A. Nuclear Factor and Its Impact on Military Doctrines of the USSR and the USA during the Cold War	1112	6
Mironov V. V. Two Captains of British Historical Science: Basil Henry Liddell Hart and Michael Howard in World War II Studies	1085	6
Podlesnykh S. N. Financial Status of Judges in the Russian Empire: Progress and Factors in 1801–1864	999	6

	Pages	Issue
Potapova N. V. Training Teachers of History at Sakhalin State University: Historical Experience of 1949–2024	449	3
Ragimova K. Z. Effect of Corporate Academic Identity on Faculty Conflicts: Tomsk Imperial University	1015	6
Rumyantsev V. P., Ilin S. K. Interventionism as an Instrument of US Foreign Policy in the Middle East during the Cold War: Operations in Lebanon in 1958 and 1982–1984	1142	6
Shlyakhov M. Yu., Starikova N. V. Russian Historical Science in the First Quarter of the 18th Century: Prince Dimitrie Cantemir	1053	6
Tsybalova A. E., Sikirazh V. V. First Resource Indexes: Trends, Approaches, and Prospects for Russia	563	3
Varfolomeev Yu. V. Anti-USSR Projects during the Cold War: Strategy and Evolution	1095	6
Yeritsyan I. N. United Work Collective Council of Transnistria: Causes and Background	1124	6
Zharonkina E. A., Krovyakov V. S. Youth Organizations in the Soviet Occupation Zone in Germany, 1945–1949	477	3
Zinyakov N. M. Cast-Iron Items Made by Urban Artisans in Medieval Southern Kazakhstan and Jetisu: Microstructural Study	973	6
LINGUISTICS		
Alekseev A. V., Belyaev A. V. Linguistic Corpus of Digital Lexical Units Related to Socio-Political Protest Movements	97	1
Boginskaya O. A., Kachkov N. V. Shaping Academic Voice: Intellectual Style and Metadiscourse in Research Writing	573	4
Butakova L. O. Trend Study of Semantic and Grammatical Associative Networks of Verbs of Cognition in Russian Teenagers	644	4
Degaltseva A. V., Kormilitsyna M. A. Civic Position in Op-Eds: Genre and Stylistic Expression in Modern Media	1	1
Dudareva Ya. A. Textual Synonymy and Copyonymy from the Perspective of <i>Identity – Similarity – Difference</i>	73	1
Dukhnova M. A., Erofeeva E. V., Obukhova I. A. Semantic Classification of Vocabulary in Osip Mandelstam's Stone	667	4
Evseeva I. V., Belousova M. V. Verbal Aggression of Sports Fans as a Response to Provocative Journalistic Texts about Figure Skating	585	4
Falomkina I. P. Verbal Means of Negative Assessment in Online Restaurant Reviews	12	1
Fomin A. G., Ianitskii B. L. Polycoded Aspect of Russian Spoken Charms	621	4
Guts E. N. Methodology for Trend Research Analysis: Problem Statement	656	4
Ivanov A. V. <i>Cherta</i> (Dash) and <i>Chertochka</i> (Hyphen) in the History of Russian Writing	705	4
Ivanova I. B. Component Analysis of Temperature Adjective Tynny (Cold) in Yakut	609	4
Katysheva V. A., Kunitsyna E. Yu. Metaphorical Terms as Part of Construction Terminology in English and Russian	21	1

	Pages	Issue
Kravchenko M. A. Metalanguage Reflection in Fiction: From the Object of Reflection to the Typology of Reflexives	85	1
Lunina S. A. Euphemization of Death Conceptual Domain in Old English	34	1
Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. Anti-Utopian Outlook in <i>The Every</i> by Dave Eggers	49	1
Myaksheva O. V. Linguistic Situation in Modern Russia: Axiological Linguistics	681	4
Nagel O. V., Volkova M. V. Semantic Reconstruction of the Borrowed Word Park in the Russian Language	718	4
Pozdnyakova E. Yu., Shpilnaya N. N. Actualizing the Interpretative Potential of Proper and Common Nouns in Receptive Discourse	596	4
Samkova M. A. Associative-Verbal Field <i>Migrant</i> in the Russian Linguistic Consciousness	59	1
Schegolev M. A. Cumulative Effect in Culture: Old Germanic Culture	631	4
Smotrov M. D. Media Parameters in Assessing the Vulnerability of a National Language to Foreign Borrowings	693	4
Vdovichenko E. A., Kameneva V. A. Political Terminology in French-Language News Texts for Children and Teenagers	110	1
LITERARY STUDIES		
Davydov S. N. Human Document Strategy in Anatoly Shteiger's Later Lyrics	735	4
Kuznetsov I. V. "Proud Man" vs. "Peaceful Natives": Pushkin's <i>The Gypsies</i> as Anticipation of the XIX Century	119	1
Lebedeva A. I. Retardation in Nineteenth-Century Plays about Bureaucracy	138	1
Lubimtseva-Natalukha L. N. Evolution of Alexander Pushkin's Image in Russian Drama through the biographical myth	760	4
Nenarokova M. R. Prefaces to Collections of Shakespeare Retellings for Children as Paratext History	772	4
Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Equine Image in Tayana Tudegesheva's Collection of Verses <i>Sky Flight of Nine-Eyed Arrows</i> : Semantic and Stylistic Analysis	748	4
Rudakova S. V. Eugene Onegin Film Adaptations: The Loss or Transformation of Alexander Pushkin's Poetic Code?	128	1
PSYCHOLOGY		
Arkhipova A. P., Dolganov D. N. Emotional Intelligence Structure in Preschool Children	852	5
Asyutina O. N., Bredun E. V. Modality of Personal Self-Organization Resources: Temporal Mediation	267	2
Azarova E. A., Vyshkvyrkina M. A. Hostility and Suicidal Risk Factors in Teenagers	824	5
Beznosov D. S. Socio-Psychological Structure of Legal Relations	216	2
Braun O. A., Arkuzin M. G. Identity vs. Infantilism in University Students	865	5
Bulkina N. A. Concept of Happiness in Children and Older Adults: Situational Context	277	2
Chernyshova O. I. Physical Self-Image: Classical, Non-Classical, and Post-Non-Classical Aspects	315	2

	Pages	Issue
Chugunov D. N., Negoreeva I. G., Shkilnyuk G. G., Rudel A. E., Butkevich M. A., Gavrilov Yu. V. Direct and Cross-Sectional Assessments of Emotional Distress in Married Couples	838	5
Frizen M. A., Tsukanova L. V. Psychological Stability vs. Subjective Assessment of Psychological Safety in Secondary School Teachers (Kamchatka Peninsula)	813	5
Gani S. V., Brel E. Yu., Khayrova Z. R. Psychological Support in Higher Education: Major Activities, Status, and Prospects	332	2
Guskova O. A., Prilensky B. Yu., Stoyanova I. Ya., Yaroslavskaya E. I., Avdeeva K. S., Petelina T. I. Medical and Psychological Distress in Male COVID-19 Survivors with Lung Damage	149	2
Ilich M., Zyuzina D. S., Mikhaylichenko T. G., Shchelkova O. Yu. Psychological Profile of Patients with Inflammatory Bowel Diseases: Comparative Analysis with Standard Indicators	163	2
Ivanov M. S. Safety Attitude as a Psychological Entity: Concept, Structure, and Assessment	783	5
Kabrin V. I., Galazhinsky E. V. Communicative Noö-Dynamics of Personal Creative Potential	889	5
Kapustina T. V., Kadyrov R. V., Ilina I. S. New Diagnostic Interview of Mother-Child Attachment Patterns	228	2
Kolesnik T. O., Brel E. Yu. Personal Stress Resistance in Mental Health First Aid Training	931	5
Kotelnikova A. V., Eremushkina S. M., Kiseleva M. G., Syrkin L. D. Body-Image in Patients with Scoliosis as External Validity Criterion for SRS-22	905	5
Kotelnikova A. V., Tikhonova A. S., Shalina O. S., Grigorieva A. A. Retirement as a Factor of Treatment Adherence in Patients with Chronic Back Pain	181	2
Krasnoryadtseva O. M., Teterina E. S. Career Choice Issues in First-Year Students: Cognitive Profile.	947	5
Krylova N. N. Sense of Security vs. Information-Related Risk Assessment in University Students	801	5
Loginova I. O., Kudashova E. A. Coping with Disease-Related Deficiency in Patients with Various Degrees of Life-World Stability	191	2
Meshcheryakova E. M. Coping with Biographical and Identity Crises across Different Profiles of Personal Time Perspective in Extreme Living Conditions	290	2
Osetrova M. A., Serkin V. P. Phenomenon of Co-Presence: Synergy of Counseling and Psychotherapy	305	2
Skorova L. V. Semantics of Mother Image in University Students	916	5
Skripkina T. P., Kusakina E. A. Canine Trainers in Russian National Guard: Professional and Personal Qualities during Training	957	5
Solodukhin A. V., Sidorckin D. A. Digital Technologies in Distance Pedagogy and Psychocorrection during COVID-19 Pandemic	203	2
Stryapukhina Yu. V., Posokhova S. T. Codependency in Psychological Studies	247	2
Yusupov P. R. Humor Styles, Sociability, and Self-Esteem in University Students	877	5
Yusupov P. R., Mezhdina A. S. Fears and Anxieties in Students of Different Majors: World Assumptions and Dysfunctional Relationships	362	2
Zashchirinskaia O. V., Belimova P. A. Alternative and Augmentative Communication in Class for Children with Intellectual Disabilities	345	2

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 05.12.2025.

Дата выхода в свет 16.12.2025.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 22,55. Уч.-изд. л. – 18.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

